

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (27)
2019

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдигов**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Бурятия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2019

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2019

© Журнал «Поволжская археология», 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the National Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **V. L. Yanin** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **M. Sh. Galimova**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2019

© Mari State University, 2019

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аразова Р.Б. (Баку, Азербайджан), Скакун Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия)</i>	
Трасологический анализ орудий труда и выделение производств в хозяйстве раннеземледельческих поселений Азербайджана.....	8
<i>Королев А.И., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. (Самара, Россия)</i>	
Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013–2016 гг.)	18
<i>Васильева И.Н. (Самара, Россия)</i>	
О технологии изготовления керамики энеолитического могильника Екатериновский мыс	33
<i>Выборнов А.А. (Самара, Россия), Шипилов А.В. (Казань, Россия)</i>	
Неолитический комплекс VIa Балахчинской стоянки в Приустьевом Прикамье	47
<i>Хохлов А.А. (Самара, Россия), Китов Е.П. (Москва, Россия)</i>	
Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга позднего этапа эпохи бронзы.....	59
<i>Сотникова С.В. (Надым, Россия)</i>	
Воинские погребения эпохи поздней бронзы с наборами астрагалов: проблема интерпретации	72
<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия), Антипина Е.Е. (Москва, Россия), Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. (Казань, Россия)</i>	
Коллекции Археологического Музея Казанского (Приволжского) Федерального университета. Часть 2.....	84
<i>Вязов Л.А. (Казань, Россия), Мясников Н.С., Михайлов Е.П. (Чебоксары, Россия), Еришова Е.Г. (Москва, Россия), Блинников М.С. (Сент-Клауд, США), Пономаренко Е.В. (Оттава, Канада)</i>	
Большееалгашиинское городище в Нижнем Посурье.....	104
<i>Иванов В.А. (Уфа, Россия), Чичко Т.В. (Стерлитамак, Россия)</i>	
Статистико-типологический анализ керамики с поселений эпохи поздней бронзы в низовьях р. Белой (еще раз о проблеме генезиса ранней ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК)	121
<i>Черных Е.М. (Ижевск, Россия)</i>	
Предметы конского снаряжения из Зуевского могильника ананьинской культуры шнуровой керамики в Удмуртии.....	136
<i>Генинг В.Ф., Журавлева Г.Н. (Ижевск, Россия)</i>	
Классификация вещевого комплекса могильника Ныргында II: застежки и съемные украшения	150

<i>Қуфтерин В.В. (Москва, Россия), Воробьёва С.Л. (Уфа, Россия)</i>	
К палеодемографии пьяноборской культуры	164
<i>Сабилова Т.М. (Ижевск, Россия)</i>	
Состав металла фибул Среднего Прикамья (по материалам коллекции УдГУ)	180
<i>Набиуллин Н.Г. (Казань, Россия)</i>	
Памятники археологии г. Чистополь: проблемы изучения и сохранения	194

Хроника

<i>Бочаров С.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2018 году	208
<i>Канторович А.Р. (Москва, Россия)</i>	
Валентину Лаврентьевичу Янину – 90 лет!	229
<i>Мышкин В.Н. (Самара, Россия)</i>	
К юбилею Ризы Салиховича Багаутдинова	234
<i>Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (Казань, Россия)</i>	
Наилю Гатиатулловичу Набиуллину – 50 лет	239
Список сокращений	243
Правила для авторов	245

CONTENS

*Arazova R.B. (Baku, Azerbaijan),
Skakun N.N. (Saint-Petersburg, Russian Federation)*
Traceological Analysis of Tools and Identification Manufacturings in the Economy
of the Early Agricultural Settlements of Azerbaijan.....8

Korolev A.I., Stashenkov D.A., Kochkina A.F. (Samara, Russian Federation)
The Ceramics of Ekaterinovsky Cape Burial Ground
(according to the materials of excavations 2013–2016 years) 18

Vasilyeva I.N. (Samara, Russian Federation)
On the Technology of Making Ceramics of the Eneolithic Burial Ground
Ekaterinovsky Cape 33

*Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation),
Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation)*
Balakhchino VIa Site Neolithic Complex in the Kama Mouth Region.....47

*Khokhlov A.A. (Samara, Russian Federation),
Kitov E.P. (Moscow, Russian Federation)*
Origins of the Physical Appearance of the Sintashta Circle
of Cultures People of the Bronze Age: theoretical and practical aspects 59

Sotnikova S.V. (Nadym, Russian Federation)
Warrior Burials of the Later Bronze Age With Sets of Astragals: problem of
interpretation.....72

*Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation),
Antipina E.E. (Moscow, Russian Federation), Asylgaraeva G.Sh.,
Nuretdinova A.R. (Kazan, Russian Federation)*
Collections of the Archaeological Museum of
Kazan (Volga Region) Federal University. Part 2.....84

*Vyazov L.A. (Kazan, Russian Federation), Myasnikov N.S.,
Mikhailov E.P. (Cheboksary, Russian Federation),
Ershova E.G. (Moscow, Russian Federation), Blinnikov M.S. (St. Cloud, USA),
Ponomarenko E.V. (Ottawa, Canada)*
Bolshie Algashi Hillfort in the Lower Sura Region.....104

*Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation),
Chichko T.V. (Sterlitamak, Russian Federation)*
Statistical and Typological Analysis of Pottery from the Settlements
of the Late Bronze Age in the Lower Reaches of the Belaya River
(once again about the problem of the genesis early
Ananino Culture of Corded Ceramics – ACCC).....121

Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation)
Items of Horse Equipment From Zuevsky Burial Ground
of Ananyino Culture of Cord Ceramics in Udmurtia.....136

<u>Gening V.F.</u> , Zhuravleva G.N. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Classification of the Burial Complex of Burial Ground Ngyrynda II: clasps and removable decorations.....	150
<i>Kufterin V.V. (Moscow, Russian Federation), Vorobyova S.L. (Ufa, Russian Federation)</i> On the Paleodemography of Pyany Bor Culture.....	164
<i>Sabirova T.M. (Izhevsk, Russian Federation)</i> Composition of Metal Fibulae from the Middle Kama Region (based on the materials of the Udmurt State University collection).....	180
<i>Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation)</i> Archaeological Sites of Chistopol: issues of studying and preservation	194

Chronicle

<i>Bocharov S.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> On the Main Results of Scientific Activity Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2018	208
<i>Kantorovich A.R. (Moscow, Russian Federation)</i> 90 th Anniversary of Valentin Lavrentievich Yanin	229
<i>Myshkin V.N. (Samara, Russian Federation)</i> To the Anniversary of Riza Salikhovich Bagautdinov.....	234
<i>Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation)</i> 50 th Anniversary of Nail Gatiatulloevich Nabiullin.....	239
List of Abbreviations.	243
Submissions.	245

УДК 903.01/09; 903.4; 903 13

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.8.17>

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРУДИЙ ТРУДА И ВЫДЕЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВ В ХОЗЯЙСТВЕ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА¹

© 2019 г. Р.Б. Аразова, Н.Н. Скакун

Данная статья посвящена трасологическому изучению орудий труда, занятых в сфере домашних производств хозяйства ранних земледельцев Азербайджана (VI–IV тыс. до н.э.). В ходе исследования выяснилось, что в традиционных производствах этого времени (изготовлении орудий труда и предметов бытового назначения, украшений, обработке дерева, шкур, выделки кож) происходит совершенствование технологических приемов, появляются новые орудия труда. Дифференциации орудий, а также возникновение новых видов производств: ткачества, гончарства свидетельствуют о прогрессивном развитии хозяйства этого времени.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, раннеземледельческие поселения, орудия труда, трасологический анализ, домашние производства, обработка шкур (кожевное дело), обработка дерева и кости, качество.

В VI–IV тыс. до н. э. на территории Южного Кавказа сформировались культуры с оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством (Мунчаев, 1975, с. 13–148, 1982, с. 100–131; Кушнарева, Чубинишвили, 1970; Нариманов, 1987; Раннеземледельческие культуры Кавказа. Международная научная конференция, 2012). Трасологические исследования производственного инвентаря раннеземледельческих памятников свидетельствуют о высоком уровне развития не только основных пищедобывающих отраслей производящего хозяйства – земледелия и скотоводства, но и интенсивном развитии различных производств, связанных с обеспечением бытовых потребностей населения (Коробкова, 1987, с. 119–150; Аразова, 1986, с. 46–102, 2003, с. 58–65). В настоящее

время с помощью трасологического анализа изучены функции более тысячи каменных и костяных орудий труда из поселений Шомутепе, Гаргалартепеси, Баба-Дервиш, Аликемектепе (рис. 1). Среди них были выделены многочисленные инструменты из обсидиана, кремня, рога, кости, связанные с обработкой различных видов сырья, изготовлением орудий труда, бытовых предметов и украшений.

В производственном инвентаре большинства поселений наиболее многочисленной и разнообразной является группа орудий, использовавшихся в обработке дерева, рога и кости (рис. 2, 4). Среди них различные скобели, пилки, долотовидные орудия, строгальные ножи, резцы. Их основное число выделено из типологической группы пластин с ретушью

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184-2018-0006 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов».

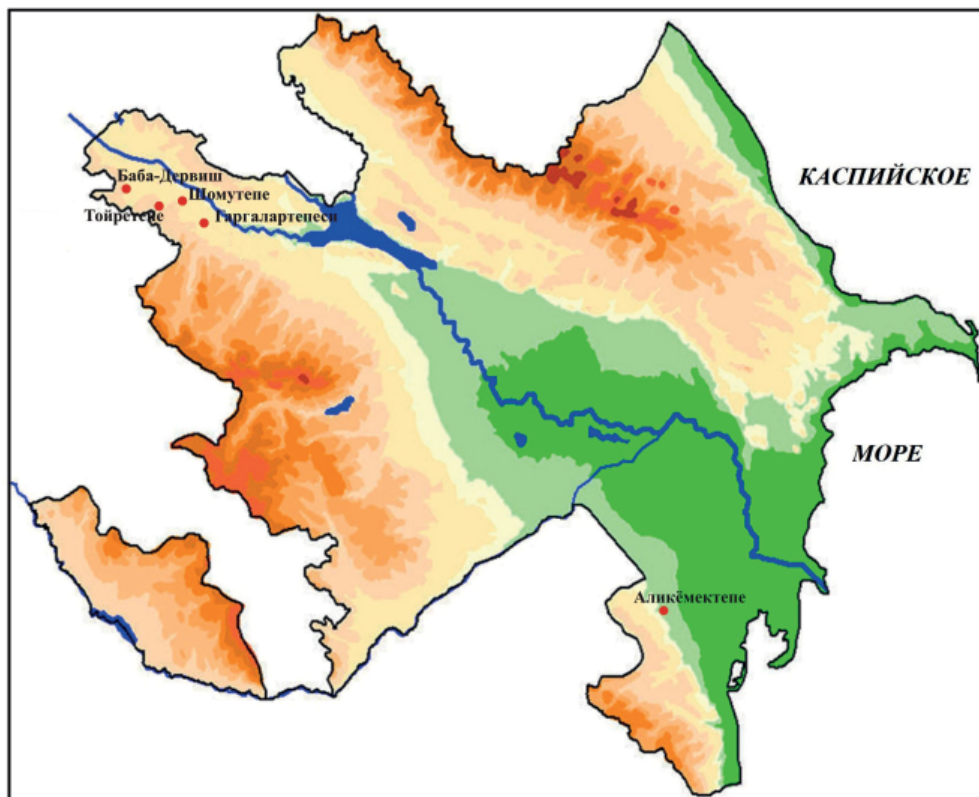

Рис. 1. Карта месторасположения памятников на территории Азербайджана (VI–IV тыс. до н.э.), упоминаемых в статье.

Fig. 1. Map of the location of sites in the territory of Azerbaijan (6th–4th millennium BC), mentioned in the paper.

утилизации, встречаются вторично использованные и комбинированные инструменты. Большинство орудий характеризуется сильной выкрошенностью рабочих лезвий, их вогнутостью, образовавшихся при обработке твердого сырья и предметов из него округлой формы. У большинства долотовидных орудий, ввиду интенсивного использования, рабочие части затуплены или сломаны. Функциональное разнообразие инструментов, занятых в обработке дерева, кости, рога, показывает, что эти производства включали следующие операции: подтеску, скобление, пиление, резание, долбление, строгание и др. С их помощью изготавливались деревян-

ные и костяные рукояти для серпов, роговые и костяные мотыги, землекопалки, лопаты, ложила, шилья, скребки – струги, различные предметы домашней утвари, что подтверждается находками этих изделий на поселениях Шомутепе, Тойретепе, Гяйтепе (Нариманов, 1971, рис. 5, 6; Аразова, 1992, с. 8–13).

Значительное число разнообразных орудий применялись в кожеобработывающем производстве (рис. 3, 5). Убедительным доказательством этому служат скребковые инструменты, среди которых выделяются скребки с концевым и боковыми лезвиями, различные комбинированные орудия: скребки-резцы, скребки-проколки.

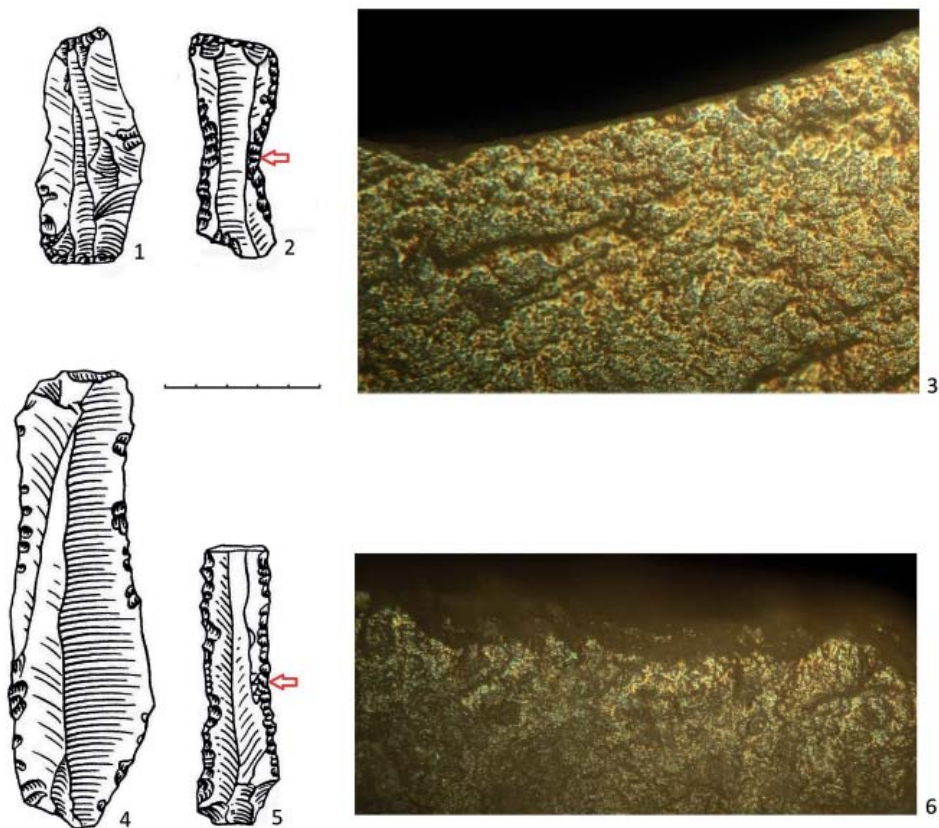

Рис. 2. Орудия труда деревообрабатывающего и костообрабатывающего производств: 1 – стамеска по дереву; 2 – строгальный нож по дереву; 3 – микрофото ($\times 200$) следов износа на строгальном ноже по дереву; 4 – пила по кости; 5 – скобель по кости; 6 – микрофото ($\times 200$) следов износа на скобеле по кости.

Fig. 2. Tools of woodworking and bone-processing: 1 – chisel for a wood; 2 – planing knife for a wood; 3 – microphoto ($\times 200$) traces of wear on the planing knife for a wood; 4 – saw for a bone; 5 – scraper on a bone; 6 – microphoto ($\times 200$) traces of wear on the scraper on a bone.

Многообразие видов кожеобрабатывающих инструментов и экспериментальные данные указывают на их употребление в разных операциях кожеобработки (Скакун, Плиссон, 2014). Грубая первичная работа по очистке шкур от мездры, жира и т. д. производилась с помощью боковых скребков, которые обладали широким рабочим лезвием и охватывали большую площадь обрабатываемой шкуры, для пушения бахтармы, обработки неровных участков применялись концевые

или концево-боковые скребки (рис. 3: 1–4, 7–9). Для мелких доделок использовались микроорудия. Среди группы скребков выделяются костяные скребки, которые встречаются в материалах Аликемектепе (рис. 5: 13–14). Они напоминают джейтунские орудия на лопатках животных (Коробкова, 1969). Их крупные по размерам лезвия позволяли обрабатывать большие шкуры, затрачивая для этого меньше времени. Как показывают эксперименты, такие орудия имеют самую высо-

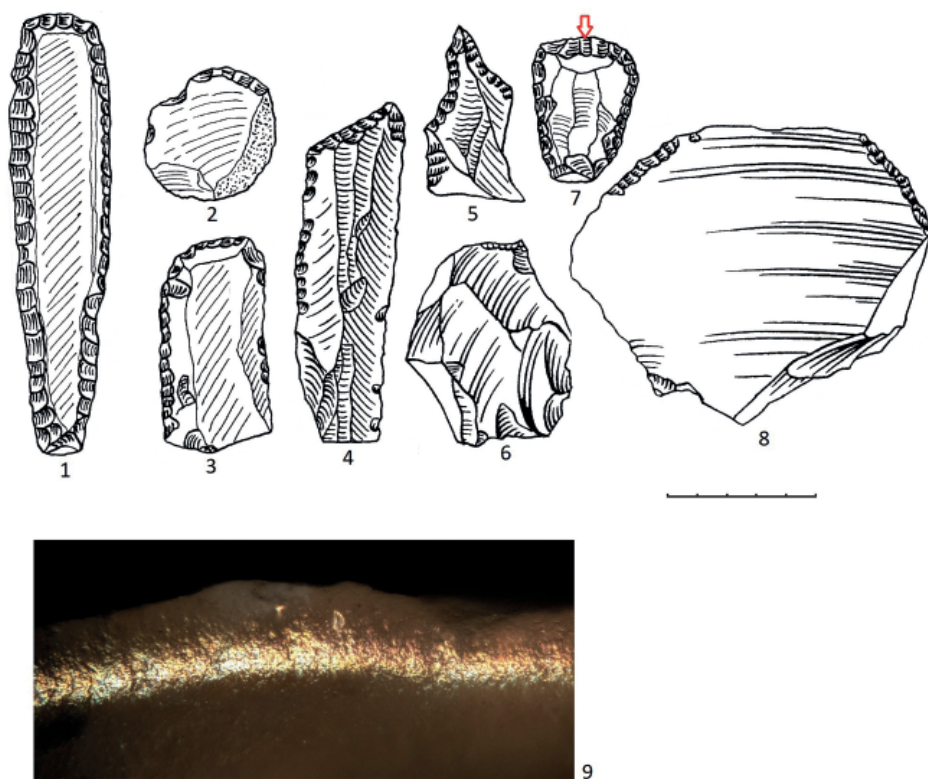

Рис. 3. Орудия труда кожеобрабатывающего производства:
1–4, 7–8 – скребки по шкурам; 5–6 – проколки по шкурам;
9 – микрофото ($\times 200$) следов износа на скребке по шкуре.

Fig. 3. Tools for skin working: 1–4, 7–8 – hide scrapers;
5–6 – perforators for the hides;
9 – microphoto ($\times 200$) traces of wear on the hide scraper.

кую производительность и лишь в 1,1–1,2 раза уступают металлическим скребкам (Семенов, Коробкова, 1983, с. 187). Другими орудиями, занятыми в кожеобработке, являются стамески из трубчатых костей с желобчатым лезвием и ложила из расщепленных ребер и трубчатых костей (рис. 5: 11). Последние использовались для окончательного выглаживания обработанных шкур и кож. Микроанализом выделены орудия, занятые в изготовлении одежды и различных бытовых изделий. Это проколки разных видов (рис. 3: 5–6), но особенно оригиналь-

ны обсидиановые орудия с очень тонким миниатюрным жальцем или длинным стержневидным острием. Выявлены и комбинированные орудия с двумя функциями – проколка-скребок, проколка-нож. Такими орудиями одновременно можно было очищать, раскраивать шкуры, проделывать в них отверстия. При кройке шкур использовали определенные виды резцов с тонким и хрупким рабочим концом, которым можно было работать только по мягкому материалу (рис. 4: 5) (Эсакия и др., 2016). Обычными находками для раннеземледельческих

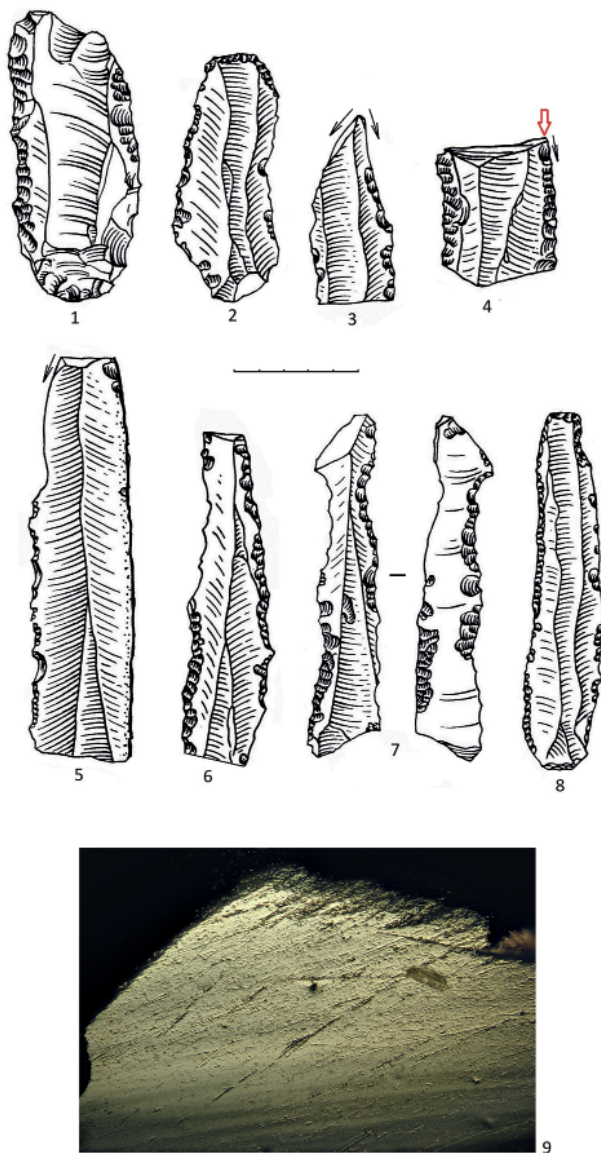

Рис. 4. Комбинированные орудия труда: 1 – скобель для кости на ноже для мяса; 2 – скобель для дерева на вкладыше серпа; 3 – резец для дерева на вкладыше серпа; 4 – резец-строгальный нож по дереву на вкладыше серпа (обсидиан); 5 – резец по шкуре на вкладыше серпа; 6 – развертка по дереву на строгальном ноже по дереву; 7 – ретушер по кремню на строгальном ноже по кости; 8 – сверло по кости на пилке по кости; 9 – микрофото ($\times 200$) следов износа резца по дереву на вкладыше серпа (обсидиан).

Fig. 4. Combined tools: 1 – scraper for bone on the knife for meat; 2 – scraper for wood on the insert of sickle; 3 – burin for wood on the insert of sickle; 4 – burin-planing knife for wood on the insert of sickle (obsidian); 5 – the burin for hide on the insert of sickle; 6 – broach for a wood on the planing knife for wood; 7 – retoucher for flint on planing knife for bone; 8 – drill for bone on the saw for bone; 9 – microphoto ($\times 200$) traces of wear of the wood burin on the insert of sickle (obsidian).

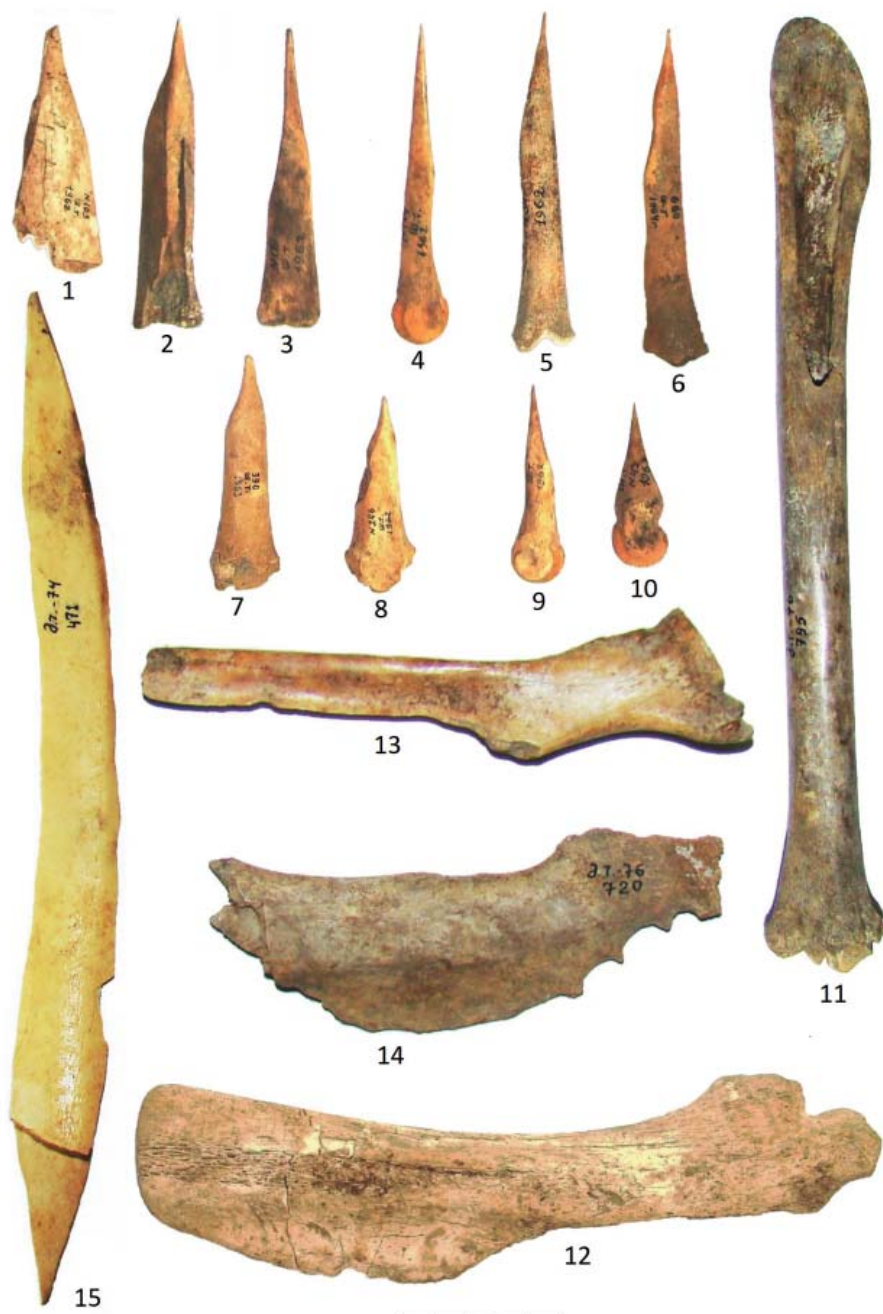

Рис. 5. Орудия труда из кости: 1–10 – шилья для шкур (Шомутепе); 11 – лоцило для керамики (Шомутепе); 12 – шпатель для керамики (Шомутепе); 13–14 – скребки для шкур (Аликемектепе); 15 – челнок (Аликемектепе).

Fig. 5. Tools made from the bone: 1–10 – awls for the hides (Shomutepe); 11 – polisher for the pottery (Shomutepe); 12 – spatula for the pottery (Shomutepe); 13–14 – scrapers for the hides (Alikemektepe); 15 – shuttle (Alikemektepe).

поселений являются шилья миниатюрных и крупных размеров (рис. 5: 1–10). Для их изготовления использовались продольные части трубчатых костей. Их острия сильно залощены от длительного использования. Выделяются шилья с массивным округлым концом, реже с двумя противоположащими остриями. Такие орудия выполняли функцию разверток и использовались для расширения проделанных отверстий.

Сверла, развертки, пилки применялись не только для изготовления бытовых изделий, но и при создании украшений и культовых предметов из кости и камня. Обнаруженные на памятниках различные каменные и костяные подвески, бусы, «ожерелья» из морских раковин с тщательно просверленными отверстиями, костяные фигурки – амулеты показывают, что древним мастерам были хорошо известны такие операции, как пиление, резание, строгание, сверление, шлифовка и полировка. Обращают на себя внимание пилки – обсидиановые пластины с хорошо выраженным зубчатым краем, служившие для распиливания кости. На некоторых поделках проделанные отверстия имеют правильные очертания, что указывает на лучковый способ сверления. Сверла применялись и при починке разбитой посуды, о чем свидетельствуют сосуды с тщательно просверленными сквозными отверстиями.

Глиняные пряслица и костяные челноки, отпечатки ткани на стенках керамических сосудов указывают на существование прядения и ткачества. Челноки, обнаруженные в материалах Аликемектепе, представлены фрагментарно (рис. 5: 15). Еще одна интересная функциональная группа орудий выделена среди изделий этого

памятника – костяные шпатели, внешне напоминающие ложила (рис. 5: 12). Встречаются также комбинированные орудия: шпатели-ложилы и шпатели-ножи. Все они использовались для выравнивания и выглаживания поверхности стенок глиняных сосудов. Эти орудия, гончарные печи, обнаруженные на поселениях, а также многочисленные образцы глиняной посуды свидетельствуют о высокоразвитом керамическом производстве.

Одним из важнейших производств древних земледельцев Азербайджана являлось изготовление орудий труда. Наличие на памятниках специальных «мастерских», где обнаружены различные отходы расщепления обсидиана и кремня, нуклеусы, отбойники, ретушеры, заготовки и морфологически оформленные орудия без следов использования представляют несомненное доказательство местного изготовления орудий.

Благодаря исследованиям массового производственного инвентаря раннеземледельческих памятников Азербайджана были определены функции многочисленных орудий труда, выявлена их специфика, осуществлена их привязка к конкретным производствам: обработке дерева, кости, рога, шкур и кож, изготовлению орудий труда и керамики. Полученные данные показывают, что рассмотренные производства в системе земледельческо-скотоводческого хозяйства являлись основой жизнеобеспечения древнего населения.

Аналогичный перечень производств был выделен на одновременных земледельческо-скотоводческих памятниках Грузии (Эсакия, 1984; Эсакия, Скакун, Терехина, 2017).

Таким образом, проведенные исследования с применением трасоло-

гического метода при изучении массовых коллекций древних орудий труда открывают большие возможности для получения многоплановой информации для реконструкции особенностей древнего хозяйства (Коробкова, 1987; Аразова, 1986; Эсакия, 1984; Скакун, 2006; Скакун, Матева, Димов, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аразова Р.Б. Каменные орудия труда ранних земледельческо-скотоводческих племен западного Азербайджана. Баку: Элм, 1986. 162 с.
2. Аразова Р.Б. Трасологическое изучение костяных орудий труда раннеземледельческого поселения Аликемектепеси // Проблемы древней и средневековой истории Азербайджана (К 850-летию Низами). Баку: Элм, 1992. С. 8–13.
3. Аразова Р.Б. Трасологические разработки Г.Ф. Коробковой по материалам Кавказа и изучение раннеземледельческих комплексов Азербайджана // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 58–65.
4. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии / МИА. № 158. Л.: Наука, 1969. 216 с.
5. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. 318 с.
6. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). Л.: Наука, 1970. 191 с.
7. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.
8. Мунчаев Р.М. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР / Отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. С. 100–131. (Археология СССР).
9. Нариманов И.Г. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане // СА. 1971. № 3. С. 3–14.
10. Нариманов И.Г. Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тыс. до н.э.). Баку: Элм, 1987. 260 с.
11. Раннеземледельческие культуры Кавказа: материалы Международной научной конференции (Баку, 2011, 3–6 ноября) / Под. ред. М.Н. Рагимовой. Баку, 2012. 263 с.
12. Семёнов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Мезолит – энеолит. Л.: Наука, 1983. 255 с.
13. Скакун Н.Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна) / Труды ИИМК РАН. Т. XXI. СПб.: Нестор-История, 2006. 224 с.
14. Скакун Н.Н., Матева Б., Димов Т. Результаты исследования производственного инвентаря позднеэнеолитического поселения Дуранкулак-Блатница // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 83–103.
15. Эсакия К.М. Производства древних земледельческо-скотоводческих обществ восточной Грузии (по данным экспериментально-трасологических исследований орудий труда). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 23 с.
16. Эсакия К.М., Скакун Н.Н., Терехина В.В. Скрепки из поселения Арухло I, Грузия (к вопросу о соответствии формы и функций древних орудий) // Поволжская археология. 2017. № 3(21). С. 89–97.

Информация об авторах:

Аразова Роза Буниятовна, кандидат исторических наук, руководитель Департамента древней истории и археологии, Университет Хазар (г. Баку, Азербайджан); garazova@khazar.org

Скакун Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); skakunnatalia@yandex.ru

TRACEOLOGICAL ANALYSIS OF TOOLS AND IDENTIFICATION MANUFACTURINGS IN THE ECONOMY OF THE EARLY AGRICULTURAL SETTLEMENTS OF AZERBAIJAN

R.B. Arazova, N.N. Skakun

The results of traceological study of the tools used in the domestic production of early farmers of Azerbaijan (6th–4th millennium BC) are represented in the paper. The functions of stone and bone/antler tools from the settlements of Alikemek, Shomutepe et al. were identified. In the course of the study, it was found that in the traditional industries (the manufacture of tools and household items, jewelry, wood, hides and leather treatment), technological improvements were made, and new tools emerged. The differentiation of tools, as well as the appearance of new types of production: weaving, pottery, indicate the progressive development of the economy of this time. The authors conclude that production spectrum which has been revealed in the system of agricultural and cattle breeding economy, was the basis of life support of Azerbaijan ancient population.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, early agricultural settlements, tools, traceological analysis, domestic production, processing of hides, processing of wood and bones, weaving.

REFERENCES

1. Arazova, R. B. 1986. *Kamennye orudiia truda rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh plemen zapadnogo Azerbaidzhana (Stone Implements of the Early Agricultural and Pastoral Tribes of Western Azerbaijan)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).
2. Arazova, R. B. 1992. In *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Azerbaidzhana (K 850-letiiu Nizami) (Issues of the Ancient and Medieval History of Azerbaijan (on the 850th Anniversary of Nizami))*. Baku: "Elm" Publ., 8–13 (in Russian).
3. Arazova, R. B. 2003. In Masson, V.M. (ed.). *Peterburgskaia trasologicheskaja shkola i izuchenie drevnikh kul'tur Evrazii: V chest' iubileia G.F. Korobkovo (Saint Petersburg School of Traceology and the Study of Ancient Cultures of Eurasia: In honor of the Anniversary of G.F. Korobkova)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 58–65 (in Russian).
4. Korobkova, G. F. 1969. In *Orudiia truda i khoziaistvo neoliticheskikh plemen Srednei Azii (The tools and the economy of the Neolithic tribes of Central Asia)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 158. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Korobkova, G. F. 1987. *Khoziaistvennye komplekсы rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv iuga SSSR (Economic Complexes of Early agricultural and Cattle Breeding Societies in the Southern USSR)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Kushnareva, K. Kh., Chubinishvili, T. N. 1970. *Drevnie kul'tury Iuzhnogo Kavkaza (V–III tys. do n. e.) (Ancient Cultures of the Southern Caucasus (5th– 3rd Millennia B.C.))*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Munchaev, R. M. 1982. In Masson, V. M., Merpert, N. Ya. (eds.). *Eneolit SSSR (Eneolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 100–131 (in Russian).
9. Narimanov, I. G. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 3–14 (in Russian).
10. Narimanov, I. G. 1987. *Kul'tura drevnego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniia Azerbaidzhana (epokha eneolita VI–IV tys. do. n.e.) (The culture of the ancient agricultural and*

The research was carried out within the framework of the program of fundamental scientific research of state academies of sciences on the topic of state work: No. 0184-2018-0006 "Production and use of tools in the Paleolithic, Neolithic and Bronze Age (technological, traceological and experimental study of archaeological materials".

cattle breeding population of Azerbaijan (Chalcolithic Age 6th–4th millennia BC)). Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

11. In Ragimova, M. N. (ed.). 2012. *Rannezemledel'cheskie kul'tury Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Early agricultural cultures in Caucasus: Proceedings of International scientific conference)*. Baku (in Russian).

12. Semenov, S.A., Korobkova, G.F. 1983. *Tekhnologiya drevnejshikh proizvodstv. Mezolit – eneolit. (Ancient Manufacturing Technology. Mesolithic – Eneolithic)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

13. Skakun, N. N. 2006. *Orudiia truda i khoziaistvo drevnezemledel'cheskikh plemen Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu eneolita (po materialam kul'tury Varna) (Tools and Economy of the Ancient Farming Tribes of South-Eastern Europe in the Eneolithic (with Particular Reference to the Materials of the Varna Culture))*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences XXI. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ. (in Russian).

14. Skakun, N. N., Mateva, B., Dimov, T. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 83–102 (in Russian).

15. Esakia, K. M. 1984. *Proizvodstva drevnikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv vostochnoi Gruzii (po dannym eksperimentalno-trasologicheskikh issledovani orudii truda) (Production Facilities of Ancient Agricultural and Cattle Breeding Societies of Eastern Georgia (on the Basis of Experimental and Trasology Studies of Implements))*. PhD. Thesis. Leningrad (in Russian).

16. Esakiya, K.M., Skakun, N.N., Terekhina, V.V. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 3(21), 89–97 (in Russian).

About the Authors:

Arazova Rosa B. Candidate of Historical Sciences, Ass. Professor, Khazar University. Mehseti Str., 41, Baku, AZ1096, Azerbaijan; rarazova@khazar.org

Skakun Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; skakunnatalia@yandex.ru

Статья поступила в номер 25.01.2019 г.

УДК 903.02; 904; 903,5

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.18.32>

КЕРАМИКА ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013-2016 ГГ.)¹

© 2019 г. А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков

Впервые публикуется керамика грунтового могильника раннего энеолита Екатериновский мыс. Керамика преимущественно располагалась на жертвенных площадках в виде компактных скоплений фрагментов. Как правило, такие скопления располагались выше погребений, некоторые были посыпаны охрой. Авторами выделено более 70 сосудов, некоторые из которых удалось частично реконструировать. Керамика была изготовлена из теста с примесью дробленой раковины, имела воротничковые утолщения венчиков и округлые днища. Орнамент располагается на венчиках и верхней части тулова. Полностью украшенные сосуды единичны. Сосуды орнаментированы оттисками гребенчатых и веревочных штампов, мелких ямок. Особенностью орнаментации керамики является наличие оттисков мягких (кожаных?) штампов или следов кожаных форм-основ для изготовления сосудов. Орнамент, составленный «шагающей гребенкой» и прореченными линиями, единичен, также единичны пояски ямок под венчиком. Авторы полагают, что рассмотренная керамика близка материалам могильника у с. Съезжее и материалам второго этапа самарской культуры. Некоторые признаки сближают ее с керамикой хвалынской культуры. Таким образом, керамика могильника Екатериновский мыс может быть отнесена к самарской культуре. По мнению авторов, изученный керамический комплекс хронологически занимает более позднее положение, чем керамика могильника у с. Съезжее, и более раннее, чем керамика ивановского этапа самарской культуры и керамика хвалынской культуры.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, ранний энеолит, воротничковая керамика, самарская культура, хвалынская культура, жертвенные площадки.

Исследования, проведенные на грунтовом могильнике Екатериновский мыс в Безенчукском районе Самарской области в 2013–2016 гг., позволили получить представительную коллекцию керамики, включающую, кроме воротничковой посуды раннего энеолита, круговую керамику, связанную со слоем русского села, и лепную керамику поздней бронзы из селища этой эпохи, которое перекрывает могильник. Энеолитическая керамика памятника, за исключением одного сосуда (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 515, рис.1: 14), остается не опубликованной, что определяет актуальность данной работы. Керами-

ка эпохи энеолита была распределена на площади раскопа неравномерно. Основное ее количество происходит из скоплений фрагментов сосудов, расположенных на жертвенных площадках на глубине 50–80 см от поверхности. За пределами площадок керамика располагалась преимущественно отдельными фрагментами. Отдельные фрагменты встречались в засыпи погребений, а в некоторых погребениях, как в п. 33, крупные части сосудов были выявлены на уровне костей.

Скопления керамики были связаны с основанием слоя темно-серого и верхним уровнем слоя серо-ко-

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ №17-11-63007 – ОГН\18.

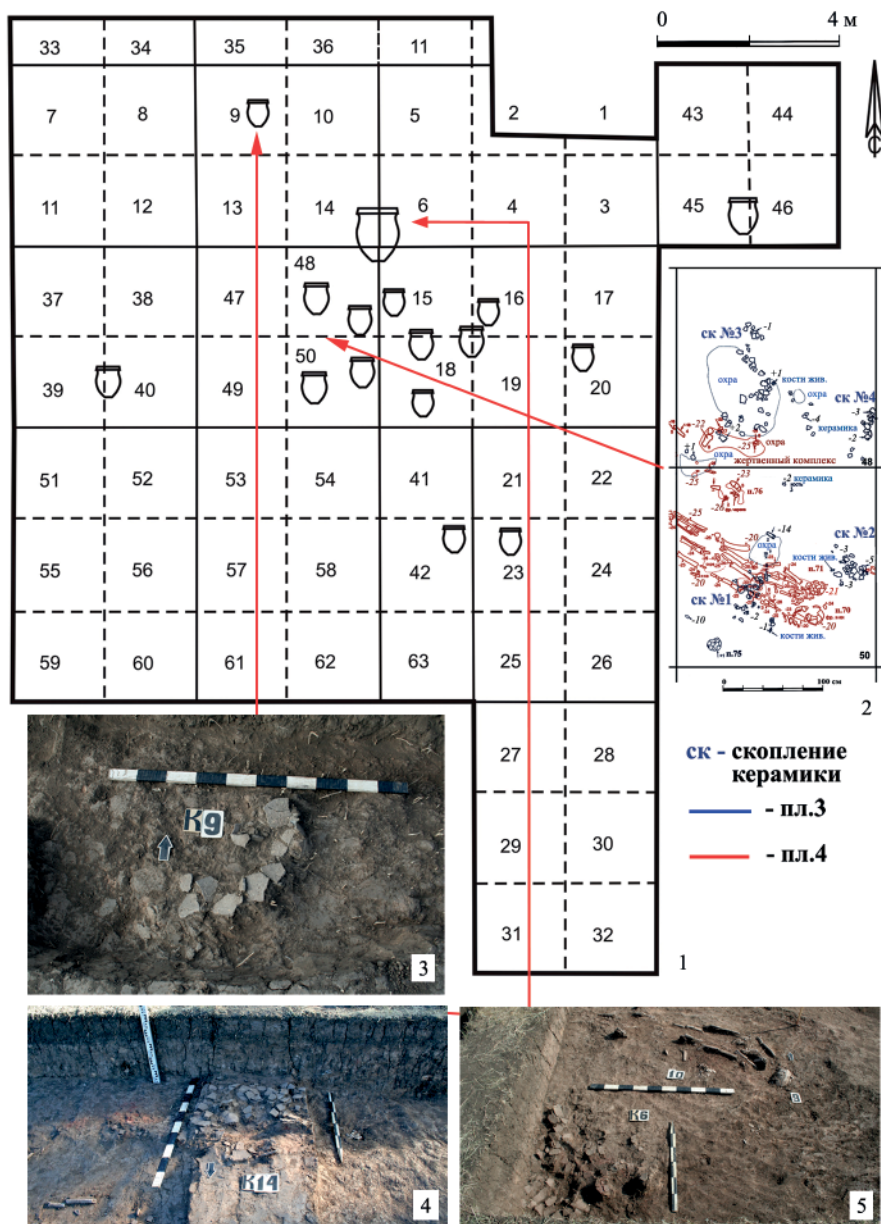

Рис. 1. Могильник Екатериновский мыс. План раскопа 2013–2016 г. 1 – схематическое расположение скоплений керамики; 2 – кв. 48, 50, планиграфическое и стратиграфическое соотношение скоплений керамики из погребений 70, 71, 76 и жертвенного комплекса; 3 – фото скоплений керамики в кв. 9; 4 – фото скоплений керамики в кв. 6–14; 5 – фото скоплений керамики в кв. 6, погребения 9–10.

Fig. 1. Ekaterinovskiy Cape burial ground. Plan of the 2013–2016 excavation. 1 – schematic layout of ceramic aggregations; 2 – sq. 48, 50, planigraphic and stratigraphic ratio of ceramic aggregations from burials 70, 71, 76 and a sacrificial complex; 3 – photo of ceramic aggregations in sq. 9; 4 – photo of ceramic aggregations in sq. 6–14; 5 – photo of ceramic aggregations in sq. 6, burials 9–10.

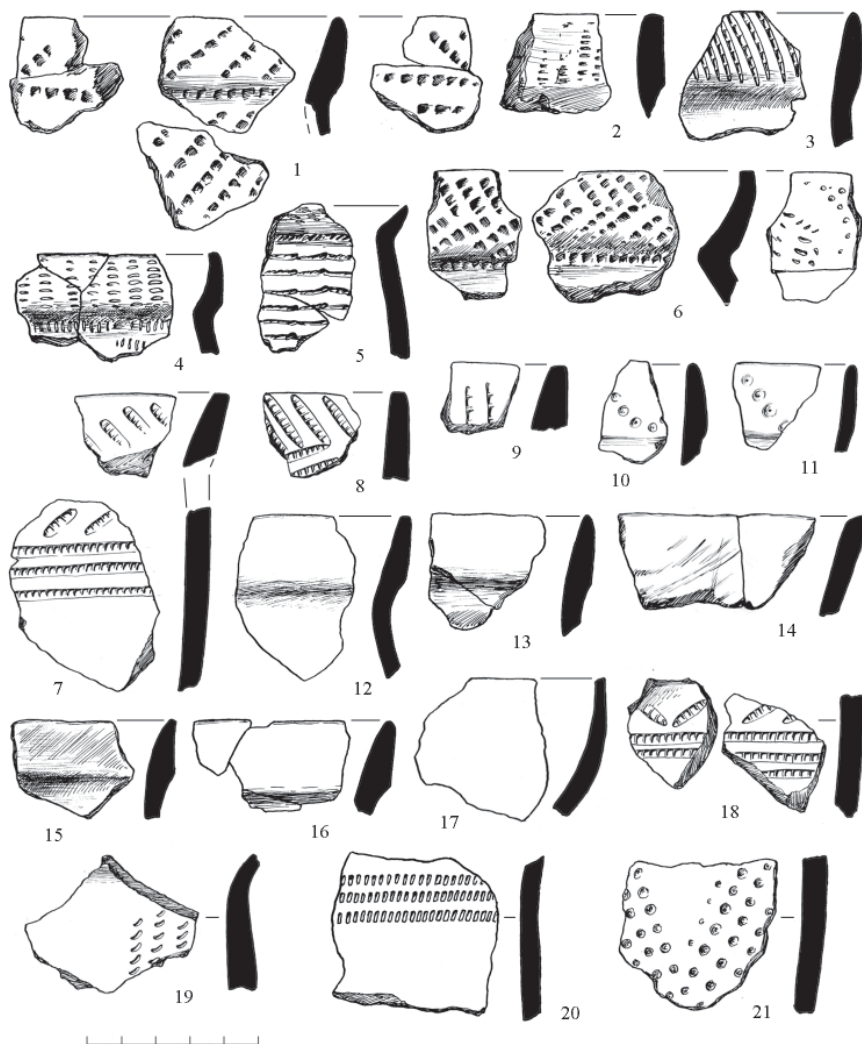

Рис. 2. Керамика могильника Екатеринбургский мыс из слоя за пределами скоплений.

Fig. 2. Ceramics of Ekaterinovskiy Cape burial ground from a layer outside the aggregations.

ричного суглинка. Всего с раскопа было получено 2448 фрагментов, из которых 198 венчиков примерно от 70–80 сосудов. В ряде случаев была отмечена ситуация, когда фрагменты венчика одного сосуда подбирались из частей не только расположенных в соседних квадратах, но и удаленных на расстоянии в несколько метров.

Керамика памятника обладает общими технико-типологическими признаками, которые позволяют дать ей

суммарную характеристику. В данной работе основное внимание уделяется условиям залегания, морфологии и особенностям орнамента посуды. Результаты технико-технологического анализа керамики могильника представлены И.Н. Васильевой в отдельной статье (см. в настоящем издании).

Наибольшая концентрация керамики приходится на кв. 6, 14, 15, 16, 18, 19, 48 и 50. Керамика здесь залегает как относительно крупными, так

и небольшими скоплениями, которые представляют собой связанные с могильником жертвенные площадки. Наиболее крупное скопление керамики было открыто на кв. 6, 14, оно частично продолжалось на кв. 15 и кв. 48. Керамика залегала в слое серо-коричневого суглинка компактным пластом мощностью до 27 см и была густо пересыпана охрой. Охра покрывала поверхность фрагментов не только верхнего слоя, но и расположенных глубже по всей толще скопления и также была отмечена под фрагментами нижнего слоя. Это скопление располагалось выше п. 11, 20, 31 и почти полностью перекрывало погребение 19. Таким образом, площадка с развалами сосудов была организована после совершения этих погребений. Большая часть неорнаментированных обломков относится к сосуду очень крупных размеров с округлым туловом диаметром более 55 см. Фрагменты дна отсутствовали. По тулову сосуда проходят два ряда сквозных просверленных отверстий для скрепления трещины. Большими размерами (диаметры венчика около 33 см и 36 см) отличаются еще два сосуда. Кроме этого, присутствуют и небольшие венчики от других сосудов (рис. 3: 4). Один из сосудов представлен фрагментами стенок, украшенными крупным зигзагом из мелких круглых ямок (рис. 5: 7–8). На его внешней поверхности сохранились участки подлощенной поверхности. Судя по пропорциям придонной части, сосуд был округлодонный.

Второе крупное скопление керамики, также окрашенное охрой, было выявлено на кв. 15–16, 18–19 в слое серо-коричневого суглинка. Керамика была локализована пятью небольшими участками. Условия залегания

керамики позволяют связать формирование жертвенной площадки с погребениями. Керамика залегала выше п. 45, в свою очередь, на скоплении фрагментов (рис. 5: 5) располагался костяк п. 22, а над ним находилось п. 32. Один из крупных фрагментов от сосуда из скопления располагался около костей голени п. 24 (рис. 5: 1). Из этого скопления происходит приземистый сосуд с диаметром венчика 22 см и высоким воротничком (рис. 3: 1). Поясок ямок под венчиком имеет сосуд с диаметром венчика 26 см (рис. 3: 5; 4: 5). Один из сосудов (диаметром венчика 28 см) украшен крупным гребенчатым штампом по внешней и внутренней поверхности (рис. 3: 3; 4: 6). Небольшой сосуд украшен по воротничку оттисками гребенки (рис. 4: 7). В этом скоплении найдены также фрагменты трех миниатюрных сосудов (диаметр венчиков 10–12 см) и венчики еще от нескольких сосудов (рис. 6: 12; 7: 4–5, 9). Несколько в стороне на кв. 18 было выявлено еще одно небольшое скопление керамики, окрашенное пятнами охры. Наиболее интересны фрагменты крупного сосуда, орнаментированного по воротничку горизонтальной волной, образованной, возможно, протаскиванием гребенчатого штампа с обрамлением сверху и снизу полукруглыми вдавлениями.

Вплотную к этим жертвенным площадкам с запада примыкали четыре небольших скопления керамики на кв. 48 и 50. Первое скопление находилось на кв. 50 над п. 70–71. Керамика представлена неполным развалом сосуда из крупных фрагментов неорнаментированных стенок и двумя венчиками (рис. 4: 2). Второе скопление располагалось также на кв. 50 и перекрывало п. 77 в области стоп.

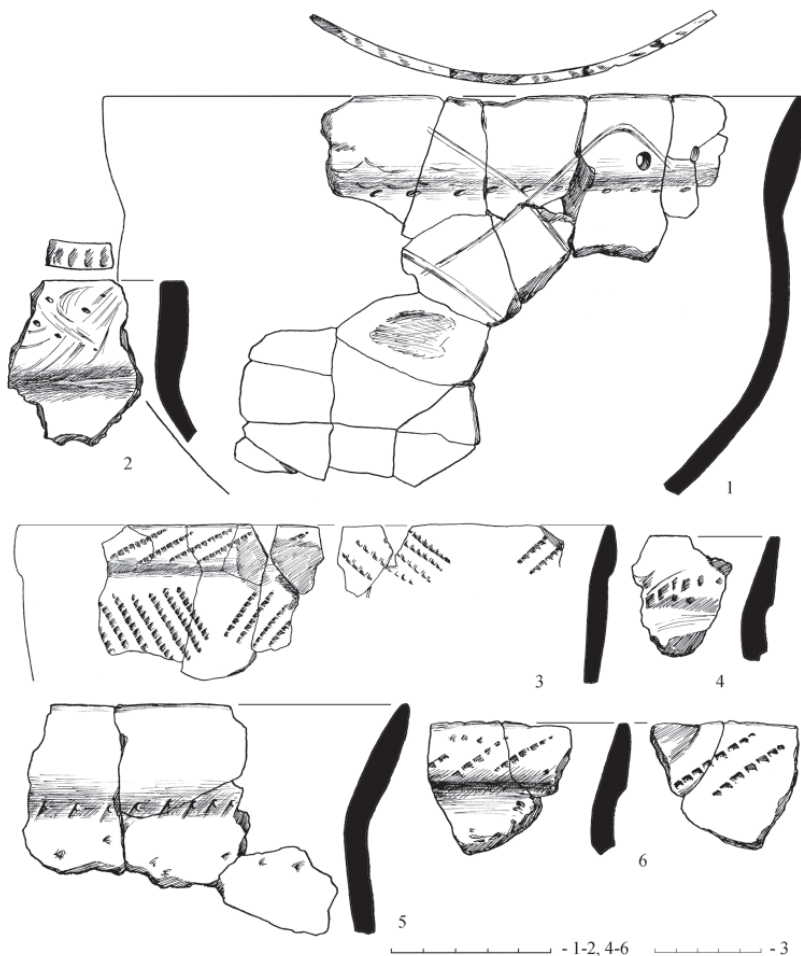

Рис. 3. Керамика могильника Екатериновский мыс. 1–6 – керамика из скоплений.

Fig. 3. Ceramics from Ekaterinovskiy Cape burial ground. 1–6 – ceramics from aggregations.

Третье скопление, окрашенное охрой, локализовалось на кв. 48 и частично перекрывало п. 76 и жертвенный комплекс, включающий изделия из рога, зубов животных. Сосуд из этого скопления имеет диаметр венчика 25 см, украшен наклонными разнонаправленными оттисками гребенчатого штампа с узкими зубцами (рис. 4: 3). Четвертое скопление также находилось на кв. 48. Непосредственно под ним погребений не было, но к западу располагалось п. 76, к юго-востоку на кв. 18 – п.79, к востоку – п. 45, 41, 40,

все с каменными скипетрами (кроме п. 41) и другим «престижным» инвентарем. Площадка с керамикой может быть связана с этими погребениями.

В западной части памятника на кв. 37–40 также было выявлено скопление керамики на глубине 40–50 см от поверхности. Керамика залегала очень тонким слоем в несколько сантиметров, была локализована тремя небольшими участками и в основном представлена мелкими фрагментами стенок. Охра здесь присутствовала отдельными крупинками. Наиболее

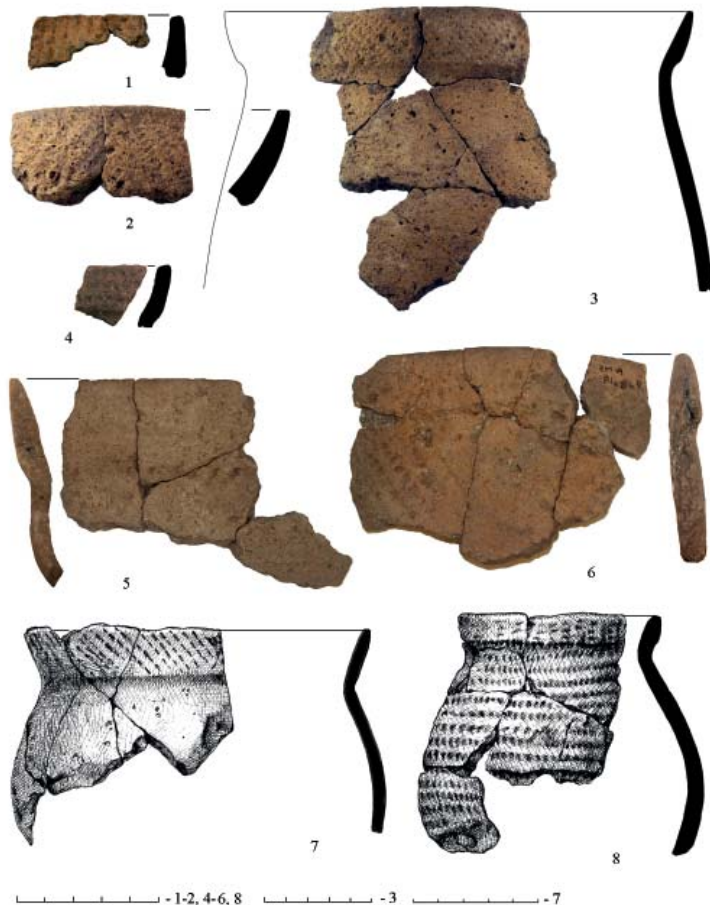

Рис. 4. Керамика могильника Екатериновский мыс. 1–3, 5–7 – керамика из скоплений; 4 – из культурного слоя; 8 – из погр. 33.

Fig. 4. Ceramics from Ekaterinovskiy Cape burial ground. 1–3, 5–7 – ceramics from the aggregations; 4 – from the cultural layer; 8 – from burial 33.

интересны фрагменты сосуда с сочетанием прочерченных линий и «шагающей гребенки» (рис. 6: 1–4). Здесь же находились венчики от разных сосудов (рис. 6: 5–8, 11). Под скоплением керамики погребения отсутствовали, но к северу от него располагалось п. 13, а к востоку – п. 61, 62, 65. Очевидно, это скопление керамики маркирует западную часть могильника.

Еще одно небольшое скопление фрагментов керамики было обнаружено на северо-западной окраине могильника, на границе кв. 45 и 46.

Наиболее примечателен частично реконструированный неполный развал сосуда со стянутым верхом, орнаментированный гребенчатым штампом по воротничку (рис. 7: 1). Здесь были найдены венчики и от других сосудов (рис. 7: 2, 7, 10–11). Кроме этого, были выявлены менее значительные участки концентрации фрагментов сосудов в кв. 9, 20, 23, 42.

Таким образом, в пределах изученного раскопками 2013–2016 г. участка жертвенные площадки с максимальной концентрацией керамики были

локализованы в центральной части могильника. Они преимущественно располагаются выше погребений и жертвенных комплексов. Скопления керамики позволяют в ряде случаев уточнить последовательность захоронений и организации жертвенных площадок.

Керамика снаружи заглажена, внутри нередко содержит зубчатые следы выравнивания. В отдельных случаях, с внешней стороны, встречаются следы лощения. В силу значительной фрагментарности керамики реконструкция сосудов затруднительна. Размеры сосудов от миниатюрных (диаметр венчика 10 см) до крупных (более 30 см). Толщина фрагментов стенок составляет от 0,5 до 0,9 см, в среднем – 0,7 см, толщина венчиков с воротничками – 0,6–1,1 см. Венчики, как правило, имеют воротничковое утолщение, оканчиваются плоским, округлым или приостренным срезом. Внешний край воротничка уплощенный или слегка закругленный. Воротнички обычно незначительно толще стенок тулова, но на фоне более тонкой шейки они выделяются довольно отчетливо. Высота воротничков варьирует от 1,1 см до 4,5 см, но чаще от 2 до 3 см. У некоторых сосудов воротничковое утолщение отсутствует или слегка намечено (рис. 2: 5, 14, 17; 7: 3, 5; 4: 7; 7: 3, 7, 9). Большинство воротничков сужается к срезу и в сечении приближается к треугольным формам, венчики с плоским срезом в сечении близки четырехугольной форме. Нередки венчики с подовальным или линзовидным сечением (рис. 2: 3; 3: 1, 3, 5; 6: 5). Следует отметить венчики с желобком на внутренней стороне (рис. 2: 4, 6; 4: 2; 7: 2). Днища малочисленны, выявлены только округлые (рис. 5: 2, 3, 8). Распространенной

была профилированная посуда с прямыми или отогнутыми венчиками, несколько стянутой шейкой и раздутым туловом. Максимальный диаметр сосудов этого типа приходится на тулово (рис. 2: 6, 12; 3: 2; 4: 3, 7–8; 5: 1; 6: 1; 7: 1). Многочисленны сосуды с отогнутыми венчиками и прямыми или слегка округлыми стенками (рис. 2: 5, 7, 19; 3: 3, 5; 6: 8–9; 7: 4, 8, 11). Низкими пропорциями отличается сосуд с высоким воротничком (рис. 3: 1). Единичны сосуды открытых пропорций. Они, как правило, маленьких размеров и не имеют воротничка (рис. 2: 17; 7: 8).

Поверхность фрагментов, как правило, покрыта углублениями и порами от несохранившейся примеси раковины, что вызывает затруднения в определении характера орнаментальных оттисков. Орнамент располагался преимущественно на венчиках, фрагменты стенок, как правило, не украшены. Иногда узор присутствует на срезе венчиков (рис. 3: 1–2; 5: 1; 6: 10–12; 7: 7) и, изредка, на их внутренней поверхности (рис. 2: 1, 6; 3: 3, 6; 6: 9; 7: 10). Из элементов орнамента наиболее распространены оттиски гребенчатых штампов, узких с длинными зубцами (рис. 2: 3, 9; 4: 7); коротких и длинных с крупными (до 0,4 см) квадратными зубцами (рис. 2: 1, 6; 3: 3, 6; 4: 6; 6: 12); широких узкозубых (рис. 2: 2, 4, 7–8, 18, 20; 4: 2; 5: 4, 6). Распространены также оттиски веревочки, которые можно отличить по диагонально направленным волокнам в углублениях (рис. 2: 19; 5: 1; 6: 10–11; 7: 8). Часто орнамент был нанесен неглубоко, он нечеткий, как бы смазанный. Сохранившиеся лучше участки поверхности фрагментов позволяют определить оттиски, выполненные веревочными штампами

(рис. 2: 19; 6: 10; 7: 8). Иногда рельеф вдавлений отражает скорее не динамику нанесения узора, при котором нередки сбои рядов, различна глубина вдавлений, изменение угла нанесения орнамента, а как бы статику с одинаково мелким рельефом, который можно получить оттиском мягкого штампа (рис. 5: 1; 6: 11). И.Н. Васильева для подобных оттисков применяет термин «плетеные фактуры» (Васильева, 2002, с. 35–36). В ряде случаев оттиски настолько нечеткие, что их сложно принять за орнамент (рис. 3: 2, 4). Они встречаются и на обратной стороне фрагментов (рис. 2: 6). Реже представлены неглубокие ямчатые вдавления круглой формы (рис. 2: 10–11, 21; 4: 4; 5: 7; 6: 7; 7: 5–6, 8). Пояски мелких ямчатых вдавлений под воротничком отмечены только у двух сосудов (рис. 3: 1, 5). Единичны прочерченные линии, нанесенные в виде крупной косой «сетки» по венчику и верхней части тулова (рис. 3: 1). Еще у одного сосуда прочерки нанесены на воротничковую зону венчика (рис. 6: 1) и служат ограничителями для полос «шагающей гребенки» на тулове, вероятно, этого сосуда (рис. 6: 2–4). Короткий оттиск «шагающей гребенки» отмечен еще на одном венчике (рис. 6: 6). Примечателен орнамент в виде волнистых линий, отмеченный на венчиках четырех сосудов, на двух из них «волна» нанесена, скорее всего, в технике оттиска «плетеными фактурами», а не прочерчивания (рис. 5: 1; 6: 11). У отдельных сосудов орнамент расположен по всей внешней поверхности (рис. 2: 5; 4: 8; 5: 7).

Орнамент на венчиках представлен вертикальными или наклонными оттисками гребенчатого или веревочного штампа (рис. 2: 1–5, 9; 3: 3, 6; 4:

1, 7–8; 6: 9–10, 12; 7: 1), реже двумя рядами наклонных направленных в разные стороны оттисков штампа (горизонтальная елочка) (рис. 2: 6, 8; 5: 6), однорядным и многорядным горизонтальным зигзагом из оттисков гребенки (рис. 4: 2; 5: 4; 7: 10) и веревочки (рис. 7: 8), вертикальными и наклонными рядами ямчатых вдавлений (рис. 2: 11; 6: 7; 7: 5–6). Единично представлен горизонтальный зигзаг (рис. 2: 10), наклонные ряды оттисков гребенчатого штампа (рис. 2: 7) и ямчатых вдавлений (рис. 4: 4), прочерченные линии (рис. 3: 1; 6: 1). Особенно интересен орнамент в виде «волны» в обрамлении подовальных вдавлений (рис. 6: 11) и двух пересекающихся «волн» (рис. 5: 1). Многие венчики, в том числе крупные, не орнаментированы (рис. 2: 12–17; 5: 5; 6: 5, 8; 7: 3, 9, 11).

В орнаментации тулова сосудов чаще присутствуют горизонтальные полосы гребенчатых и веревочных оттисков (рис. 2: 4–5, 7, 18, 20; 4: 8; 5: 4, 6; 6: 11), горизонтальный зигзаг из ямчатых вдавлений (рис. 2: 21; 5: 7). Остальные мотивы декора единичны, к ним относятся горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенки (рис. 2: 1; 3: 3; 4: 6), горизонтальный зигзаг из коротких оттисков гребенчатого штампа (рис. 2: 18), вертикальные ряды отпечатков веревочки (рис. 2: 19), «фестоны» (рис. 5: 1).

Ранее авторы отмечали ближайшие аналогии погребального обряда и инвентаря могильника Екатерининский мыс в материалах могильника у с. Съезжее (Королев, Кочкина, Сташенков, 2015, с. 517). Керамика обоих могильников располагалась на «жертвенных» площадках. Некоторые площадки окрашены охрой. В могильнике у с. Съезжее (Васи-

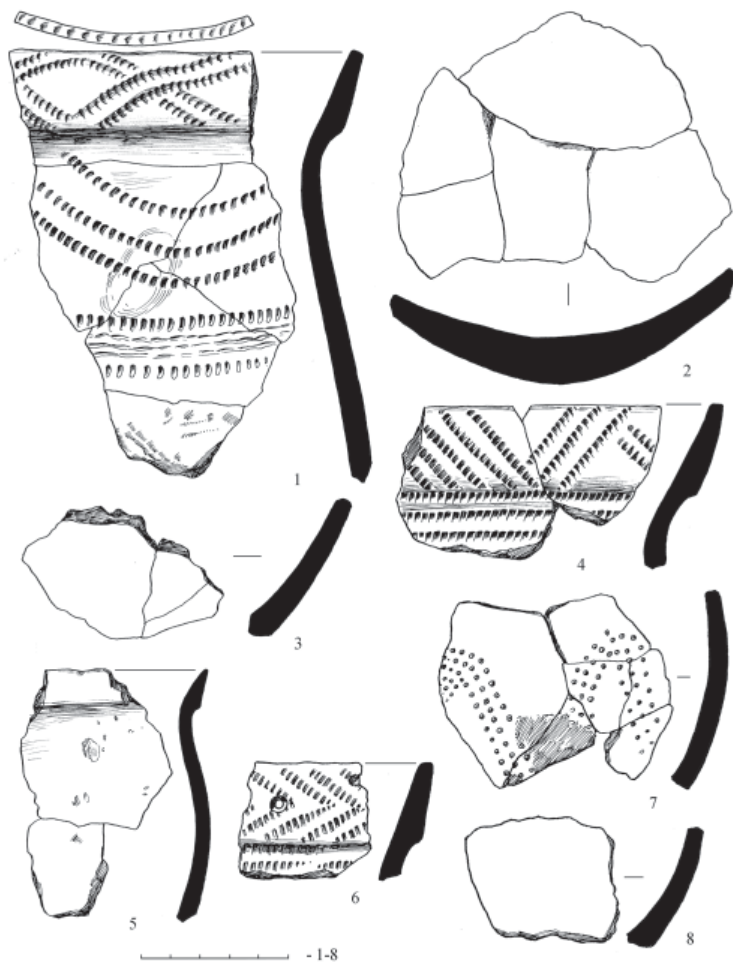

Рис. 5. Керамика могильника Екатериновский мыс. 1, 4–5, 7–8 – керамика из скопления; 2, 6 – из культурного слоя; 3 – из засыпи погр. 31.

Fig. 5. Ceramics from Ekaterinovskiy Cape burial ground. 1, 4–5, 7–8 – ceramics from the aggregations; 2, 6 – from the cultural layer; 3 – from the filling of burial 31.

льев, Матвеева, 1979, с. 147–149) и в могильнике Екатериновский мыс жертвенные площадки часто сооружались над погребениями. Близость керамики могильников проявляется в использовании раковинной примеси, в уплощенных формах воротничков с приостренным и плоским срезом, желобчатых венчиках, профилировке и размерах сосудов, орнаментации среза венчиков. В то же время есть и существенные различия. Так, в коллекции керамики Екатериновско-

го мыса нет сосудов с «ушками», но присутствуют закругленные с внешней стороны воротнички, найдены только округлые днища и нет плоских, в то время как в съезженской есть только плоские. На съезженских сосудах присутствуют пояски глубоких вдавлений под венчиком, которые оставляют «жемчужины» на его внутренней стороне. На сосудах могильника Екатериновский мыс этот признак отсутствует. Вся керамика Съезженского могильника орнамен-

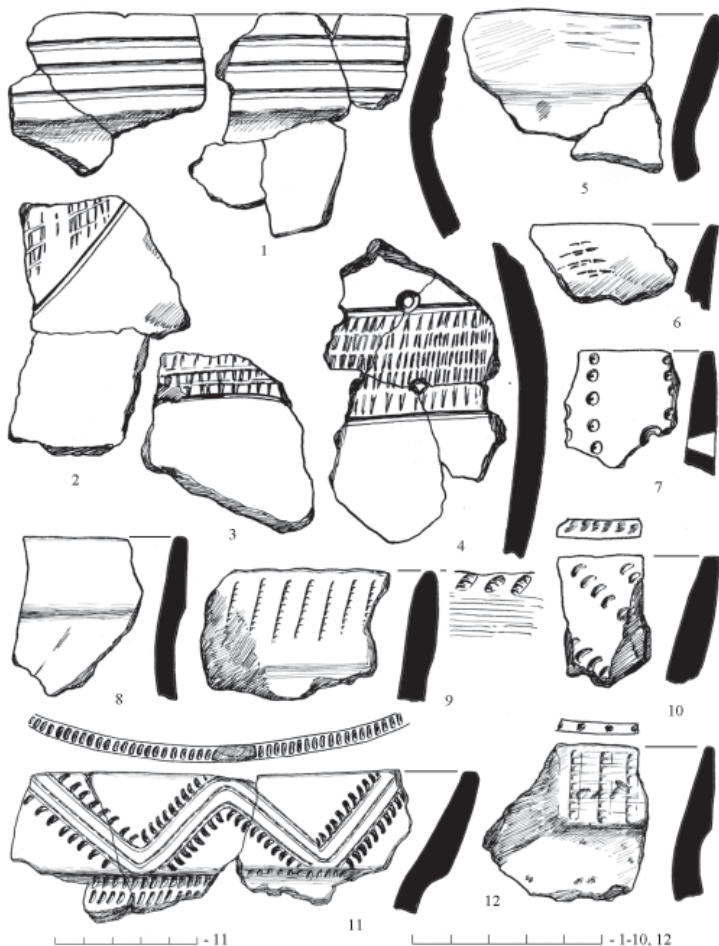

Рис. 6. Керамика могильника Екатериновский мыс. 1–12 – керамика из скоплений.

Fig. 6. Ceramics from Ekaterinovskiy Cape burial ground. 1–12 – ceramics from aggregations.

тирована, а примерно половина – по всей внешней поверхности. Керамика Екатериновского мыса нередко украшена только по венчику, распространены сосуды без орнамента, сплошная орнаментация встречается в отдельных случаях. Характерный для съезженской керамики мотив «шагающая гребенка» в сочетании с резными (прочерченными) линиями встречен лишь на одном сосуде могильника Екатериновский мыс. Исследователями для керамики самарской культуры раннего этапа были выделены такие признаки, как «ямочно-жемчужные

пояски» под венчиком, орнаментация в виде «шагающей гребенки», прочерченные линии, меандры (История Самарского Поволжья, 2000, с. 237–238). Эти признаки не характерны для керамики могильника Екатериновский мыс. Таким образом, можно констатировать существенное расхождение в керамике анализируемых памятников, которое, очевидно, объясняется более поздним временем функционирования могильника Екатериновский мыс.

Сходство просматривается и с керамикой ивановского этапа самарской культуры. На керамике Ивановской

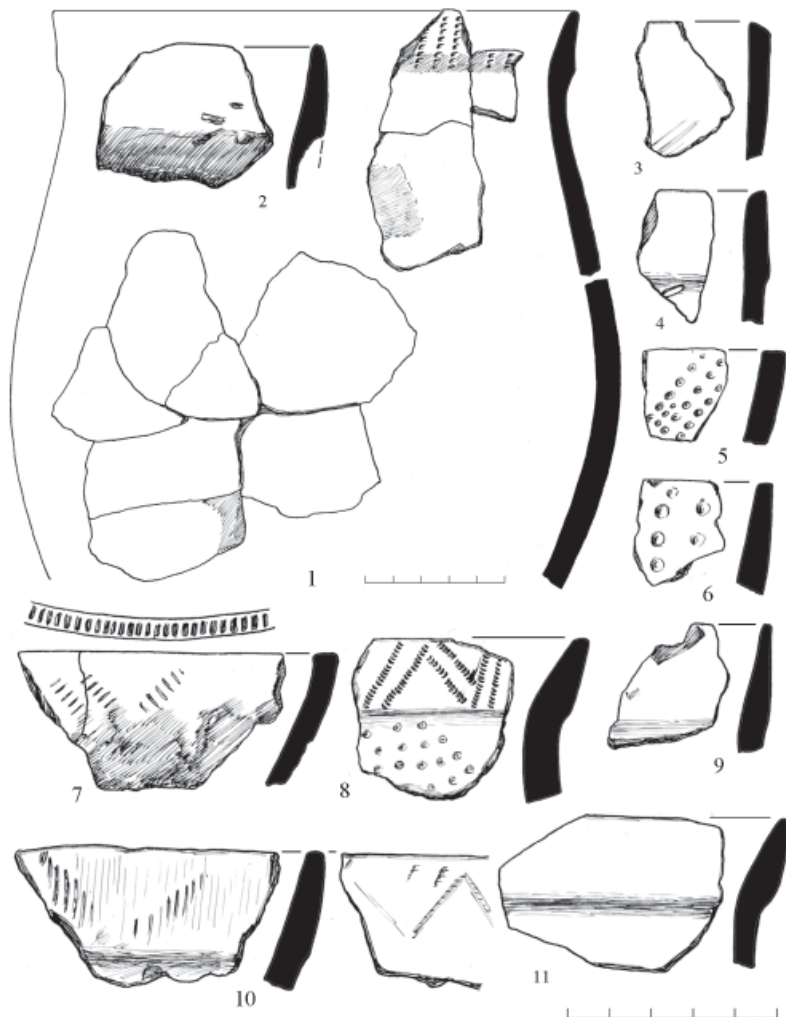

Рис. 7. Керамика могильника Екатериновский мыс. 1–2, 4–5, 7–11 – керамика из скоплений; 3, 6 – керамика из культурного слоя.

Fig. 7. Ceramics from Ekaterinovskiy Cape burial ground. 1–2, 4–5, 7–11 – ceramics from aggregations; 3, 6 – ceramics from the cultural layer.

стоянки и Турганикского поселения представлены многие аналогичные формы воротничков, есть желобчатые венчики, отмечены округло-конические днища. Близки формы сосудов. В орнаментации керамики также присутствуют общие черты. Это касается преобладания гребенчатой орнаментации и наиболее простых и распространенных мотивов: рядов прямо поставленных или наклонных оттисков

гребенки на венчиках, горизонтальных полос из оттисков гребенчатого штампа на тулове сосудов (Моргунова, 1989, с. 119–121; Турганикское поселение, 2017, с. 100–109). На керамике могильника Екатериновский мыс и на ивановской керамике есть оттиски плетеных фактур (Васильева, 2006, с. 20, 22; Васильева И.Н., см. в наст. изд.). В ивановской керамике присутствуют признаки хвалынской по-

суды (Моргунова, 2011, с. 66–67, 73, рис. 43). Керамика могильника Екатериновский мыс имеет немногие аналогии в керамике хвалынской культуры. Наиболее выразителен сосуд с расширенным к низу туловом из п. 33 (рис. 4: 8). Отметим венчик, орнаментом напоминаящий сосуд со стоянки Лебяжинка I (Барынкин, 2010, с. 142, рис. 3: 1). К этим незначительным примерам следует добавить округлые формы днищ, использование плетеных фактур для нанесения орнамента. Орнаментация плетеными фактурами вряд ли могла быть заимствована из хвалынской гончарной традиции ввиду несовпадения основных характеристик керамики и, очевидно, более раннего времени могильника у с. Екатериновка.

Крупная коллекция воротничковой керамики стоянки Лебяжинка I в Самарском Заволжье также содержит ярко выраженные хвалынские черты (Барынкин, Козин, 1995, с. 153–158). Керамика могильника Екатериновский мыс от нее существенно отличается, как и от ивановско-хвалынских материалов Ивановской и Турганинской стоянок. Более близкой оказалась керамика Чесноковской стоянки, но и здесь близость ограничивается отдельными сосудами (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 78, рис. 4: 4–5).

Представляют интерес и некоторые аналогии в материалах прикаспийской культуры. Близка профилировка и гребенчатая орнаментация воротничковых венчиков Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2012, с. 157, рис. 39: 2–3). Сосуды стоянки Озинки II (Лопатин, 1989, с. 139, рис. 3: 1–3) и сосуды стоянки Кузнецово-I (Малов, 2008, с. 11, рис. 4: 16–17)

имеют некоторое сходство округло-коническими формами днищ и гребенчатой орнаментацией. Степная линия аналогий может быть расширена за счет таких категорий инвентаря могильника, как крупные кварцитовые пластины, наконечники с выемчатым основанием. Определенная близость просматривается в керамике нижнедонской и азово-днепровской культуры (Васильев, Синюк, 1985, с. 17–19, 24–25). Эта линия аналогий представляет особый интерес в связи со спецификой погребального обряда и инвентаря могильника Екатериновский мыс, многие черты которого содержатся в могильниках мариупольского круга. Она требует специального изучения.

По фрагментам керамики от крупного сосуда из скопления на кв. 14, сл. 3 была получена дата: SPb-2251–5673±120 ВР. Вторая дата была получена по фрагментам от развала (рис. 7: 1) из скопления на кв. 45–46: SPb-2252–6372±100 ВР. Разница в датировках показывает, что процесс определения хронологии могильника далек от завершения, хотя, отметим, что более ранняя дата почти совпала с датой, полученной по кости человека из п. 45 (Королев, Кочкина, Сташенков, 2018, с. 300).

Таким образом, керамика могильника Екатериновский мыс обладает своеобразием, которое определяет хронологическое положение могильника между наиболее ранними материалами типа могильника у с. Съезжее и хвалынской культурой. Техничко-типологические признаки посуды позволяют отнести ее к самарской культуре на этапе, предшествующем появлению ивановско-хвалынской керамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барынкин П.П.* Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская культура / Науч. ред. С.А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА Поволжье, 2010. С. 133–152.
2. *Барынкин П.П., Козин Е.В.* Стоянка Лебяжинка I и некоторые вопросы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 136–164.
3. *Бахарев С.С., Овчинникова Н.В.* Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 72–93.
4. *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
5. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: КГПИ, 1985. 118 с.
6. *Васильева И.Н.* О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: изд-во СамГПУ, 2002. С. 15–49.
7. *Васильева И.Н.* Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уралья как источник по истории формирования ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 17–23.
8. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. 223 с.
9. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Екатерининский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 514–517.
10. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В.* Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатерининский мыс на Средней Волге // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 285–302.
11. *Лопатин В.А.* Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 135–146.
12. *Малов Н.М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Изд-во Научная книга, 2008. С. 32–134.
13. *Моргунова Н.Л.* Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1989. С. 118–135.
14. *Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.
15. Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.
16. *Юдин А.И.* Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 2012. 212 с.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Кочкина Анна Федоровна, зав. отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

Сташенков Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (г. Самара, Россия); archeo@list.ru

THE CERAMICS OF EKATERINOVSKY CAPE BURIAL GROUND (ACCORDING TO THE MATERIALS OF EXCAVATIONS 2013-2016 YEARS)

A.I. Korolev, A.F. Kochkina, D.A. Stashenkov

The authors first publish the ceramics of the Ekaterinovskiy Cape burial ground of the Early Eneolithic. The ceramics were predominantly located on sacrificial sites in the shape of compact clusters of fragments. As a rule, such clusters were located above the burials, sometimes over the burials. Some of them were sprinkled with ochre. The authors have selected more 70 vessels. Some of the vessels have been partially reconstructed. The ceramics was made with inclusion of the crushed shell into molding mass. The rims of vessels had the thickened «collar»; the bottoms had a rounded shape. The ornament was located on the rims and the upper part of the potteries. Fully decorated vessels are rare. The vessels are ornamented with prints of comb and rope stamps, with small pits. A particularity of ceramics ornamentation is presented by the imprints of soft stamps (leather?) or traces of leather form for the making of vessels. The ornamentation, made up of «walking comb» and incised lines, was used rarely as well as the belts of pits made decoration under «collar» of a rim. Some features of the ceramics decoration under study relate it with ceramics of the Khvalynsk culture. The ceramics of Ekaterinovskiy Cape burial ground is attributed by the authors to the Samarskaya culture. The ceramic complex under study has proximity to the ceramics from Siezzhee burial ground and the ceramics of the second phase of Samarskaya culture. The chronological position is determined by the authors as later period, than the period of ceramics from the Siezzhee burial ground and earlier than the chronological position of ceramics of the Ivanovka stage of the Samarskaya culture and the Khvalynsk culture.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, the Early Eneolithic, the collar ceramics, the Samarskaya culture, the Khvalynsk culture, the sacrificial sites.

REFERENCES

1. Barynkin, P. P. 2010. In Agapov, S. A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia kul'tura (Khvalynsk Chalcolithic cemeteries and the Khvalynsk culture)*. Samara: "Povolzh'e" Publ., 133–152 (in Russian).
2. Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 136–164 (in Russian).
3. Bakharev, S. S., Ovchinnikova, N. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 72–93 (in Russian).
4. Vasil'ev, I. B., Matveeva, G. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 147–166 (in Russian).
5. Vasil'ev, I. B., Siniuk, A. T. 1985. *Eneolit Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (voprosy proiskhozhdeniia i periodizatsii kul'tur) (Eneolithic of the East European Forest-Steppe (Issues of the Origin and Periodization of Cultures))*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute (in Russian).
6. Vasil'eva, I. N. 2002. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 15–49 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 2006. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia iamnnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti (Issues of Studying the Pit Grave Cultural and Historical Area)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 17–23 (in Russian).

8. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
9. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3(2), 514–517 (in Russian).
10. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Khokhlov, A. A., Roslyakova, N. V. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 258–302 (in Russian).
11. Lopatin, V. A. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 135–146 (in Russian).
12. Malov, N. M. 2008. In Lopatin V. A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ., 32–134 (in Russian).
13. Morgunova, N. L. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 118–135 (in Russian).
14. Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
15. Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik Settlement in Orenburg Oblast)*. Orenburg: “OGAU” Publ. (in Russian).
16. Yudin, A. I. 2011. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ia (Kumyska Settlement and the Eneolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: “Nauchnaia kniga” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Korolev Arkadiy I. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Kochkina Anna F. Samara Museum for History and Regional Studies named after P. V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara Region, Russian Federation; archeo@list.ru

Stashenkov Dmitry A. Candidate of Historical Sciences. Samara Museum for History and Regional Studies named after P.V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Russian Federation; archeo@list.ru

Статья поступила в номер 26.01.2019 г.

О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС¹

© 2019 г. И.Н. Васильева

В статье представлены результаты технико-технологического анализа энеолитической керамики грунтового могильника Екатериновский мыс. Целью явилось изучение культурных традиций в гончарстве населения, оставившего данный памятник. Исследование гончарной технологии было проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским. Данный подход основан на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования. Автором было изучено 147 образцов керамики: развалов и фрагментов венчиков, стенок и донных частей сосудов эпохи энеолита из раскопов 2013–2016 гг. В результате изучения было выявлено, что совокупность наиболее массовых гончарных традиций населения, оставившего могильник Екатериновский мыс, находит прямые аналогии в нео-энеолитическом гончарстве Нижнего Поволжья. По мнению автора, данные гончарные традиции возникли в недрах орловской неолитической культуры, а впоследствии стали характерными для прикаспийской и хвалынской культур. К этим традициям относятся: использование в качестве сырья илистых жирных глин; введение в формовочные массы искусственной примеси дробленой раковины; конструирование сосудов в формах-моделях посредством лоскутного налепа; уплотнение поверхностей; особо организованный обжиг, предназначенный для термической обработки сосудов с большим содержанием дробленой раковины. Эти навыки труда были присущи также для пришлой группы населения, оставившего могильник у с. Съезжее (Самарская обл.), и для части населения ивановского и токского культурных типов (Оренбургская обл.).

Ключевые слова: археология, энеолит, Самарское Заволжье, гончарная технология, культурные традиции, технико-технологический анализ керамики по методике А.А. Бобринского.

Статья посвящена результатам изучения гончарной технологии населения, оставившего энеолитический могильник Екатериновский мыс. Недавно открытый и исследованный памятник находится на юго-западе Самарской области (Королев и др., 2015; 2017). Изучение технологии изготовления керамики памятника осуществлялось в рамках историко-культурного исследовательского подхода, по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978; 1999). Она основана на бинокуляр-

ной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования. Основной целью являлось изучение культурных традиций в гончарстве и процессов смешения древнего населения. Выделение информации о приемах изготовления керамики могильника Екатериновский мыс и изложение результатов их изучения в статье произведено в соответствии со структурой гончарного производства, которая состоит из 3 стадий (подготовительной, созидательной, закреп-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1907.2017/ПЧ.

тельной) и 12 ступеней (Бобринский, 1999, с. 9–11). Всего было проанализировано 147 образцов сосудов (развалов, фрагментов венчиков, верхних частей и стенок сосудов, одного круглого днища), относящихся к основному керамическому комплексу могильника из раскопов 2013–2016 гг.

Подготовительная стадия. Опыт изучения сильно фрагментированной керамики неолитических памятников Поволжья привел к необходимости уделять основное внимание двум элементам гончарной технологии: *представлениям об исходном пластичном сырье* (далее – ИПС) и *традициям составления формовочных масс* (далее – ФМ). Понятие «представления о сырье» в широком смысле включает традиции отбора ИПС на видовом уровне (илы, илестые глины, глины), а также приемы подготовки формовочных масс. Полученные данные о соотношении в ФМ пластичного сырья и искусственных примесей, вид и подвиды добавок служат источником информации о функциях ИПС (примесь, сырье-связка, основное сырье, моносырье) и о состоянии представлений о сырье (несформированность, частичная сформированность и полная сформированность) (Бобринский, 1999, с. 76). Взгляды древнего населения на пластичное сырье принадлежат к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, которые даже в условиях смешения разных групп населения остаются неизменными очень долгое время, что позволяет обратиться к истории сложения этих трудовых навыков. Важно, что извлечение сведений о них возможно по всем анализируемым образцам, поэтому данная информация приобретает статистическое значение. В статье помещены таблицы с

результатами изучения ИПС и ФМ керамики могильника Екатериновский мыс, структура которых соответствует статистическим таблицам по другим неолитическим памятникам Поволжья, исследованным и опубликованным автором, что создает равные условия для их сравнительного анализа. Наличие таблиц, в которых систематизирована основная информация, и микрофотографий изученных образцов позволяет ограничиться в тексте кратким комментарием полученных результатов.

Ступень 1. *Отбор исходного пластичного сырья* (ИПС) – природных пластичных материалов, которые могли применяться в качестве самостоятельного сырья для изготовления посуды. ИПС керамики могильника включает глинистое пелитоморфное вещество и естественные примеси минерального и органического происхождения: песок; железистые включения, в основном, оолитовый бурый железняк; не растворившиеся в воде окатанные глинистые комочки; возможно, обломки речных раковин; единичные органические остатки растительного и животного характера.

1. Песок представлен 3 фракциями: 1) пылевидным песком или алевритом, с размером зерен меньше 0,1 мм; 2) кварцевым окатанным песком, с размером частиц в пределах 0,1–0,2 мм; 3) единичными зернами такого же песка с размером 0,5 мм, очень редко 1 мм. В целом, в составе ИПС преобладает мелкий окатанный песок (менее 0,2 мм).

2. Бурый железняк оолитовой формы и размером 1–3 мм выглядит как уплотненные комочки охристо-бурого цвета с характерной плотной оболочкой, обладающей металлическим блеском. Иногда встречаются аморфные, более

рыхлые, железистые включения красновато-коричневого цвета, менее 0,5 мм.

3. Глинистые окатанные комочки округлой или овальной формы, преимущественно плотные с тонкой пелитоморфной структурой. Размер колеблется в пределах 1–4 мм.

4. Обломки речных раковин. Вероятность их присутствия в илистых глинах очень высока, однако их наличие в ИПС керамики изученного памятника лишь предположительно, т. к. большей частью раковина не сохранилась и представлена только щелевидными пустотами.

5. Растительные остатки представлены детритом, то есть измельченными и полусгнившими обрывками растительных тканей неопределенного вида, в основном меньше 1 мм (рис. 1: 1–2). Встречаются также единичные нитевидные отпечатки водных (водорослей). Присутствие остатков растительности в ИПС изучаемой керамики крайне незначительно: на 1 кв. см площади черепка 1–2 отпечатка обрывков растительных тканей, как правило, менее 1 мм. Длина нитевидных отпечатков достигает 1 см, диаметр – около 0,1 мм.

6. Органика животного происхождения встречается в черепке изучаемой керамики редко: в 3 образцах из 147 изученных обнаружены остатки чешуи рыб и в 4 образцах – мелкие фрагменты костей рыб (рис. 1: 3–4). Однако наличие данных остатков в составе ИПС керамики подтверждает его илистое происхождение.

Илистые глины как вид древнейшего пластичного сырья выделен нами сравнительно недавно (Васильева, 1999; 2002; 2005). Необходимость отделения их от илов обусловлена существенными отличиями – незначительной концентрацией растительных

остатков и их измельченностью, а также почти полным отсутствием органики животного характера и целых мелких раковин моллюсков, обитавших в водонасыщенных неуплотненных илах. Причины различий между илом и илистыми глинами обусловлены принципиально разными условиями их осадконакопления около водоемов, что было доказано экспериментальными работами (Васильева, 2015). Переход от илов к илистым глинам рассматривается нами как определенный этап в эволюции сырьевой базы древнего гончарства.

При характеристике навыков отбора ИПС важное значение имеет определение запесоченности сырья, прямо влиявшей на его пластичность. При изучении керамики могильника Екатерининский мыс были выделены две группы ИПС: жирные (незапесоченные и слабозапесоченные) и тощие (среднезапесоченные и сильнозапесоченные). Все илистые глины были ожелезненными.

Ступень 2. Добыча исходного сырья. В рамках данной ступени гончарного производства рассматривается проблема конкретных источников ИПС. На основе сходства качественного состава ИПС А.А. Бобринским предложено выделять условные «районы» добычи сырья (Р), а по одинаковому соотношению естественных примесей – возможность добычи сырья в одном «месте» (М) (Бобринский, 1999, с. 26). Характеристика источников сырья для изученной керамики, по нашему мнению, должна учитывать такой важный признак, как запесоченность, в связи с чем было выделено 6 условных мест добычи ИПС, которые отличаются друг от друга особенностями качественного состава и concentra-

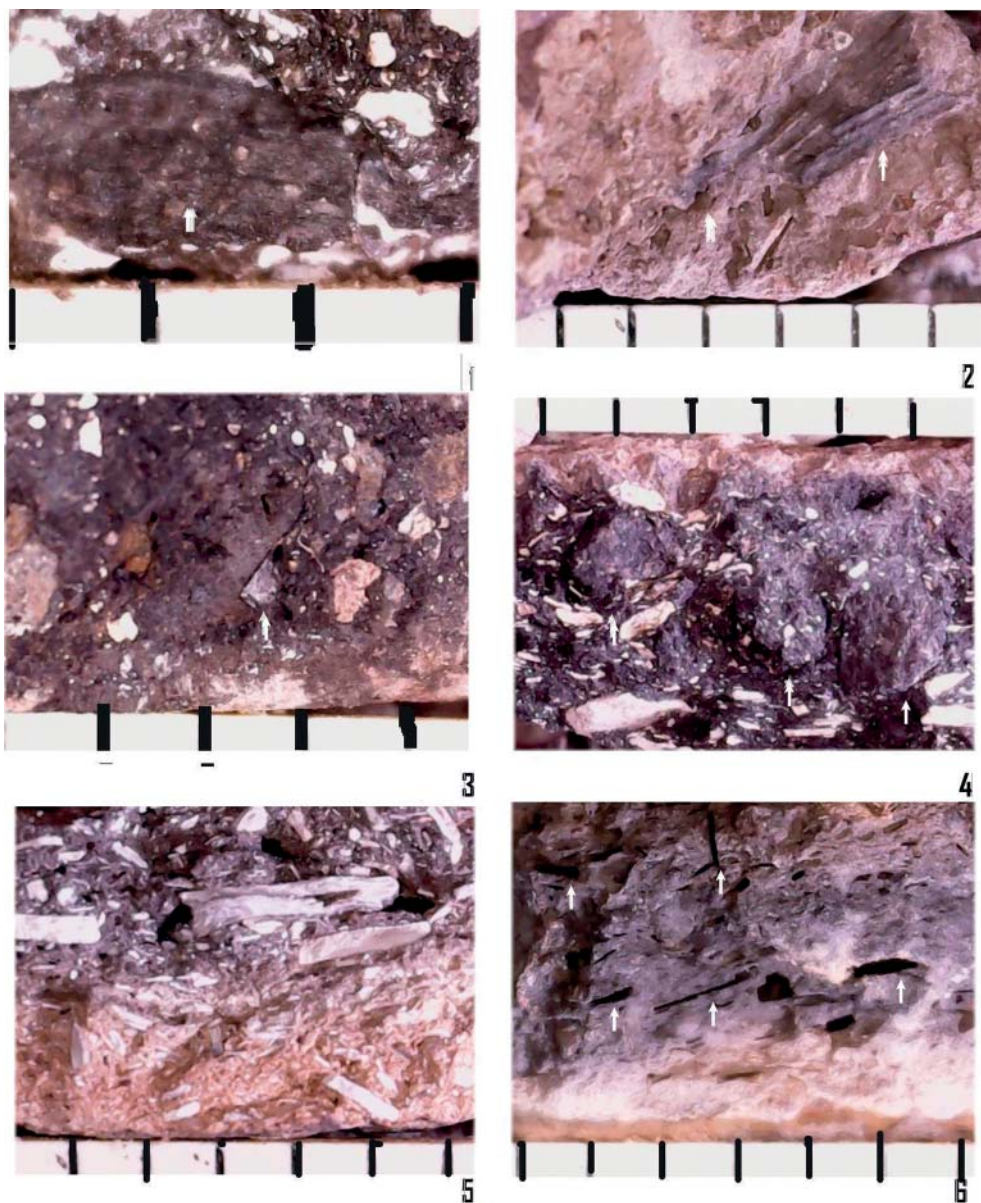

Рис. 1. Микрофотографии керамики могильника Екатерининский мыс. 1–2 – отпечатки растительности в илстых глинах; 3 – чешуя рыбы; 4 – комочки не растворившейся глины; 5 – примесь дробленой раковины; 6 – щелевидные пустоты от не сохранившейся раковины.

Fig. 1. Microphotographs of ceramics from Ekaterinovskiy Cape burial ground. 1–2 – imprints of vegetation in silty clays; 3 – fish scales; 4 – lumps of undissolved clay; 5 – crushed shell admixture; 6 – slit voids left by an unpreserved shell.

цией песчаной примеси: I, II, III, IV, V, VI.

В целом при изучении ИПС керамики могильника Екатериновский мыс определяются следующие уровни выделения информации:

1. Вид ИПС – илестые глины. Данный уровень характеризует общие представления групп населения о сырье для изготовления бытовой посуды.

2. Группы илестых глин – жирные и тощие, отражающие, по-видимому, особенности традиций отбора сырья.

3. Условные места добычи: I, II, III, IV, V, VI. В данном случае речь идет не о конкретных, а об условных, сходных по своему составу источниках сырья, которые предположительно могут быть близки друг другу по месторасположению. Все эти данные отражены в таблице 1.

Таблица 1 демонстрирует преимущественное использование жирных илестых глин (72%). Обращает на себя внимание, что тощие илестые глины содержат очень мелкий песок (размер частиц песка 0,1–0,2 мм, лишь единично встречены включения размером 0,5–1 мм). Такая песчаная примесь, по-видимому, с трудом определялась эмпирически, на ощупь. Особенностью ИПС керамики является систематическое присутствие

комочков не растворившейся чистой глины во всех подгруппах ИПС, что, возможно, указывает на одинаковые условия образования и близость залежей сырья.

Ступень 3. Подготовка исходного сырья. Илестые глины, по-видимому, находились в увлажненном состоянии непосредственно перед составлением формовочных масс. Это предположение основывается на следующих наблюдениях: 1) отсутствии признаков дробления сырья; 2) в черепке изучаемой керамики не наблюдается каких-либо линз или вытянутых слоев чистой глины, что характерно для глинистого сырья в сухом состоянии (Бобринский, 1999, с. 33). Присутствие в формовочных массах керамики изучаемого памятника округлых плотных комочков глинистого вещества объясняется условиями осадконакопления, а не следствием дробления сырья в сухом состоянии (Васильева, 2002, с. 20).

Ступень 4. Составление формовочных масс (далее – ФМ). Под ФМ понимается тестообразная, увлажненная и промешанная смесь пластичного сырья и искусственных примесей. Зафиксированы следующие рецепты составления ФМ: 1) ИПС + ДР (дробленая раковина); 2) ИПС + ДР + ОР (органические растворы); 3) ИПС+ОР.

Таблица 1

Результаты изучения исходного пластичного сырья керамики могильника Екатериновский мыс

Раскопы	ИПС: илестые глины						Итого:
	жирные			тощие			
	I	II	III	IV	V	VI	
2013 г.	1	4	1	-	1	3	10
2014 г.	15	4	12	8	6	-	45
2015 г.	14	5	9	6	4	4	42
2016 г.	16	13	12	6	3	-	50
Всего:	46	26	34	20	14	7	147
	106/72%			41/28%			100%

В процессе подготовки раковинной искусственной примеси использовались раковины пресноводных моллюсков. По-видимому, раковины при этом были пустые, без тела моллюска. Вполне возможно вторичное использование раковин в гончарстве: вначале моллюски шли в пищу, а затем их створки применялись в гончарном производстве. Можно предполагать следующие операции по подготовке данной искусственной добавки: 1) нагревание раковин на углях, по-видимому, в закрытом от доступа кислорода состоянии, что придавало сквозной жемчужный пепельно-серый цвет и способствовало быстрому размельчению; 2) дробление или растирание раковин пальцами; 3) очистка примеси от крупных, не раздробившихся частиц, для чего были необходимы ручной отбор этих обломков или просеивание через сито. Основной размерный диапазон частиц раковины в черепке изученной керамики – 1–2 мм, при этом содержится большое количество чешуек менее 0,5 мм и редко встречаются включения раковины более 3–5 мм (рис. 1: 5). В большей части сосудов раковина не сохранилась и представлена только щелевидными пустотами (рис. 1: 6).

Второй искусственный компонент, применявшийся при составлении ФМ изученной керамики, – органические растворы. Их присутствие в черепке фиксируется в виде аморфных плоскостных и объемных пустот размером от 1 до 3 мм и более, оставшихся после сушки и термической обработки. На их стенках прослеживается налет вещества разного цвета (беловатого, черного, рыжеватого, иногда в виде прозрачных блестящих пленок). Точная идентификация выявленных по материалам могильника органи-

ческих растворов пока невозможна. Можно предполагать, что это были различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения, а также минеральные растворы.

Определенные различия в рецептуре ФМ керамики зафиксированы на уровне концентрации ДР. Проблема определения концентрации данной специфической (не объемной) примеси в настоящее время находится в стадии разработки. Предложены шкалы для оценки концентрации калиброванной дробленой раковины (Петрова, 2016, с. 66). Однако мы имеем дело с некалиброванной примесью. Кроме того, сложность подсчетов заключается в том, что большая часть изученной керамики утратила вещество раковины. Поэтому были использованы условные степени концентрации раковины: ДР-1 (условно небольшая концентрация) – около 40 включений на 1 кв. см; ДР-2 (средняя – 50–80 включений); ДР-3 (большая) – около 100 и более включений.

Таблица 2 демонстрирует преобладание рецептов ФМ, в которых органоминеральная примесь (ДР) выступала в качестве именно примеси (ДР-1 и ДР-2), что указывает на функцию ИПС как основного сырья (Бобринский, 1999, с. 76). Следует отметить и массовое распространение архаичных приемов введения в ФМ органических растворов совместно с раковинной добавкой (81%). Лишь в одном образце (венчик от небольшого сосуда с выделенной, довольно высокой горловиной, без воротничка и орнамента – № 102, 2016 г.) примесь раковины отсутствовала, фиксировался только органический раствор.

Созидательная стадия. На данной стадии гончарной технологии предпо-

Таблица 2

Результаты изучения формовочных масс керамики могильника Екатериновский мыс

Раскопы	Рецепты формовочных масс							Итого:
	ОР	ДР			ДР+ОР			
		ДР-3	ДР-2	ДР-1	ДР-3	ДР-2	ДР-1	
2013 г.			5			5		10
2014 г.	-	-	7	4	-	25	9	45
2015 г.	-	-	1	-	-	28	13	42
2016 г.	1	-	8	2	1	31	7	50
Всего:	1	-	21	6	1	89	29	147
	1/1%		27/18%			119/81%		100%

лагается четыре ступени: конструирование начина (5) и полого тела (6), формообразование (7) и механическая обработка поверхностей (8).

Ступени 5–7. Микроскопическое изучение керамики памятника позволило выяснить, что конструирование сосудов могильника Екатериновский мыс производилось лоскутным налепом, по-видимому, с применением различных форм-моделей. При использовании форм-моделей формообразование происходит уже в процессе конструирования: форма сосуда задается формой самой модели (Бобринский, 1978, с. 193–200). Совместное применение форм-моделей и лоскутного налепа указывает на единственность решения трех узких технологических задач: конструирования начина, полого тела и придания сосуду формы. Поэтому информация о навыках труда на этих ступенях гончарного производства (5–7) объединена.

Факт конструирования сосудов могильника Екатериновский мыс посредством лоскутного налепа установлен на основе признаков, выявленных экспериментальным методом (Васильева, Салугина, 2010). Наибольшее распространение имели приемы спиралевидного лоскутного налепа. Изучение развалов крупных

сосудов выявило применение зонального лоскутного налепа. Данный способ предполагает конструирование сосуда в несколько этапов. На каждом из них наращивание по спиральной траектории лоскутов заканчивалось созданием широких колец или зон, края которых выравнивались и заглаживались в конце каждого этапа. Впоследствии на выровненных стенках сосуда продолжалось дальнейшее наращивание лоскутов по спирали для создания следующего кольца. По нескольким сосудам удалось зафиксировать высоту зон – 3–5 см. В качестве строительных элементов использовались лоскуты: небольшие фрагменты, отрываемые от продолговатого куска ФМ или жгута, диаметр которых определяется приблизительно в пределах 1,5–2 см. Длина отрываемого кусочка не превышала, как правило, 2–3 см. Сосуды могильника были округлодонными. В нашем распоряжении оказался фрагмент только одного днища, в результате изучения которого можно определить лишь факт использования лоскутного налепа. Информация о программах конструирования начинов пока отсутствует.

Можно предполагать, что формообразование сосудов данного памятника производилось с помощью различных форм-моделей. Сохранность

поверхностей изученных сосудов очень плохая из-за выщерблин от не сохранившейся раковины. На внутренней и внешней поверхностях 20 сосудов зафиксированы участки с нечеткой шероховатостью от вероятных мягких прокладок. У 6 из них можно конкретизировать материал – шкуры животных. Более четкие следы использования шкур животных в качестве прокладок зафиксированы на 4 сосудах: у одного – на внешней, у трех – на внутренней поверхности. Они представлены округлыми в плане, довольно четкими негативными отпечатками «клубков» шерсти диаметром от 3 до 6 см. Факт обнаружения таких следов как на внутренней, так и на внешней поверхностях сосудов указывает на вероятность использования форм-основ и форм-емкостей, а также поочередного их применения в процессе изготовления одного сосуда. Следы от прокладок сохранились в деформированном виде и лишь на отдельных участках сосудов. Это связано с тем, что впоследствии большая часть поверхности сосудов подвергалась тщательному заглаживанию.

В качестве дополнительного приема придания сосудам окончательной формы можно предполагать выбивание. Возможно, что выбивание определенным образом было связано со специфическим орнаментом изученной керамики. Для получения четких отпечатков плетеной или прошитой фактуры были необходимы определенные усилия для уплотнения соприкосновения поверхности сосуда с орнаментированной фактурой.

Ступень 8. Приемы труда на ступени обработки поверхностей сосудов могильника Екатерининский мыс можно отнести к механическим: простое заглаживание и влажное

уплотнение (способ, аналогичный лощению, но без характерного блеска). Отмечены многочисленные случаи неоднократного заглаживания поверхностей одного сосуда, часто разными орудиями и материалами. По следам, оставленным на поверхности сосудов, можно предполагать следующие способы и орудия обработки поверхностей: 1) уплотнение материалом, не оставляющим рельефных следов. Его характер из-за специфической поверхности сосудов, насыщенной выщерблинами от частиц раковины, плохо определяется (возможно, кусочек кожи) (46% сосудов); 2) заглаживание твердым орудием с «гребенчатым» рабочим краем, оставляющим следы с развитым рельефом, регулярностью и параллельностью выпуклых и вогнутых бороздок. Чаще орудие такого типа использовалось при обработке внутренней поверхности, значительно реже и фрагментарно – при заглаживании внешней поверхности (19% сосудов); 3) деревянным скребком, оставляющим на поверхности сосуда выпуклые трассы «ступенчатого» характера, с ритмическим повторением особенностей древесины (7%). В одном случае зафиксировано использование гальки для обработки внутренней поверхности сосуда. Сохранность остальных сосудов не позволила конкретизировать приемы обработки поверхностей.

Стадия закрепительная (ступени 9–10). Придание прочности и устранение влагопроницаемости достигались, в основном, в процессе обжига изделий. Большинство изученных образцов показало необходимую механическую прочность. Поверхность сосудов имеет преимущественно пятнистую серо-коричневую окраску. При этом обращает на

себя внимание тот факт, что значительную площадь занимают светло-коричневые участки. Зафиксированы следующие виды излома черепка: 1) однотонный серый; 2) трехслойный (с осветленными поверхностными прослоями и темно-серой сердцевинной); 3) двухслойный (со светло-коричневым прослоем у внешней или внутренней поверхности и темно-серой остальной частью черепка); 4) сквозной коричневый. Толщина осветленных прослоев изнутри и снаружи черепка составляет 0,1–4 мм. Сердцевина черепка темно-серого или черного цвета достигает 4–7 мм. Зафиксирована углефикация растительных остатков внутри этого слоя. Полученные данные свидетельствуют о костровом обжиге керамики с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и последующей кратковременной выдержкой при температурах калия (650–750°), вероятно, в окислительной среде. Наряду с «горячими» существовали и «холодные» способы в форме введения органических растворов (Бобринский, 1999, с. 85–105). В целом можно предполагать распространение смешанных способов придания прочности и влагонепроницаемости сосудов посредством холодных и горячих (термических) воздействий на гончарные изделия. Поскольку использовались приемы неполной выдержки изделий при температурах калия глины, в результате чего они приобретали 2–3-х слойную окраску в изломе, то можно рассматривать их как частично сформированные (Бобринский, 1999, с. 85–105). Важно отметить, что изделия с примесью раковины требуют особого режима обжига. Раковина моллюсков состоит из кристаллов углекислой извести

(CaCO₃), расположенных в несколько слоев, и из поверхностного слоя органического вещества (конхиолина). CaCO₃ – очень капризная примесь в глинах, т. к. в температурном режиме 700–900° она разлагается на CaO и CO₂. При этом газ улетучивается, а CaO (негашеная известь) активно поглощает из воздуха влагу, распадаясь в порошок и увеличиваясь в объеме, что приводит к образованию так называемого «дутика» и разрыву изделия (Августинник, 1975, с. 58–59). Экспериментальный обжиг сосудов, содержащих в своем черепке большое количество обломков раковины пресноводных моллюсков, часто приводил к тому, что после длительного пребывания в окислительной среде при высоких температурах вместо сосудов со временем образовывались кучки обожженной формовочной массы. Режим обжига сосудов с раковинной должен был включать длительный низкотемпературный период термической обработки (300–400°) в условиях изоляции изделий от кислорода. Для этого могла использоваться прокладка золы. В пользу данного предположения свидетельствует и углефицированное состояние растительной органики, костей и чешуи рыбы в темно-серых слоях сосудов – «графитизация органических примесей» (Августинник, 1975, с. 189). Степень сохранности некоторых сосудов могильника указывает на то, что примесь раковины в черепке частично выгорела или была выщелочена в определенных почвенных условиях, хотя сосуды не были полностью разрушены. Выявление причин этого нуждается в специальном исследовании. Следует только отметить, что если дробленая раковина выгорала в результате обжига посуды, то дан-

ный факт может свидетельствовать об утрате определенных знаний и навыков работы гончаров. Обращает на себя внимание, что керамика данного памятника в большей степени, чем, например, двух Хвалыньских могильников, окрашена в светло-коричневый цвет. Зафиксировано больше образцов с окислительными прослойками, и мощность этих прослоев достигает 3–4 мм, что свидетельствует о более продолжительном периоде нахождения в температурах каления в окислительных условиях.

Суммируя результаты технико-технологического анализа керамики могильника Екатерининский мыс, можно сделать следующие выводы:

1. Производство керамики имело простую структуру (10 обязательных и одна дополнительная ступень – орнаментирование). Оно может быть отнесено к архегончарным производствам, в которых илестые глины выполняли функцию основного сырья (Бобринский, 1999, с. 79). Вся изученная посуда сделана без использования гончарного круга и специализированных обжиговых устройств в рамках домашнего производства для нужд каждого отдельного домохозяйства.

2. Гончарная технология населения, оставившего данный могильник, характеризуется однородностью и устойчивостью навыков труда. Можно оконтурить совокупность наиболее массовых технологических традиций:

– на подготовительной стадии:

1) распространение взглядов населения на илестые глины; 2) преимущественный отбор жирных илестых глин; ограниченное количество источников сырья; 3) увлажненное состояние ИПС непосредственно перед составлением ФМ; 4) применение в качестве искусственной примеси

дробленой раковины, которая подвергалась предварительной подготовке (термической обработке при низких температурах, дроблению, просеиванию); 5) преобладание рецептов ФМ, в которых дробленая раковина выступала в качестве именно примеси; 6) наличие реликтового приема введения органических растворов;

– на созидательной стадии: 1) распространение приемов лоскутного налепливания и спиралевидного наращивания лоскутков; 2) применение форм-моделей (форм-основ и форм-емкостей) и прокладок из мягких материалов (в том числе шкур животных); 3) использование зонального лоскутного налета; 4) способы обработки поверхностей: простое заглаживание и уплотнение, наличие приемов заглаживания твердым орудием типа гребенчатого штампа;

– на закрепительной стадии:

1) использование горячих и смешанных приемов придания прочности сосудам; 2) соответствие представлений о термической обработке состоянию несформированности; 3) можно предполагать некоторые изменения в приемах термической обработки, связанные с продолжительностью времени каления.

Заключение. Историко-культурный подход к изучению древнего гончарства позволяет обратиться к полученным данным по гончарной технологии как источнику историко-культурной информации и сделать следующие выводы (Бобринский, 1978; Цетлин, 2012).

Во-первых, совокупность наиболее массовых гончарных традиций населения, оставившего могильник Екатерининский мыс, находит прямые аналогии в нео-энеолитическом гончарстве Нижнего Поволжья. Из-

учение технологии изготовления керамики неолитических стоянок: Варфоломеевка (Васильева, 2012), Орловка, Алгай и Орошаемое (Васильева, 2018) позволило прийти к выводу о том, что именно в недрах орловской неолитической культуры вызрели гончарные традиции, ставшие впоследствии характерными для прикаспийской и хвалынской культур (Юдин, 2004; 2012; Васильева, 2018). К ним относятся: использование в качестве ИПС илистых жирных глин; введение в ФМ искусственной примеси дробленой раковины; конструирование сосудов в формах-моделях посредством лоскутного налепа; тщательное уплотнение поверхностей; особо организованный обжиг, предназначенный для термической обработки сосудов с большим содержанием дробленой раковины (Васильева, 2002). Данные культурные традиции прослежены в гончарстве пришлой группы населения, оставившего могильник у с. Съезжее (Самарская обл.) (Васильева, 1999), а также части населения ивановского и тоцкого типов памятников самарской культуры (Оренбургская обл.) (Турганинское поселение..., 2017). Таким образом, гончарная технология населения, оставившего могильник Екатерининский мыс, находит довольно четкое место в системе древнейших гончарных традиций Поволжья.

Во-вторых, значительная однородность и устойчивость трудовых навы-

ков были возможны только в ситуации стабильности общества и относительной замкнутости носителей технологических знаний – гончаров. Однако их полной изоляции не было. О возможных контактах с инокультурными микрогруппами древнего населения свидетельствуют немногочисленные факты появления в изучаемом гончарстве приемов отбора тощих илистых глин и введения в ФМ только органических растворов, без дробленой раковины; способов заглаживания сосудов орудием типа гребенчатого штампа; определенные изменения в термической обработке изделий. Выявлен ряд специфических черт морфологии керамики могильника: наличие сосудов очень крупных размеров; несформированность представлений о форме «воротничка»; определенная смешанность орнаментальных традиций: с одной стороны, прочерчивание в виде плавно изогнутых волнистых линий и гребенчатый штамп, что характерно для прикаспийской культуры, с другой, использование плетеных фактур и, возможно, веревочного штампа, распространенное в хвалынской культуре.

Дальнейшее изучение материалов Екатерининского могильника должно быть направлено на выяснение причин характера специфики данного памятника – хронологического или конкретно-исторического.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Августинник А.И.* Керамика. Л.: Стройиздат, 1975. 592 с.
2. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
3. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С. 5–109.

4. *Васильева И.Н.* Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 1999. С. 191–216.

5. *Васильева И.Н.* О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: изд-во СамГПУ, 2002. С. 15–49.

6. *Васильева И.Н.* Сравнительный анализ технологии керамики Съезженского и I–II Хвалынских могильников // РА. 2005. № 3. С. 76–84.

7. *Васильева И.Н.* Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи. Вып. 9 / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов: СГУ, 2012. С. 5–22.

8. *Васильева И.Н.* О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Тезисы Международного симпозиума (29–31 октября 2013 г.) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2013. С. 16–23.

9. *Васильева И.Н.* Итоги технико-технологического анализа керамики стоянок Алтай и Орошаемое // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 17–19.

10. *Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Лоскутный налп // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин, Н.П. Салугина. М.: ИА РАН. 2010. С. 72–87.

11. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Екатерининский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 514–517.

12. *Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Грунтовый могильник Екатерининский мыс эпохи неолита в Самарском Поволжье: итоги работ 2013–2016 гг. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Дервянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 527–528. <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896>

13. *Петрова Н.Ю.* Оценка концентрации дроблёной раковины моллюсков в формовочной массе глиняных сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. С-Пб.: ИИМК РАН, 2016. С. 65–67.

14. Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

15. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

16. *Юдин А.И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: СГУ, 2004. 200 с.

17. *Юдин А.И.* Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: «Научная книга», 2012. 211 с.

Информация об авторе:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

ON THE TECHNOLOGY OF MAKING CERAMICS OF THE ENEOLITHIC BURIAL GROUND EKATERINOVSKY CAPE

I.N. Vasilyeva

The paper presents the Eneolithic ceramics of the burial ground Ekaterinovskiy Cape technical and technological analysis results. The cultural traditions in the pottery of the monument created population have been the aim of the study. The pottery technology has been researched in the historical and cultural approach to the study of ancient pottery, developed by A.A. Bobrinsky. This approach is based on binocular microscopy, traceology and an experiment in the form of physical modeling. A total of 147 ceramics samples have been studied by the author: destroyed vessels and fragments of the rims, walls and bottom parts of the vessels of the Eneolithic era from excavations of 2013–2016. As a result, it has been revealed that the aggregate of the most popular pottery traditions of the population left the burial ground Ekaterinovskiy cape, has direct analogies in the neo-Eneolithic pottery of the Lower Volga region. These pottery traditions originated in the depths of the Orlovskaya Neolithic culture, and later became characteristic of the Caspiiskaia and Khvalynsk cultures. These traditions include: silty, oily clay as a raw material use; introduction to the molding mass of a crushed shell artificial admixture; construction of vessels in form-models by patchwork means; sealing surfaces; specially organized roasting intended for heat treatment of vessels with crushed shell high content. These labor skills were also inherent to the alien group of people who left the burial ground near village Siezzhee (Samara region), and for a part of the population of Ivanovka and Tok cultural types (Orenburg region).

Keywords: archaeology, Eneolithic, Samara trans-Volga area, pottery technology, cultural traditions, technical and technological analysis of ceramics according to the method of A. Bobrinsky.

REFERENCES

1. Avgustinnik, A. I. 1975. *Keramika (Ceramics)*. Leningrad: "Stroiizdat" Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
4. Vasil'eva, I. N. 1999. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 191–216 (in Russian).
5. Vasil'eva, I. N. 2002. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Volga Region)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 15–49 (in Russian).
6. Vasil'eva, I. N. 2005. In Rossiiskaia Arkheologiia (*Russian Archaeology*) (3), 76–84 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 2012. In Lopatin V.A. (ed.). *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 9. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 5–22 (in Russian).
8. Vasil'eva, I. N. 2013. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii (Present-Day Approaches to the Studying of Ancient Ceramics in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16–23 (in Russian).
9. Vasil'eva, I. N. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 7–19 (in Russian).

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project No. 33.1907.2017 / PCh.

10. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 2010. In Tsetlin, Yu. B., Salugina, N. P. (eds.). *Drevnee goncharstvo. Itogi i perspektivy izucheniia (Ancient Pottery. Study Results and Prospects)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 72–87 (in Russian).
11. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3(2), 514–517 (in Russian).
12. Korolev, A. I., Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov [Elektronniy resurs] (V (XXI) All-Russian Archaeological Congress [Electronic Resource])*. Barnaul: Altai State University, 527–528 (in Russian). <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896>
13. Petrova, N. Yu. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 65–67 (in Russian).
14. Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turganikskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast)*. Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).
15. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
16. Yudin, A. I. 2004. *Varfolomeevskaia stoianka i neolit stepnogo Povolzh'ia (Varfolomeevka Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute (in Russian).
17. Yudin, A. I. 2011. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ia (Kumyska Settlement and the Eneolithic of the Steppe Volga Region)*. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ. (in Russian).

About the Author:

Vasilyeva Irina N. Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Статья поступила в номер 16.01.2019 г.

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БАЛАХЧИНСКОЙ VIa СТОЯНКИ В ПРИУСТЬЕВОМ ПРИКАМЬЕ¹

© 2019 г. А.А. Выборнов, А.В. Шипилов

Авторами статьи анализируются материалы одного из неолитических памятников Среднего Поволжья. Керамический материал Балахчинской VIa стоянки по технико-типологическим признакам соответствует керамической традиции камской неолитической культуры. Особенности форм венчиков сосудов, способы нанесения узоров и характер орнаментальных композиций позволяют охарактеризовать локальные особенности данного керамического комплекса. Результаты технико-технологического анализа исходного пластичного сырья и формовочных масс сосудов подтверждают типологические признаки данной керамики, отражающие взаимодействие носителей гребенчатой (камской) традиции и населения средневожской культуры с керамикой накольчатого типа. Каменный инвентарь по совокупности технико-типологических характеристик соответствует особенностям инвентаря камской культуры. По мнению авторов, по ряду признаков рассмотренные неолитические материалы Балахчинской VIa стоянки следует отнести к переходу от развитого к позднему этапу неолита. Хронологическая позиция стоянки соответствует середине V тыс. до н. э. в калиброванных значениях.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, неолит, камская культура, керамика, каменный инвентарь, технико-технологический анализ.

Начало целенаправленного изучения неолитических памятников Нижнего Прикамья связано с исследованиями А.Х. Халикова. Им была выделена волго-камская культура, в развитии которой выделялось два этапа: ранний, характеризовавшийся комплексами с накольчатой керамикой, и поздний, в котором представлены памятники с гребенчатой посудой (Халиков, 1969). Стоянки первого этапа концентрировались в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, а затем культура распространилась вплоть до верховьев р. Камы. Дальнейшие изыскания, осуществленные Р.С. Габяшевым на типологической основе, несколько скорректировали предложенную схему – стоянки с накольчатой и гребенчатой керамикой на инте-

ресуемой территории одновременны (Габяшев, 1978). Независимо от того какая из концепций является более обоснованной, очевидно, что район Среднего Поволжья является одним из важнейших для изучения форм и механизмов взаимодействия различных групп населения в эпоху неолита. И в этой связи появляется необходимость в анализе материалов конкретных памятников.

Одним из них является VIa Балахчинская стоянка. Предварительная информация о ней была введена в научный оборот более 40 лет назад, но формат статьи не позволил авторам дать подробную публикацию материалов (Габяшев и др., 1976). Данная статья призвана исправить ситуацию, тем самым расширить исследова-

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения проекта 33.1907. государственного задания Министерства образования и науки РФ.

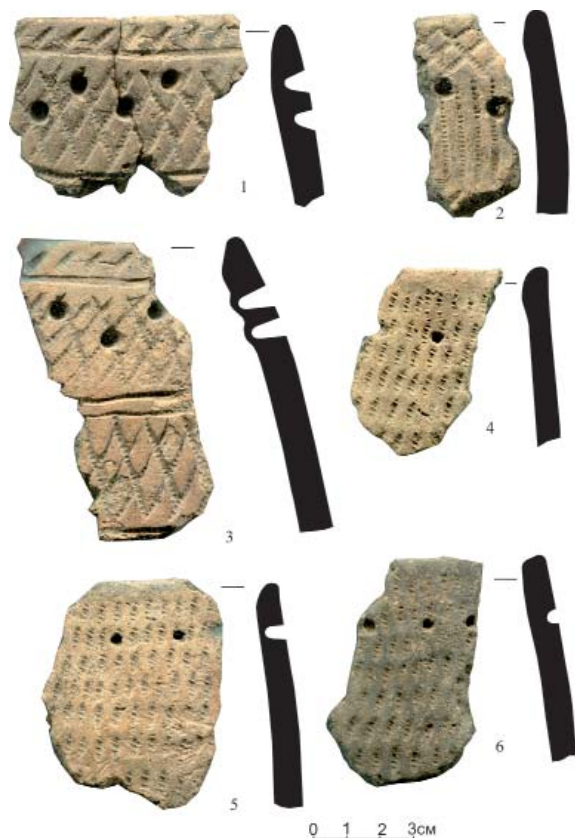

Рис. 1. Керамика Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 1. Ceramics from Balakhchino VIa site.

тельное наследие А.Х. Халикова и Р.С. Габяшева.

Памятник находится в 2 км к северо-западу от с. Балахчино Алексеевского района Республики Татарстан и располагается на второй надпойменной террасе левого берега р. Кама. В результате проведенных археологических изысканий на VIa Балахчинской стоянке было получено 268 экземпляров керамики серого или светло-коричневого цвета. Из них выделено 38 верхних частей сосудов. Судя по формам венчиков и стенок, сосуды имели полуайцевидную прикрытую или прямостенную форму, а имеющееся днище (рис. 6: б) свидетельствует о круглодонности посуды. Профилиро-

ванные формы отсутствуют. Толщина фрагментов варьируется от 0,8 до 1,4 см, при средней толщине 0,9–1,0 см. Внутренняя и внешняя поверхности черепков заглажены мягким предметом. Лишь на 11 венчиках от 8 разных сосудов представлен небольшой наплыв на внутренней стороне посуды (рис. 1: 2, 4; 2: 11, 12). Преобладают округлые (рис. 1: 1–4; 2: 5, 7, 10, 12; 3: 1) и плоскоскошенные (рис. 1: 6; 2: 1, 6, 8; 3: 2) срезы венчиков. Несколько экземпляров имеют незначительный отворот среза венчика наружу (рис. 1: 5; 2: 3). Бордюрная зона украшена горизонтальными рядами короткого зубчатого штампа (рис. 1: 1; 2: 9, 10, 12; 3: 2) или косой решеткой

Рис. 2. Керамика Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 2. Ceramics from Balakhchino VIa site.

(рис. 1: 2; 2: 1). Под ней у подавляющего числа венчиков расположен горизонтальный ряд ямочных (круглых) вдавлений, от которых на внутренней стороне сосудов образовывались выпуклины – «жемчужины» (рис. 1; 2: 3–12; 3: 1, 2, 8). Орнамент густо покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Для нанесения узора применялся длинный с узкими (рис. 1: 2; 2: 4, 9; 3: 1; 4: 3) или средними (рис. 2: 5; 3: 2, 3, 4, 6; 4: 7–10) зубцами штамп. Второе место занимают отпечатки короткого овального зубчатого орнамента (рис. 1: 4–6; 2: 3, 10, 12; 6: 8). Причем они употреблялись не только в разделительных зонах, но и как самостоятельная композиция. На тре-

тьем месте их сочетание (рис. 5: 5–8; 6: 3). Именно они подтверждают одновременность бытования обоих видов нанесения орнамента. Малочисленные отпечатки крупнозубчатого штампа (рис. 3: 7). Следует отметить, что применение короткого зубчатого орнамента отнюдь не является исключительной чертой керамики средневожского региона. Аналогичные композиции есть не только на керамике стоянок на р. Ик (Морозов и др., 2017), но и на посуде верхнекамских памятников (Денисов, 1961). Однако в комплексах Среднего Поволжья этот вид узора составляет большой процент. Единичны отпечатки косозубого инструмента (рис. 3: 5, 7) и ямчатые овальные

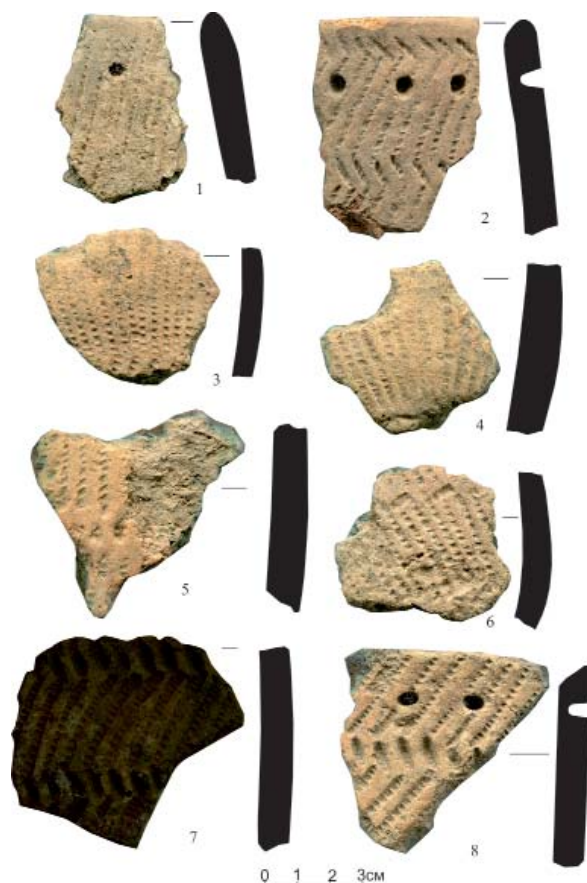

Рис. 3. Керамика Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 3. Ceramics from Balakhchino VIa site.

вдавления (рис. 2: 6). Примечателен фрагмент, на котором помимо гребенчатых отпечатков есть треугольные наклады, выполненные углом зубчатого штампа (рис. 6: 4). Это также наводит на мысль о синхронности употребления обеих техник. Среди орнаментальных композиций преобладают горизонтальные ряды прямых или наклонных отпечатков длинного (гребенчатого) штампа, разделенные рядами коротких отпечатков (рис. 1: 2; 3: 1–8); вертикальный зигзаг (рис. 4: 6–10); ряды прямо поставленных или наклонных гребенчатых отпечатков, разделенных одинарным или двойным горизонтальным зигзагами (рис. 4:

2–5). В меньшей степени представлены горизонтальные ряды коротких зубчатых отпечатков (рис. 1: 4–6); сочетание горизонтальных и вертикальных рядов длинных отпечатков (рис. 5: 1–3); наклонных рядов (рис. 2: 5; 6: 5); сочетание длинных и коротких отпечатков (рис. 5: 4–8). Единична косая решетка (рис. 1: 1, 3) и шагающая гребенка (рис. 6: 6).

Вышеперечисленные признаки находят ближайшие аналогии в материалах XX Кузькинской стоянки, расположенной в этом же регионе (Шипилов, 2013). Следует отметить, что по целому ряду показателей посуда проанализированного памятника

Рис. 4. Керамика Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 4. Ceramics from Balakhchino VIa site.

сходна с керамикой II и III Старо-Мазиковских стоянок (Халиков, 1961) и Подлесное IV (Выборнов, Третьяков, 1984). Исследователи относят их к камской культуре. В то же время, специалисты в области типологии керамики отмечали ряд отличий гребенчатой посуды Среднего и Нижнего Прикамья (Калинина, 1979; Третьяков, 1984). Комплекс VIa Балахчинской стоянки подтверждает эти наблюдения. В отличие от средне- и верхнекамских средневожская керамика более тонкостенная; большая доля прямостенных сосудов; небольшой процент напылов на венчиках; значительное употребление короткого

овального зубчатого штампа; наличие ряда ямок под венчиком; минимальное распространение шагающей гребенки; незначительное количество композиций. Все это указывает на локальные особенности внутри камской культуры. Наличие в коллекции фрагментов, украшенных овальными ямчатыми вдавлениями, не дают основание видеть в этом влияние балахчинской культуры, для которой такой способ характерен. Он присущ и керамике камской культуры на всей ее территории, начиная с раннего этапа развития (Выборнов, 2008). В то же время, необходимо обратить внимание на такую черту, как горизонталь-

Рис. 5. Керамика Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 5. Ceramics from Balakhchino VIa site.

ный пояс ямочных вдавлений под срезом венчика. На Верхней и Средней Каме такое не характерно. Можно предположить, что этот признак заимствован камским населением от носителей средневожской культуры, для которой он является визитной карточкой. Данная версия находит подтверждение в результатах технико-технологического анализа керамики VIa Балахчинской стоянки. Для керамики Верхнего и Среднего Прикамья характерна посуда, изготовленная из

глины с примесью шамота, а для лесостепного Среднего Поволжья присуща посуда из илстой глины (Васильева, Выборнов, 2016). Что касается балахчинского комплекса, то здесь зафиксировано доминирование жирной илстой глины с использованием естественно увлажненного сырья, но большая часть исходного пластичного сырья дробилась в сухом состоянии. Присутствует в формовочной массе и примесь шамота. Таким образом, прослеживается не только камский

Рис. 6. Керамика Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 6. Ceramics from Balakhchino VIa site.

компонент, но и значительная доля средневожской культуры. Это подтверждает взаимодействие двух групп населения (Васильева, Выборнов, 2013). По мнению исследователей, этот процесс достиг апогея именно в период существования интересующего памятника. Это подтверждает периодизационное положение стоянки. Комплексы типа II Лебединской стоянки как по типологии, так и по технико-технологическим признакам, имеют более ранние показатели. Не

случайно А.Х. Халиков относил комплексы II Старо-Мазиковской стоянки (аналога VIa Балахчинской) к позднему этапу развития волго-камской культуры (Халиков, 1973).

В ходе археологических изысканий на VIa Балахчинской стоянке был получен выразительный массив находок (118 экз.) из камня. В качестве сырья для изготовления орудий применялся, преимущественно, кремь белого и серого цветов. Кроме кремневых в коллекции присутству-

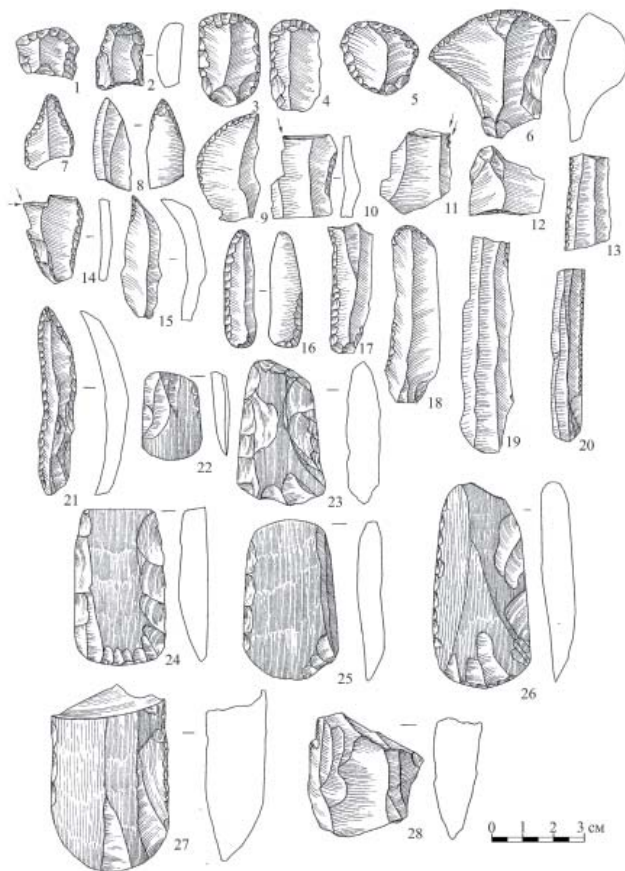

Рис. 7. Каменный инвентарь Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 7. Stone inventory from Balakhchino VIa site.

ет одно изделие, применявшееся для производства орудий, представленное отбойником из гальки. Присутствуют два нуклеидных куска, один из которых имеет коническую форму (рис. 8: 15). Среди находок преобладают отщепы (64 экз.). На трех присутствует невыразительная ретушь. Обнаружено 9 ножевидных пластин и сколов подпрямоугольной формы (рис. 8: 1–9) и 2 пластины клиновидной формы (рис. 8: 11, 13). Они по сырью не отличаются от орудий памятника, поэтому могут быть органичным целым комплексом. Орудия из кремня обладают весьма устойчивыми формами. Наиболее многочисленная категория

представлена изделиями скребковой и режущей функциями. Скребки, изготовленные на пластинах и отщепах, концевой типа. Они имеют прямоугольную, трапециевидную и овальную формы (рис. 7: 1–6; 8: 17–19). Помимо рабочего лезвия в ряде случаев ретушь нанесена и на продольные стороны (рис. 7: 1–4; 8: 19). Режущие орудия сделаны преимущественно на пластинах (рис. 7: 7–21; 8: 1–11, 13). Они располагают одним или двумя рабочими краями, подправленные односторонней ретушью по краю. В ряде случаев ею оформляли рабочую часть орудий на пластинах со стороны брюшка (рис. 7: 8, 16). Среди режущих

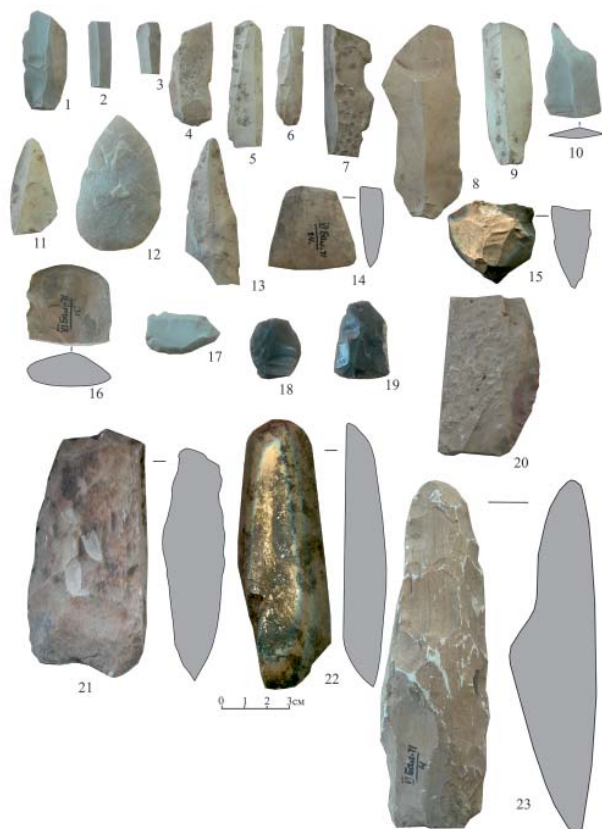

Рис. 8. Каменный инвентарь Балахчинской стоянки VIa.

Fig. 8. Stone inventory from Balakhchino VIa site.

изделий примечателен нож саблевидной формы (рис. 7: 9). Не меньшего внимания заслуживает прямолезвийный нож на пластине, обладающий двумя рабочими краями (рис. 7: 21). Особо следует отметить однолезвийный нож на кремневой плитке (рис. 8: 20), столь характерный именно для каменной индустрии камской культуры. На ножевидной пластине выполнена проколка с выраженным одним плечиком и оформленным острием с подретушированным краем (рис. 8: 10). К острию с плечиками можно отнести еще одно изделие (рис. 7: 7). Еще два симметричных перфоратора оформлены вентральной ретушью

(рис. 7: 8, 15). Один экземпляр клювовидной формы (рис. 7: 15). Можно выделить три изделия с резцовыми сколами (рис. 7: 10, 11, 14).

К орудиям охоты следует отнести один наконечник дротика миндалевидной формы. По всей поверхности оно оформлено отжимной ретушью. Длина орудия составила около 6 см при ширине пера 4 см (рис. 8: 12). Следует отметить, что данное орудие обладает широким кругом аналогий в материалах поселенческих памятников эпохи неолита Волго-Камского региона.

Деревообрабатывающие орудия представлены долотами (4 экз.) и тес-

лами (6 экз.) и топором (рис.8: 21), изготовленными из белого низкокачественного кремня. Долота обладают подпрямоугольной (рис. 7: 22, 24, 27) и подтрапцевидной (рис. 8: 22) формой. В сечении орудия обладают клиновидными очертаниями. Их длина варьируется от 4 до 12,5 см при ширине лезвия от 2,5 до 5 см. Тесла, обнаруженные на VIa Балахчинской стоянке (рис. 7: 23, 25, 26; 8: 14, 16, 23), в отличие от долот, имеют более широкую рабочую часть. Они имеют подтрапцевидную форму и клиновидную профилировку. Некоторые орудия сохранились во фрагментированном виде (рис. 7: 28; 8: 16). Их длина варьируется от 4 до 16 см при ширине от 4 до 5,5 см. Среди деревообрабатывающих орудий присутствуют экземпляры, шлифованные по всей поверхности (рис. 8: 14, 22). Следует также отметить, что обнаруженные на Балахчинской VI стоянке тесла, топоры и долота получили широкое распространение на неолитических памятниках Восточной Европы и обладают необычайно широким кругом аналогий. При этом их высокий процент присущ именно камской культуре по сравнению с комплексами, со-

держащими керамику с накольчатой орнаментацией (Габяшев, 1978).

Подводя итог анализу технико-типологических характеристик каменного инвентаря VIa Балахчинской стоянки, следует констатировать его соответствие показателям камской культуры (Габяшев, 1978; 2003).

Для определения возраста интересующего комплекса по органике в керамике VIa Балахчинской стоянки получена радиоуглеродная дата – 5880±100 (Spb-897) лет BP (5000–4500 лет BC) (Выборнов и др., 2014). Учитывая, что развитой этап камской культуры датируется 6000–5600 лет BP, а поздний 5500–5300 лет BP, то верхний предел калиброванного значения балахчинской даты вполне приемлем для комплекса перехода от развитого к позднему этапу. С другой стороны, нельзя исключать, что илистая глина и шамот повлияли на удревнение значения даты.

Подводя итог анализу комплекса VIa Балахчинской стоянки следует констатировать, что его материалы позволяют получить новую качественную информацию о специфике развития неолитического населения Среднего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.
2. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 104–123.
3. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.
4. Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Поснерт Г. Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита-энеолита Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. Том 16. 2014. № 3. С. 242–248.
5. Выборнов А.А., Третьяков В.П. Поселение Подлесное IV на верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 32–49.

6. *Габяшев Р.С.* Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дисс...канд. ист. наук. Казань, 1978. 19 с.
7. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
8. *Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. С.3–34.
9. *Денисов В.П.* Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки ПГУ. Вып. 1. Т. 13. Пермь, 1960. С. 34–71.
10. *Калинина И.В.* Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. Вып. 20. Л.: Искусство, 1979. С. 5–27.
11. *Морозов В.В., Лыганов А.В., Капленко Н.М.* Поздненеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 70–88.
12. *Третьяков В.П.* Неолитическая керамика и археологические культуры // СА. 1984. № 1. С. 66–76.
13. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.
14. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
15. *Халиков А.Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172. Л.: Наука, 1973. С. 107–121.
16. *Шипилов А.В.* Хронологические комплексы XX Кузькинской стоянки // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 113–124.

Информация об авторах:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

**BALAKHCHINO VIA SITE NEOLITHIC COMPLEX
IN THE KAMA MOUTH REGION**

A.A. Vybornov, A.V. Shipilov

The materials from one of the Neolithic sites of the Middle Volga Region are analyzing by the authors of the paper. Ceramic finds from the site corresponds to the ceramic tradition of the Neolithic Kama culture in terms of the technical and typological characteristics. The peculiarities of vessel rim shapes, pattern application techniques and the nature of ornamental compositions allow to characterize the local features of the ceramic complex. The results of technical and technological analysis of the initial plastic raw materials and molding masses of vessels confirm the typological attributes of this ceramics, reflective the interactions between the carriers of the combed (Kama) tradition and the population of the Middle Volga culture with pitted ceramics. The characteristic features of the stone inventory correspond to that of the Kama culture on the basis of a series of technical and typological attributes. According to the authors, the studied Neolithic materials of Balakhchino VIa site should be attributed to the period of transition from the developed to the late stage of the Neolithic on the basis of a series of attributes. The chronological position of the site corresponds to the mid-5th Millennium B.C. in calibrated values.

Keywords: archaeology, Middle Volga Region, Neolithic, Kama culture, ceramics, stone inventory, technical and technological analysis.

The work was prepared within the framework of project 33.1907 under a state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 60–86 (in Russian).
2. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 104–123 (in Russian).
3. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
4. Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Baratskov, A. V., Grechkina, T. Yu., Lychagina, E. L., Naumov, A. G., Zaitseva, G. I., Kul'kova, M. A., Goslar, T., Oinonen, M., Possnert, G. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, nr. 3, 242–248 (in Russian).
5. Vybornov, A. A., Tret'iakov, V. P. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 32–49 (in Russian).
6. Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age of the Lower Kama)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
7. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia B.C.)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences; “Fän” Publ. (in Russian).
8. Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).
9. Denisov, V. P. 1960. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 13(1). Perm: Perm State University, 34–71 (in Russian).
10. Kalinina, I. V. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 5–27 (in Russian).
11. Morozov, V. V., Lyganov, A. V., Kaplenko, N. M. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 70–88 (in Russian).
12. Tret'iakov, V. P. 1984. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 66–76 (in Russian).
13. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
14. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Leningrad: “Nauka” Publ., 107–121 (in Russian).
16. Shipilov, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 113–124 (in Russian).

About the Authors:

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в номер 11.01.2019 г.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ОБЛИКА НОСИТЕЛЕЙ
КУЛЬТУР СИНТАШТИНСКОГО КРУГА
ПОЗДНЕГО ЭТАПА ЭПОХИ БРОНЗЫ¹**

© 2019 г. А.А. Хохлов, Е.П. Китов

Авторами рассматриваются результаты изучения антропологических материалов синташтинской и связанных с ней культур финала средней бронзы – начала поздней бронзы. Представлены теоретические аспекты проблемы морфогенеза населения данных культур в связи с археологическими и генетическими исследованиями. Практическая часть посвящена анализу новых краниологических источников из погребений синташтинско-абашевского хронологического горизонта лесостепного Приуралья. Вводятся в научный оборот материалы коллективного захоронения у села Малоюлдашево и курганного могильника Красиково I Оренбургской области. Определяется их место в кругу синхронных форм Приуралья и Поволжья. Показана антропологическая неоднородность населения. Рассмотрена перспектива совместных археолого-антропологических и генетических исследований для реконструкции процессов культурогенеза и морфогенеза.

Ключевые слова: археология, антропология, бронзовый век, синташтинская культура, башевская культура, историческая реконструкция, краниология.

Вопросы происхождения синташтинского феномена, существовавшего на рубеже III/II тыс. до н. э. на Южном Урале, периодически поднимались в трудах отечественных и зарубежных специалистов (Смирнов, Кузьмина, 1977; Зданович, Зданович, 1995; Шишлина, Хилберт, 1996 и др.). Решению этой проблемы способствовало и неоднократное обращение к антропологическому материалу синташтинских и связанных с ними памятников, основные выводы по исследованию которых сводятся к нижеследующим положениям:

Фиксируется резкий краниологический полиморфизм на внутrigрупповом уровне и выраженная политипия на межгрупповом, контрастно выделяющая население этой культу-

ры на фоне других популяций эпохи бронзы (Хохлов, 2010, 2017).

В составе этого блока культур отмечаются различные варианты индивидов европеоидной, уралоидной рас, а в единичных случаях, фиксируется проявление монголоидности. Доминируют европеоидные краниологические варианты гиперморфного облика (Хохлов, 2010; Китов и др., 2018).

Потаповские группы населения Волго-Уралья морфологически вариативнее, чем синташтинские Южного Урала и Зауралья. У первых более отчетливо прослеживаются выше представленные краниологические варианты, которые приняли участие в сложении данного населения (Хохлов, 2017).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, проект №18-18-00137.

Маловероятны прямые миграции групп синташтинского населения из каких-либо отдаленных мест на Южный Урал. При этом участие различных групп в морфогенезе популяций данной культуры не поддается сомнению (Хохлов, Китов, 2014; Хохлов, 2017).

Недавно были опубликованы материалы синташтинской культуры Северного Казахстана из могильников Халвай 5 и Бестамак. Единственный череп из могильника Халвай 5 был описан авторами как гиперморфный матуризованный степной, связанный с населением Урало-Поволжья рубежа средней и поздней бронзы. Черепа из могильника Бестамак, в отличие от индивида из могильника Халвай 5, представляют долихокраний, относительно узколицый тип (Солодовников, Колбина, 2018). Авторы пересмотрели ранее опубликованные краниологические материалы памятника Потаповка I Самарского Заволжья. Убрав из общей краниологической серии черепа ориентировочно «ранней» группы (2/1; 2/2/1; 2/2/2; 5/16), характеризующиеся гиперморфией, они представили оставшуюся часть выборки как долихокранию, близкую по общим признакам к другим известным синташтинским группам. С учетом современных данных генетики (Allentoft et al., 2015; Naak et al., 2015; Mathieson et al., 2015), была отмечена возможность связи долихокраний синташтинского компонента с населением, которое генетически восходит к группам культуры шнуровой керамики Центральной и Западной Европы.

Параллельно исследователями была учтена возможность связи этого компонента с носителями бабинской,

лолинской, криволюкской, абашевской и вольско-лбищенской культур. Однако все они, за исключением абашевской культуры, археологически никак не связываются с шнуrowыми традициями Европы. Практически неизвестно пока и генетическое содержание их популяций.

Нужно сказать, что авторы раскопок Потаповского могильника указывали на его неоднородность, считая, что памятник отражает взаимодействие полтавкинской и уральской абашевской культур, начало формирования памятников новокумакско-синташтинского и потаповского типов (Васильев и др., 1994, с. 87, 93). В первой антропологической работе по материалам этого памятника была продемонстрирована довольно резкая его неоднородность (Яблонский, Хохлов, 1994), при наличии гиперморфных и гипоморфных форм. Учитывая планировку синташтинских подкурганых площадок (1–3 могилы в центре и несколько по кругу), рассматривалась вероятность связи антропологического типа человека с локализацией их могил в общей подкурганной структуре. Было отмечено, что в центральных захоронениях курганов самаро-сокского бассейна погребены люди европеоидного облика – носители гиперморфных мезо-долихокраних краниологических черт. На периферии, напротив, чаще обнаружены люди с так называемыми уралоидными чертами (Хохлов, 2010, 2017). Для синташтинских памятников Зауралья картина менее очевидна. Здесь также имеются черепа с некими уралоидными и европеоидными характеристиками, но более мозаичными, и их распределение по статусу емкости могил менее определено.

В элитных, с точки зрения археологов, захоронениях были преимущественно носители гиперморфного краниологического типа (Китов и др., 2018), что существенно подкрепило полученные ранее результаты. Об этом свидетельствует и облик черепа из могильника Халвай 5 (Солодовников, Колбина, 2018). В целом происхождение этого антропологического компонента было предложено связывать, в первую очередь, со степными поволжско-казахстанскими популяциями предшествовавшего времени.

Аналоги таким черепаам можно встретить в краниологических выборках, предшествовавших по времени полтавкинской, тамаруткульской и катакомбной культур (Хохлов и др., 2016). В потаповско-синташтинских выборках фиксируется также присутствие особого антропологического компонента. Было отмечено, что в досинташтинское время в Зауралье на основе местных ботайско-терсекских групп с подключением, вероятно, неких уралоидных и проникавших с запада ямных сформировался физически особый пласт населения, который получил наименование «степной казахстанский» (Хохлов, Китов, 2015; Китов и др., 2018).

Широколицый, в целом европеоидный, компонент присутствует и в материалах средневолжской абашевской культуры Среднего Поволжья (Абашево, Ольгаши, Тауш-Касы). Но эти абашевские черепа выделяются относительно низким, прогнатным лицом и обнаруживают сходство с фатьяновскими черепами Волго-Окского междуречья (Акимова, 1955, с. 81). Хотелось бы также отметить, что абашевские индивиды Чувашии демонстрируют также несколько ослабленную горизонтальную профили-

ровку лица, несильно выступающий нос и невысокий симотический указатель. Возможно, это следствие влияния исконно местных, особых антропологических форм. Такие влияния М.С. Акимова учитывала, видя их проявление в соседних балановских группах (там же, с. 81–82). Нужно сказать, что в сумме абашевские, как и синташтинские выборки, демонстрируют очевидный краниологический полиморфизм (Дебец, 1948; Акимова, 1955 и др.), и в этом их общее сходство. По всей видимости, население этих культур отличалось высокой коммуникабельностью, открытостью для разносторонних контактов, включавших и элементы метисации.

В этом контексте необходимо также отметить материалы рубежа III/II тыс. до н. э. могильника Буланово, где были изучены погребения синташтинского времени (Халяпин, 2001). Среди черепов один был определенно монголоидного облика (п. 8; Хохлов, Китов, 2009), другие по структуре сходны с черепами Ростовкинского могильника Среднего Прииртышья (Дрёмов, 1997). На примере археолого-антропологических материалов этого памятника, вероятно, можно видеть реальное распространение представителей сейминско-турбинской культуры Западной Сибири в западном направлении.

В качестве новых материалов следует представить результаты антропологического исследования двух новых погребений синташтинско-абашевского хронологического горизонта. Одно из них (парное захоронение) совершено на поселении у села Малоюлдашево в Красногвардейском районе Оренбургской области (Евгеньев и др., 2015). В ногах пожилого мужчины (скелет № 1) были уложены

компактно «в пакет» кости скелета другого индивида мужского пола (скелет № 3), а в ногах женщины (скелет № 2) – скопление костей от пяти черепов овцы. Они, как и мужской скелет (№ 3), представляли собой жертвенный комплекс. Интересно, что черепа людей оказались типологически разные (табл. 1, рис. 1). Первый мужской долихокранный, сравнительно массивный, с узким, резко профилированным лицом по горизонтали. Имеет относительно высокие орбиты, узкий нос и глубокую клыковую ямку. Нужно отметить альвеолярный прогнатизм и слабо выступающие носовые кости. В целом он европеоидный.

Женский череп (№ 2) по сумме признаков мезоморфный, по черепному указателю, скорее всего, долихокранный. Он выделяется умеренной горизонтальной профилировкой лица, неглубокой клыковой ямкой. Альвеолярная часть прогнатная. По комплексу признаков близок уралоидному краниологическому варианту.

Несмотря на приведенные различия между черепами основных скелетов (№№ 1 и 2), демонстрирующих как будто разные морфологические тенденции, между ними имеются и общие черты. Мужской череп жертвенного захоронения (№ 3) характеризуется гиперморфией, низким сводом, сильно выраженным макрорельефом. Его лицевой скелет крупный по тотальным размерам, уплощенный на зигмаксиллярном уровне, имеет низкие орбиты, сильно развитые в латеральном направлении скуловые отростки верхнечелюстных костей и слабо выступающий в профиль нос. Он напоминает черепа синхронного периода, которые, возможно, несут некоторую монголоидную примесь

(Грачевка II, 5/3; Скворцовка, 5/3/1; Хохлов, 2009; 2017, с. 101).

Другое погребение этого же хронологического горизонта (абашевская культура) было впущено в курган ямной культуры – Красиково I (3/1; Моргунова и др., 2018). Череп мужской, крупный и очень массивный, мезокранный, с низким, резко профилированным лицом и сильно выступающим носом (табл. 1, рис. 1). В его облике присутствуют в некоторой степени архаичные черты, в частности, сильно развитые надглазничные края и надпереносье. При всей крупности и массивности следует отметить относительно слабо выраженные сосцевидные отростки и подбородок.

Судя по краниологическим признакам, череп европеоидный, но это как раз тот случай, когда цифры могут содержать обманчивую информацию. Визуальное восприятие позволяет отнести его к кругу специфических европеоидно-уралоидных метисов Приуралья из прилегающих областей Казахстана и юга Западной Сибири. Образование подобных краниокомплексов необязательно связывать только с эпохой энеолита, имея в виду «степной казахстанский» вариант, примером которого могут служить черепа с территории Ботайского поселения. Такие процессы могли происходить и позднее, в том числе в период перехода от средней к поздней бронзе.

Если обобщить результаты по новым материалам, то оренбургские материалы демонстрируют тот самый краниологический полиморфизм, который уже неоднократно отмечался для абашевского и синташтинско-потаповского населения. И в этой связи обнаружить конкретные следы «абашева» в «синташте» по антропологическим данным весьма сложно.

Рис. 1. Черепа из захоронения у села Малоюлдашево: скелет № 1 (мужской); скелет № 2 (женский); скелет № 3 (мужской).

Fig. 1. Crania from the grave near Malojuldashevo village: individual no 1 (male); individual no 2 (female); individual no 3 (male).

Вопрос генезиса носителей синташтинских традиций как будто нашел определенное решение по результатам исследования палео-ДНК (Allentoft et al., 2015, с. 171), где было сказано о вероятности их связи с культурой шнуровой керамики Центральной и Западной Европы. Результаты генетики, разумеется, оспаривать сложно, но использовать их нужно крайне осторожно. То, что в изученных образцах костной ткани из погребений культур шнуровой керамики, «синташты», срубной и некоторых других содержится мужская гаплогруппа R1a, разумеется, говорит о некоторой генетической связи, но, в первую очередь, на уровне обще-

го и довольно древнего первопредка. Следует отметить, что в работе было использовано только пять образцов, связанных с синташтинской культурой (Танаберген II, 7/30; Буланово, п. 6/1 и п. 4; Степное VII, к. 4; Большекараганский, 25/12). Среди них три женских. А у двух мужских образцов лишь один (Буланово, п. 4) по Y-хромосоме дал результат «R1a». Из этого единичного результата никак не следует, что между «синташтой» и «шнуровиками» имела прямая генетическая связь. Нужно сказать, что этот череп происходит из погребения с предметами сейминско-турбинского типа (Халяпин, 2001), и сам он морфологически находит аналогии среди форм восточного происхождения, сближаясь, в частности, с черепами Ростовкинского могильника Западной Сибири (Хохлов, Китов, 2009). В этой связи принимать на основании весьма скромных генетических данных прямую миграцию с запада на восток, на наш взгляд, было преждевременным. Ввиду этого в других работах генетиков (Mathieson, et al., 2015) ставилась под сомнение прямая связь между носителями синташтинской культуры и шнуровой керамики.

В единичных случаях мужская гаплогруппа «R1a» обнаружена и среди материалов мезолита – энеолита лесостепного Волго-Уралья (данные не опубликованы). Вполне вероятно,

Таблица 1

Краниологические данные по материалам
могильников Малоюлдашево (1-3) и Красиково I (4)

Признак	1	2	3	4
	муж	муж/жертва	жен	муж
	п.1,к.1	п.1	п.1,к.2	К.3,П.1
1. Продольный диаметр	194.0	190.0	172,0??	194.0
8. Поперечный д.	134.0	146.0	-	146.5
17. Высотный д.	-	130.0	-	145.0
20. Ушная высота	116.0	122.0	-	120.0
9. Наим.ширина лба	101.0	99.0	92.0	102.0
11. Шир.осн. черепа	113.0	123,0?	-	136.5
43. Верхняя ширина лица	107.0	115.0	102.0	113.0
45. Скуловой диаметр	125-126??	142.0	124,0??	145.0
46. Средняя ширина лица	87.0	104.0	89.0	102.5
48. Верхняя высота лица	69,5?	77.0	66.5	65.0
51. Ширина орбиты	40.0	45,3п	40.0	47.4
52. Высота орбиты	35.5	32,5?	31.1	31.7
54. Ширина носа	23.8	24.2	26.2	25.6
55. Высота носа	52.5	54.0	46.4	47.8
sc. Симотическая ширина	10.0	8.7	8.4	10.0
ss. Симотическая высота	4.4	3.9	3.9	5.4
FC. Глуб.клыковой ямки	7.0	6.3	3.6	4.7
32. Угол наклона лба	78.0°	79.0°	-	81.0°
GM/FH. У. профиля лба от г.	68.0°	70.0°	-	71.0°
72. У.общелицевой	83.0°	85.0°	-	88.0°
73. У.среднелицевой	87.0°	87.0°	-	89.0°
74. У.альвеолярной части	68.0°	78.0°	-	84.0°
75. У.наклона нос.костей	61.0°	64,0??	-	54.0°
77. У.назomалярный	129.0°	136.0°	140.0°	136.0°
zm. У.зигомаксиллярный	124.0°	134.0°	134.0°	127.5°

что наличие этой мужской гаплогруппы у синташтинского населения могло иметь и более древние, возможно, урало-поволжские корни.

К настоящему времени гаплогруппа «R1a» выявлена в некоторых других памятниках потапово-синташтинского круга. Большая доля этой гаплогруппы содержится в костных образцах могильника Каменный Амбар-5. Также отмечается, что среди выявленных гаплогрупп были также и те, которые ранее обнаруживались в костных образцах ямной культуры «R1b» (Narasimhan V. и др., в печати). Это прямое свидетельство гетерогенности данного населения.

Что же касается палеоантропологии, напомним, что для населения культуры шнуровой керамики в целом характерны долихокраничные, мезоморфные или гипоморфные краниологические варианты (табл. 2). Суммарные потаповские и синташтинские выборки отличаются мезокранией или умеренной долихокранией, более широким и относительно низким лицом, низкими орбитами.

Если принимать теорию миграций носителей культуры шнуровой керамики на восток, то в археологическом контексте такие проявления обнаруживаются по материалам фатьяновской, балановской и абашев-

Таблица 2

Сравнительные данные краниологических материалов синташтинской, абашевской, потаповской культур и культуры шнуровой керамики

Признак	№ выборки	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Числ. черепов	4-11	8-41	12-28	14-33	8-12	30-42	14	9-16	7-10
1.	Продольный д.	192,9	193,8	194,4	191,1	189,6	195,7	186,4	185,1	189,2
8.	Поперечный д.	133,9	134,3	135,2	135,0	136,8	136,6	138,7	143,6	138,6
8/1.	Черепной ук.	69,4	69,3	69,5	70,6	72,2	69,9	74,5	77,8	72,9
9.	Наим. ширина лба	94,3	98,2	98,2	97,9	99,7	97,9	97,1	97,9	98,1
17.	Высотный д.	141,6	142,0	136,2	143,1	133,7	136,8	129,6	139,3	136,5
45.	Скуловая ширина	135,3	130,5	128,3	127,3	130,4	134,4	133,0	138,8	136,6
48.	Верхн. высота лица	72,6	67,7	69,8	69,7	70,7	71,3	70,2	69,8	70,8
48/45.	Верхнелицевой ук.	53,7	51,9	54,4	54,8	54,1	53,2	52,7	50,3	51,2
51.	Ширина орбиты	42,7	40,8	42,4	41,4	-	43,8	43,2	43,1	44,2
52.	Высота орбиты	31,1	32,2	32,6	32,2	33,0	34,1	32,5	32,2	31,8
52/51.	Орбитный ук.	72,8	78,9	76,9	77,8	-	78,0	75,2	74,3	72,0
54.	Ширина носа	25,0	25,0	26,3	25,6	24,7	24,9	25,2	24,2	25,2
55.	Высота носа	52,6	50,0	50,4	50,2	53,1	52,8	52,5	50,6	51,7
54/55.	Носовой ук.	47,5	50,0	52,2	51,0	46,7	47,3	48,1	47,9	49,0

Примечание: 1-4 – к-ры шнуровой керамики (1-Восточная Пруссия /Perrel, 1943; Shwidetzky, 1978 // 2 – Чехословакия /Jelinek, 1973 // 3 – Польша /Wiercinski, 1973 // 4 – Средняя Германия /Shwidetzky, 1978) // 5 – Балановский могильник / Акимова, 1963 // 6 – Фатьяновская верхневолжская гр. /Денисова, 1975 // 7 - Пепкинский курган, абашевская к-ра / Халиков, Герасимова, Лебединская, 1966; 8 – Синташтинская серия сборная; 9 – Потапово-булановская серия.

Данные краниологических выборок «1-4» взяты из работы Schwidetzky, I., F. W. Rösing, 1990; «8» - группа сформирована из черепов Поволжья и Приуралья (мог. Потаповка I, Утёвка VI, Буланово); «9» - группа сформирована из черепов Ю. Урала и Зауралья (мог. Большекараганский, Танаберген II, Кривое Озеро).

ской культур. Используя данные палеоантропологии, с этим можно согласиться, демонстрируя, например, краниологическое сходство между «шнуровиками» и «балановцами» (табл. 2), а также с относительно узколицым компонентом, представленным среди «абашевцев» Среднего Поволжья (Пепкинский курган) и Приуралья (Чуракаевский могильник). Однако черепа балановской и абашевской культур отличаются умеренной долихокранией, средневысокой или даже низкой мозговой коробкой. Высоколицый антропологический компонент «балановцев» называли восточносредиземноморским и связывали в целом с южными по происхождению популяциями (Герасимов, 1955, с. 518; Акимова, 1955, с. 345). А в пепкинских материалах А.В. Шевчен-

ко (1993, с. 105) отмечал присутствие некоего сиро-палестинского краниологического комплекса. Черепа из памятников фатьяновской культуры верхневолжской выборки несколько вариативны по признакам, а в целом представляют долихокранное, скорее с мезоморфной структурой лицевого скелета, население (Денисова, 1975, с. 94, 95). Как видно, исключительно морфологического сходства между носителями культур шнуровой керамики, фатьяновской, балановской и абашевской нет. Определенно, в составе населения перечисленных культур фиксируется более высокая по сравнению с западными группами культур шнуровой керамики антропологическая неоднородность.

Здесь дополнительно подчеркнем, что во многих современных палео-

Рис. 2. Череп из могильника Красиково I.

Fig. 2. Cranium from Krasikovo I cemetery.

генетических работах построение генеалогических линий проводится преимущественно на основе изучения половых хромосом (женская митохондриальная ДНК и мужская Y-хромосома). Эти части наследственного аппарата сравнительно устойчивы, их основы из поколения в поколение передаются в неизменном виде, эпизодически формируя собственные субклады. Такая преемственность фиксируется по некоторым группам аж от периодов палеолита и вплоть до современности. Морфологическое разнообразие населения разных культур древности и современности, которое фиксируется на основании изучения палеоантропологических материалов, обусловлено включению в работу разных генетических компонентов и, как известно, их реализации в фенотипах под влиянием условий среды.

В связи со сказанным, построения общеисторического развития популяций на основе только генетических данных, которые, повторим, еще следует правильно интерпретировать, имеют определенные ограничения. Такие построения, на наш взгляд, конечно, имеют глубокий эволюционный смысл, но поверхностны для реконструкций частных процессов культурогенеза и морфогенеза, происходивших в конкретное время на

конкретной территории. Вызывает удивление опрометчивое увлечение некоторых современных специалистов модой на заключения палеогенетиков, когда целые культуры увязываются с конкретными гаплогруппами. Не существовало и не могло существовать ни одной крупной по географическому распространению культуры древности, тем более в весьма динамичное время бронзового века, и к тому же в степном коридоре Евразии, население которой было бы однородным, ведущим свои корни от одного единственного предка по мужской линии.

В этой связи, воспроизводимые большинством археологов и палеоантропологов исторические события сложнее, динамичнее и глубже. Здесь, тем не менее, укажем, что выявление близких родственных связей, особенно в рамках одной популяции, могильника и т. д., возможно только при участии генетиков.

Вывод относительно связи синташтинского населения с культурой шнуровой керамики, опирающийся на наличие европеоидного долихокранного относительно узколицого типа (по: Солодовников, Колбина, 2018), преждевременный и вовсе не следует из краниологических материалов. Похожие по структуре черепа, в том числе на групповом уровне, были

широко распространены в предсинташтинское время в Евразии (в центре и на западе Европы, на Северном Кавказе (восточно-маньчский вариант катакомбной культуры, лолинская культура, Гинчи и др.), в Передней и Средней Азии). Похожие формы прослеживались и в Волго-Уралье (тамаруткульская группа), а они ведь хронологически старше культуры шнуровой керамики. Нам еще предстоит разбираться в большой свите долихокранных мезоморфных или гипоморфных форм Евразии эпохи раннего металла, выявить их связи, преемственность, провести классификацию. И нам еще только предстоит провести серии генетических анализов по костным образцам из погребений восточноевропейских культур, в том числе, катакомбной восточно-маньчской, лолинской, бабинской, балановской, абашевской и других.

Носители абашевских, потаповских, синташтинских традиций Волго-Уралья по сравнению с населением культур шнуровой керамики Центральной и Западной Европы иные, более разнообразные, и история их формирования намного богаче, чем

прямолинейное объяснение их иммиграционного происхождения.

Относительно непосредственных преемников населения носителей синташтинских традиций можно отметить следующее – процесс передачи традиций проще проследить на археологическом материале, поскольку его значительно больше, чем антропологических данных, а что касается антропологии, то на сегодняшний день можно лишь сделать вывод о том, что «синташтинцы» со своим физическим полиморфизмом могли стать основой кого угодно. За сравнительно короткий век существования этой культуры в пограничье Европы и Азии (не более 200 лет) с удивительным свойством ее носителей впитывать прогрессивные новшества и взаимодействовать с окружающим населением более или менее единый антропологический облик в синташтинской культуре так и не выработался. Но это уже особый вопрос, требующий отдельного внимания и, конечно, с участием заинтересованных специалистов исторических и естественнонаучных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова М.С.* Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 78–92.
2. *Акимова М.С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О.Н. Балановский могильник (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М.: АН СССР, 1963. С. 322–362.
3. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. 207 с.
4. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXVIII. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 584 с.
5. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.
6. *Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига: Наука, 1975. 400 с.
7. *Дрёмов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Томского университета, 1997. 260 с.

8. *Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А.* Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 195 с.

9. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г.* Протогородская цивилизация «Страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Ч. V. Кн. 1. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. С. 48–62.

10. *Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С.* Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // *Stratum plus*. 2018. № 2. С. 225–243.

11. *Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Файзуллин А.А., Кулькова М.А., Хохлова О.С.* Новые материалы ямной культуры в I курганном могильнике у с. Красиково в Оренбургской области // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 144–146.

12. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

13. *Солодовников К.Н., Колбина А.В.* Материалы к антропологии населения синташтинской культуры Тургайского прогиба // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 167–169.

14. *Халиков А.Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172. Л.: Наука, 1973. С. 107–121.

15. *Халяпин М.В.* Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СГПУ, 2001. С. 417–424.

16. *Хохлов А.А.* К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 30. 2009. № 6 (144). С. 8–11.

17. *Хохлов А.А.* О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Ч. 2. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. С. 112–132.

18. *Хохлов А.А.* Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017. 367 с.

19. *Хохлов А.А., Китов Е.П.* Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 30. 2009. № 6 (144). С. С. 5–7.

20. *Хохлов А.А., Китов Е.П.* Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2014. С. 131–142.

21. *Хохлов А.А., Китов Е.П.* Физический облик предшественников ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования населения Казахстана

на // Казахское ханство в потоке истории / Отв. ред. Х.М. Абжанов. Алматы: Елтаным, 2015. С. 437–445.

22. Хохлов А.А., Китов Е.П., Нечвалода А.И. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // *Stratum plus*. 2016. № 2. С. 277–284.

23. Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительном освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. Вып. В1-10. Т. I / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1993. С. 101–105.

24. Шишлина Н.И., Хилберт Ф.Т. Евразийские номады и земледельцы эпохи бронзы: проблемы взаимодействия // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 90–92.

25. Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. С. 186–205.

26. Allentoft M.E., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 167–172.

27. Haak W., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. P. 207–211.

28. Mathieson I., et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. Vol. 528. P. 499–503.

29. Narasimhan V., et al. The Genomic Formation of South and Central Asia. *Science* (in press)

30. Schwidetzky, I., F. W. Rösing: Zur anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit. *Homo*, Bd40, H-1-2, 1990. P.1-21.

Информация об авторах:

Хохлов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); khokhlov_aa@mail.ru

Китов Егор Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); kadet_eg@mail.ru

ORIGINS OF THE PHYSICAL APPEARANCE OF THE SINTASHTA CIRCLE OF CULTURES PEOPLE OF THE BRONZE AGE: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

A.A. Khokhlov, E.P. Kitov

The authors examine the anthropological materials of the Sintashta and related cultures of the finale of the middle – the beginning of the late Bronze Age. Theoretical aspects of the problem of morphogenesis in these populations are presented in connection with archeological and genetic studies. The practical part is devoted to the analysis of new craniological sources from the burials of the Sintashta-Abashevo chronological horizon of the forest-steppe Urals. The materials of the collective burial near the village of Malojuldashevo and the burial ground Krasikovo I of the Orenburg region have being published for the first time. The authors determine the place of these populations among the synchronous forms of the Urals and the Volga region. Anthropological heterogeneity of the population has been shown and the prospect of joint archeological-anthropological and genetic studies for the reconstruction of processes of culturogenesis and morphogenesis is considered.

RSCF № 18-18-00137 «Contacts and interconnections of the population of the Ural-Volga and Kazakhstan steppes in the Late Bronze Age and the Early Iron Age».

Keywords: archaeology, anthropology, Bronze Age, Sintashta culture, Abashevo culture, historical reconstruction, craniology.

REFERENCES

1. Akimova, M. S. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 23. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 78–92 (in Russian).
2. Akimova, M. S. 1963. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 29. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 131–141 (in Russian).
3. Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1994. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovsky Barrow Burial Ground of the Indo-Iranian Tribes on the Volga River)*. Samara: "Samarskii universitet" Publ. (in Russian).
4. Gerasimov, M. M. 1955. *Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyi i iskopaemyi chelovek) (Forensic Facial Reconstruction: Modern and Fossil Human)*. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, new series*, 28. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
5. Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography. New Series*, 28. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
6. Denisova, R. Ya. 1975. *Antropologiya drevnikh baltov (Anthropology of the Ancient Balts)*. Riga: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Dremov, V. A. 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk) (Population of the Upper Ob in the Bronze Age (Anthropological Essay))*. Tomsk: Izd-vo Tomsk State University (in Russian).
8. Evgen'ev, A. A., Kuptsova, L. V., Mukhametdinov, V. I., Rosliakova, N. V., Usachuk, A. N., Faizullin, I. A., Khokhlov, A. A. 2016. *Poselenie Maloiuldashevo I epokhi neolita i pozdnei bronzy v Zapadnom Orenburzh'e (Maloyuldashevo I Settlement of the Neolithic and Late Bronze Age in Western Orenburg Region)*. Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).
9. Zdanovich, G. B., Zdanovich, D. G. 1995. *Kul'tury drevnikh narodov stepnoi Evrazii i fenomen protogorodskoi tsivilizatsii Iuzhnogo Urala. Rossiia i Vostok: problemy vzaimodeistviia (Cultures of Ancient Peoples from Steppe Eurasia and the Phenomenon of the Proto-Urban Civilization of the Southern Urals. Russia and the East: Issues of Interaction)*. Cheliabinsk: Cheliabinsk State University, 48–62 (in Russian).
10. Khokhlov, A. A., Kitov, E. P., Medvedeva, P. S. 2018. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 225–243 (in Russian).
11. Morgunova N. L., Evgen'ev A. A., Faizullin A. A., Kul'kova M. A., Khokhlova O. S. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 144–146 (in Russian).
12. Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkhelogicheskikh otkrytii (The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Solodovnikov, K. N., Kolbina, A. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 167–169 (in Russian).
14. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 107–121 (in Russian).
15. Khaliapin, M. V. 2001. In Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya (Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 417–424 (in Russian).
16. Khokhlov, A. A. 2009. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii. Vip. 30 (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series. Issue 30)*. 6(144). 8–11 (in Russian).

17. Khokhlov, A. A. 2010. In Zdanovich, D. G. (ed.). *Arkaim-Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala (Arkaim-Sintashta: Ancient Heritage of the Southern Urals)* 2. Cheliabinsk: Cheliabinsk State University, 112–132 (in Russian).
18. Khokhlov, A. A. 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka) (Morphogenetic Processes in the Volga-Urals in the Early Holocene (on the Basis of Craniological Materials of the Mesolithic - Bronze Age))*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
19. Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. 2009. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii. Vip. 30 (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History Series. Issue 30)*. 6(144). 5–7 (in Russian).
20. Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. 2014. *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii) (The process of Cultural Genesis of the Initial Period of the Late Bronze Age in the Volga-Ural Region (Issues of Chronology, Periodization and Historiography))*. Samara: Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities, 131–142 (in Russian).
21. Khokhlov, A. A., Kitov, E. P. 2015. In Abzhanov, Kh. M. (ed.). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii (Kazakh Khanate in the Stream of History)*. Almaty: "Eltany" Publ., 437–445 (in Russian).
22. Khokhlov, A. A., Kitov, E. P., Nechvaloda, A. I. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 277–284 (in Russian).
23. Shevchenko, A. V. 1993. In Malov, N. M. (ed.). *Pamiatniki srubnoi kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Sites of the Srubnaia Culture. Volga-Ural Interfluve). Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* V1-10. V. I. Saratov State Pedagogical Institute, 101–105 (in Russian).
24. Shishlina, N. I., Khilbert, F. T. 1996. In Piotrovskiy, Yu. Yu (ed.). *Mezhdru Aziei i Evropoi. Kavkaz v IV–I tys. do n.e. (Between Asia and Europe. The Caucasus in 4th – 1st Millennium B.C.)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 90–92 (in Russian).
25. Yablonskiy, L. T., Khokhlov, A. A. 1994. In Vasil'ev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. *Potapovskii kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge (Potapovsky Barrow Burial Ground of Indo-Iranian Tribes on the Volga River)*. Samara: "Samarskii universitet" Publ. 186–205 (in Russian).
26. Allentoft M. E., et al. 2015. In *Nature*. Vol. 522. P. 167–172.
27. Haak W., et al. 2015. In *Nature*. Vol. 522. P. 207–211.
28. Mathieson I., et al. 2015. In *Nature*. 2015. Vol. 528. P. 499–503.
29. Narasimhan V., et all. The Genomic Formation of South and Central Asia. *Science* (In press)
30. Schwidetzky, I., F. W. Rösing: Zur anthropologie von Neolitikum und Bronzezeit. *Homo*, Bd40, H-1-2, 1990. P.1-21.

About the Authors:

Khokhlov Alexander A. Doctor of Historical Sciences. Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; khokhlov_aa@mail.ru

Kitov Egor P. Candidate of Historical Sciences. N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Lenin Ave., 32-A, Moscow, 119991, Russian Federation; kadet_eg@mail.ru

Статья поступила в номер 26.12.2018 г.

УДК 903.5 903'1

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.72.83>

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С НАБОРАМИ АСТРАГАЛОВ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2019 г. С.В. Сотникова

В статье рассматриваются могильники начала эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (синташтинские, петровские), в которых встречаются погребения юношей и подростков мужского пола, где обнаружено значительное количество астрагалов. В таких погребениях часто находят оружие, в том числе характерное для воинов-колесничих, и украшения. Автор проводит сопоставление древнеиндийских текстов «Ригведы» и «Атхарваведы» с материалами синташтинских и петровских погребений и приходит к выводу о возможном существовании социовозрастных объединений юношей-воинов в среде колесничных культур эпохи поздней бронзы. В этих объединениях юноши обучались не только военному мастерству. В их среде была распространена игра в кости, которая рассматривалась как эквивалент битвы. Кроме того, они совершенствовались в музыкально-танцевальном искусстве.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, эпоха поздней бронзы, игра в кости, оружие, украшения, социовозрастные объединения юношей-воинов.

В могильниках начала эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (синташтинских, петровских) встречаются погребения с наборами астрагалов (альчиков). Наиболее часто они представлены в погребениях детей и подростков. Находки астрагалов обычно интерпретируются исследователями как наборы для игры или для предсказаний.

В данной работе обратимся к характеристике и интерпретации синташтинских и петровских погребений юношей и подростков мужского пола, где представлено значительное количество астрагалов в сочетании с оружием, в том числе связанным с колесничным комплексом. Дадим характеристику некоторым наиболее выразительным погребениям.

Могильник Кривое озеро (рис. 1: 3). В могиле 3 кургана 9 (синташтинская культура) находился костяк молодого мужчины в возрасте 18–19 лет в слабо скорченном положении, на ле-

вом боку, головой на ССЗ. За спиной, близ поясного отдела, расчищена двухслойная выкладка из плотно подогнанных друг к другу астрагалов. Верхний слой составляли 19 астрагалов, нижний – 22, из них 34 астрагала принадлежали овце, 3 – козе, 2 – косуле, 2 – сайге. В 10 см западнее астрагалов обнаружено скопление из 8 каменных наконечников стрел. У тазовых костей погребенного – бронзовое кольцо, возле черепа – бронзовый нож-кинжал (Виноградов, 2003, с. 94; Косинцев, 2003, с. 336; Рыкушина, 2003, с. 350). В кургане 1 этого могильника астрагалы встречены в петровских могилах 1 и 2. В заполнении могилы 1 обнаружены разрозненные человеческие кости, принадлежащие двум подросткам и фрагмент бедренной кости ребенка. Правые локтевые кости обоих подростков и ключицы окрашены окислами бронзы. Из заполнения также происходят бронзовый нож, каменный наконечник стрелы.

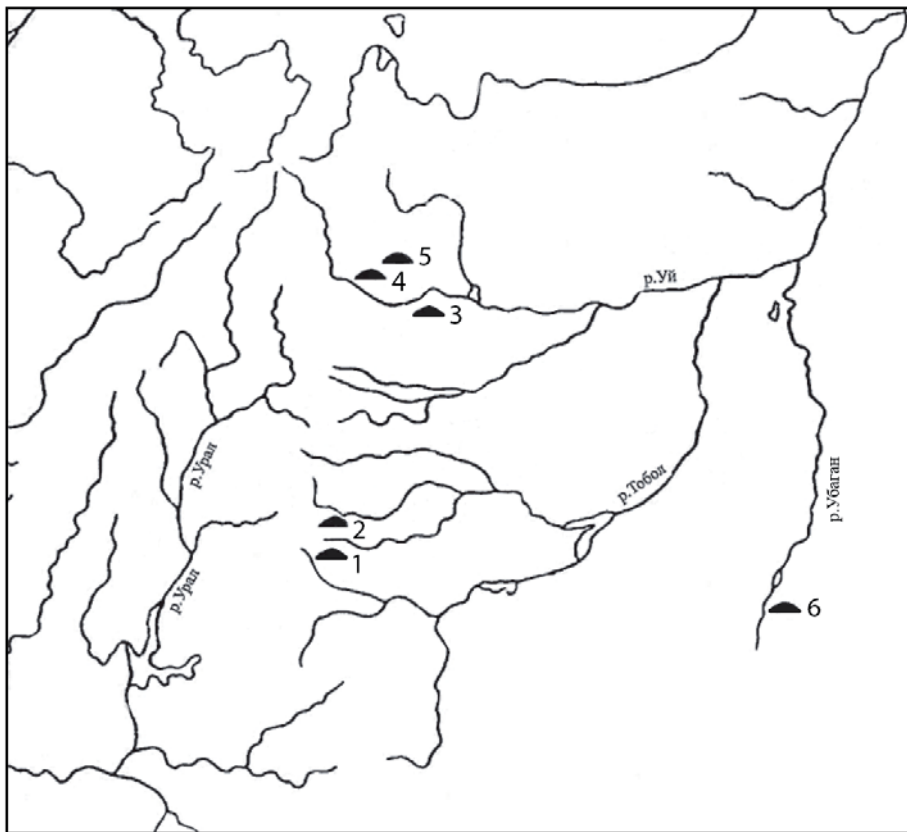

Рис. 1. Карта расположения могильников эпохи поздней бронзы, упоминаемых в тексте: 1 – Синташтинский могильник; 2 – могильник Каменный Амбар-5; 3 – могильник Кривое Озеро; 4 – могильник Степное I; 5 – могильник Степное VII; 6 – могильник Бестамак.

Fig. 1. Map of the location of burial grounds of the Late Bronze Age, mentioned in the text: 1 – Sintashta burial ground; 2 – Kamenny Ambar-5 burial ground; 3 – Krivoe Ozero burial ground; 4 – Stepnoe I burial ground; 5 – Stepnoe VII burial ground; 6 – Bestamak burial ground.

лы, 4 зуба *Canis*, обломок кристалла горного хрусталя со следами сколов, 37 астрагалов (33 – мелкого рогатого скота (МРС), остальные – другого животного). Следы сработанности обнаружены на 12 астрагалах, поверхность одного из них имеет зеленоватую окраску. В ЮЗ углу зафиксирован древесный тлен от миски, зуб *Canis*, 2 роговых щитковых псалия (Виноградов, 2003, с. 36–39). В заполнении могилы 2 встречены отдельные кости взрослого человека, подростка и ребенка. Кости подростка представле-

ны только двумя пяточными костями и, возможно, несколькими позвонками и ребрами. Из заполнения происходят также астрагалы, каменный и костяной наконечники стрел, роговой щитковый псалий, роговой распределитель ремней конской узды, ложило на гальке сургучной яшмы. В СЗ углу – бронзовое тесло, восточнее на дне – 3 сосуда (№№ 1–3). В 15 см к востоку от сосуда № 2 – выкладка из 26 астрагалов (22 – МРС, 4 – крупного рогатого скота (КРС)). Из них 7 астрагалов МРС имеют следы

сработанности. Размеры выкладки 15×10 см, кости уложены без видимой закономерности. Еще 13 астрагалов находилось в сосуде № 4, расположенном в ЮЗ углу (3 – со следами обработки). Рядом с этим сосудом – еще 18 астрагалов, из них 5 астрагалов бурого цвета (охра?) и 6 – со следами сработанности. Из заполнения ямы происходят 8 астрагалов (3 – со следами сработанности). Всего в могиле обнаружено 65 астрагалов, из них 61 принадлежали МРС, 4 – КРС (Виноградов, 2003, с. 40, 44, 48–49).

Каменный Амбар-5 (рис. 1: 2). В могиле 5 кургана 2 (синташтинская культура) было захоронено 8 человек. В ЮВ половине дна зафиксированы останки мужчины (?) 17–18 лет, мужчины 25–27 лет, двух индивидов примерно одинакового возраста 13–16 лет неясной половой принадлежности, ребенка 1,5–2 лет. Судя по немногим костям ног, сохранившим первоначальное положение, имело место захоронение как на левом, так, возможно, и на правом боку, головой во всех случаях на ЮЗ, то есть поперек длинной оси ямы. В СЗ половине дна могилы в заполнении вкопа обнаружены кости мужчины 22–24 лет, ребенка 2 лет, подростка 13–16 лет (тоже без достоверных половых признаков). Несмотря на ограбление, в могиле сохранился разнообразный инвентарь. Почти не потревоженный комплекс находился в СЗ части дна, он включал 2 сосуда, бронзовые тесло, шило, спиралевидную обмотку ременной рукояти плети, пест из яшмовидной породы. В ЮВ половине дна могилы обнаружены бронзовые наконечник копья, кольцо в 2 оборота, рыболовный крючок, фрагмент спиралевидной обмотки (?), обломок пластинчатого орудия со следами проковки, 4

псаля из рога лося, 2 «терочника» из кварцевого порфира и яшмовидной породы, 3 кремневых наконечника стрел, фаланга КРС с бронзовой скобкой. В южном углу находилось компактное скопление из 147 астрагалов (111 – овца, 27 – сайга, 6 – косуля, 2 – КРС, 1 – кабан) (Костюков и др., 1995, с. 160–161).

Степное I (рис. 1: 4). В кургане 7 астрагалы встречены в погребениях № 1–3 (синташтинская культура). Могила 1 полностью ограблена в древности. Большинство находок сконцентрировано в придонной части ямы. Человеческие кости (фрагменты черепа, длинные кости конечностей, ребра, позвонки, тазовые, фаланги), принадлежат трем индивидам в возрасте 15±3, 12±3, 10±3 лет. В ЮЗ углу погребения лежали два человеческих черепа, один – на боку, другой – на основании. В восточной половине обнаружены 2 пряслица из головки бедренной кости КРС. В заполнении находилось большое количество астрагалов МРС, костяной гарпун с двумя зубцами, 9 костяных проколов, 6 амулетов из клыков собаки, бронзовые пронизи, 10 пастовых бусин, 10 бусин из позвонков крупной рыбы, фрагменты украшения из серебра (?) (Куприянова, 2016, с. 58–61). В могиле 2 кургана 7 в заполнении обнаружены 2 астрагала МРС, кремневый наконечник стрелы, бронзовый рыболовный крюк. На дне располагалось не ограбленное погребение подростка 11±4 лет, захороненного в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮВ. Сзади, напротив тазовых костей – бронзовый топор-тесло, перед тазовыми костями – бронзовый серп. Под черепом находилась лопаточка из рога, верхняя часть навершия которой

утрачена. В южном углу, напротив груди погребенного, обнаружен набор астрагалов МРС, судя по плотности и форме скопления они находились в какой-то емкости. Рядом с набором астрагалов – развал сосуда. На полу камеры также найдены 5 астрагалов МРС, 1 крупный астрагал КРС, 3 каменных наконечника стрел, бронзовый нож (Куприянова, 2016, с. 61–64). В заполнении могилы 3 кургана 7 на всех уровнях находилось большое количество костей животных, человека, фрагментов керамики, а также более 50 астрагалов МРС. Возле СЗ стенки лежали в сочленении длинные кости ног подростка 10–13 лет. На дне могилы обнаружены 2 каменных наконечника стрел, бронзовое шило, роговая лопаточка, у которой полый насад обломан у основания. В южном углу ямы обнаружен предмет, изготовленный из штанги рога лося (Куприянова, 2016, с. 64–67). Трасолог определил этот предмет как рукоять орудия. По мнению Е.В. Куприяновой, «изделие может являться заготовкой для музыкального инструмента типа флейты» (Куприянова, 2016, с. 67).

Степное VII (рис. 1: 5). В могильнике Степное VII представляет интерес скопление астрагалов МРС в петровской могиле 19, где находилось вторичное захоронение трех подростков примерно одного возраста (Куприянова, Зданович, 2015, с. 50–53). По мнению исследователей, костяки А и Б, расположенные лицом друг к другу, имитировали захоронение в «позе объятия». *Костяк А* (возраст 8–9 лет) представлен черепом, трубчатыми костями рук и ног. Они имитируют положение человека, лежавшего на правом боку, скорченно, головой на СЗ. На костях рук – 2 бронзовых желобчатых браслета, на ногах – низки

бронзовых бус. На черепе – сложный комплекс украшений. В районе висков располагалось по одному бронзовому височному кольцу, скрепленному с бронзовой подвеской в 1,5 оборота. На лицевую часть черепа спускалось украшение типа накосника, состоящего из бронзовых обойм, пастовых и нефритовых бусин. За затылочной частью черепа и под нижней челюстью обнаружены 3 бусины из нефрита. За спиной костяка, в районе поясницы, находился набор амулетов из 5 клыков лисицы. *Костяк Б* (возраст 9 лет) представлен черепом, трубчатыми костями ног и одной руки. Останки имитируют положение человека, лежавшего скорченно, на левом боку, головой на СЗ, кость руки положена в крест рукам костяка А. Инвентарь, относящийся к костяку Б, отсутствовал. *Костяк В* (возраст 9–10 лет) представлен скоплением костей (нескольких трубчатых костей, ребер и коренных зубов), лежавшими компактно, не в анатомическом порядке, за спиной пары. На южной границе скопления обнаружен бронзовый нож. В северном и западном углах находилось по 3 сосуда. Возле дна сосуда № 4 компактным скоплением располагался набор из 20 астрагалов (19 – овца, 1 – коза), 1 астрагал овцы сточен с одного бока. Размер скопления 10×13 см, возможно, астрагалы были помещены в мешочек. По мнению исследователей, астрагалы связаны с костяком В (Куприянова, Зданович, 2015, с. 52).

В том же могильнике следует отметить находки из петровской могилы 88, которая являлась центральной в комплексе 6 (Куприянова, Зданович, 2015, с. 111–114, 135). В заполнении встречены фрагменты человеческих костей, керамики, 2 каменные и 1 бронзовая бусины, обломок каменно-

го орудия, кварцевая галька, орудие на гальке (лощило). В придонной части в центре обнаружены фрагмент черепа и зубы человека, бронзовая ромбовидная подвеска и 2 обоймы. Вдоль ЮЗ стенки также сохранился ряд предметов *in situ*. В южном углу лежали рядом бабка КРС и каменное орудие-отбойник. Западнее находился сложный комплекс предметов. На дне располагался большой набор астрагалов (338 целых и 7 фрагментированных). Из них у 10 – сточены боковые грани, 4 – имеют отверстия в боковой грани, 2 – в центральной, у 2 – насечки по центру, параллельно длинным сторонам. В центре скопления астрагалы имели красный цвет. Рядом с астрагалами лежала плоская каменная плита из белого кварца, на которой, при ее переворачивании, были обнаружены следы растирания охры. По мнению исследователей, плита и была тем орудием, на котором растирали охру, посыпанную сверху на астрагалы (Куприянова, Зданович, 2015, с. 113). Под набором астрагалов лежал массивный бронзовый рыболовный крючок. Сверху на наборе астрагалов находился сосуд № 3. Два сосуда (№№ 2 и 4) располагались рядом с остальным комплексом вещей. В сосуде № 4 обнаружен каменный наконечник стрелы, чуть севернее – 2 подвески из клыков хищника. На дне в разных частях находилось еще несколько астрагалов, возможно, относящихся к набору. Исследователи считают, что найденный комплекс вещей, бесспорно, являлся остатками совершения какого-то сложного символического действия (Куприянова, Зданович, 2015, с. 113). К сожалению, антропологические определения костей человека отсутствуют.

Синташтинский большой грунтовой могильник (рис. 1: 1). Погребение 39 (синташтинская культура) представляло захоронение двух умерших, скорченно, лицом друг к другу, головой на 3 (Генинг и др., 1992, с. 228–233). У *косяка А* череп положен на правый бок. Рядом с плечевой костью левой руки найдены 2 медных рыболовных крючка. Под левой лопаткой – бронзовый нож. Южнее черепа у стенки могилы лежали кучей 158 астрагалов МРС, под ними – бронзовое тесло, в ЮВ углу – сосуд. У *косяка Б* череп положен на левый бок. Скелет Б намного меньше скелета А. В области груди косяка Б обнаружены бронзовый нож и каменная подвеска, на фаланге пальца правой руки – медное кольцо, второе такое же кольцо располагалось в области таза. Возле правого плеча находились каменная булава и бронзовый вислообушный топор. Еще дальше, но также за спиной косяка Б, найдены костяной псалий, 12 каменных наконечников стрел, медные гвоздики. В изголовье косяка Б – сосуд, рядом с которым – скопление из 46 астрагалов, сложенных в кучу, каменный пест и каменная плита. Среди астрагалов найден разрушенный костяной псалий. Определения антропологов отсутствуют. Исследователи высказали предположение, что косяк А принадлежал мужчине, косяк Б – женщине или подростку (Генинг и др., 1992, с. 234).

Большинство исследователей связывают синташтинское и петровское население с индоиранцами. В связи с этим в целях интерпретации вполне возможно привлечение древнеиндийских письменных источников – «Ригведы», «Атхарваведы». В «Атхарваве-

де» несколько гимнов представляют собой заговоры на победу в игре в кости. Несомненный интерес представляет гимн VII, 52. В гимне дается развернутое метафорическое описание игры в кости как битвы: «О кости, дайте игру, приносящую результат, / Подобно молочной корове! / Охватите меня потоком выигрыша, / Как лук – тетивой!» (AB, VII, 52, 9); «Выигрыш у меня в правой руке, / Победа у меня в левой находится, / Пусть стану я завоевателем коров, завоевателем коней, / Завоевывающим богатство, завоевателем золота!» (AB, VII, 52, 8).

Для завоевания победы призываются различные боги – не только вездесущий Агни, но, в большей степени, боги воины-колесничие – Индра с отрядом Марутов: «С тобою как с союзником мы хотели б победить (вражеское) войско! / Поддержи нашу ставку в каждом состязании! / Создай нам, Индра, пошире пространство, легкий путь! / Слومي силы мужества врагов, о щедрый!» (AB, VII, 52, 4); «Я славлю поклонениями Агни – хозяина добра. / Устроенный здесь, пусть он различит счастливую ставку для нас! / Я проношусь как на колесницах, стремящихся к добыче. / Обратясь правой стороной, я хочу усилить хвалу Марутов!» (AB, VII, 52, 3). Следует отметить такую особенность гимна. Игрок, произносящий просьбу-заклинание, оперирует не жреческими терминами, а излагает просьбу с позиции воина, хорошо знакомого с практикой колесничного боя или состязания. Следовательно, возможно было завоевать скот, богатство, золото не только военным путем, но и удачной игрой с противником в кости. По-видимому, воины должны были одинаково хорошо владеть как оружием, так и игральными костями. По мнению

Я.В. Василькова, в стихе (AB, VII, 52, 1) действия игрока являются аналогией деянию Индры-громовержца – главного бога агона, а сам гимн «весь пронизан специфическими мотивами древнеиндийского ритуального агонистазания (в данном случае – игры в кости), эквивалентного битве...» (2010, с. 104). Находки в синташтинских и петровских могилах при костях юношей и подростков мужского пола наборов игровых костей (альчиков), с одной стороны, и следов колесничного комплекса (роговые псалы, бронзовые топоры, тесла, ножи, копье, каменные наконечники стрел), с другой стороны, свидетельствуют о том, что навыки игры в кости были не менее значимы, чем владение колесницей и различными видами оружия.

В этом гимне представляет интерес строка, где игрок стремится, в первую очередь, заслужить одобрение Марутов (AB, VII, 52, 3) – отряда божественных воинов-колесничих. Как сказано в комментарии к этой строке гимна, требовалось двигаться так, чтобы правая сторона была все время обращена к объекту почитания, что являлось признаком уважения (Елизаренкова, 2005, с. 535). Согласно «Ригведе», Маруты – сыновья бога Рудры, сопровождающие Индру в его военных походах: «Приезжайте, о Рудры, сопровождающие Индру, единоклубные, / На золотых колесницах (нам) на благо!... Снабженные топорами, копьями, мудрые, / С прекрасными луками, стрелами, колчанами, / О сыновья Пришни, вы обладаете прекрасными конями, прекрасными колесницами. / Прекрасно вооруженные, о Маруты, вы выезжаете для блеска» (PB, V, 57, 1–2).

С.В. Кулланда, вслед за шведским ученым С. Викандером, признает,

что «Маруты – классический образец мужского союза, возрастного класса юношей-воинов» (1995, с. 108). Я.В. Васильков считает, что мифологическими аналогами такого рода социовозрастного юношеского воинского братства были дружина Марутов (юных воинов-ровесников), класс гандхарвов (небесных танцоров и музыкантов в небесном кшатрийском раю Индры) и класс апсар (жен гандхарвов, небесных танцовщиц). Посвящаемые юноши-воины в изоляции от социума проходили тренировку в боевых искусствах, осваивали разные виды оружия, кроме того, одним из занятий в этих братствах являлась игра в кости (Васильков, 2010, с. 104, 117, 175, 308).

В «Атхарваведе» гимн IV, 38 носит условное название «На удачу при игре в кости с помощью апсарас». Апсары, начиная с «Атхарваведы», считались покровительницами игры в кости (Елизаренкова, 2005, с. 556). Этот гимн дает некоторые представления о правилах ведийской игры: «Прорывающуюся (через все) Апсару, / Всепобеждающую, удачно играющую, / Создающую счастливые взятки при выхватывании (костей), / Эту Апсару я сюда призываю» (AB, IV, 38, 1–3). В комментарии к гимну IV, 38 поясняется, что смысл игры заключался в выхватывании определенного числа костей. Если число костей делилось на 4 без остатка, это считалось счастливой взяткой – *крита*. Менее счастливыми были взятки *трета*, когда оставалось три кости и *дванара*, когда оставалось две кости. Несчастливая взятка – *кали*, когда оставалась одна кость (Елизаренкова, 2005, с. 451).

Гимн «Атхарваведы» (AB, VII, 114), который также является заговором при игре в кости, начинается об-

ращением к Рудре: «Это поклонение (тому) грозному, коричневому, / Кто среди игральных костей властвует над телом. / Жиром я хочу одарить Кали. / Да будет он милостив к нам...» (AB, VII, 114, 1). В комментарии к гимну Т.Я. Елизаренкова, со ссылкой на Фалька, отмечает, что «грозный, коричневый» имена бога Рудры, который воплощался в игральную кость Кали, знаменующую собой проигрыш (Елизаренкова, 2005, с. 555). В этом же гимне неоднократно отмечается связь игральные кости с образом Рудры и завоеванием богатства: «“Живущие вместе” – вот ваше название. / Ведь игральные кости – (те), кто видит грозного: они несут власть. /... Пусть будем мы господами богатств!» (AB, VII, 114, 6).

Я.В. Васильков полагает, что главным божеством игры в кости был Рудра, чьей формой, очевидно, мыслился демон игры *Kali*, «а духами, непосредственно ведавшими игральными костями, представлялись нимфы апсары, чья мифология соотносится, по-видимому, с реальными социовозрастными объединениями – буйными молодежными ватагами» (Васильков, 2010, с. 104). Таким образом, рассматриваемые мужские погребения синташтинского и петровского типа с наборами астрагалов и оружием свидетельствуют о возможном существовании в среде колесничных культур социовозрастных юношеских воинских братств, где практиковалась игра в кости, как эквивалент битвы.

Располагая описанием отряда воинов-колесничих Марутов в гимнах «Ригведы», возможно выделить ряд характерных черт представителей социовозрастных юношеских воинских братств. Это позволит найти объяснение некоторых особенностей в обряде

рассматриваемых петровских и синташтинских погребений с наборами астрагалов.

Маруты в «Ригведе» не только прекрасно вооружены, они также носят множество украшений: «Те, кто украшает себя как женщина, (как) упряжки / В дорогу, сыновья Рудры...» (РВ, I, 85, 1); «...Поющие песню, порождающие силу Индры, / Они, чья мать Пришни, надели на себя украшения» (РВ, I, 85, 2); «Когда те, чья мать – королева, украшают себя блестящими драгоценностями, / Сверкающие, они надевают на себя искрящиеся (украшения)...» (РВ, I, 85, 3); «...Самые любимые, самые мужественные, сверкающие украшениями. / Украсились некие (мужи), словно зори – звездами» (РВ, I, 87, 1); «...Они – с поводьями колесницы, они – с певцами, (Маруты), с прекрасными кольцами, / Они, носящие топоры, снабженные стрелами, бесстрашные...» (РВ, I, 87, 6).

Вновь обратимся к синташтинским и петровским погребениям, в которых с некоторыми костяками подростков и детей старшего возраста связаны не только оружие, но и богатый набор украшений. В погребении 19 могильника Степное VII, где костяки А и Б захоронены лицом друг к другу, костяк А положен на правый бок, что характерно для женщин в парных захоронениях. В то же время, как отмечают исследователи, «на лицевую часть черепа спускалось украшение типа накосника, очевидно, расположенное наоборот намеренно, чтобы закрывать лицо» (Куприянова, Зданович, 2015, с. 50). Можно предположить, что намеренное неправильное положение накосника является свидетельством мужской принадлежности подростка, несмотря на отсутствие при нем

«мужского» инвентаря. По-видимому, в ритуале по каким-то причинам ему была отведена женская роль. Подобное сочетание «мужского» и «женского» характерно для представителей социовозрастных юношеских воинских братств, что отчетливо прослеживается на примере Марутов. Костяк Б (9 лет), захоронен на левом боку, что характерно для мужчин в парных захоронениях, это могло компенсировать отсутствие при нем инвентаря. Следовательно, оба костяка в парном захоронении могилы 19 могли быть мужскими.

В таком случае спорный вопрос между антропологами и археологами о половой принадлежности погребенных в могиле 5 синташтинско-петровского могильника **Бестамак** (Казахстан) (рис. 1: 6) может быть решен в пользу антропологов. Могила содержала парное захоронение индивидов лицом друг к другу, скорченно, головой на З. Костяк, лежавший на левом боку, определен антропологом Л. Линдстромом как предположительно мужской, возраст 18–22 года. Костяк, лежавший на правом боку, определен им как предположительно мужской, возраст 10–12 лет. С костяком, находившимся на левом боку, что характерно для мужчин в парных погребениях, связан следующий инвентарь: каменная крестовидная булава рядом с лучевой костью левой руки; бронзовая плоская бляшка у основания кисти этой же руки; пастовые бусы в области шеи. Вероятно, к этому костяку относится бронзовый нож, найденный в сосуде, располагавшемся в ЮЗ углу. С костяком, захороненным на правом боку, что характерно для женщин в парных погребениях, связан следующий инвентарь: бронзовый топор-тесло у теменной части черепа; бронзо-

вый пластинчатый браслет на левой руке; бронзовая подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотом; ожерелье из каменных, пастовых бусин. В верхней части позвоночного столба располагался накосник, в состав которого входили бронзовые украшения. В области щиколоток – низка бронзовых бусин. За спиной – развал сосуда № 8, на нем деревянный предмет, обернутый бронзовой проволокой, рядом с сосудом – листовидный бронзовый ножичек. Над черепом – 10 каменных наконечников стрел. С.С. Калиева и В.Н. Логвин определяют этот костяк «с точки зрения археологической информации», как женский (2009, с. 49–50). Однако более верным представляется определение антрополога, что оба костяка – мужские.

В этом же ключе следует интерпретировать парное захоронение из могилы 39 Синташтинского большого грунтового могильника, антропологические определения для которого отсутствуют. Костяки А и Б были захоронены скорченно, лицом друг к другу, головой на З, причем *костяк А*, положенный на правый бок, крупнее *костяка Б*. Захоронение на правом боку характерно для женщин в парных погребениях. Вместе с тем, с *костяком А* связан исключительно «мужской» по характеру инвентарь: 2 медных рыболовных крючка, бронзовый нож, бронзовое тесло, набор из 158 астрагалов МРС. *Костяк Б* захоронен на левом боку, что характерно для мужчин в парных погребениях, но сопровождающий инвентарь представляет сочетание «мужского» (бронзовый нож, каменная булава, бронзовый вислообушный топор, 2 костяных псаляя, 12 каменных наконечников стрел, набор из 46 астрагалов МРС) и «женского» (каменная подвеска, 2 перстня).

Таким образом, вероятно, в могиле 39 было совершено парное захоронение юноши и подростка мужского пола.

Для интерпретации зафиксированной в синташтинских и петровских погребениях картины вновь обратимся к описанию дружины Марутов в «Ригведе». Маруты не просто носят множество украшений, они, подобно гандхарвам и апсарам, поют, играют на музыкальных инструментах, танцуют: «О Агни, вместе с блистающими Марутами, поющими гимны ...» (РВ, V, 60, 8); «(Те,) что дают о себе знать песней с высокого неба ...» (РВ, V, 87, 3); «...На небе создали себе сидение Рудры. / Поющие песню, порождающие силу Индры...» (РВ, I, 85, 2); «...Дуя в дудку, Маруты щедродарящие / В опьянении сомой совершили радостные деяния» (РВ, I, 85, 10); «Юные мужи.../ Прекрасно запевающие, как исполнители песни...» (РВ, X, 78, 4); «Прославляя стихами, вовлеченные в общий обряд (?), / Они танцуют, резвясь, приближаясь к источнику» (РВ, V, 52, 12).

Как отмечает С.В. Кулланда, «танцы, пение, игра на музыкальных инструментах – важнейшая черта так называемых мужских союзов, в частности возрастных группирований молодежи» (1995, с. 114). Он приводит ряд этнографических примеров, правда, достаточно отдаленных. У маса (бана) в Камеруне юноши, перед тем как пройти инициацию и стать членами мужского союза, полгода живут в лесу, где под руководством жрецов учатся танцам. У гола в Либерии мальчики проводят от нескольких месяцев до года в священном лесу, где учатся танцевать, владеть оружием и изучают обычное право (1995, с. 114). Я.В. Васильков обращается к более близким аналогиям из индийской эт-

нографии. Он отмечает, что специфическим занятием молодежи в «домах неженатых юношей» или «общих домах» были танцы, пение и музыка. Отражением этой этнографической реальности в мифологии санскритской традиции, несомненно, являются образы апсар и гандхарвов – танцующих, поющих, играющих на музыкальных инструментах в райском «мужском доме» – сабхе Индры. В системе церемониального обмена у индийских племен подобные социовозрастные объединения молодежи выполняли важную функцию: они обеспечивали музыкой и танцами праздники своей деревни, а также совершали «танцевально-музыкальные экспедиции» (иногда напоминающие «игровые набег») на празднества, справляемые в соседних деревнях (Васильков, 2010, с. 165).

Можно предположить, что подобные «танцевально-музыкальные экспедиции» существовали и в среде синташтинских и петровских социовозрастных объединениях молодежи. О наличии музыкальной составляющей может служить находка предполагаемого музыкального инструмента в погребении 3 кургана 7 могильника Степное I. Соответственно, украшения, найденные в синташтинских и

петровских погребениях при костяках юных воинов, могут являться деталями костюмов для подобных праздничных выступлений. Не исключено, что подростки младшего возраста исполняли в этих праздничных танцах или ритуалах женские партии. Так, подросток в возрасте 8–9 лет из погребения 19 могильника Степное VII был снабжен исключительно женскими украшениями, и только одна деталь ритуала выдает его причастность к мужскому миру – необычное положение наконечника, который закрывает лицо. Подросток 10–12 лет из могильника Бестамак также снабжен женскими украшениями, включая наконечник, но его причастность к мужскому миру обозначена бронзовым топором-теслом, ножиком и 10 каменными наконечниками стрел.

Таким образом, синташтинские и петровские погребения юношей и подростков мужского пола, по видимому, свидетельствуют о существовании в среде колесничных культур социовозрастных юношеских воинских братств, где молодежь совершенствовалась не только в воинском искусстве, но и в игре в кости, танцах, пении, игре на музыкальных инструментах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутинов Н.А. Половозрастная организация // СЭ. 1982. № 1. С. 63–68.
2. Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: «Европейский Дом», 2010. 400 с.
3. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Ч. 1. Челябинск: АБРИС, 2003. 362 с.
4. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
5. Елизаренкова Т.Я. Комментарий // Атхарваведа (Шаунака). М.: Восточная литература, 2005. Т. 1. Кн. I–VII. С. 375–558.
6. Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 32–58.

7. *Косинцев П.А.* Животные в жертвенных комплексах могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2003. С. 333–344.

8. *Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) / ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 156–207.

9. *Кулланда С.В.* Царь богов Индра: юноша–воин–вождь // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература, 1995. С. 104–125.

10. *Куприянова Е.В.* Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

11. *Куприянова Е.В., Зданович Д.Г.* Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

12. *Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2003. С. 345–360.

Информация об авторе:

Сотникова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант, ООО "Центр археологических исследований" (г. Надым, Россия); svetlanasotnik@mail.ru

WARRIOR BURIALS OF THE LATER BRONZE AGE WITH SETS OF ASTRAGALS: PROBLEM OF INTERPRETATION

S.V. Sotnikova

The burial grounds of the beginning of the Late Bronze Age of the Southern Trans-Urals (Sintashta-type, Petrovka-type) which contained the burials of youths and adolescents of a male with large number of astragals are examined in the paper. In such burials, weapons are often found, including those characteristic of chariot warriors, and adornments. The author compares the ancient Indian texts of "Rigveda" and "Atharvaveda" with the materials of the Sintashta-type and Petrovka-type burials and comes to the conclusion about the possible existence of the socio-age associations of youths-warriors in milieu of the chariot cultures of the late Bronze Age. In these associations young men were not only acquiring warrior skills. In their milieu, the game of dice was widespread, which was seen as the equivalent of a battle. In addition, they were improved in the music and dance art.

Keywords: archaeology, Southern Trans-Urals, the Late Bronze Age, game of dice, weapons, adornments, socio-age associations of youths-warriors.

REFERENCES

1. Butinov, N. A., 1982. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (1), 63–68 (in Russian).
2. Vasil'kov, Ya. V. 2010. *Mif, ritual i istoriia v «Makhabkharate» (Myth, ritual and history in the "Mahabharata")*. Saint-Petersburg: "Evropeiskii Dom" Publ. (in Russian).
3. Vinogradov, N. B. 2003. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Krivoye Ozero Bronze Age Burial Ground in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ., (in Russian).
4. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Archaeological Monuments of Aryan Tribes in the Ural-Kazakhstan Steppes. Part 1)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).
5. Elizarenkova, T. Ya. 2005. In *Atharvaveda (Shay'naka)* 1. Books I–VII. Moscow: "Vostochnaya literature" Publ., 375–558 (in Russian).

6. Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 2009. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 9, 32–58 (in Russian).
7. Kosintsev, P.A. 2003. In Vinogradov, N. B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Krivoye Ozero Bronze Age Burial Ground in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ., 333–344 (in Russian).
8. Kostyukov, V. P., Epimahov, A. V., Nelin, D. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie indoiranskije kul'tury Volgo-Ural'ja (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Urals (2nd Millennium B.C.))*. Samara: Samara State Pedagogical University, 156–207 (in Russian).
9. Kullanda, S. V. 1995. In Popov, V. A. (ed.). *Rannie formy politicheskoj organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti (Early Forms of Political Organization: from Primitive State to the Statehood)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 104–125 (in Russian).
10. Kupriyanova, E. V. 2016. *Pogrebal'nye praktiki ehpoi bronzj Yuzhnogo Zaural'ja: mogil'nik Stepnoe-I (raskopki 2008, 2010–2011, 2014 gg.) (Burial Practices of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals: Stepnoe-I Burial Ground (Excavations of 2008, 2010–2011, 2014))*. Chelyabinsk: "Entsiklopediia" Publ. (in Russian).
11. Kupriyanova, E. V., Zdanovich, D. G. 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ja: mogil'nik Stepnoe VII (Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Stepnoe VII Burial Ground)*. Chelyabinsk: "Entsiklopediia" Publ. (in Russian).
12. Rykushina, G. V. 2003. In Vinogradov, N. B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Krivoye Ozero Bronze Age Burial Ground in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ., 345–360 (in Russian).

About the Author:

Sotnikova Svetlana V. Candidate of Historical Sciences. PLC "Center of archaeological research", Zvereva str., 29/1, Nadym, 629730, Russian Federation; svetlanasotnik@mail.ru

Статья поступила в номер 11.01.2019 г.

УДК 599: 902, 903.01, 903.2

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.84.103>**КОЛЛЕКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОГО
(ПРИВОЛЖСКОГО) ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЧАСТЬ 2.****© 2019 г. А.А. Чижевский, Е.Е. Антипина, Г.Ш. Асылгараева,
А.Р. Нуретдинова**

Статья продолжает публикацию коллекций Археологического музея Казанского федерального университета, изучение которых с помощью археологических и естественнонаучных методов было начато авторским коллективом в 2018 г. В ней рассматриваются коллекции эпохи мезолита, бронзового и раннего железного веков, и раннего средневековья. Три коллекции из Казанской губернии, Гаревского костыша и Шигирского торфяника получены в XIX в. Обществами археологии, истории и этнографии и естествоиспытателей при Казанском университете. Четвертая, из раскопок городища Гремячий ключ в 1948 г., связана с историческим факультетом Казанского университета. Изучение коллекций позволило получить данные, представляющие значительный интерес для понимания развития материальной культуры Урало-Поволжья в широкой ретроспективе.

Ключевые слова: археология, Урало-Поволжье, мезолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье, ананьинская культурно-историческая область, археозоология, трасология.

В данной статье продолжена публикация коллекций из собрания археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета, включающих предметы из кости и рога, которые сегодня все чаще привлекают внимание специалистов и нуждаются во введении в научный оборот. Начало наших исследований обозначено изданием материалов раннего железного века (Чижевский и др., 2018). Однако оставшиеся коллекции, которые содержали немало предметов, представляющих интерес для понимания развития материальной культуры Урало-Поволжья, побуждали нас продолжить эту работу.

Три коллекции связаны с деятельностью Обществ: археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) – д.23/1894, АКУ-13 и естествоиспытателей (ОЕ) – АКУ-111 при Казанском университете, четвертая (АКУ-12) относится к деятельности исторического факуль-

тета Казанского университета в советское время.

В составе коллекции д.23/1894 присутствует один предмет, данные об авторе находки и коллекционная опись отсутствуют. Информация о предмете содержится на этикетке овальной формы, на которой написано «Казанская» и коллекционный номер. По всей вероятности, здесь присутствует неполное написание места происхождения коллекции – Казанская губерния, так обозначались предметы, найденные случайно на территории губернии, а затем купленные членами ОАИЭ. Цифра через косую черту обозначала год находки или передачи в Общество. Таким образом, аббревиатура д.23/1894 обозначает 23 декабря 1894 года.

Изделие изготовлено из левого нижнего клыка кабана (*Sus scrofa fergus*) посредством его диагонального распила, шлифовки граней крупным

абразивом и последующей полировкой¹. Наличие на нем двух сквозных отверстий, просверленных поперек длинной оси клыка, а также последующая завальцовка краев этих отверстий в процессе эксплуатации свидетельствуют об использовании изделия в качестве распределителя ремней конской упряжи.

Распределители ремней из кости полулунной формы были распространены в Волго-Камье в финале бронзового века. Они известны в уздечных наборах в погребениях позднего этапа маклашеевской культуры. В погр. 16 мог. Девичий городок IV, распределитель изготовлен из челночной кости лошади² и имеет одно отверстие (Казаков, 2002, рис. 4: 4). В погр. 1 Измерского XVI мог. содержатся три подобных предмета с двумя отверстиями (Казаков, 2017, с. 81, рис. 5: 1–3). Использование полулунных распределителей ремней в конской упряжи у носителей маклашеевской культуры относится к XII–X вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 24).

Коллекция АКУ-13 по описи 1956 г. происходит из собрания Теплохова и сформирована на основе предметов из Гаревского костяка на р. Полуденной. Более полные данные были получены при анализе публикаций ОАИЭ, изучение которых позволило установить, что коллекция была передана Обществу в 1879 г. самим владельцем – А.Е. Теплоховым (1879, с. 177, 178). На момент передачи она состояла из двух глиняных сосудов, семи стеклянных бус и 13 костяных наконечников стрел. В коллекционной описи 1956 г. упоминаний о сосудах нет. На момент подготовки статьи отсутствовали глиняные сосуды и один наконечник стрелы.

В коллекции содержится семь округлых золотостеклянных бус: крупные (5 экз., высота – 11–15 мм, максимальный диаметр – 12–14,5 мм, диаметр оснований канала – 2–3,5 мм) (рис. 1: 4–8) и мелкие (2 экз., высота – 6–7,5 мм, максимальный диаметр – 8–9 мм, диаметр оснований канала – 1,5–2,5 мм) (рис. 1: 2, 3). У части из них утрачен верхний слой стекла и золотая фольга (рис. 1: 4, 8).

Бусы с внутренней прокладкой из золотой фольги появляются в Северном Причерноморье в III в. до н. э. и существуют до первых веков н. э. (Алексеева, 1978, с. 29, табл. 26: 2, 3, 7). Однако абсолютные размеры их меньше, чем у бус из коллекции АКУ-13. Ближе к ним бусы, происходящие из рязано-окских могильников. Судя по этим материалам, подобные изделия (отдел А, группа I, тип 1) датируются в пределах рубежа I/II – первой пол. IV в. (Румянцева, 2007, с. 217, 218, рис. 3: 4, 5).

Большая часть предметов коллекции относится к наконечникам стрел с пером иволистной формы и наметанным черенком (Перескоков, 2018, с. 74). По типологии, разработанной А.Н. Лепихиным, по сечению они подразделяются на ромбические, шестигранные, трехгранные и трапециевидные (2007, с. 88).

Наконечники стрел ромбического сечения составляют большую часть стрелкового набора. К этой группе отнесены шесть наконечников (рис. 1: 9, 10, 14, 16, 18, 19) и одна заготовка (рис. 1: 17), доведенная почти до состояния готового изделия. Они были изготовлены из компакты длинных трубчатых костей крупных животных: копытного (Ungulate) (рис. 1: 18, 19), медведя (*Ursus arctos*) (рис. 1: 17), пяти лошади (*Equus caballus*) (рис. 1: 9,

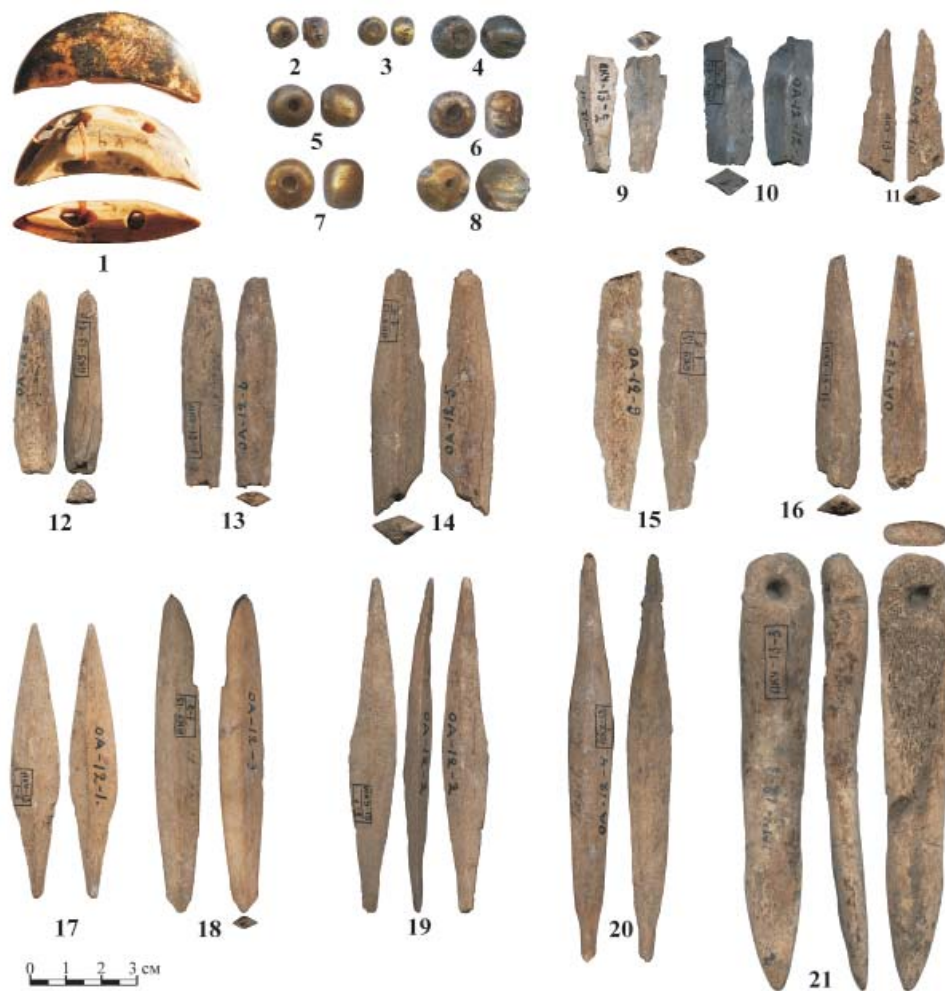

Рис. 1. 1 – коллекция д.23/1894, Казанская губерния, 2–21 – коллекция АКУ-13, Гаревское костыще, находки из раскопок А.Е. Теплоухова, 1879 г. 1 – клык кабана, 2–8 – стекло и золото, 9–21 – кость.

Fig. 1. 1 – d. 23/1894 collection, Kazan governorate, 2–21 – АКУ-13 collection, Gari bone bed, findings discovered at excavations of 1879 by А.Е. Teploukhov. 1 – boar tusk, 2–8 – glass and gold, 9–21 – bone.

14) – посредством продольного раскроя кости, спила или среза граней. В отдельных случаях использовалась подрубка в сочетании с подрезкой граней (рис. 1: 17), конечной стадией обработки была шлифовка мелким абразивом. Часть наконечников несет следы использования: лощение острия (рис. 1: 19) и граней (1: 18); залощенность других наконечников имеет та-

фономическое происхождение (рис. 1: 14, 17); наконечники со следами огня (рис. 1: 10, 14) или слабым лощением (рис. 1: 16) не позволяют обнаружить следы работы с ними.

К наконечникам стрел шестигранного сечения относятся два экземпляра (рис. 1: 13, 20). Первый, выполнен из компакты длинной трубчатой кости крупного животного, второй из мета-

подия лошади. Оба изготовлены из продольно раскрытых костей, грани оформлены спилом и подрезкой (рис. 1: 13) или подрубкой и подрезкой рис. 1: 20), и затем отшлифованы мелким абразивом. Острия наконечников залощены от использования.

Наконечники стрел трехгранного сечения (2 экз.), выработаны из компакты длинной трубчатой кости крупного животного с использованием тех же приемов, что и шестигранные наконечники (рис. 1: 11, 12). В одном случае грани острия залощены при использовании (рис. 1: 12), во втором таких следов установить не удалось.

Наконечник стрелы трапециевидного сечения (1 экз.) изготовлен из компакты длинной трубчатой кости крупного животного также путем продольного раскрытия кости, установлены следы спила или подрезки граней, шлифовка мелким абразивом (рис. 1: 15). Острие залощено при использовании.

Последним экспонатом коллекции является кочедык (рис. 1: 21) длиной около 13 см, на рукояти – отверстие диаметром 4–5 мм, выполненное двусторонним сверлением. Он изготовлен из пясти крупного копытного, вероятно, лося (*Alces alces*), посредством продольного раскрытия и последующего лощения кости. Узкий конец залощен от работы.

Костища, как особый тип памятников, являются характерным признаком гляденовской культуры, они возникают в ананьинское время и существуют вплоть до третьей четверти I тыс. н.э. (Поляков, 1967, с. 210). Гаревское костище датируют в пределах III–V вв. (Генинг, 1988, с. 132, 134), V–VII вв. (Голдина, 1985, с. 108) и II–VII вв. (Лепихин, 2007, с. 111; Перескоков, 2018, с. 87).

Согласно описи 1956 г., коллекция АКУ-111 состояла из 11 экспонатов, в 2018 г. она насчитывала восемь предметов, отсутствовали стенки сосуда с примесью «слюды» (цит. по описи) и костяной гарпун.

На титуле вместо названия памятника запись: «Керамика и костяные орудия труда», отсутствует информация об авторе раскопок, неизвестен год передачи предметов.

При осмотре коллекции обращает на себя внимание фрагмент глиняного сосуда с примесью талька, который указывает на уральское происхождение экспонатов. Остальная коллекция состоит из костяных предметов. Судя по хорошей сохранности и близкой окраске рыжеватого-коричневого или красно-коричневого оттенков, эти изделия составляют единую серию, которая долгое время депонировалась в бескислородной среде и окрашивалась природными красителями. Сразу же напрашивается предположение о происхождении этой коллекции из торфяников Зауралья. За последние сто с лишним лет передачи экспонатов в музей ПФУ из этого региона не производилось, не было и экспедиций, снаряжаемых в Зауралье. Таким образом, коллекция могла попасть в Казань только в XIX в.³ В этой ситуации на помощь приходят Труды ОЕ и ИОАИЭ.

В последней четверти XIX в. на Урал для изучения Шигирского торфяника были отправлены две геологические экспедиции, организованные Обществом естествоиспытателей при Казанском университете.

Первую экспедицию в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. возглавил член Общества – геолог А.П. Иванов. Экспедиция была организована для «геологического изучения северных

Рис. 2. Коллекция АКУ-111. Шигирский торфяник и Иртышское озеро (?), находки А.М. Зайцева, 1883 и 1885 гг. 1–6 – кость, 7 – сланец; 8 – керамика.

Fig. 2. AKU-111 collection. Shigir peat bog and Irtyashkoe lake (?), findings discovered by A.M. Zaitsev, 1883 and 1885. 1–6 – bone, 7 – slate; 8 – ceramics.

лесных окраин Пермского края», попутно, за три года исследований он проделал огромную работу по исследованию памятников археологии (Иванов, 1881, с. 3). Среди прочих объектов был изучен Молебский торфяник, на котором А.П. Иванов произвел шурфовку с целью выяснения процессов торфообразования, и осмотрен Шигирский торфяник, причем археологические находки в этом случае были получены из отвалов шурфов золотоискателей (Иванов, 1881, с. 46, 47, 50). Некоторые предметы были выкопаны в присутствии А.П. Иванова, однако в перечне находок изделия из кости отсутствуют (Иванов, 1881, с. 51).

Вторую экспедицию возглавлял А.М. Зайцев, в 1883 и 1885 гг. он работал на Шигирском торфянике и в районе дач заводов Каслинский, Верхне-Исетский и др. (Зайцев, 1886, с. 50). Описание изделий из кости, полученных им из разработок золотоискателей Шигирского торфяника, очень подробное, некоторые вещи узнаваемы по описанию. Здесь и предмет наполовину «сжатацилиндрического» вида, наполовину ланцетообразный с вырезкой посередине (рис. 2: 6), орудие с мелкими зубчиками (рис. 2: 4) и т.д., упоминает он и фрагменты глиняной посуды (Зайцев, 1886, с. 51, 53, 54). Коллекция предметов, полученная им, была сдана Обществу естествоиспытателей.

В 1890 г. коллекции Общества были переданы в Кабинет географии. После 1931 г. большая часть университетских коллекций была отдана в Центральный музей ТАССР. Однако часть осталась в университете, в том числе и рассматриваемая коллекция. Дальнейшая судьба экспонатов связана с историческим факультетом Ка-

занского университета, который был воссоздан в 1939 г. Так как предметы были переданы без сопроводительной документации, информация о происхождении коллекции из Шигирского торфяника и раскопок на Каслинско-Кыштинской даче, а также ее авторе А.М. Зайцеве была утрачена. Первоначально коллекции был присвоен шифр АМУ-176, а в 1956 г. – АКУ-111.

Самым узнаваемым предметом коллекции является фрагмент сосуда с отогнутым наружу плоским венчиком, блоковидным горлом и выпуклыми плечиками, покрытый ямочно-крестовой орнаментацией (рис. 2: 8). По типологии В.А. Борзунова, он относится к первому типу керамики гамаюнской культуры (Борзунов, 1992, с. 57, рис. 12: 1; 17: 6)⁴. По мнению исследователя, обильные примеси талька, зернами и мелкотолченого, свидетельствуют о происхождении сосуда из горно-лесного Зауралья, территории одного из локальных вариантов гамаюнской культуры: верхне-исетского, каслинско-синарского или миасско-аргазинского⁵. Этот вывод подтверждает свидетельство А.М. Зайцева о раскопках на четырех городищах Каслинско-Кыштымской дачи, на которых была найдена керамика из тальковой глины (Зайцев, 1886, с. 55–58).

Таким образом, фрагмент сосуда из коллекции АКУ-111 может происходить как из Шигирского торфяника (Савченко и др., 2010, с. 11, рис. 1: 20), так и городищ района Иртышского озера (Наумов, 2015, с. 227, 230, 232), на всех этих объектах зафиксирована керамика гамаюнской культуры. Время существования гамаюнской культуры в Среднем и Южном Зауралье IX–IV вв. до н. э. (Борзунов, 1992,

с. 132), в этих же границах следует датировать и данный фрагмент.

Единственным каменным изделием в коллекции был шлифованный топор из зеленого сланца длиной 10,5 см (рис. 2: 7). Его лезвие, обух и большая часть поверхности повреждены, покрыты выбоинами и длинными сколами, образовавшимися, по всей вероятности, в процессе работы и последующего депонирования. Шлифованные орудия, в том числе и топоры, появляются в Зауралье в позднем мезолите (Выйка II) (Сериков, Старков, 1989, с. 136, 137), значительно шире они распространяются в эпоху неолита, причем в это время увеличивается доля шлифованных орудий из зеленокаменной породы (Косарев, 1996, с. 257; Виноградов, 2015, рис. 135, 136). Заготовка крупного топора (Савченко и др., 2010, илл. 1: 15) и шлифованные орудия имеются и в коллекции ГЭ Шигирского торфяника (Савченко и др., 2010, илл. 1: 12, 13, 16, 17).

Остальная коллекция состоит из костяных предметов, наиболее многочисленны гарпуны и остроги (3 экз.).

К ним относится фрагмент круглого одностороннего наконечника остроги или гарпуна с клювовидным зубцом (рис. 2: 1), большая часть стержня и насад утрачены. Наконечник изготовлен из метаподия лошади с использованием подрубки, подрезки, строгания, шлифовки мелким абразивом и лощения. Судя по состоянию кончика, который притуплен от ударов, орудие использовалось в работе. К сожалению, сохранность не позволяет определить время существования наконечника, так как гарпуны с подобными зубцами использовались с эпохи мезолита и до раннего железного века.

У второго, также одностороннего гарпуна (рис. 2: 2), утрачено острие и верхняя часть стержня, сохранился насад подтреугольной формы с вырезом посередине и нижняя часть стержня с крупным клювовидным шипом. Орудие изготовлено из метаподия лося с применением подруба, подрезки, строгания, шлифовки крупным абразивом и полировки. Следы использования установить не удалось.

Гарпун близкой формы с крупными редкими клювовидными зубцами и подтреугольным насадом с вырезом известен по коллекции Шигирского торфяника ГЭ, он отнесен к ранней части комплекса, в состав которого входят изделия, обработанные каменными орудиями, и отнесен к эпохе мезолита – неолита (Савченко и др., 2010, с. 16, рис. 3: 38).

Третьим изделием является многозубцовая односторонняя острога (или гарпун) из метаподия лося (рис. 2: 4) с обломанным насадом, изготовленная путем строгания и скобления продольного фрагмента, который затем шлифовался мелким абразивом и полировался, с финальным пропилом зубцов мелкозубчатой пилой. Следы использования не установлены. Близкое по форме изделие с частыми зубцами известно среди материалов Шигирского торфяника в парижской коллекции барона де Бай, имеются такие орудия и на других памятниках Восточной Европы эпохи мезолита и неолита (Савченко, Ромен, 2011, с. 255, рис. 2: 4).

В коллекции присутствует массивное острие, изготовленное из метаподия лося (рис. 2: 3), которое использовалось, вероятно, как наконечник копья или рогатины. На нем отмечены следы от прорезки пазов для продольного раскалывания кости, форма

предмету придавалась подружкой и строганием. Кроме того, использовались скобление, шабрение и шлифовка поверхности крупным и мелким абразивом. На поверхности отмечено лощение, возникшее, по-видимому, в процессе использования. На острие имеется скол, образовавшийся, вероятно, от удара о твердую поверхность, который впоследствии был завальцован. Наконечники рогатин в Шигирском торфянике известны по находке из фондов Свердловского областного краеведческого музея, существует и AMS дата такого предмета – 8545 ± 45 л.н. ($1\sigma - 7601-7567$ кал. л. до н. э. (88,4%); $2\sigma - 7656-7525$ кал. л. до н. э. (99,6%)) ОхА-22283 (Савченко и др., 2011, с. 51, рис. 1: 2).

Второе острие из коллекции использовалось как кочедык или проколка (рис. 2: 5) и выполнено из бокового метаподия лося. Трасологически зафиксировано строгание проксимального конца кости на конус. Острие имеет хорошо выраженное лощение, связанное с работой по мягким материалам.

Последней в линейке предметов из коллекции АКУ-111 является заготовка кинжалоподобного орудия (рис. 2: 6), которая была выполнена из плюсны северного оленя (*Rangifer tarandus*). Процесс изготовления включал продольный раскрой кости, подрезку края, строгание, шабрение и шлифовку средним абразивом. Следы использования отсутствуют. По всей вероятности, мастер планировал изготовить вкладышевый кинжал, подобный находке из Шигирского торфяника, хранящейся в фондах МАЭ РАН (Савченко, Жилин, 2018, с. 98–101, рис. 1).

Время существования костяных орудий определяется по аналогиям

из коллекций Шигирского торфяника, хранящихся в других музейных собраниях, и может быть отнесено к эпохе мезолита – неолита.

Коллекция АКУ-12 была получена в результате раскопок Н.Ф. Калинина на городище Гремячий ключ в 1948 г. и содержит 612 предметов (Калинин, Халиков, 1954, с. 39–42, рис. 13, 14). В ее составе костяные и каменные изделия, керамика и обычный остеологический материал, главным образом «кухонные» костные остатки. Изделия из камня будут рассмотрены в отдельной публикации.

Костяные изделия представлены четырьмя предметами, которые были связаны с хозяйственной и ремесленной деятельностью.

К ним относится фрагмент предмета с рабочей фасеткой, изготовленный из компакты длинной трубчатой кости копытного крупных размеров (рис. 3: 1). При его создании использовалась подрезка краев предмета ножом, шлифовка крупным и мелким абразивом. Зафиксирована площадка стирания конца изделия о твердую поверхность, что позволяет отнести его к лошалам по керамике.

Продуктом отхода косторезного ремесла и одновременно заготовкой был обрезок неправильной полуцилиндрической формы от рога лося (рис. 3: 2). На нем зафиксированы следы как продольного раскроя-распила на тонкие пластины, так и поперечного разделения рога подрубами и разломом, следы использования отсутствуют.

Третьим предметом является головка правой бедренной кости лося со сквозным отверстием (диаметр 9–10 мм) в центральной части, полученным двухсторонним сверлением (рис. 3: 3), изделие использовалось как пряслице. Зафиксированы подправка

Рис. 3. Коллекция АКУ-12, городище Гремячий ключ, находки из раскопок Н.Ф. Калинина 1948 г. 1, 3, 4 – кость, 2 – рог, 5–10 – керамика.

Fig. 3. AKU-12 collection, Gremyachiy Klyuch hillfort, findings discovered at excavations of 1948 by N.F. Kalinin. 1, 3, 4 – bone, 2 – horn, 5–10 – ceramics.

краев ножом и лощение основания головки мелкозернистым абразивом и кожей, вероятно, лощение было функциональным и образовалось от кожаной прокладки на пряслице.

Завершает серию плоская лопаточка-тупик (рис. 3: 4), изготовленная из лингвальной стенки левой половины нижней челюсти лошади. Предмет почти целый, отмечен только диагональный скол вершины изделия. Для его производства применялся раскрой-раскол челюсти, затем форму

придавали обрезкой/подрезкой краев, а далее шлифовали края и одну из плоскостей изделия, образованной внутренней стороной челюсти. Установлены следы использования – завальцовка торцевого края основания лопаточки.

Вторая лопаточка-тупик, упомянутая в публикации Н.Ф. Калинина, отсутствует.

В коллекции имеется 454 фрагмента керамики, 171 из них поддается идентификации, далее анализу

подвергались только они, остальные представлены стенками сосудов с примесью раковины без орнамента. Керамика в описи группируется по штыкам: 1, 2 и 4, последний, связан с заполнением очага.

Керамика штыка 1 представлена 80 фрагментами, из них 47 венчиков и 33 стенки. По примесям в глине выделены три группы: 1. с примесью шамота (10 экз.), 2. с примесью песка и органики (3 экз.), 3. с примесью раковины (67 экз.).

К первой группе принадлежат стенки сосудов без орнамента, по структуре примесей и оформлению поверхности они отнесены к именьковской культуре.

Со второй группой связана керамика, покрытая текстильным раппортом. Один из сосудов украшен ямками и зубчатым штампом, который имитировал текстильные отпечатки (рис. 4: 3). Эта группа соотносится с аказинской культурой АКЦИО.

В состав третьей группы входит остальная керамика, отнесенная к постмаклашеевской культуре ананьинской культурно-исторической области (ПМК АКЦИО). Один фрагмент не орнаментирован, остальные покрыты орнаментом по шейке, иногда плечикам и срезу венчика (табл. 1).

Основным элементом орнамента на керамике первого штыка была ямка – 52 фр. (77,6%), с выпуклиной на внутренней стороне сосуда (ЯВ) и без нее (Я), она сочеталась со всеми остальными элементами (табл. 2). Сложные орнаментальные мотивы на этом уровне отсутствуют, в 61,2% случаев на керамике имелся только один элемент (рис. 4: 1, 2, 4, 7–9, 14–17, табл. 3).

На 22 сосудах присутствовали два элемента орнамента (рис. 4: 5, 6,

10, 12, 13), три элемента (рис. 4: 11) на керамике встречены дважды (табл. 3).

Орнаментальные композиции просты, ямки и вдавления объединены в ряды в одну–три линии; шнуровые отпечатки образуют длинные горизонтальные линии, иногда разделенные зонами коротких наклонных отпечатков шнура; гребенчатый штамп образует столбцы вертикальной «елочки»; гладкий штамп объединен в ряды наклонных линий и горизонтальную «елочку»; ногтевые отпечатки фиксируются на шейке или срезе венчика.

Керамика штыка 2 представлена 69 фрагментами (48 венчиков и 21 стенка), она содержит примеси раковины и относится к ПМК АКЦИО.

Основным элементом орнамента здесь также была ямка (ЯВ и Я) – 54 (78,3%) (табл. 2). Выделяются орнаментальные мотивы, состоящие из одного (34 экз.) (рис. 5: 3, 4, 8, 9, 12, 14, 18, 21, 24), двух (23 экз.), трех (6 экз.) и четырех элементов (1 экз.) (табл. 2, 3).

Орнамент с двумя элементами встречается по одному и сериями из 2–7 сосудов (рис. 5: 1, 2, 5–7, 10, 11, 15, 16, 20, 22, 25, табл. 3). Орнаментальные мотивы из трех (рис. 5: 13, 17, 19) и четырех элементов (рис. 5: 23) не повторяются (табл. 3).

Орнамент на керамике штыка 2 прост, сложные композиции присутствуют лишь на посуде со шнуровыми отпечатками. Выделяется сосуд, в котором две зоны наклонного короткого шнура разделены ямками и окаймлены горизонтальными линиями, ниже размещены овальные вдавления, а на срезе венчика ногтевые отпечатки (рис. 5: 23). Имеются и композиции, образующие ромбы, окаймленные го-

Рис. 4. Коллекция АКУ-12, городище Гремячий ключ, раскопки Н.Ф. Калинина 1948 г., находки из первого штыка. 1–17 – керамика.
 Fig. 4. AKU-12 collection, Gremyachiy Klyuch hillfort, excavations of 1948 by N.F. Kalinin, findings discovered in the first digging horizon. 1–17 – ceramics.

ризонтельными линиями (рис. 5: 10, 15–17).

Три сосуда имеют гребенчато-шнуровой орнамент, но только один можно отнести к ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) АКИО (рис. 5: 19) (Черных и др., 2002, рис. 21: 1, 23: 6).

Керамика штыка 4 представлена мелкими фрагментами (4 венчика и 1 стенка) с примесью раковины, которые относятся к ПМК АКИО (табл. 1–3).

Судя по материалам коллекции АКУ-12, развитие керамических традиций населения городища Гремячий ключ шло в сторону упрощения орна-

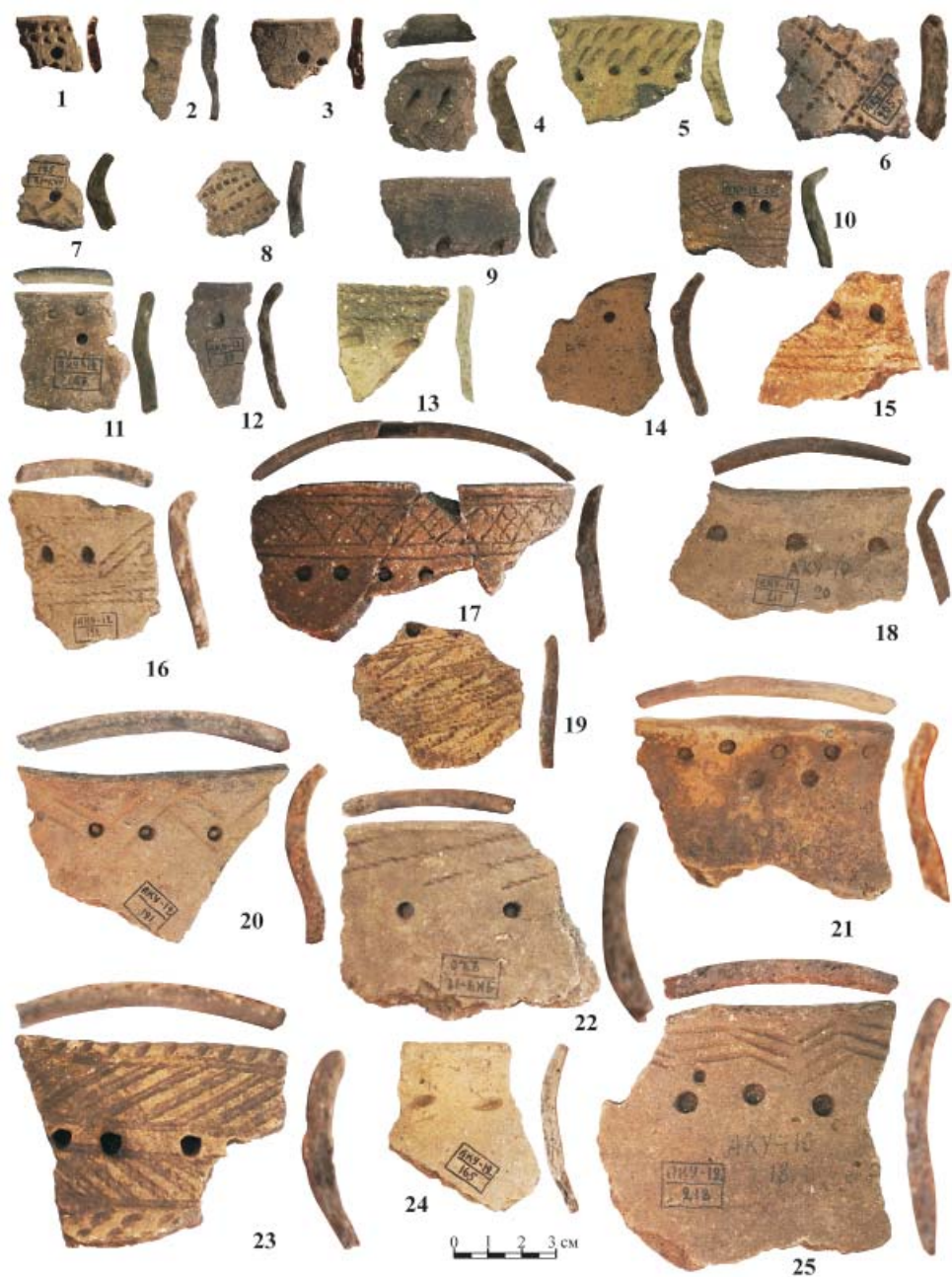

Рис. 5. Коллекция АКУ-12, городище Гремячий ключ, раскопки Н.Ф. Калинина 1948 г., находки из второго штыка. 1–25 – керамика.
Fig. 5. AKU-12 collection, Gremyachiy Klyuch hillfort, excavations of 1948 by N.F. Kalinin, findings discovered in the second digging horizon. 1–25 – ceramics.

Таблица 1

Распределение элементов орнамента по глубинам

глубина.	ямка						вдавление			шнур			штамп		Итого	
	с выпуклиной			без выпуклины			круглое (ВК)	овальное (ВО)	кружковое (ВКр)	одинарный (ОШ)	двойной (ДШ)	тройной (ТШ)	зубчатый (ЗШ)	гладкий (ГШ)		
	круглая (ЯВ)	овальная (ЯВО)	треуг. (ЯВГ)	круглая (Я)	овальная (ЯО)	треуг. (ЯГ)										
1 шт.	24	3	0	24	2	1	0	4	0	5	5	3	14	6	4	95
%	25,3	3,15	0	25,3	2,1	1	0	4,2	0	5,3	5,3	3,15	14,7	6,3	4,2	100
2 шт.	38	2	0	10	1	0	1	6	3	1	12	6	13	11	3	107
%	35,5	1,9	0	9,3	0,9	0	0,9	5,7	2,8	0,9	11,2	5,7	12,1	10,3	2,8	100
4 шт.	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	0	0	7
%	57,1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	14,3	0	28,6	0	0	100

ментальных мотивов и композиций при сохранении доминанты использования ямочных элементов орнамента (табл. 3). Обращает внимание увеличение с 10,2 до 27,4% ямок без выпуклин в верхнем горизонте городища. Уменьшается использование вдавлений (9,4 и 4,2%), гладкого штампа (10,3 и 6,3%) и оттисков шнура (17,8 и 13,75%) при увеличении применения одинарного шнура (0,9 и 5,3%) и гребенчатого штампа (12,1 и 14,7%) (табл. 1).

Остеологический материал коллекции АКУ-12 представлен 107 фрагментами.

Среди находок штыка 1 определены кости домашних животных (в том числе собаки – 1 фр.) и лисы (1 фр.).

Наибольшее количество костей (20) принадлежит лошади. В основном, это зубы верхней и нижней челюстей от особей до 3 лет, 5–6 и 7–8 лет (по Grant, 1975), имеются также метаподии, таранная кость и фаланга II. По целой пястной кости – была определена высота особи в холке (121 см), что соответствует мелким толстоногим лошадям (по Витту, 1952, с. 172–173).

Среди костей КРС (12 фр.) определены разрозненные зубы верхней и

нижней челюсти, фрагменты нижних челюстей, подъязычной и плечевой кости, ребра. Дистальная часть скелета представлена фалангами I и II. Возраст животных 2–2,5 и 4–6 лет.

Кости свиней (8 экз.) включают фрагменты черепа и нижней челюсти, зубы, возраст особей от 1 до 1,5–2 лет.

Коллекция костей штыка 2 насчитывает 60 фрагментов, из них 9 являются неопределимыми костными фрагментами.

Лошадь (28 фр.) представлена разрозненными зубами верхней и нижней челюсти (21), фрагментами черепа и нижней челюсти, 2 фалангами I и III, грифельными костями. Нижнечелюстные зубы соответствуют возрасту животных 5–6 и 7–8 лет, молочные зубы свидетельствуют о наличии особи моложе 2 лет.

КРС (10 фр.) диагностирован по разрозненным зубам верхней и нижней челюсти – 6 шт., верхнечелюстной части черепа (2 фр.), нижней челюсти (1 фр.) и одной фаланге II. По зубам установлен возраст половозрелых особей – 2,5–3, 3–4, 4–6 и 6–9 лет.

К свинье отнесены 12 костей: разрозненные верхнечелюстные и нижнечелюстные зубы и нижние челюсти.

Таблица 2

Общая характеристика сочетания элементов орнамента

штык 1		шнур			штамп		вдавление			ногтевые	Без других элементов
		одинарный	двойной	тройной	зубчатый	гладкий	круглое	овальное	кружков		
ямка с выпуклиной	круглая	3	2	2	2	1		1		2	13
	овальная										3
	треугольная										0
ямка без выпуклины	круглая	2	2	1	8	1					10
	овальная										2
	треугольная										1
Без других элементов		0	1	0	4	4	0	3	0	2	
Итого		5	5	3	14	6	0	4	0	4	
штык 2											
ямка с выпуклиной	круглая	1	6	3	5	6	1	3	2	2	16
	овальная			1						1	1
	треугольная										0
ямка без выпуклины	круглая		5	1	1	1		2			1
	овальная										1
	треугольная										0
Без других элементов		0	1	1	7	4	0	1	1	0	
Итого		1	12	6	13	11	1	6	3	3	
штык 4											
ямка с выпуклиной			1		2						1
Без других элементов											
Итого		0	1	0	2	0	0	0	0	0	

Возраст особей не превышал 2 лет (4–6 мес., 1 год, 1 год 10 мес.).

Среди находок штыка 4 выявлено 7 костей, из них две неопределимы и принадлежат крупным млекопитающим. Теленку (до 2 лет) принадлежал фрагмент верхнечелюстного молочного зуба. Жеребенок возрастом до 1 года представлен фрагментом зуба. Молодой свинье до 1 года принадлежат ребро и фаланга II без верхнего эпифиза. Здесь же выявлена левая плечевая кость домашней курицы (*Gallus gallus f. domestica*)⁶.

Исследование археозоологической части коллекции АКУ-12 позволяет говорить о преобладании в ней лошади (около 50%), КРС и свинья при-

существовали здесь примерно в равных пропорциях.

Ввиду отсутствия датирующих предметов, хронология коллекции определяется по керамическому комплексу, для этого был привлечен и подъемный материал (рис. 3: 5–10).

Нижнюю границу существования памятника – IX – пер. пол. VII в. до н. э. – определяет сосуд «переходного периода» (рис. 3: 8) (Марков, 2007, с. 43, рис. 43; Кузьминых, Чижевский, 2014 с. 102). К этому же времени относится сложношнуровая керамика нижнего горизонта, которая имеет аналогии среди посуды зуево-ключевской стадии ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК) АКИО

Таблица 3

Орнаментальные мотивы с двумя и более элементами

	1 штык		2 штык		4 штык	
	кол-во	проценты	кол-во	проценты	кол-во	проценты
ЯВ/Я + ЗШ	10	14,9%	4	5,8%	2	50%
ЯВ/Я + ДШ	4	5,9%	7	10,2%	1	25%
ЯВ/Я + ТШ	3	4,5%	2	2,9%	0	0
ЯВ/Я + ОШ	2	3%	1	1,45%	0	0
ЯВ/Я + ГШ	2	3%	4	5,8%	0	0
ЯВ + ВО	1	1,5%	5	7,2%	0	0
ЯВ + НО	1	1,5%	0	0	0	0
ЯВ + ВКр	0	0	2	2,9%	0	0
ЯВ + ОШ + НО	1	1,5%	0	0	0	0
ЯВ + ОШ + ДШ	0	0	1	1,45%	0	0
ЯВ + ОШ + НО	0	0	1	1,45%	0	0
ЯВ + ДШ + ТШ	0	0	1	1,45%	0	0
Я + ДШ + ЗШ	0	0	1	1,45%	0	0
ЯВ + ТШ + ЗШ	0	0	1	1,45%	0	0
ЯВ + ОВ + ЗШ	0	0	1	1,45%	0	0
ЯВ + ТШ + ЗШ	1	1,5%	0	0	0	0
ЯВ + ВО + ДШ + НО	0	0	1	1,45%	0	0
с одним элементом	41	61,2%	37	53,6%	1	25%
без орнамента	1	1,5%	0	0	0	0
Итого	67	100%	69	100%	4	100%

Условные обозначения: ЯВ – ямка с вдавлением; Я – ямка без вдавления; ВК – вдавление круглое; ВО – вдавление овальное; ВКр – вдавление кружковое; ОШ – одинарный шнур; ДШ – двойной шнур; ТШ – тройной шнур; ЗШ – зубчатый штамп; ГШ – гладкий штамп; НО – ногтевой отпечаток.

Примечание. Ямка с вдавлением (ЯВ) и ямка без вдавления (Я) рассматриваются, в данном случае как один элемент.

(Ашихмина, 2014, с. 74, рис. 40: 10–13, 41: 5, 8, 10, 42: 2, 6–11; 85).

О функционировании городища в VI–V вв. до н. э. свидетельствует редкая в Нижнем Прикамье находка сосуда с воротничком (рис. 3: 10).

К позднему периоду АКЮ отнесена керамика из верхнего горизонта городища Гремячий ключ (рис. 4: 1, 2, 8, 14) и сборов на памятнике (рис. 3: 5–7, 9). Имеющиеся аналогии в материалах Гремячанского пос. (Коренюк и др., 2014, с. 302, рис. 1: 4, 5: 5) и керамике АКШК (Ашихмина, 2014,

с. 74, рис. 46–49, 85) позволяют датировать ее IV–II вв. до н. э.

Именьковская керамика коллекции датирована V–VII вв. – рамками существования культуры (Матвеева, 2003, с. 56).

Изучение костяных артефактов из рассмотренных четырех коллекций, несмотря на их явную неполноту и вероятные утери на непростом пути их попадания в археологический музей ПФУ, выявило сходство косторезных технологий у населения Урало-Поволжья на протяжении нескольких

тысячелетий. Максимальное количество операций (14) при изготовлении изделия зафиксировано на артефактах из Шигирского торфяника. Они образуют блоки в технологической цепочке: раскрой сырья – 3 операции, оформление общей формы предмета – 5, проработка функциональных деталей – 2 и финальное оформление поверхности – 4. Все эти технические приемы использовались в обсуждаемых здесь культурах вплоть до раннего средневековья. Однако костяные орудия в коллекциях эпохи мезолита-неолита выглядят более совершенными по форме и тщательности обработки поверхности по сравнению с простыми и даже грубыми аналогичными изделиями раннего железного века и раннего средневековья. Тем не менее, начиная с предметов из коллекции эпохи бронзы и на последующих, нами отмечены следы использования техники двустороннего сверления. По-видимому, эти тенденции связаны с появлением в регионе металлических орудий обработки кости и отражают вытеснение из ряда хозяйственных сфер костяных изделий металлическими.

Набор животного сырья, используемого для изготовления орудий и изделий, во всех коллекциях оказался примерно одинаковым: с превалированием рога и метаподий лося, а также костей лошади. Одиночными, но яркими находками выглядят распределитель ремня эпохи бронзы, выполненный из клыка кабана, и раннесредневековый наконечник стрелы из кости медведя.

Кроме того, благодаря хорошей сохранности коллекции раскопок городища Гремячий ключ удалось проследить развитие керамических традиций обитателей этого поселения, которое шло в сторону упрощения орнаментальных мотивов и композиций с сохранением доминанты использования ямочных элементов орнамента.

Изучение коллекций Археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета еще далеко от завершения, здесь содержится большой корпус источников, который требует своего исследования, авторский коллектив предполагает продолжить работу по публикации этих материалов.

Примечания и благодарности

¹ Трасологическое изучение костяных предметов и идентификация сырья выполнены Е.Е. Антипиной.

² Видовое определение костей животных выполнено Г.Ш. Асылгараевой.

³ Выражаем благодарность С.Н. Савченко хранителю Шигирской коллекции СОКМ за консультации и помощь в атрибуции изделий из кости.

⁴ Выражаем благодарность В.А. Борзунову, старшему научному сотруднику Проблемной научно-исследовательской лаборатории Уральского гуманитарного института за консультации.

⁵ Из личной переписки с В.А. Борзуновым.

⁶ Видовое определение выполнено И.В. Аськеевым, с.н.с. Института проблем экологии и недропользования АН РТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

2. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.
3. *Виноградов Н.Б.* Южный Урал и Зауралье в древности и средневековье. Челябинск: Абрис, 2015. 240 с.
4. *Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. Т. XVI / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 163–205.
5. *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
6. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
7. *Зайцев А.М.* К археологии Урала // ИОАИЭ. Т. VI. Вып. 1. Казань, 1886. С. 50–58.
8. *Иванов А.П.* Материалы к антропологии Пермского Края // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 10. Вып. 1. Казань, 1881. С. 1–52.
9. *Казаков Е.П.* О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 83–87.
10. *Казаков Е.П.* XVI Измерский могильник маклашеевской культуры // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 80–88.
11. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
12. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святылища) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.
13. *Косарев М.Ф.* Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996, С. 253–269.
14. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.
15. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.
16. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.
17. *Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: СГУ, 2003. 160 с.
18. *Наумов А.М.* Жилищные постройки Иртышских городищ раннего железного века // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧГКМ, 2015. с. 227–235.
19. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.
20. *Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.
21. *Румянцева О.С.* Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломкова. М.: ИА РАН, 2007. С. 213–245.
22. *Савченко С.Н., Жилин М.Г.* Шигирские находки в собрании музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) // Camera praehistorica. 2018. № 1. С. 95–105.

23. Савченко С.Н., Лилли М., Жилин М.Г. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 49–55.

24. Савченко С.Н., Ромен О. Шигирская коллекция барона де Бая в Музее Человека // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 250–259.

25. Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Мезолит СССР / Археология СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 136–143.

26. Теплоухов А.Е. Описание чудских вещей пожертвованных в Музей Древностей и Этнографии Казанского общества археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. Т. II. Казань, 1879. С. 76–79.

27. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютер. исследований, 2002. 188 с.

28. Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекция раннего железного века из собрания археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 68–87.

29. Grant A. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic animals // Excavations at Portchester Castle. Cunliffe B. (ed.) Society of Antiquaries. Vol. 2. London, 1975, pp. 245–279.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chizhevski@mail.ru

Антипина Екатерина Евстафьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); bikanty@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель фондов музейных предметов Археологического музея. Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); alsu.nuretdinova@rambler.ru

COLLECTIONS OF THE ARCHAEOLOGICAL MUSEUM OF KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY. PART 2.

A.A. Chizhevsky, E.E. Antipina, G.Sh. Asylgaraeva, A.R. Nuretdinova

The paper continues the publication of collections from the Archaeological Museum of Kazan Federal University studied by the authors with the aid of archaeological and natural scientific techniques since 2018. It covers the collections of the Mesolithic, Bronze, Early Iron and Early Middle Ages. Three collections from Kazan governorate, Gari bone bed and Shigir peat bog were obtained in the 19th century by the Societies of Archaeology, History and Ethnography, and Naturalists affiliated with Kazan University. The fourth collection obtained at the excavation of Gremyachiy Klyuch hillfort in 1948 is associated with the History Department of Kazan University. The study of the collections has allowed to obtain information of considerable interest for the understanding of the development of material culture of the Ural-Volga region in a broad retrospective.

Keywords: archaeology, Ural-Volga region, Mesolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Ages, Ananyino Cultural and Historical Areal, archaeozoology, traseology.

REFERENCES

1. Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
3. Vinogradov, N. B. 2015. *Yuzhnyi Ural i Zaural'e v drevnosti i srednevekov'e (The Southern Urals and Trans-Urals in the Antiquity and Middle Ages)*. Cheliabinsk: "Abris" Publ. (in Russian).
4. Vitt, V. O. 1952. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XVI. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 163–205 (in Russian).
5. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashei ery (p'ianoborskaia epokha III v. do n. e. – II v. n. e.) (Ethnic History of the Western Cis-Urals at the Turn of the Millennium (the Pyany Bor Period of the 3rd c. B.C. – 2nd c. A.D.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
7. Zaitsev, A. M. 1886. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* VI (2). Kazan, 50–58 (in Russian).
8. Ivanov, A. P. 1881. In *Trudy Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom Universitete (Proceedings of the Society of Naturalists Affiliated with Kazan Imperial University)* X (1). Kazan, 1–52 (in Russian).
9. Kazakov, E. P. 2002. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2001 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2001)*. Kazan: "Shkola" Publ., 83–87 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 80–88 (in Russian).
11. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya istoricheskikh nauk (Proceedings of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. Historical Sciences Series)*. Kazan: "Tatknigoizdat" Publ. (in Russian).
12. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 211–224 (in Russian).
13. Kosarev, M. F. 1996. In Oshibkina, S. V. (ed.). *Neolit Severnoi Evrazii The (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 253–269 (in Russian).
14. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
15. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 22–36 (in Russian).
16. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama in the Ananyino Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
17. Matveeva, G. I. 2003. *Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaia kul'tura (Middle Volga Region in the 4th – 7th cc.: Imenkovo Culture)*. Samara: Samara State University (in Russian).
18. Naumov A.M. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urале (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Cheliabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History, 227–235 (in Russian).
19. Pereskokov, M. L. 2018. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznoogo veka (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age)*. Perm: Perm State University (in Russian).

20. Polyakov, Yu. A. 1967. In Oborin, V. A. (ed.). *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (Scientific Bulletin of the Perm State University)* 148. Perm: Perm State University, 197–215 (in Russian).
21. Rumiantseva, O. S. 2007. In Gavritukhin, I. O., Lopatin, N. V., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletii n. e. (Eastern Europe in the Middle of the 1st Millennium AD)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 213–245 (in Russian)..
22. Savchenko, S. N., Zhilin, M. G. 2018. In *Camera praehistorica* 1. 95–105 (in Russian).
23. Savchenko, S. N., Lilli, M., Zhilin, M. G. 2011. In Viktorova, V. D. (ed.). *Shestyte Bersovskie chteniia (The 6th Bers' Readings)*. Ekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 2011. 49–55 (in Russian).
24. Savchenko, S. N., Romén, O. 2011. In Viktorova, V. D. (ed.). *Shestyte Bersovskie chteniia (The 6th Bers' Readings)*. Ekaterinburg: "Kvadrat" Publ., 2011. 250–259 (in Russian).
25. Serikov, Yu. B., Starkov, V. F. 1989. In Kol'tsov, L. V. (ed.). *Mezolit SSSR (Mesolithic of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 136–143 (in Russian).
26. Teploukhov, A. E. 1879. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 2. Kazan, 76–79 (in Russian).
27. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hillfort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Research (in Russian).
28. Chizhevsky, A. A., Antipina, E. E., Asylgaraeva, G. Sh., Nuretdinova, A. R. 2018. *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 68–87 (in Russian).
29. Grant, A. 1975. In Cunliffe, B. (ed.). *Excavations at Portchester Castle. Society of Antiquaries*. 2. London. 245–279.

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Antipina Ekaterina E. Candidate of Biological Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; bikanty@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Nuretdinova Alsu R. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu.nuretdinova@rambler.ru

Статья поступила в номер 17.01.2019 г.

УДК903.4; 903.2; 551.8

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.104.120>**БОЛЬШЕАЛГАШИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ В НИЖНЕМ ПОСУРЬЕ¹****© 2019 г. Л.А. Вязов, Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов,
М.С. Блинников, Е.Г. Ершова, Е.В. Пономаренко**

В статье представлены результаты исследования Большеалгашинского городища в Нижнем Посурье в 2016–17 гг., которые позволили получить новые данные о культурном и хозяйственном развитии региона в бронзовом и раннем железном веке. Смешанные в культурном отношении хуласюско-чирковские обитатели памятника по материалам исследования могут быть охарактеризованы как скотоводы и, вероятно, также земледельцы, ориентированные на эксплуатацию пойменных ресурсов и осваивавшие открытые ландшафты высоких берегов рек. Полученные авторами данные являются свидетельством одного из древнейших в регионе эпизодов земледельческого освоения нижнего течения р. Сура. Заселение памятника в эпоху раннего железного века связано с носителями андреевско-писеральских традиций, большое значение в этот период приобретают военные функции городища.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, андреевско-писеральский тип, средний бронзовый век, чирковско-балановский тип, реконструкция хозяйственной деятельности, фитолитный анализ, антракологический анализ, раннее земледелие.

В 2016 г. в Чувашский государственный институт гуманитарных наук поступила информация от краеведа из с. Порецкое А.Н. Панечкина о случайных находках в окрестностях с. Большие Алгаши (Шумерлинский район, Чувашская Республика). В августе 2016 г. А.Н. Панечкин показал сотрудникам института местоположение городища, после чего были проведены первичные рекогносцировочные исследования памятника (Мясников, 2017). В сентябре 2017 г. исследования были продолжены, на площадке городища в его центральной части вплотную к валу был заложен раскоп 4×4 м.

Местоположение и стратиграфия памятника. Городище расположено в 7 км к ЗЮЗ от с. Большие Алгаши на мысовидном выступе пра-

вого коренного берега р. Сура, возвышающимся над заболоченной поймой Суры на 25 м и в настоящее время покрытым широколиственным лесом (клен, липа, лещина). Мыс, на котором расположен памятник, вытянут с ЮВ на СЗ, его размеры 70×50 м. С напольной части городище огорожено четырьмя валами, разделенными тремя рвами. Два внешних вала высотой до 0,5 м имеют дуговидную форму, третий вал высотой до 1,2 м – прямоугольный в плане; рвы перед ними достигают 0,7 м глубины. Внутренний вал также прямоугольный в плане, его высота 2,5 м, глубина рва перед ним около 1–1,5 м (рис. 1).

Исследования 2017 г. выявили следующую стратиграфию (прослежена в профилях бортов раскопа, рис. 2). Непосредственно под рыхлой лесной

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Исследования археологических памятников Среднего Посурья периода римских влияний и Великого переселения народов» № 17-31-01065/17-ОГОН.

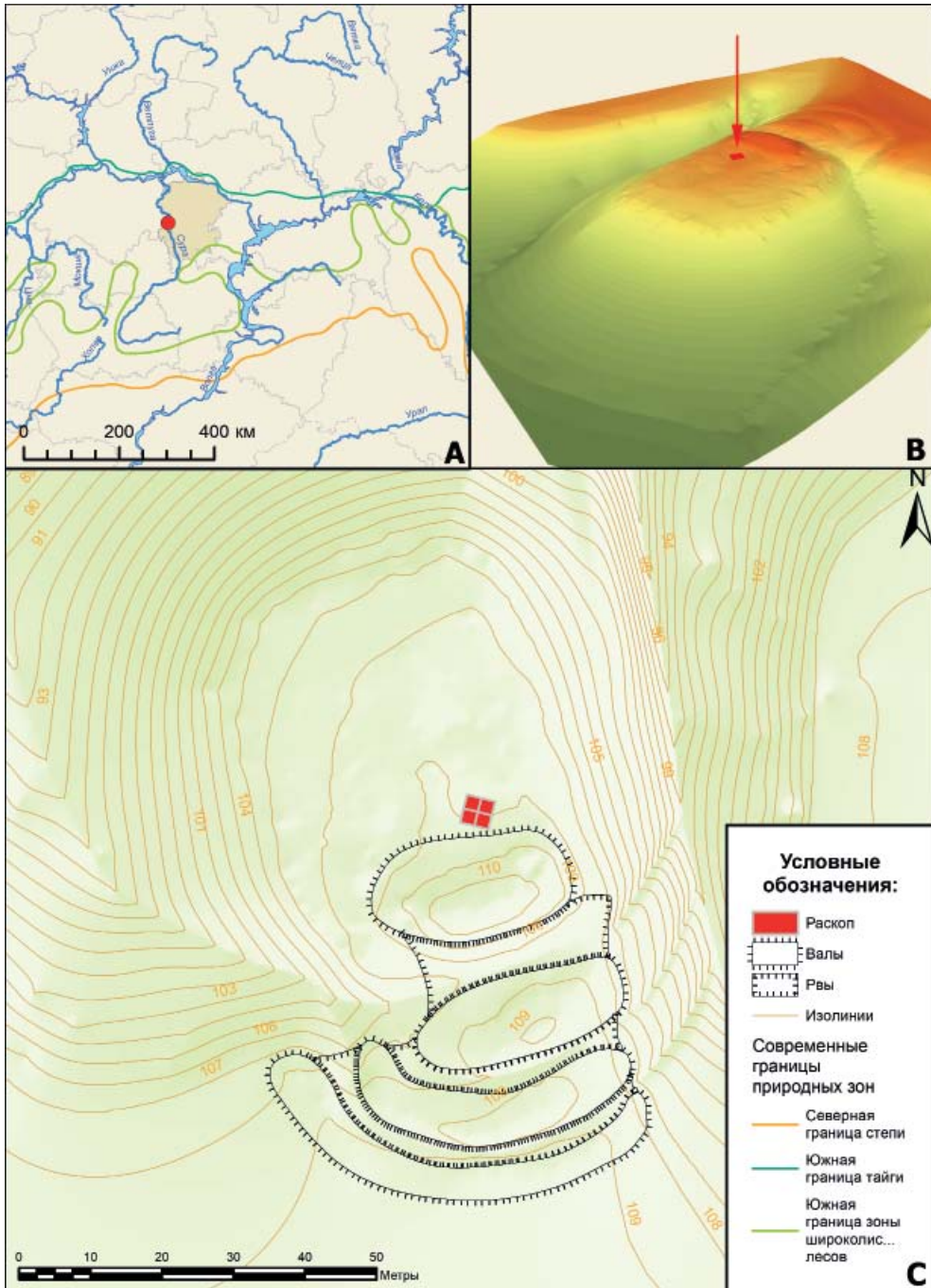

Рис. 1. Большеалгашинское городище: местоположения и топография.
 А – местоположение городища; В – 3D модель городища (на основе тахеометрической съемки); С – топографический план.

Fig. 1. Bolshie Algashi hillfort: situation and topographic setting. A – location of the hillfort;
 B – 3D model of the hillfort (based on tacheometer survey); C – topographic map.

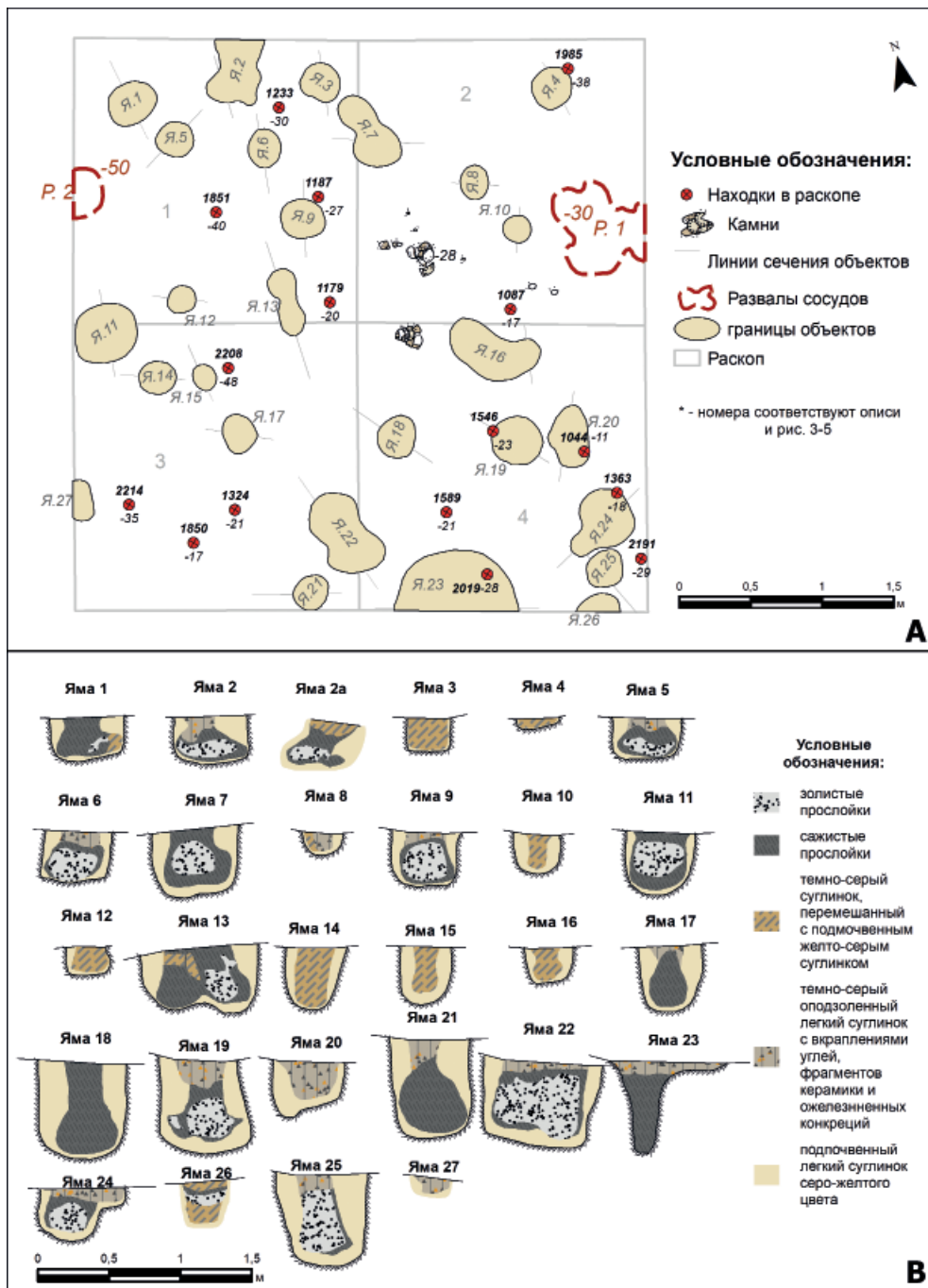

Рис. 2. Раскоп 2017 г. А – общий план раскопа; В – профили сечений ям.

Fig. 2. Excavation of 2017. A – general plan; B – pits sections profiles.

подстилкой мощностью 5–7 см расположен слой гумусированного темно-серого легкого суглинка мощностью

5–10 см. Слой содержит артефакты, относящиеся к *раннему железному веку*. Ниже расположен более плотный

слой легкого суглинка мощностью до 15 см, в верхней части имеющий более светлую, пепельно-серую окраску, связанную с оподзоливанием почвы под лесом, а в нижней – перемешанный с подпочвенным желтовато-серым суглинком в результате антропогенной деятельности и деятельности землероев. Артефакты, выявленные в нижнем культурном слое, относятся к **эпохе бронзы**. Таким образом, на памятнике выявлены два одновременных культурных слоя, отражающих два этапа освоения его территории, разделенные периодом запустения и облесения территории.

Слой раннего железного века. Материалы этого слоя выявлены при изучении обнаруженных находок, сборе с поверхности, в шурфе 2016 г. и при снятии 1-го и 2-го пластов в раскопе 2017 г. Каких-либо объектов, связанных с этим слоем, найти не удалось, за исключением скопленных из нескольких крупных фрагментов ожелезненного песчаника.

В 2016 г. на городище были найдены: фибула типа «Avcissa», две застежки-брошки писеральско-андреевского круга, гривна со скользящей петлей, круглая пряжка, серия бляшек-накладок с планками/петлями и отверстиями на обороте, удила и стержневидный псалий с грибовидными концами, душипные наконечники стрел, ножи с горбатой, серповидной и прямой спинкой, фрагмент серпа (?), кольцо, крючок и шесть шильев (Мясников, 2017). В 2017 г. в кладоискательских ямах и в раскопе был найден еще ряд находок начала I тыс. н. э.

Трехлопастной черешковый *наконечник стрелы* (рис. 3: 24). Подобные наконечники известны по сарматским погребениям со II в. до н. э. до III–IV вв. н. э. (Хазанов, 1971, с. 37–

40), в пьяноборских и кара-абызских древностях (Пшеничнюк, 1973, с. 187, рис. 6, 11; Агеев, 1992, с. 46), в Андреевском кургане (Зубов, 2011, рис. 16: 20, 21), на городище «Пичке Сърчѐ» (Трубникова, 1960, л. 19; Мясников, 2015, рис. 1: 19–33).

Обломок железного *серповидного ножа* или *серпа* (рис. 3: 29). К сожалению, на фрагменте отсутствует крепление, которое могло бы уточнить атрибуцию предмета. Серповидные ножи обильно представлены на дьяковских памятниках (Кренке, 2011, рис. 135), на городище «Пичке Сърчѐ» (Трубникова, 1960, л. 18, рис. 45; Мясников, 2015, рис. 1: 9).

Две круглые *пряжки* с прямым подвижным язычком. Одна небольшая ($d=3$ см) с уплощенными рамкой (обломана) и язычком прямоугольного сечения (рис. 3: 25), другая крупная ($d=5,5$ см) с рамкой и язычком круглого сечения (рис. 3: 27). Традиция использования в мужском костюме крупных круглых пряжек характерна для андреевского (Зубов, 2011, рис. 35: 4–5), а затем и для кошибеевского населений (Ахмедов, 2007, с. 137); подобные изделия известны из раскопок Сендимиркинского могильника (Мясников и др., в печати).

Литая бронзовая *застежка* с массивными шаровидными утолщениями на концах (рис. 3: 28). Подобные застежки встречаются в андреевско-писеральских памятниках (Писералы, к. 4, п. 3) (Зубов, 2011, рис. 57: 7).

Три *пряслица* дисковидной формы: два крупных ($d=4,1-4,2$ см, $h=1,3-1,5$) (обломаны) и одно миниатюрное ($d=2,7$ см, $h=1$ см) (рис. 3: 21–23). Подобные типы пряслиц, наряду с цилиндрическими, боченовидными и пряслицами в виде катушек, характерны для раннего железного века.

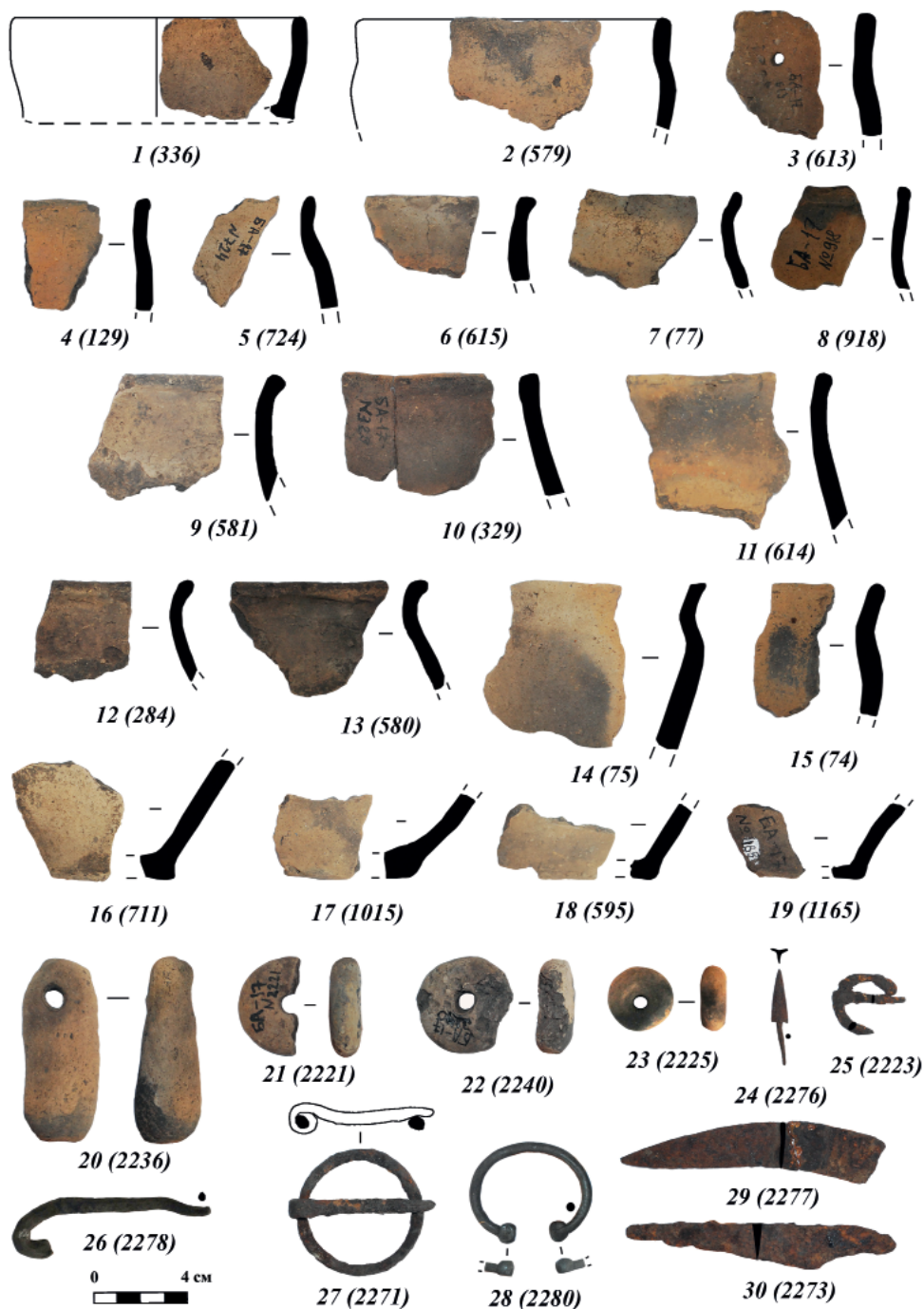

Рис. 3. Находки раннего железного века из подъемного материала и раскопа. 1–23 – лепная керамика; 24–27, 29–30 – железо; 28 – сплав цветных металлов.

Fig. 3. Early Iron Age finds from the surface and excavation. 1–23 – hand-made ceramics; 24–27 – iron; 28 – non-ferrous alloy.

В.И. Ледайкин отмечал, что для городецкой культуры не характерны усеченно-биконические пряслица, которые появляются только в древне-мордовских могильниках (Ледайкин, 1970, табл. 1; 2: 1–14). В Чувашии усеченно-биконические пряслица появляются с конца II–III вв. (Сендимиркино, Ножа Вар) (Мясников, 2018, рис. 9: 10–14, 18–29). На городище «Пичке Сърчѐ» I–II вв. их нет, а большая часть пряслиц аналогична Большешалгашиным (Трубникова, 1960, л. 242–249, Мясников, 2013, рис. 2: 4, 7; 3: 8).

Пестовидное, слегка расширяющееся книзу *грузило*, с отверстием в верхней части, с характерной протертостью от нити внутри (рис. 3: 20). Вероятно, является грузилом от вертикального ткацкого станка. Начало их распространения в лесостепной зоне Восточной Европы относят к скифскому времени (VI–V вв. до н. э.) (Медведев, 1999, рис. 16; Разуваев, Моисеев, 2011, с. 216, рис. 3: 4–5). Позже они становятся широко известными по зарубинецким (Максимов, Русанова, 1993, табл. IX: 22), киевским (Максимов, Терпиловский, 1993, табл. XLII: 47–48), позднескифским (Дашевская, 1991, с. 14, табл. 7–12) памятникам, на саратовских городищах типа Чардымского II–Алексеевского (Хреков, 2006, рис. 2: 22–23; 3: 15). В Чувашии они в большом количестве обнаружены на городищах «Ножа Вар» и «Пичке Сърчѐ» (57 целых образцов и 317 в обломках) (Мясников, 2013, рис. 2: 6).

Керамическая посуда представлена фрагментами лепных слабопрофилированных плоскодонных сосудов с примесью песка и шамота в тесте (рис. 3: 1–19). Поверхность обработана небрежно, встречаются следы

заглаженности, штриховки. Венчики имеют невысокое, слегка отогнутое или подцилиндрическое горло и короткое, плохо выраженное плечико. Краевые окончания либо округлые, слегка расширяющиеся, либо плоскосрезанные; несколько венчиков имеют Т-образные окончания. Данный набор признаков близок к керамике городища «Пичке Сърчѐ» и Андреевского селища (Мясников, 2011). Реконструирован полный профиль невысокой широкой чаши усеченно-конической формы (рис. 3: 1), полная аналогия которой известна в Андреевском кургане (п. 10) (Зубов, 2011, рис. 26: 3).

Таким образом, рассмотренный комплекс артефактов может быть отнесен к писеральско-андреевскому кругу и датирован серединой I–II вв. н. э. Находки с городища характерны именно для памятников типа Андреевки. На это указывают застежки-броши, крупные круглые пряжки, гривна, нож с горбатой спинкой, наконечники стрел. Показательна фибула типа AVCISSA, ближайшая аналогия которой происходит из Андреевского кургана. Керамический комплекс (в т. ч. пряслица и грузило) типичен для городищ I–II вв. северной части Сурско-Свияжского междуречья. Особенно близкими являются материалы городища «Пичке Сърчѐ». Судя по характеру культурного слоя, в I–II вв. н. э. интенсивность хозяйственного освоения была невысокой. Вместе с тем, поселение было защищено мощными фортификациями, которые как минимум один раз подверглись нападению, о чем говорит находка наконечника стрелы во рве. Это позволяет предполагать важность именно военно-оборонительных функций исследованного памятника.

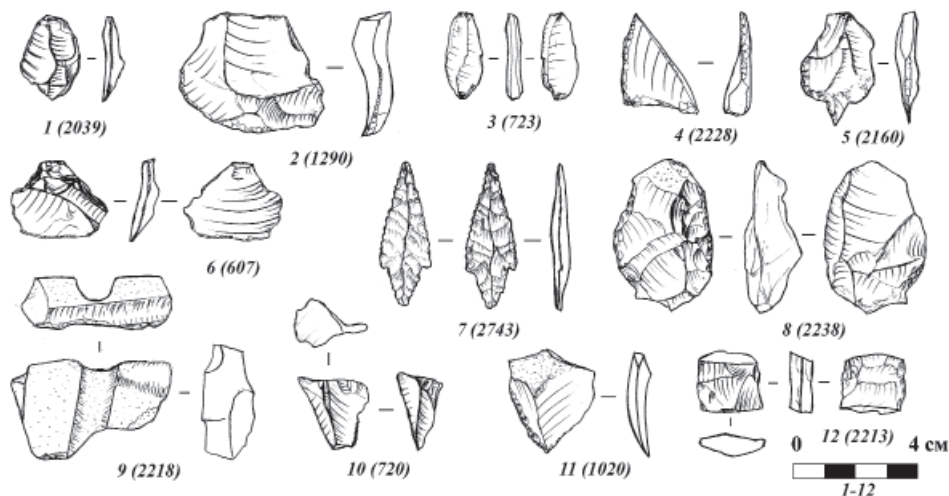

Рис. 4. Каменные артефакты из слоя и ям эпохи бронзы в раскопе.

1, 2, 4, 6, 10 – кремень; 3, 5, 7–8, 11–12 – кварцит; 9 – песчаник.

Fig. 4. Stone artifacts from the Bronze Age deposits and pits in the excavation.

1, 2, 4, 6, 10 – flint; 3, 5, 7-8, 11-12 – quartzite; 9 – sandstone.

Слой эпохи бронзы. Этот слой был исследован в ходе снятия третьего пласта в раскопе. К нему относятся, помимо отдельных артефактов, два развала лепных сосудов, один из которых был выявлен в виде скопления фрагментов в кв. 2, а другой найден вкопанным в подпочвенный суглинок в кв. 1 (рис. 2). Кроме того, при зачистке поверхности подпочвенного суглинка были выявлены 27 пятен буровато-темно-серой окраски. Расчистка пятен показала, что они маркируют собой ямы грушевидной или подпрямоугольной в профиле формы глубиной ок. 50–70 см, заполненные золой, жжеными костями и фрагментами раковин моллюсков, расположенные в три ряда, вытянутые параллельно мысу городища (рис. 2). Часть ям содержала в заполнении также фрагменты керамики бронзового века и каменные (кремневые и кварцитовые) отщепы.

Нижняя часть ям, от 2/3 до 3/4 глубины, была заполнена продуктами горения, а в верхней располагал-

ся просевший культурный слой. Зона контакта между заполнением ям и материковым суглинком имела темный коричневатый оттенок, характерный для органических материалов.

В заполнении четырех ям (№№ 23, 22 (юж. ч.), 11, 9) были взяты пробы грунта для анализа макроостатков. Состав заполнения ям заметно различался в разных объектах: в №№ 22 и 11 преобладали рыбы кости, чешуя и раковины водных моллюсков, в № 23 преобладали кальцинированные кости животных и, наконец, в № 9 присутствовали кости и рыб и животных. Видовой состав костей животных отражает преобладание мелкого рогатого скота и единичное присутствие других домашних (свинья, КРС) и диких видов (куница?)². В последнем случае в одной и той же яме были отложены кости, прошедшие разную термическую обработку – кальцинированные, выветрелые, и сажистые, что указывает на одновременность термической обработки остатков до их захоронения в яме. Общим для всех

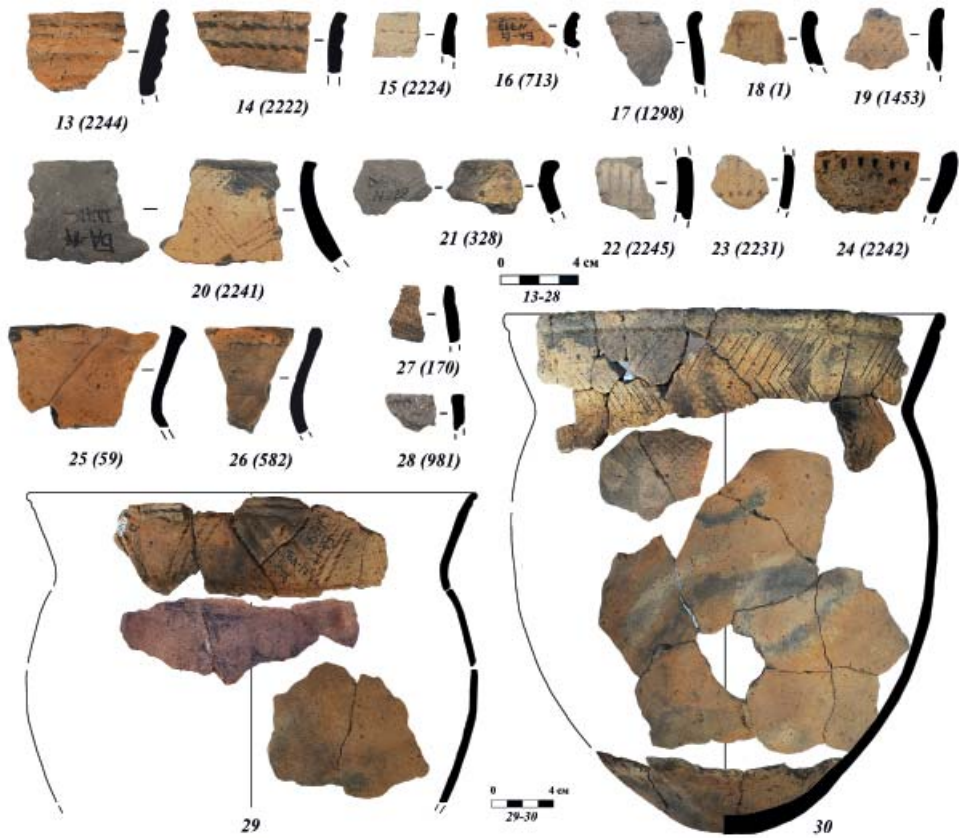

Рис. 5. Керамика из слоя эпохи бронзы в раскопе 2017 г. 13–29 – лепная керамика.
 Fig. 5. Ceramics from the Bronze Age layer in the excavation of 2017. 13–29 – hand-made ceramics.

заполнений ям было наличие сажи-стых хлопьев с характерным жирным блеском, образовавшихся в результате конденсации сажи из горячей золы в замкнутом пространстве. Сажистая кайма отмечена и по границам ям. Материал заполнения всех ям реагирует («кипит») с соляной кислотой в связи с присутствием подвижных карбонатов из золы, что указывает на быстрое (целенаправленное) заполнение ям горячими зольными «выгребами» из очагов-кострищ.

Изученные объекты, на наш взгляд, уместно связать с известными по чирковским памятникам ямами с углисто-зольным заполнением. Такие ямы выкапывались обычно вдоль стен

и у входов-выходов и применялись для дополнительного обогрева помещения³. Они использовались как в полуземлянках периода формирования чирковской культуры, так и в наземных изолированных постройках позднего периода (Соловьев, 2016, с. 193–194). Подобные отопительные конструкции известны в регионе с мезолитического времени.

Вероятно, в наш раскоп также попала часть постройки. Кроме наличия отопительных ям, это подтверждается стратиграфическими наблюдениями – в стенках раскопа местами прослеживаются следы утоптанного пола (более подробно этот вопрос мы планируем рассмотреть в последующих

публикациях). Различия в составе остатков в ямах могут быть связаны как с сезонностью обитания, так и с неоднородностью хозяйственной жизни и состава населения.

Коллекция *каменных артефактов* бронзового века представлена 25 предметами из кварцита, песчаника, кремня и кремнистых пород. Одиннадцать орудий имеют следы обработки или использования³. Выделяется небольшой сильно сработанный конусовидный нуклеус черного цвета (рис. 4: 10) с негативами от мелких удлиненных сколов с мелкой ретушью на одной из граней. Вероятно, он использовался как орудие. Остальные кремневые орудия представлены скребками на отщепках. Примечателен крупный концевой скребок (рис. 4: 2) с притупляющей ретушью с закругленным рабочим краем на светлом окремнелом известняке. Имеется еще один небольшой скребок с мелкой ретушью на 2/3 периметра красноватого цвета (рис. 4: 1). Еще один скребок (нож?) с ретушью утилизации светло-коричневого цвета (рис. 4: 6). Выделяется обломок скребка вторичного использования треугольной формы светло-серого цвета с характерным блеском от использования и следами выкрошенности на боковых гранях (вероятно, от закрепления в рукояти) (рис. 4: 4).

Кварцитовые орудия представлены несколькими экземплярами. Два из них (рис. 4: 5, 11) являются боковыми скребками на отщепках, одно (рис. 4: 5), судя по характерной форме, могло выполнять также функцию острия или перфоратора. Имеется резчик на удлиненном сколе с характерными следами утилизации на острых концах (рис. 4: 3). Наибольший интерес представляет наконечник стрелы из

красноватого кварцита ромбической формы с жалом треугольной формы с выраженными плечиками, с треугольным черешком, имеющий тщательную струйчатую ретушь (рис. 4: 7). Наконечник относится к «сейминскому» типу боевых наконечников стрел. Наиболее широко в регионе они представлены в поздневоловских, баланово-атликасинских, абашевских и чирковских памятниках (Соловьев, 2016, с. 83–84). По-видимому, еще два кварцитовых изделия связаны с производством данных наконечников. Это заготовка бифасиального орудия на крупном отщепе светло-коричневого цвета (рис. 4: 8). Поверхности оформлены сколами подправки. Также имеется обломок бифасиального орудия красноватого цвета (рис. 4: 12). Поверхности оформлены сколами и ретушью. Вероятно, предмет сломался в процессе изготовления.

Обломанный фрагмент уплощенного песчаника с мелкими абразивными частицами уплощенных очертаний коричневого цвета (рис. 4: 9) представляет собой фрагмент «утюжка» – выпрямителя древков стрел. На поверхности изделия заметны следы пропилов диаметром около 9–10 мм: один – центральный и три – на боковых гранях. Внутри пропилов заметны продольные и прокрученные следы шлифовки. Подобные изделия известны на чирковских памятниках (Соловьев, 2016, с. 205).

В целом для коллекции каменного инвентаря Большеалгашинского городища характерны невыразительность, бедность, отсутствие пластинчатых заготовок, заметен дефицит качественного кремня. Все немногочисленные орудия выполнены на отщепках и сколах. Подобная деградация

каменной индустрии и набор находок характерны для бронзового века региона в период финала чирковской культуры и позднебалановское время (Соловьев, 2016, с. 204–205).

Керамический комплекс, происходящий из слоя, может быть разделен на две группы. Первая группа (рис. 5: 13–23, 25, 26) – лепные круглодонные сосуды в основном с резко отогнутым высоким горлом с примесью песка и шамота из плотного теста. Часть фрагментов имеет следы лощения. Характерные венчики: округлые, с валиковым утолщением, и один плоский. Орнамент состоит из 1–3 поясков шнуровых отпечатков под венчиком, 2–3 рядов нарезных горизонтальных параллельных линий под венчиком, косо поставленного зубчатого штампа и шнура, образующего зигзаги косых и вертикальных параллельных нарезных линий, ямочных вдавлений. Орнамент образует горизонтальные композиции по шейке и плечу сосуда. Имеются характерные каннелюры, выпуклины. Есть также неорнаментированные венчики от крупных сосудов с резко-отогнутым раструбообразным горлом. Фрагментов керамики первой группы большинство. Данная керамика соответствует хулашючской культурной традиции (Соловьев, 2016, с. 202–204, рис. 33–36).

Вторая группа (рис. 5: 24, 27, 28) – лепные круглодонные сосуды с более пористыми и тонкими стенками, имеющими примесь раковины в тесте. Венчики прямые, кососрезанные внутрь и округлые. Фрагменты мелкие, однако, видимо, часть имела раструбообразное горло, другие – вертикальную шейку. В коллекции представлены сосуды с орнаментом на горловине, состоящем из зигзагообразных линий зубчатого штампа,

беспорядочно поставленного зубчатого штампа, покрывающего всю горловину и плечико, а также линией наколов под венчиком. Данная посуда имеет признаки чирковской культуры (Соловьев, 2016, с. 201–202, рис. 74: 5–7, 75: 14, 76: 6–7).

Отдельного внимания заслуживают развалы двух лепных сосудов, выявленных при разборке слоя эпохи бронзы. Тесто сосудов пористое с примесями раковины, стенки тонкие. Это круглодонные с тенденцией к приостренности крупные сосуды вытянутых пропорций с высоким расширяющимся раструбообразным горлом, с резким ребром-перегибом на внутренней части. Орнаментирована лишь верхняя часть – горло и плечико. Сосуд 1 (рис. 5: 29) орнаментирован исключительно шнуровыми отпечатками, образующими по два горизонтальных пояса под венчиком и на плечике и зигзаговидный узор из трех линий шнура на горле между горизонтальными линиями. Сосуд 2 (рис. 5: 30) имеет нарезки по краю венчика, горизонтальную линию шнура под ним. По горловине – разделенные пустыми участками зоны косых линий длинного гладкого штампа, идущих справа налево, а ниже – слева направо. Плечико сосуда сплошь орнаментировано перекрещивающимися нарезными линиями, образующими сетку.

Культурная атрибуция данных сосудов неочевидна вследствие наличия у них смешанного набора признаков. На сходство с балановской традицией указывает орнаментальная схема и использование шнуровых и нарезных линий, чрезмерно обильное, впрочем, для типично балановской керамики. Форма сосудов также близка к так называемой «кухонной посуде» этой

культуры (Соловьев, 2016, рис. 38: 8, 9), однако сосуды этого типа чаще всего не орнаментированы. Примесь раковины в составе формовочной массы явно имеет другие истоки и скорее указывает на чирковскую культуру. Чирковские сосуды, однако, отличаются большей шаровидностью тулова. Близкий к большеалгашинским «гибридам» по форме и орнаментальной композиции чирковский сосуд из поселения Сомовка II имеет менее высокое горло (Соловьев, 2016, рис. 76: 1). Сочетание традиций культур шнуровой керамики с характерными для чирковской культуры на территории Нижнего Посурья известны на ряде памятников, имеющих хуласюско-чирковский облик, располагающихся на мысовидных уступах коренного берега (Васильсурск II, V, Сомово II, Хмелевка и др.) (Соловьев, 2016, с. 196–192). Несмотря на отдельные отличия, Большеалгашинский комплекс эпохи бронзы вписывается в указанную культурную группу.

Датировка слоя эпохи бронзы. Абсолютные хронологические определения были получены в Лаборатории А.Е. Лалонда Университета Оттавы (Канада) на основании анализа угля из двух ям, показавших радиоуглеродные даты 3816 ± 24 (UOC-7988) и 3909 ± 34 (UOC-7989) лет ВР, что соответствует календарным значениям 2258 ± 36 и 2400 ± 54 лет до н. э. Обе датировки перекрываются в пределах среднеквадратичного отклонения в интервале 4240–4294 лет назад. Таким образом, полученные данные с высокой степенью вероятности относятся к функционированию памятника ко **второй половине XXIV – первой половине XXIII в. до н. э.**

Такая датировка существенно отличается от представления о су-

ществовании чирковско-хуласючских коллективов *в первой четверти* II тыс. до н. э., аргументированного в ряде исследований (Соловьев, 2016, с. 183), что ставит вопрос о необходимости проведения дальнейших исследований памятников данной группы.

Окружающая среда и хозяйственное освоение в эпоху бронзы.

Для характеристики среды обитания и хозяйственной активности населения памятника были проведены спорово-пыльцевой и фитолинтный анализы. Образцы были отобраны на участке культурного слоя эпохи бронзы (обр. 3) (кв. 1, сл. 3); под развалом сосуда эпохи бронзы (обр. 1) (кв. 2, сл. 3); в заполнении двух ям (образцы 2 и 4, ямы №№ 11 и 9).

Для спорово-пыльцевого анализа информативным оказался только образец из культурного слоя (обр. 3), все остальные вообще не содержали пыльцы. В этом образце концентрация пыльцы была достаточно высока, но состав пыльцевого спектра оказался бедным: 95% составила пыльца полыни (*Artemisia sp.*) с небольшой примесью пыльцы и спор других трав – сложноцветных (*Asteraceae*), зонтичных (*Apiaceae*) и папоротников (*Polypodiaceae*). Пыльца деревьев (*Pinus*) составила всего 3%. Часть пыльцы полыни была встречена в скоплениях и даже фрагментах пыльников, что позволяет предположить ее искусственное внесение в культурный слой поселения. По-видимому, в ближней округе поселения в эпоху бронзы присутствовали открытые, незалесенные участки. Аналогичные скопления пыльников полыни в культурном слое были найдены на стоянке фатьяновской культуры и проинтерпретированы как следы подстилок (Ершова, 2014).

Во всех проанализированных образцах обнаружены также редкие и малоразнообразные фитоциты. Количество фитоцитов можно оценить как низкое – 2 из 5 баллов. Разнообразие – очень низкое в обр. 2 (всего 9 морфотипов) и умеренно низкое во всех остальных (около 20 морфотипов в каждом). Образец 1 содержит преимущественно фитоциты культурного злака. Исходя из размеров и формы дендритных клеток, отсутствия паникоидов, наличия большого количества крупных трихом и волосков, крупных пузыревидных клеток, а также сильно волнистых пластинчатых и лопастных форм, и характерных крупных округлых сверху ронделей – это пшеница (менее вероятно, рожь?), но не просо. Таким образом, можно констатировать наличие культурных зерновых растений и знакомство с навыками земледелия у населения бронзового века.

Наличие большого количества длинных прямых клеток и трихом во всех образцах и малое количество ронделей указывают на то, что здесь отсутствовала настоящая злаковая степь. Почти полное отсутствие фитоцитов хвойных при наличии эпидермальных клеток двудольных кустарников или деревьев может указывать на то, что этот был лиственный лес, либо открытый ландшафт с присутствием лиственных кустарников.

Данные споро-пыльцевого и фитоцитного анализа дополняются почвоведческими исследованиями на памятнике. Культурный слой эпохи бронзы, как уже отмечалось выше, перекрыт лесной оподзоленной почвой, перераспределенной вывалами деревьев. В отличие от лесного подзолистого горизонта, вдоль нижней границы погребенного культурного слоя

эпохи бронзы не отмечено следов опорных корней деревьев и вывалов. Напротив, нижняя граница сооружений эпохи бронзы, по крайней мере, в нескольких местах «расчесана» многочисленными ходами роющих насекомых – индикаторов открытого пространства. Наконец, по нижней границе слоя отмечены норы грызунов с однородным, темно-гумусированным заполнением, что также может указывать на открытость участка в период бытования поселения (Пономаренко и др., 2015).

Также для археологических памятников лесной зоны нехарактерно полное отсутствие макроскопического (>1мм) угля в культурном слое. Уголь был обнаружен лишь в двух из четырех ям из-за глубокого озоления топлива. В обоих случаях это был уголь вяза – породы, более характерной в восточной части Европейской России для речных пойм, чем для возвышенных мысов, на котором находится памятник (Алексеев и др., 2013). Полное отсутствие других древесных видов в составе угля может говорить в пользу приносного топлива и также косвенно указывать на низкую облесенность участка в рассматриваемый период.

Радиоуглеродные даты, полученные по углю, соответствуют времени глобальной засухи, маркирующей переход от среднего голоцена к неоледниковому периоду (Walker et al., 2018; Head and Gibbard, 2015).

Заключение. Таким образом, проведенные исследования позволяют заключить, что изучаемый памятник заселялся дважды – в эпоху среднего бронзового века и в конце раннего железного века. Население эпохи бронзы осваивало ландшафт, в котором значимую роль играли открытые, незалесенные пространства.

В его хозяйственной деятельности большую роль играло освоение пойменных ресурсов, среди которых – топливо и раковины моллюсков, использовавшихся как в пищу, так и для производства керамики. Наряду с промыслами, в хозяйстве данного населения значительную роль играли скотоводство и, вероятно, земледелие. Последний факт приобретает особую важность, учитывая, что для территории Среднего Поволжья это, пожалуй, одно из наиболее ранних документированных свидетельств существования земледелия. В культурном отношении население, оста-

вившее памятник, было смешанным, что отражает контакты двух крупных культурных массивов – культур шнуровой керамики и местного чирковского населения. Прекращение существования поселения эпохи бронзы сопровождалось запустением и залесением территории. Вторичное ее освоение происходит после значительного перерыва, в первые столетия н. э., и связано с носителями пилсальско-андреевских древностей. Именно в этот период, вероятно, создаются оборонительные сооружения, придавшие памятнику современный облик.

Благодарности:

² Коллектив авторов благодарит с.н.с. ИА АН РТ Г.Ш. Асылгараеву за проведенные видовые определения кальцинированных костей из ям городища.

³ Коллектив авторов благодарит к.и.н. Н.С. Березину за помощь в отрисовке и определении коллекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Алексеев Ю.Е., Дзама Е.Д., Ершова Е.Г., Жмылев П.Ю., Карпухина Е.А., Тербова А.С. Вязовники и ильмовники европейской равнины: проблемы настоящего и прошлого // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. № 118 (2). 2013. С. 36–47.
3. Ахмедов И.Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9 / Под ред. И.О. Гавритухина, Н.В. Лопатина, А.М. Обломского. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.
4. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму / САИ. Вып. Д1-7. М.: Наука, 1991. 142 с.
5. Ершова Е.Г. Природное окружение фатьяновских поселений и могильников в долине Москвы-реки по данным спорово-пыльцевого анализа // РА. 2014. № 4. С. 19–23.
6. Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 201 с.
7. Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.,: ИА РАН, 2011. 548 с.
8. Ледяйкин В.И. К истории хозяйственной деятельности племен городецкой культуры (по материалам городищ Мордовской АССР) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовск. книж. изд-во, 1970. С. 84–102.
9. Максимов Е.В., Русанова И.П. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР с

древнейших времен до средневековья в 20 т. / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1993. С. 20–39.

10. *Максимов Е.В., Терпиловский Р.В.* Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1993. С. 106–122.

11. *Медеведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

12. *Мясников Н.С.* Комплекс керамической посуды I–III вв. н.э. городища «Пичке Сарче» в Нижнем Присурье // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. Мат-лы III Всеросс. научн. конференции / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2011. С. 35–44.

13. *Мясников Н.С.* Керамические грузила и пряслица городища Пичке Сърчэ (к вопросу о развитии прядения и ткачества в Нижнем Присурье в первые века н.э.) // Вестник УдГУ. Вып. 1. История и филология. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2013. С. 119–124.

14. *Мясников Н.С.* Городище Пичке Сарче: к вопросу об историко-культурной интерпретации // Чувашская археология. Вып. 2 / Науч. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 85–96.

15. *Мясников Н.С.* Новое городище писеральско-андреевского типа в Среднем Посурье // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: материалы LVII конференции преподавателей и студентов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева по итогам научно-исследовательской работы за 2016 г. Вып. 2 / Отв. ред. П.Н. Волков. Чебоксары: ЧГПУ, 2017. С. 190–204.

16. *Пonomаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам // Поволжская археология. 2015. № 1 (11). С. 126–161.

17. *Пиеничник А.Х.* Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т.V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

18. *Разуваев Ю.Д., Моисеев А.В.* Городище скифо-сарматского времени у с. Рябинки в правобережье Верхнего Дона (раскопки 2009 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 14 / Отв. ред. И.В. Федюнин. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2011. С. 209–219.

19. *Соловьев Б.С.* Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: б/и, 2016. 412 с.

20. *Трубникова Н.В.* Раскопки городища Пичке-Сърчэ (Пичке-Сорче) в Чувашии / Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2049. 1960. 61 л.

21. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

22. *Хреков А.А.* О культуре Саратовских городищ в первой половине I тыс. н.э. // Археологическое изучение центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года) / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 249–253.

23. Head M., Gibbard P.L. Formal subdivision of the Quaternary System/Period: Past, present, and future // Quaternary International. 2015. No 383. P. 4–35.

24. Walker M., Head M.H., Berklehammer M., Bjoerck S., Cheng H., Cwynar L., Fisher D., Gkinis V., Long A., Lowe J., Newnham R., Rasmussen S.O., Weiss H. Formal ratification of the subdivision of the Holocene Series/ Epoch (Quaternary System/Period): two new Global Boundary Stratotype Sections and Points (GSSPs) and three new stages/subseries // Episodes. Vol. 41. No 4. 2018. P. 213–223.

Информация об авторах:

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); l.a.vyazov@gmail.com

Мясников Николай Станиславович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Чувашский государственный институт гуманитарных наук; доцент, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева (г. Чебоксары, Россия); myasnikovn@rambler.ru

Михайлов Евгений Петрович, научный сотрудник. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары, Россия); myasnikovn@rambler.ru

Блинников Михаил Сергеевич, PhD, профессор. Государственный университет Сент-Клауда (г. Сент-Клауд, США); msblinnikov@stcloudstate.edu

Ершова Екатерина Георгиевна, доцент, кандидат биологических наук, Московский государственный университет (г. Москва, Россия); ekaterinagershova@mail.ru

Пономаренко Елена Викторовна, кандидат биологических наук, адъюнкт-профессор, факультет географии, Оттавский университет (г. Оттава, Канада); ecosystemarchaeology@gmail.com

BOLSHIE ALGASHI HILLFORT IN THE LOWER SURRA REGION

L.A. Vyazov, N.S. Myasnikov, E.P. Mikhailov, M.S. Blinnikov,
E.G. Ershova, E.V. Ponomarenko

The article presents the results of the study of the hillfort at Bolshie Algashi village (Chuvashia, Russia) conducted in 2016–17. The study provides new data on the cultural and economic dynamics in the region during the Bronze and Early Iron Ages. A mixed group of Khula-Syuch and Chirki population can be identified as pastoralists and, probably, also farmers, who developed floodplains and forestless landscapes of the elevated riverbanks. Our research, therefore, provides evidence of almost the oldest farming activity episode in the lower reaches of the Sura River. The Early Iron Age occupation of the site is associated with the Andreevka-Piseraly population, who used the site mostly for its military functions.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Andreevka-Piseraly type, Middle Bronze Age, Chirki-Balanovo type, reconstruction of economic activity, phytolith analysis, anthracological analysis, early farming.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Alekseev, Yu. E., Dzama, E. D., Ershova, E. G., Zhmylev, P. Yu., Karpukhina, E. A., Terebova, A. S. 2013. In *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii (Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series)* 118 (2). 36–47.
3. Akhmedov, I. R. 2007. In Gavritukhin, I. O., Lopatin, N. V., Oblomsky, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysyacheletii n.e. (Eastern Europe in the Middle of the 1st Millennium AD)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of the Slavs and Their Neighbors 9. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).
4. Dashevskaiia, O. D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu (Late Scythians in the Crimea)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-7. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Ershova, E. G. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 19–23 (in Russian).
6. Zubov, S. E. 2011. *Voinskie migratsii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I–III vv.). Migratsionnye protsessy v formirovanii novoi etnokul'turnoi sredy po materialam arkheologicheskikh dannykh (Warriors Migrations of the Roman Time in the Middle Volga Area (1st–3rd Centuries))*.

The study was supported by the RFBR grant “Studies of the archaeological sites of the Middle Sura region of the periods of the Roman Influences and the Migrations” 17-31-01065 / 17-OGON.

Migrational Processes in the New Ethnic and Cultural Environment, by the Archaeological Data. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

7. Krenke N. A. 2011. *Diakovo gorodishche: kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. (Dyakovo Hillfort: culture of the population of the Moscow River basin in the 1st Millennium BC – 1st Millennium BC)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

8. Ledyakin, V. I. 1970. In Stepanov, P. D. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia ASSR)* Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 39. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 84–102 (in Russian).

9. Maksimov, E. V., Rusanova, I. P. 1993. In Rusanova, I. P., Symonovich, E. A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletia do n.e. – pervoi polovine I tysiacheletia n.e. (The Slavs and their Neighbors in Late 1st Millennium B.C. - First Half of the 1st Millennium A.D.) Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 20–39 (in Russian).

10. Maksimov, E. V., Terpilovskii, R. V. 1993. In Rusanova, I. P., Symonovich, E. A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletia do n.e. – pervoi polovine I tysiacheletia n.e. (The Slavs and their Neighbors in Late 1st Millennium B.C. - First Half of the 1st Millennium A.D.) Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 106–122 (in Russian).

11. Medvedev, A. P. 1999. *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ia. Arkheologiya i etnokul'turnaia istoriia I tysiacheletia n.e. (Early Iron Age of the Forest-Steppe Don region. Archaeology and Ethnocultural History of the 1st Millennium A.D.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

12. Miasnikov, N. S. 2011. In Grishakov, V. V. (ed.). *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka. Mat-ly IV Vseross. nauchn. konferentsii (Volga Region Finns and their Neighbors during Antiquity and Middle Ages. Proceedings of the 4th All-Russian scientific conference)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 28–36 (in Russian).

13. Miasnikov, N. S. 2013. In *Vestnik UdGU. (Bulletin of Udmurt State University. Istoriyai i filologiya (History and Philology) 1. Izhevsk, 119–124 (in Russian)*.

14. Miasnikov, N. S. 2015. In Berezina, N. S. (ed.). *Chuvashskaia arkheologiya (Chuvash Archaeology) 2*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 85–96 (in Russian).

15. Miasnikov, N. S. 2017. In Volkov, P. N. (ed.). *Aktual'nye problemy otechestvennoi i vseobshchei istorii: materialy LVII konferentsii prepodavatelei i studentov ChGPU im. I.Ya. Yakovleva po itogam nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2016 g. (Current Issues of National and World History: Proceedings of the 57th Conference of Teachers and Students of Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev on the Results of Research Activities of 2016)*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical Institute, 190–204 (in Russian).

16. Ponomarenko, E. V., Ponomarenko, D. S., Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology) (1) 126–161 (in Russian)*.

17. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria) V*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

18. Razuvaev, Yu. D., Moiseev, A. V. 2011. In Fediunin, I. V. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe) 14*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 209–219 (in Russian).

19. Solov'ev, B. S. 2016. *Arkheologicheskie kul'tury iuga lesnogo Povolzh'ia na rubezhe srednego i pozdnego bronzovogo veka (Archaeological Cultures of the Southern Forest Volga Region at the Turn from the Middle to the Late Bronze Age)*. Yoshkar-Ola (in Russian).

20. Trubnikova, N. V. 1960. *Raskopki gorodishcha Pichke-Särchë (Pichke-Sorche) v Chuvashii (Excavations at Pichke-Särçi (Pichke-Sorche) Settlement in Chuvashia)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 2049 (in Russian).

21. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

22. Khrekov, A. A. 2006. In Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskoe izuchenie tsentral'noi Rossii (Archaeological Study of Central Russia)*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 249–253 (in Russian).

23. Head, M., Gibbard, P. L. 2015. In *Quaternary International* 383. 4–35.

24. Walker M., Head M.H., Berkehammer M., Bjorck S., Cheng H., Cwynar L., Fisher D., Gkinis V., Long A., Lowe J., Newnham R., Rasmussen S.O., Weiss H. 2018. In *Episodes*. Vol. 41. No 4. 2018. P. 213–223.

About the Authors:

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya str., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Myasnikov Nikolai S. Candidate of Historical Sciences. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Ave., 29, build. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; Assistant Professor, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. Karl Marx str., 38, Cheboksary, 428000, Russian Federation; myasnikovn@rambler.ru

Mikhailov Evgeniy P. Chuvash State Institute for Humanities. Moskovsky Ave., 29, build. 1, Cheboksary, 428015, Russian Federation; myasnikovn@rambler.ru

Blinnikov Mikhail S., PhD, professor. St. Cloud State University, 720 4th Ave S, St Cloud, MN 56301, USA; msblinnikov@stcloudstate.edu

Ershova Ekaterina G., Candidate of Biological Sciences, Moscow State University, Leninskie Gory str., 1, Moscow, 119991, Moscow, Russian Federation; ekaterinagershova@mail.ru

Ponomarenko Elena V. Candidate of Biological Sciences. Adjunct Professor, Geography Faculty, Ottawa University. Simard Hall, 60 University, Ottawa ON Canada K1N 6N5; ecosystemarchaeology@gmail.com

Статья поступила в номер 04.02.2019 г.

**СТАТИСТИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ
С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В НИЗОВЬЯХ
Р. БЕЛОЙ (ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА РАННЕЙ
АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ – АКШК)**

© 2019 г. В.А. Иванов, Т.В. Чичко

Статья посвящена интерпретации результатов сравнительно-статистического анализа керамики с поселений эпохи позднего бронзового века в низовьях р. Белой – Какры-Куль, Бирское, Удельный-Дуваней. Анализ проводился с целью определения культурной принадлежности указанных памятников и выяснения степени генетической связи раннеананьинской (ямочно-шнуровой) керамики с керамикой эпохи поздней бронзы Прикамья. Обработка керамики проводилась по программе и методике, разработанным в свое время В.Ф. Генингом и Г.А. Федоровым-Давыдовым. Полученные результаты показывают: поселения эпохи поздней бронзы в низовьях р. Белой принадлежат либо к маклашеевской (по В.Н. Маркову), либо к быргындинской (по Л.И. Ашихминой) культурам бассейна Нижней Камы; керамика раннеананьинского типа, украшенная сложным ямочно-шнуровым орнаментом, по своим морфологическим признакам заметно отличается от керамики эпохи поздней бронзы Волго-Камья, что не позволяет говорить о генетической связи между сравниваемыми группами керамики. То есть, керамика раннеананьинского типа с ямочно-шнуровым орнаментом для региона Волго-Камья является привнесенной извне. Вероятнее всего, ее истоки следует искать на памятниках эпохи позднего бронзового века более северных территорий.

Ключевые слова: археология, Нижняя Кама, ананьинская, быргындинская, маклашеевская культуры, поздний бронзовый век, керамика, поселения, морфологические признаки, описательная статистика.

Целью настоящей статьи является еще одна попытка обратиться к проблеме генетической связи «классической» ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК) и культур эпохи поздней бронзы Волго-Камья и Предуралья. Для археологии региона эта проблема не то, что не нова, она традиционна; имеет обширную историографию и выражается во мнениях, чаще всего диаметрально противоположных, начиная от основательно подзабытой статьи П.П. Ефименко, в которой автор связывает генезис ананьинской культуры Волго-Камья с поздненеолитическими и «бронзовыми» культурами севера Восточной

Европы и Западной Сибири (Ефименко, 1948, с. 5–7), и до современных исследований Л.И. Ашихминой, В.Н. Маркова, Л.А. Чижевского, возводящих этот процесс к волгокамским культурам эпохи поздней бронзы – луговской, маклашеевской, быргындинской (Марков, 2007, с. 43; Чижевский, 2008, с. 85–86; Ашихмина, 2014, с. 87).

Сложность решения данной проблемы состоит, прежде всего, в ее источниковедческой составляющей. Дело в том, что в регионе фактически не известны памятники – поселенческие, погребальные, материал которых позволил бы последовательно

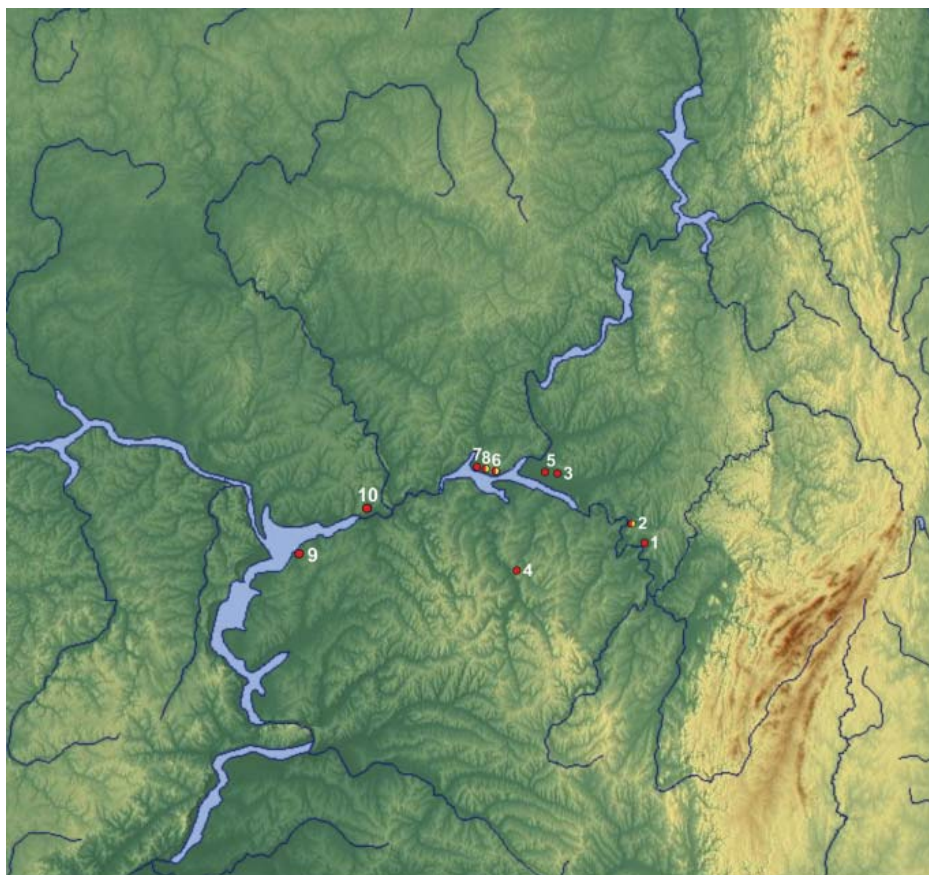
проследить этапы и динамику эволюции (?), трансформации (?), инновационного внедрения (?), приведших к смене культур эпохи поздней бронзы ранней АКШК.

Попытку решить эту проблему на материале керамики предприняла Л.И. Ашихмина в своей монографии (Ашихмина, 2014). Проведя колоссальную и скрупулезную работу, автор, по мнению коллег, доказала существование луговской культуры эпохи поздней бронзы, явившейся, по ее мнению, одной из генетических основ АКШК. Также выделила «быргындинскую культуру», как «основу формирования ананьинцев Среднего Прикамья» (Ашихмина, 2014, с. 87). Последнее вызвало сдержанное отношение коллег: В.Н. Маркова и научных редакторов монографии Л.И. Ашихминой – С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского (Марков, 2007, с. 55; Ашихмина, 2014, с. 7).

Однако нас данная тема привлекла еще и тем обстоятельством, что за пределами решения проблемы генезиса АКШК остались материалы серии памятников эпохи поздней (финальной) бронзы – раннего железного века в низовьях р. Белой – Какры-Куль, Бирское, Удельный Дуваней, исследованные уфимскими археологами Г.И. Матвеевой, И.Б. Васильевым, В.С. Горбуновым, М.Ф. Обыденновым, Г.Н. Гарустовичем, И.М. Акбулатовым в период с 1968 по 1984 г. (Васюткин и др., 1969, с. 139–140; Васильев, 1975; Васильев, Горбунов, 1975; Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 33–36) (рис. 1). Поскольку на всех этих памятниках исследователи выделяют комплексы эпохи поздней бронзы и ранней АКШК, В.Н. Марков отнес их к кругу памятников постмаклашеевского типа, на базе которых,

по его мнению, и формируется ранняя АКШК (Марков, 2007, с. 42–43). Исходя из этого, главной задачей статьи мы ставим статистическую характеристику керамики указанных поселений и сравнительно-статистический анализ полученных результатов с близкими территориально, хронологически и типологически комплексами маклашеевской, быргындинской культур и ранней АКШК. Тем более что материал Бирского поселения дает для этого благодатную почву, поскольку там керамика эпохи поздней бронзы (типа курмантау, по определению исследователей памятника – И.Б. Васильева и В.С. Горбунова) залегает в одном стратиграфическом горизонте с раннеананьинской, составляя, соответственно, 26% и 42% от всей керамической коллекции поселения (Васильев, Горбунов, 1975, с. 51, табл. 1). Полученные результаты позволят, во-первых, установить место нижебельских поселений в археологической карте предананьинского времени Волго-Камья, во-вторых, дадут возможность установить степень типологической связи между керамикой эпохи поздней бронзы и ранней керамикой АКШК.

Обработка керамики проводилась (уже традиционно) по программам, разработанным В.Ф. Генингом и Г.А. Федоровым-Давыдовым, и используемым теперь уже многими исследователями и, прежде всего, Л.И. Ашихминой и В.Н. Марковым (Генинг, 1973; Федоров-Давыдов, 1987, с. 32–34; Марков, 2007, с. 16–41; Ашихмина, 2014, с. 103–213). Возвращаясь к источниковедческой составляющей проблемы, необходимо отметить, что состояние исходного материала таково, что оно исключает обработку керамики по полной

- – поселения с керамикой маклашеевской культуры
the settlements with ceramics of the Maklasheevka culture
- – поселения с керамикой АКШК
the settlements with ceramics of the ACCC

Рис. 1. Карта-схема поселений с керамикой культур эпохи поздней бронзы и ранней АКШК. 1–9 – поселения, 10 – городище. 1 – Удельно-Дуванейское; 2 – Бирское; 3 – Какры-Куль; 4 – Куштиряк; 5 – Старо-Янзигитовское; 6 – Быргында; 7 – Икское I и III; 8 – Зуево-Ключевское; 9 – «Курган»; 10 – Черепашье.

Fig. 1. Map-layout of settlements with ceramics of the Late Bronze Age and ACCC. 1–9 – settlements, 10 – hillfort. 1 – Udelno-Duvaney; 2 – Birsk; 3 – Kakry-Kul; 4 – Kushtiryak; 5 – Staro-Yanzigitovo; 6 – Byrgynda; 7 – Ikskoye I, III; 8 – Zuyevy-Klyuchi; 9 – «Kurgan»; 10 – Cherepashye.

программе, да и для обработки по сокращенной программе оказалось пригодным весьма ограниченное количество фрагментов сосудов. Сложную источниковедческую ситуацию с материалом предананьинского-раннеананьинского периода наглядно демонстрирует в своих статистических

таблицах Л.И. Ашихмина. Например, для характеристики технологии изготовления горшков быргындинской культуры, статистики формы венчика, шейки и степени орнаментированности исследователь использует фрагменты от 276 сосудов, собранных на поселениях Быргында I и II, Дубово-

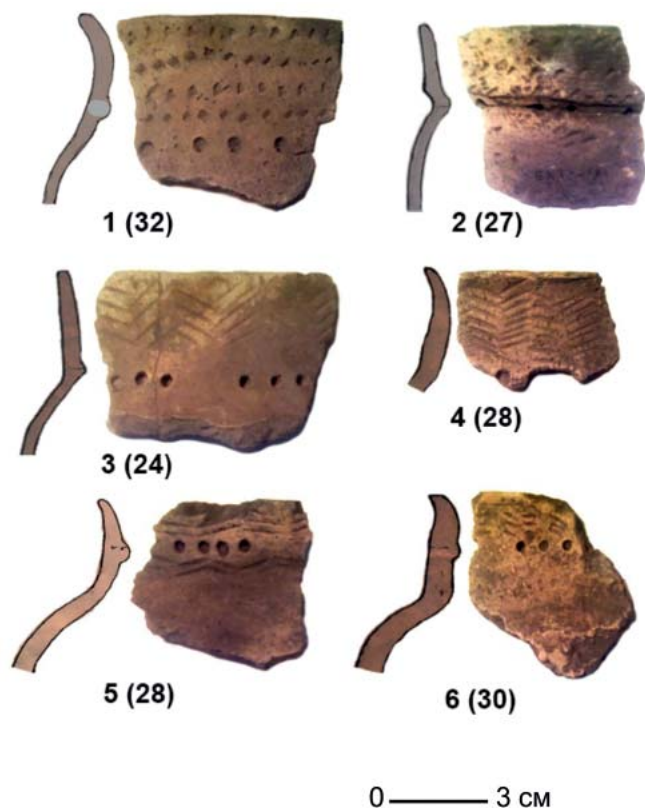

Рис. 2. Керамика с поселений низовьев р. Белой (рядом с номером рисунка указан диаметр сосуда по венчику в см).
1, 4 – Бирское;
2, 3, 6 – Какры-Куль;
5 – Удельно-Дуванейское.

Fig. 2. Pottery from the lower reaches of the Belaya river (next to the number of the figure, the diameter of the vessel is indicated along the rim in cm). 1, 4 – Birsk; 2, 3, 6 – Kakry-Kul; 5 – Udelno-Duvaney.

гривское II, Икское I и III, а значения высотногогорловинного указателя (ФБ) и указателя профилировки шейки (ФГ) ей удалось высчитать только по фрагментам от 110 сосудов с этих же памятников. Аналогичным образом технологию изготовления и степень орнаментированности ананьинской керамики исследователь характеризует по фрагментам от 2608 сосудов, собранных на 13 поселениях (городища Петер-Тау, Какры-куль, Зуево-Ключевское, Ново-Кабановское, Тра-Тау, Ананчевское и др.), но типологию сосудов устанавливает по фрагментам только от 1087 сосудов и т. д. (Ашихмина, 2014, с. 137–139, табл. IV – 2–8; 141, табл. IV – 13; 170–174, табл. V – 2–8). Причем, следует отметить, что керамика раннеананьинского типа (с усложненным ямочно-шнуро-

вым орнаментом) из всех ананьинских памятников, задействованных в исследовании Л.И. Ашихминой, встречается только на Зуево-Ключевском I городище (Ашихмина, 2014, с. 253–255, рис. 40–42; Марков, 2007, с. 119, рис. 48). На всех остальных поселениях – это керамика средне- и позднеананьинского типов, по своим морфологическим признакам заметно отличающаяся от раннеананьинской (Иванов, 1982; Пшеничнюк, 1986, с. 26–30).

В принципе подобный подход вполне логичен и оправдан, ибо он диктуется физическим состоянием исходного керамического материала. Если одни морфологические признаки: техника изготовления (примеси), форма венчика, диаметр горловины, элементы и техника нанесения орна-

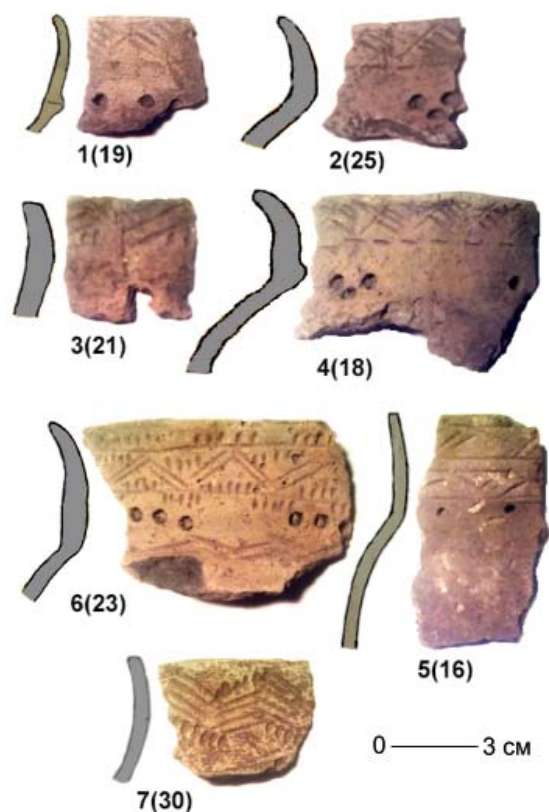

Рис. 3. Керамика с поселений низовьев р. Белой.

1–3, 6 – Бирское;
4, 5 – Какры-Куль;
7 – Удельно-Дуваней.

Fig. 3. Ceramics from the settlements of the lower reaches of the Belaya river.

1–3, 6 – Birsk; 4, 5 – Kakry-Kul;
7 – Udelno-Duvaney.

мента – могут быть зафиксированы на максимальном количестве фрагментов, то другие – форма и размеры верхней части сосуда, зоны размещения орнамента и сочетания его элементов – на значительно меньшем количестве фрагментов. Исходя из этого становится очевидным, почему для выяснения степени типологической близости быргындинской и раннеананьинской керамики Л.И. Ашихмина использует небольшие по объему, но максимальные по своей морфологии керамические коллекции поселения Быргында (фрагменты от 97 сосудов), Дубовогривское I (54 сосуда) (Габяшев, Старостин, 1978), Икское I и III («значительное количество сосудов»), городищ Каменный Лог III (88 сосудов), Зуево-Ключевское I (62 раннеананьинских сосуда) (Ашихмина,

1977, с. 141; Ашихмина, 2014, с. 174, табл. V – 8).

Разброс парных коэффициентов сходства быргындинских и раннеананьинских сосудов по форме и элементам орнамента получается значительным. По первому показателю от 83,7 до 11,3, по второму – от 56,9 до 22,7 (Ашихмина, 2014, с. 207–208, табл. VI – 45 и VI – 46). Комментировать данные результаты считаем преждевременным, поскольку, как уже было сказано, за пределами темы пока остаются материалы нижнебельских поселений, сравнительно-статистический анализ которых должен внести определенные дополнения и в понимание семантики археологических культур Волго-Камья эпохи поздней бронзы, и в оценку роли этих культур в генезисе ранней АКШК.

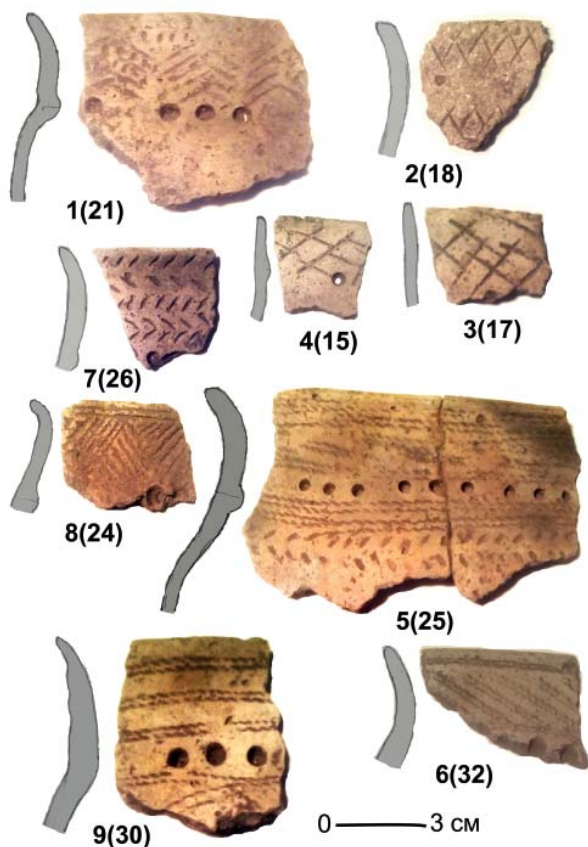

Рис. 4. Керамика с поселений низовьев р.Белой. 1 – Удельно-Дуваней; 2–4 – Какры-Куль; 5–9 – Бирское.

Fig. 4. Ceramics from the settlements of the lower reaches of the Belaya River. 1 – Udelno-Duvaney; 2–4 – Kakry-Kul; 5–9 – Birsk.

Статистические выборки мы формировали исходя из необходимости подборки материала, по которому можно было бы дать статистическую характеристику керамики по ее основным параметрам, доступным для обработки по неполной программе. В общей сложности удалось собрать фрагменты от 98 сосудов эпохи поздней бронзы (маклашеевская?, биргындинская?)¹, по которым можно установить параметры форм (указатели P1 – диаметр венчика; P2 – диаметр основания шейки; P3 – наибольший диаметр тулова; P6 – высота шейки и P7 – высота плечика) и высчитать коэффициенты показателей форм (ФБ; ФВ; ФГ и ФЖ). Из них 87,8% – это керамика с поселений Какры-Куль, Бирского и Удельный Дуваней. Осталь-

ное – сосуды с поселений Куштиряк и Старо-Янзигитовское².

Описательная статистика рассматриваемой выборки выражается следующими метрическими признаками.

Диаметр сосудов по венчику колеблется в пределах 10–31 см, но преобладают сосуды диаметром 21–24 см (в общей сложности 34,1%). Сосуды *низкогорлые* (ФБ = 0,93–1,5) (в общей сложности – 44,8%, но среди них 19,3% составляют сосуды с ФБ = 1,4–1,5, то есть более приближающиеся к среднегорлым). Собственно, *среднегорлые* (ФБ = 1,51–3,0) преобладают (в общей сложности 54,7%, но среди них каждый четвертый (12,6%) – сосуд с ФБ = 2,0). Все сосуды *широкогорлые* (ФВ = 0,62–1,04), но из них 66,7% с указателем ФВ = 0,82–0,98. По степе-

ни профилировки шейки выделяют-ся сосуды с *прямой (вертикальной) шейкой* ($\Phi\Gamma = 0$) (43,8%) и столько же – сосуды со *слабопрофилированной шейкой* ($\Phi\Gamma = 0,1-0,25$) (43,7%), сосуды со *среднепрофилированной шейкой* ($\Phi\Gamma = 0,28-0,47$) составляют 11% от анализируемой выборки. По степени *выпуклости плечика* выделяются сосуды с *очень слабовыпуклыми плечиками* ($\Phi\mathcal{J} = 0,16-0,25$) (10,3%), *слабовыпуклыми плечиками* ($\Phi\mathcal{J} = 0,33-0,5$) (50%) и *средневыпуклыми плечиками* ($\Phi\mathcal{J} = 0,62-1,0$) (29,2%).

Зона орнаментации на рассматриваемых сосудах располагается: венчик+шейка+плечико – 2,9%; венчик+шейка – 8,7%; шейка – 86,2%; шейка+плечико – 2,2%.

Статистика *элементов орнамента* (рис. 2–4) выражается в следующих показателях.

По степени понижения частоты встречаемости на сосудах рассматриваемого комплекса выделим: ряды *косых каплевидных или клиновидных вдавлений* (44%) (рис. 2: 1,2); *многорядный зигзаг или «вертикальная елочка»* (32,8%) (рис. 2: 3, 4); *короткий горизонтальный зигзаг* (11,2%) (рис. 2: 5, 6); *горизонтальные резные линии* (9,6%); *ряды резных «флажков»* (7,2%) (рис. 3: 1, 2, 4; 4: 1, 2, 4); *парный или многорядный горизонтальный зигзаг с насечками* (6,4%) (рис. 3: 3, 6, 7; 4: 1); *резная косая сетка* (4,8%) (рис. 4: 2–4); *насечки в виде горизонтальной елочки* (4%) (рис. 4: 7). Очевидно, что перечисленные элементы орнамента в ряде случаев сочетаются на одном сосуде, в связи с чем их общая сумма превышает 100%, в то же время, за редким исключением, сочетаются с таким элементом, как *ямочные вдавления в виде строенных ямок* (36,8%) (рис. 1: 3; 2: 6; 3: 6; 4:

6), *пояска ямок в один ряд* (26,4%), *сгруппированных парами* (19,2%) или *в виде грозди* (4%) (рис. 3: 2, 4).

Парная корреляция Пирсона (стандартная программа SPSS) показывает, что наиболее плотную корреляцию обнаруживают между собой следующие элементы орнамента: ряды «флажков» и ямки в виде грозди ($Q = 0,416$), резные горизонтальные линии и короткий резной зигзаг ($Q = 0,400$), горизонтальная елочка и косая сетка ($Q = 0,336$), также «флажки» и резная «лесенка» ($Q = 0,322$), насечки и спаренные ямки ($Q = 0,259$), горизонтальная елочка и горизонтальные линии ($Q = 0,210$), горизонтальная елочка и короткий зигзаг ($Q = 0,185$), горизонтальные линии и косая сетка ($Q = 0,180$).

Полученные данные дают возможность сравнить керамику нижнебельских поселений с керамикой маклашеевской/постмаклашеевской и быргындинской культур на предмет степени их принадлежности к какой-то из этих культур. Тем более что исследователи этих культур для обработки своих данных также использовали программу, разработанную В.Ф. Генингом. Если исходить из материалов, опубликованных В.Н. Марковым, то наиболее сохранившимися для получения исходных метрических параметров являются маклашеевские комплексы пос. Курган и городища Черепашье в низовьях Камы (Марков, 2007, с. 16, табл. 1; 109–114, рис. 39–43). Указатели керамических форм В.Н. Марков высчитывал по формулам, предложенным В.Ф. Генингом и использованным им же вместе с Л.И. Ашихминой при анализе керамики Быргындинской стоянки (Генинг, 1973, с. 120; Ашихмина, Генинг, 1977, с. 105). По предложенной

авторами номенклатуре значений указателей форм, по высотноголовинному указателю ФБ, определяющему высоту горловины сосуда по отношению к ее диаметру, можно выделить несколько интервальных групп: ФБ₁ (0,00–0,08) – с очень низкими шейками; ФБ₂ (0,09–0,16) – с низкими; ФБ₃ (0,17–0,25) – со средними; ФБ₄ (0,26–0,38) – с высокими шейками (Генинг, Ашихмина, 1977, с. 105). Исходя из данной номенклатуры, В.Н. Марков в керамике нижекамских поселений выделяет сосуды с низкими (ФБ = 0,03–0,08), средневысокими (ФБ = 0,09–0,14) и высокими (ФБ > 0,15) горловинами (Марков, 2007, с. 26).

Используя результаты статистического анализа маклашеевской керамики, проведенного В.Н. Марковым на материале пос. Курган и гор. Черепашье³, мы можем провести сравнение морфологических признаков керамики нижебельских поселений с маклашеевской (табл. 1).

Значения коэффициента парного типологического сходства (C_3), подсчитанные по данным, приведенным в табл. 1, показывают, что керамические комплексы пос. Курган и гор. Черепашье обнаруживают между собой абсолютную типологическую близость ($C_3 = 0,83$), что вполне естественно, поскольку они относятся к одной культуре – маклашеевской (по В.Н. Маркову). Керамика нижебельских поселений с керамикой пос. Курган обнаруживает сходство на уровне $C_3 = 0,60$ – гор. Черепашье и $C_3 = 0,72$ – пос. Курган. По мнению археологов – представителей классической школы (Д. Кларк, Г.А. Федоров-Давыдов, Д.Я. Телегин, В.Ф. Генинг) – подобные значения типологического сходства указывают на принадлежность

сравниваемых групп памятников к одной археологической культуре (Генинг и др., 1990, с. 132–133). Таким образом, полученные данные позволяют нам разделить мнение В.Н. Маркова относительно принадлежности нижебельских поселений к маклашеевской культуре.

Аналогичным образом мы попытались провести сравнительный анализ керамики нижебельских поселений с керамикой «быргындинской культуры». В данном случае мы использовали эмпирические данные Л.И. Ашихминой, представленные ею в многочисленных статистических таблицах. Исчисление коэффициента типологического сходства дает, в общем-то, ожидаемые результаты: коэффициент C_3 между керамикой нижебельских поселений и Быргындинской стоянки вообще показывает их абсолютное сходство, то есть $C_3 = 1,0$. Следовательно, поселения Быргында, Какры-Куль, Бирское, Удельный Дуваней и смежные с ними Старо-Янзигитовское и Куштиряк **с таким же основанием могут быть отнесены к одной культуре**. К быргындинской или маклашеевской (последнее тоже не стоит исключать полностью, поскольку указатель C_3 между керамикой Быргындинской стоянки, пос. Курган и гор. Черепашье равный, соответственно, 0,75 и 0,63, свидетельствует об этом же) – ответ на этот вопрос в данном случае не входит в рамки данной статьи.

В данном случае важно проследить, какое отношение керамика поселений Бирского, Какры-Куль и Удельный Дуваней имела к генезису керамики ранней АКШК, наиболее выразительным образцом которой в низовьях р. Белой является керамический комплекс Бирского поселения.

Таблица 1

Частота встречаемости морфологических признаков сосудов поселений
Нижней Белой, маклашеевской, «быргындинской» культур и АКШК

№	Морфология сосудов	Памятники				
		Низовья р.Белой	Пос. Курган	Гор. Черепашье	Быргында	АКШК
1	ФБ низкие	44,8-	37,6	35,3	20	71,2
2	ФБ средневысокие	54,7	47,1	55,7	38,4	27,7
3	ФБ высокие	-	10,5	6,6	27,2	-
4	ФВ широкогорлые	100	есть	есть	есть	100
5	ФГ <0 (закрытые)	1,0	5,2	-	2,0	13
6	ФГ = 0 (прямая шейка)	43,8	54,1	65,6	38,4	29,5
7	ФГ слабопрофилиров.	43,7	есть	есть	27,2	37,5
8	ФГ среднепрофилиров.	11,0	35,9	31,6	8,2	6,5
9	ФЖ оч. слабо выпукл.	10,3	52,5	?	есть ⁴	23,4
10	ФЖ слабовыпуклые	50	3,2	?	есть	36,0
	ФЖ средневыпуклые	29,2	есть	есть	есть	40,6
11	Зона орнамента: венчик ¹	3,1	-	-	30	14,7
13	Шейка ²	98,9	97,3	97,7	74,0	70,5
14	Плечико ³	1,0	2,7	2,3	42,9	18
15	Орнамент: насечки	36,4	4,5	0,6	25,4	6,5
16	Вертик. ёлочка	40,6	5,3	5,1	15,0	-
17	Короткий зигзаг	7,3	-	-	1,6	-
18	Горизонт. линии	6,2	-	-	17,3	-
19	флажки	6,2	-	0,6	4,8	-
20	Парный зигзаг с насеч	7,3	1,4	8,8	10,8	-
21	Косая сетка	3,1	-	-	9,7	27,8
22	Горизонт. ёлочка	2,0	-	-	3,2	4,9
	Ряды шнура	-	-	-	-	88,5
	Зигзаг из отгисков шнура	-	-	-	-	21,3
	Косые отгиски шнура	-	-	-	-	19,6
	Заштрихов. треугольн.	-	-	-	-	11,4
23	Ямки строенные	35,4	20,5	34,8	16,0	24,6
24	Ямки в ряд	28,1	50,4	37,3	68,0	46,0
25	Ямки парами	23,9	18,2	25,3	8,0	19,6
26	Ямки гроздью	4,1	3,1	1,2	-	9,8

¹⁻³ поскольку из данных, приведенных Л.И.Ашихминой и В.Н.Марковым практически невозможно установить частоту распределения орнамента по поверхности сосудов, мы свои данные совместили с данными названных исследователей.

⁴ К сожалению, в статистических таблицах Л.И.Ашихминой мы не нашли данных по ФЖ быргындинской керамики. Но в публикации материалов Быргындинской стоянки указано, что там встречаются сосуды со слабовыпуклым и средневыпуклым плечиком (Ашихмина, Генинг, 1977, с.107).

В отличие от комплексов эпохи поздней бронзы, культурная принадлежность которых в понимании исследователей имеет варианты, керамика ранней АКШК однозначно воспринимается таковой вне зависимости от ее местонахождения. Поэто-

му статистически анализируемая выборка керамики ранней АКШК была скомпонована нами из коллекции Бирского поселения⁴ и реконструкций раннеананьинских сосудов с Зуево-Ключевского, Каменный Лог городищ и поселений Быргындинского, Иско-

го I, опубликованных В.Н. Марковым и Л.И. Ашихминой. В общей сложности получилась случайная выборка из фрагментов от 61 сосуда, на которых можно проследить параметры необходимые для воссоздания хотя бы частичной их морфологии. При критерии значимости 0,9 нижний порог значимости признака = 4%.

Описательная статистика керамики АКШК выражается в следующих морфологических признаках: 52,3% – сосуды с диаметром по венчику 20–25 см, из которых 16,4% – имеют диаметр 20 см, 14,7% – диаметр 25 см. Сосуды в основном *низкогорлые* (71,2%), но из них 42,4% имеют указатель ФВ = 1,2–1,5. Сосуды все без исключения *широкогорлые*, но преобладают (66,5%) сосуды с указателем ФВ = 0,88–1,0. По указателю профилировки шейки ФГ 13% рассматриваемых сосудов закрытые, то есть имеют шейку, *наклоненную внутрь*, 29,5% имеют *прямую шейку* (ФГ = 0), но преобладают сосуды со *слабопрофилированной* шейкой – 37,5% (ФГ = 0,1–0,25), встречаются сосуды со *среднепрофилированной* шейкой – 6,5% (ФГ >0,3). Степень выпуклости плечиков на сосудах АКШК незначительная: 23,4% сосудов имеют *очень слабовыпуклые* плечики (ФЖ = 0–0,25), преобладают сосуды со *слабовыпуклыми* плечиками – 36% (ФЖ = 0,33–0,5), остальные – со *средневыпуклыми* плечиками (табл. 1).

Орнамент на сосудах АКШК располагается на: венчик+шейка+плечико (11,5%), венчик+шейка (3,2%), шейка+плечико (18%) и только шейка (67,3%). Он состоит из горизонтальных оттисков шнура (88,5%), выполненной шнуром же косой сетки (27,8%), оттиска шнура в виде горизонтального зигзага (21,3%), корот-

ких косых оттисков шнура (19,6%), заштрихованных треугольников (11,4%), рядов косых насечек или клиновидных вдавлений (6,5%), горизонтальной «елочки» (4,9%) и «лесенки» (3,3%) (рис. 4: 5, 6, 8, 9 и табл. 1).

Все из перечисленных элементов орнамента представлены в сочетании с ямочными вдавлениями, расположенными в виде ряда (46%), сгруппированными по три (24,6%), по две (19,6%) или гроздьями (9,8%).

Попытка просчитать значения парной корреляции Пирсона для орнамента АКШК положительных результатов не дала. За исключением отрицательного значения корреляции горизонтальных оттисков шнура с ямками, расположенными гроздьями ($Q = -0,359$).

Естественно, что основная наша задача – установить степень генетической связи керамики эпохи поздней бронзы из низовьев р. Белой (маклашеевская?, быргындинская?) с керамикой ранней АКШК. Здесь мы получаем следующие результаты: C_3 АКШК – поселения низовьев р. Белой = 0,54; C_3 АКШК – быргындинская = 0,50.

Из данных, приведенных в таблице 1, следует, что во всех сравниваемых керамических комплексах присутствуют одни и те же признаки, но только с разной частотой встречаемости. Вместе с тем сравнительно-статистический анализ археологического материала предусматривает, «что в результате сравнительного анализа мы получаем некий числовой показатель, позволяющий в самом общем виде говорить о степени сходства выборок: чем ближе показатель к 100%, тем выше сходство и наоборот. Этот показатель достаточно абстрактный. И при условии степени сходства

Таблица 2

Норма распределения и тенденция морфологических признаков керамики с нижебельских поселений, быргындинской и АКШК

№	Морфология сосудов	Норма распределения	Тенденция признака		
			Низовья Белой	Быргында	АКШК
	ФБ низкие	45,3	0,98	0,44	1,57
	ФБ средневвысокие	40,2	1,3	0,95	0,69
	ФБ высокие	9,0	-	3	-
	ФВ широкогорлые	100	1	1	1
	ФГ<0 (закрытые)	5,3	0,18	0,37	2,4
	ФГ = 0 (прямая шейка)	37,2	1,45	1,03	0,79
	ФГ слабопрофилиров.	36,1	1,2	0,75	1,03
	ФГ среднепрофилиров.	8,5	1,3	0,96	0,76
	ФЖ оч. слабо выпукл.	23,1	0,44	?	1,55
	ФЖ слабовыпуклые	43,0	1,16	?	0,83
	ФЖ средневвыпуклые	34,9	0,83	?	1,16
	Зона орнамента: венчик	15,9	0,19	1,88	0,92
	шейка	81,1	1,22	0,91	0,87
	плечико	20,6	0,48	2,08	0,87
	Орнамент: насечки	22,7	1,6	1,11	0,28
	Вертик. ёлочка	18,5	2,19	0,81	-
	Короткий зигзаг	2,9	2,5	0,55	-
	Горизонт. линии	7,8	0,79	2,21	-
	флажки	3,6	1,72	1,33	-
	Парный зигзаг с насеч	6,0	1,2	1,8	-
	Косая сетка	13,5	0,22	0,72	2,05
	Горизонт. ёлочка	2,7	0,74	1,18	1,8
	Ряды шнура	29,5	-	-	3
	Зигзаг	7,1	-	-	3
	Косые оттиски	6,5	-	-	3
	Заштрихов. треугольн.	3,8	-	-	3
	Ямки строенные	25,3	1,4	0,63	0,97
	Ямки в ряд	47,3	0,59	1,43	0,97
	Ямки парами	17,1	1,39	0,46	1,14
	Ямки гроздью	4,6	0,89	-	2,13

ниже 100% всегда есть необходимость обращения к анализу конкретных признаков с целью раскрыть, прокомментировать качественное содержание полученной величины. Поэтому важным результатом сравнительного анализа является возможность группировки признаков, а вместе с этим выявление общих и особенных черт каждой выборки. В процессе этой процедуры как бы происходит конкретизация результатов сравнительного анализа, нашедших отражение в определенном

общем показателе, осуществляется переход от чисто формального анализа к качественному. Появляется возможность определить, какие отдельные признаки повлияли на степень сходства, в чем заключается конкретное сходство и отличие выборок. Здесь уже возможен групповой, а не только парный анализ выборок.

Анализу распределения признаков в отдельной выборке помогает вычисление *тенденции признака...*» (Генинг и др., 1990, с. 84–85).

Значения тенденции морфологических признаков керамики с поселений Нижней Белой, быргындинских и ранней АКШК, представленные в таблице 2, показывают, что первые две группы сближаются между собой такими признаками, как сосуды с прямыми (вертикальными) шейками и орнаментом в виде каплевидных или клиновидных насечек на шейке сосуда, «флажков» и парного горизонтального зигзага с насечками. Тогда как керамика ранней АКШК сближается с нижнебельской слабопрофилированной шейкой и ямками, расположенными попарно. А с быргындинской – орнаментом в виде горизонтальной елочки.

Сосуды АКШК более низкогорлые, среди них распространены сосуды с показателем ФГ < 0 , то есть, закрытые. Среди элементов орнамента, выполненного, естественно, оттисками шнура, доминируют горизонтальные ряды, косая сетка (на быргындинских сосудах и сосудах с памятников Нижней Белой она встречается, но значительно реже), горизонтальный зигзаг и ямочные наколы в виде грозди.

Если же просчитать показатель степени формально-типологического сходства нижнебельской, быргындинской керамики и керамики АКШК по признакам, имеющим нормальную или повышенную тенденцию распространения среди этих комплексов, то картина получается довольно выразительная: S_3 нижнебельские поселения – быргында = 0,32⁵; нижнебельские поселения – АКШК = 0,12, а быргында – АКШК = 0,04⁶. Наблюдается значительный разброс значений.

Из приведенных выше данных можно сделать следующие выводы:

1. Поселения низовьев р. Белой – Какры-Куль, Бирское, Удельный Дуваней и подобные им, хотя и не столь богатые материалом – относятся либо к кругу нижекамских памятников *маклашеевской культуры*, общий облик которой очерчен В.Н. Марковым, либо *быргындинской культуры*, выделенной Л.И. Ашихминой. Окончательно ответить на этот вопрос можно будет только после проведения сравнительно-статистического анализа всего известного материала преданьянинского времени в Волго-Камье по той же самой схеме, что предложена Л.И. Ашихминой. Работа настолько трудоемкая, что сейчас едва ли на нее кто-то отважится⁷.

2. Керамика быргындинского типа и керамика нижнебельских поселений обнаруживают значительно большую близость между собой, чем с керамикой АКШК. Возможно, что в случае использования в сравнительно-статистическом анализе показатели ФЖ, то и значение S_3 между ними увеличилось бы.

3. Керамика АКШК не формировалась на основе керамики эпохи поздней бронзы Волго-Камья. Для этой территории она – явление пришлое. Откуда? Вопрос, для решения которого необходимо обратиться к материалу с северных территорий Урала и Предуралья.

В заключение считаем необходимым отметить следующее: сравнительно-статистический метод анализа массового археологического материала в настоящее время является наиболее оптимальным и конструктивным инструментом археологического источниковедения. Его использование обеспечивает получение более объективных и проверяемых выводов.

Примечания:

¹ Что означает нижний порог значимости признака при критерии вероятности 0,90 равный 3% (Генинг и др., 1990, с. 64).

² Раскопки И.Б. Васильева и В.А. Иванова 1971 г. Коллекции перечисленных памятников хранятся в фондах археологической лаборатории БашГУ.

³ Поскольку только по этим памятникам в монографии исследователя можно собрать максимальное количество метрических данных (Марков, 2007, с. 16–26, 41).

⁴ Хранится в фондах археологической лаборатории БашГУ.

⁵ Показатели ФЖ при этом не учитывались.

⁶ То же самое.

⁷ Хотя сама по себе тема весьма «диссертабельна».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: Удм. ун-т, 1977. С. 139–166.

2. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; «Отечество», 2014. 300 с.

3. *Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф.* Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: Удм. ун-т, 1977. С. 93–138.

4. *Васильев И.Б.* Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии // СА. 1975. № 4. С. 250–256.

5. *Васильев И.Б., Горбунов В.С.* Бирское поселение // СА. 1975. № 3. С. 149–157.

6. *Васюткин С.М., Мажитов Н.А., Матвеева Г.И., Пиеничнюк А.Х., Стоколос В.С.* Раскопки в низовьях Белой // АО – 1968 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1969. С. 139–140.

7. *Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья (Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Вып. 2. Работы Татарского отряда) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С. 109–120.

8. *Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

9. *Генинг В.Ф., Буянтян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

10. *Ефименко П.П.* К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья // Археология. 1948. Вып. II. С. 3–43.

11. *Иванов В.А.* Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1982. № 3. С. 199–207.

12. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

13. *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Уфа: БЭК, 1998. 98 с.

14. *Пиеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пиеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 26–44.

15. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

16. *Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Информация об авторах:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanuch@inbox.ru

Чичко Татьяна Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (г. Стерлитамак, Россия); karaman74@mail.ru

STATISTICAL AND TYPOLOGICAL ANALYSIS OF POTTERY FROM THE SETTLEMENTS OF THE LATE BRONZE AGE IN THE LOWER REACHES OF THE BELAYA RIVER (ONCE AGAIN ABOUT THE PROBLEM OF THE GENESIS EARLY ANANYINO CULTURE OF CORDED CERAMICS – ACCC)

V.A. Ivanov, T.V. Chichko.

The paper deals with interpretation of the results of the comparative statistical analysis of pottery from the late Bronze Age settlements in the lower reaches of the Belaya river – Kakry-Kul, Birk, Udely-Duvaney. The analysis has been aimed to determination the cultural identity of these settlements and to establishing genetic links between ceramics of the Early Ananyino (Pitted Ware and Corded Ware) Culture and the Late Bronze Age ceramics in the Volga and Kama region. The analysis of ceramics has been carried out according to the program and methods developed by V.F. Gening and G.A. Fedorov-Davydov at their time. The obtained results show that the Late Bronze Age settlements in the lower reaches of the river Belaya belong either to the Maklasheevka (according to V.N. Markov) or to the Byrgynda (according to L.I. Ashikhmina) cultures of the Lower Kama basin; in their morphological features, the ceramics of the of Early Ananyino type, decorated with a complex cord and pit ornament, differ markedly from the pottery of the Late Bronze Age in the Volga-Kama region, which does not allow the authors to speak about the genetic relationship between the compared groups of ceramics. That is, the pottery of the Early Ananyino type with a cord and pit ornament was brought to the Volga-Kama region outside. Most likely, the origin of this pottery should be sought in the late Bronze Age settlements in more northern areas.

Keywords: archaeology, Ananyino, Byrgynda, Maklasheevka cultures, Late Bronze Age, ceramics, settlements, morphological signs, descriptive statistics.

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1977. In Maier, V. E. (ed.). *Material'naia i dukhovnaia kul'tura finno-ugrov Priural'ia (Material and Spiritual Culture of the Finno-Ugrians from Cis-Urals)* Izhevsk: Udmurt State University, 139–166 (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genesis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: *Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
3. Ashikhmina, L. I., Gening, V. F. 1977. In Maier, V. E. (ed.). *Material'naia i dukhovnaia kul'tura finno-ugrov Priural'ia (Material and Spiritual Culture of the Finno-Ugrians from Cis-Urals)* Izhevsk: Udmurt State University, 93–138 (in Russian).
4. Vasil'ev, I. B. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (4), 250–256 (in Russian).
5. Vasil'ev, I. B., Gorbunov, V. S. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 149–157 (in Russian).
6. Vasiutkin, S. M., Mazhitov, N. A., Matveeva, G. I., Pshenichniuk, A. Kh., Stokolos, V. S. 1969. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda (Archaeological Discoveries of 1968)*. Moscow: "Nauka" Publ., 139–140 (in Russian).

7. Gabiashev, R. S., Starostin, P. N. 1978. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Fieldworks of Tatarian Team. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 109–120 (in Russian).
8. Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 114–136 (in Russian).
9. Gening, V. F., Buniatian, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovanno-statisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov) (Formalized Statistical Methods in Archaeology (Analysis of Burial Sites))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
10. Efimenko, P. P. 1948. In *Arkheologiia (Archaeology)* II, 3–43 (in Russian).
11. Ivanov, V. A. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 199–207 (in Russian).
12. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama Region in the Ananyino Epoch)*. Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
13. Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1998. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya epokhi zheleza (I tys. do n.e. – I tys. n.e.) (Archaeological Sites of the Southern Urals during the Iron Age (1st Millennium B.C. – 1st Millennium A.D.))*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).
14. Pshenichniuk, A. Kh. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Investigations in the Lower Belaya Area)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 26–44 (in Russian).
15. Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii: Uchebnoe posobie dlia vuzov po spets. «Istoriia» (Statistical Methods in Archaeology: Study Guide for Universities with Specialization in History)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).
16. Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)*. Series: *Archaeology of Eurasian Steppes*, 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Chichko Tatiana V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University (SB BSU). Lenin Ave., 49, Sterlitamak, 453103, Russian Federation; karaman74@mail.ru

Статья поступила в номер 11.01.2019 г.

УДК 902.01;903.5; 903.2

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.136.149>

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ЗУЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ В УДМУРТИИ

© 2019 г. Е.М. Черных

Статья подготовлена к 120-летию открытия Зуевского могильника, который является одним из немногих крупных ананьинских некрополей в Прикамье. Зуевский (Зуевоеключевской I) могильник – один из немногих крупных ананьинских некрополей в Предкамье, изделия из которого используются в культурно-хронологических схемах древностей раннего железного века. При этом полной публикации памятника до сих пор нет. В статье анализируется коллекция предметов, использовавшихся для снаряжения коня. Детали конского убора на протяжении I тысячелетия до н. э. претерпевали значительные изменения и их сопоставительное изучение в разных регионах позволяет судить как о всаднической культуре прикамского населения, так и о времени и направлениях контактов с раннекочевническими обществами Евразии. Предметам экипировки коня отводится важное место в датировке и хронологии памятников. В Зуевском могильнике выборка деталей конской упряжи немногочисленна, но представлена практически всеми категориями, датировка которых укладывается в рамки среднего периода АКЮ (по С.В. Кузьминых и А.А. Чижевскому) – VI–V вв. до н. э. Предметы конского снаряжения из Зуевского могильника, при общей избирательности (и фрагментарности) комплектов, демонстрируют общие для раннеананьинских могильников черты. Присутствие в материалах могильника предметов характерных для раннескифского комплекса позволяет автору высказать предположение о возможно более раннем начале функционирования Зуевского некрополя – с рубежа VII–VI вв. до н. э.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская КЮ, Прикамье, Удмуртия, снаряжение коня, аналогии, датировка.

А.В. Збруева, характеризуя ананьинское общество, очень осторожно заметила, что «предметы конской упряжи в могилах ананьинского времени – явление почти столь же исключительное, как и рыболовные крючки» (1952, с. 152). Оставим без внимания сопоставительные пассажи, для нас более важен сам факт редкости деталей узды в захоронениях ананьинцев. Спустя четверть века, А.Х. Халиков, систематизировав существенно увеличившиеся к концу 1970-х гг. ананьинские материалы, пришел к выводу, что в начале железного века население Волго-Камья уже прочно освоило верховую езду (1977,

с. 218). Вместе с тем, по подсчетам К.А. Смирнова, выполненным для Старшего Ахмыловского могильника, только 3,5% погребений этого крупнейшего в лесной полосе Восточной Европы некрополя начала железного века содержали детали узды (1998, с. 50). Исследования А.А. Чижевского дают несколько иную картину. Среди рассмотренных им 1752 погребений АКЮ детали конской упряжи были отмечены почти в четверти комплексов (*подсчитано на основе количественных данных, приводимых А.А. Чижевским при характеристике комплексов отдельных культур АКЮ в работе 2008 г.*). По всей видимости,

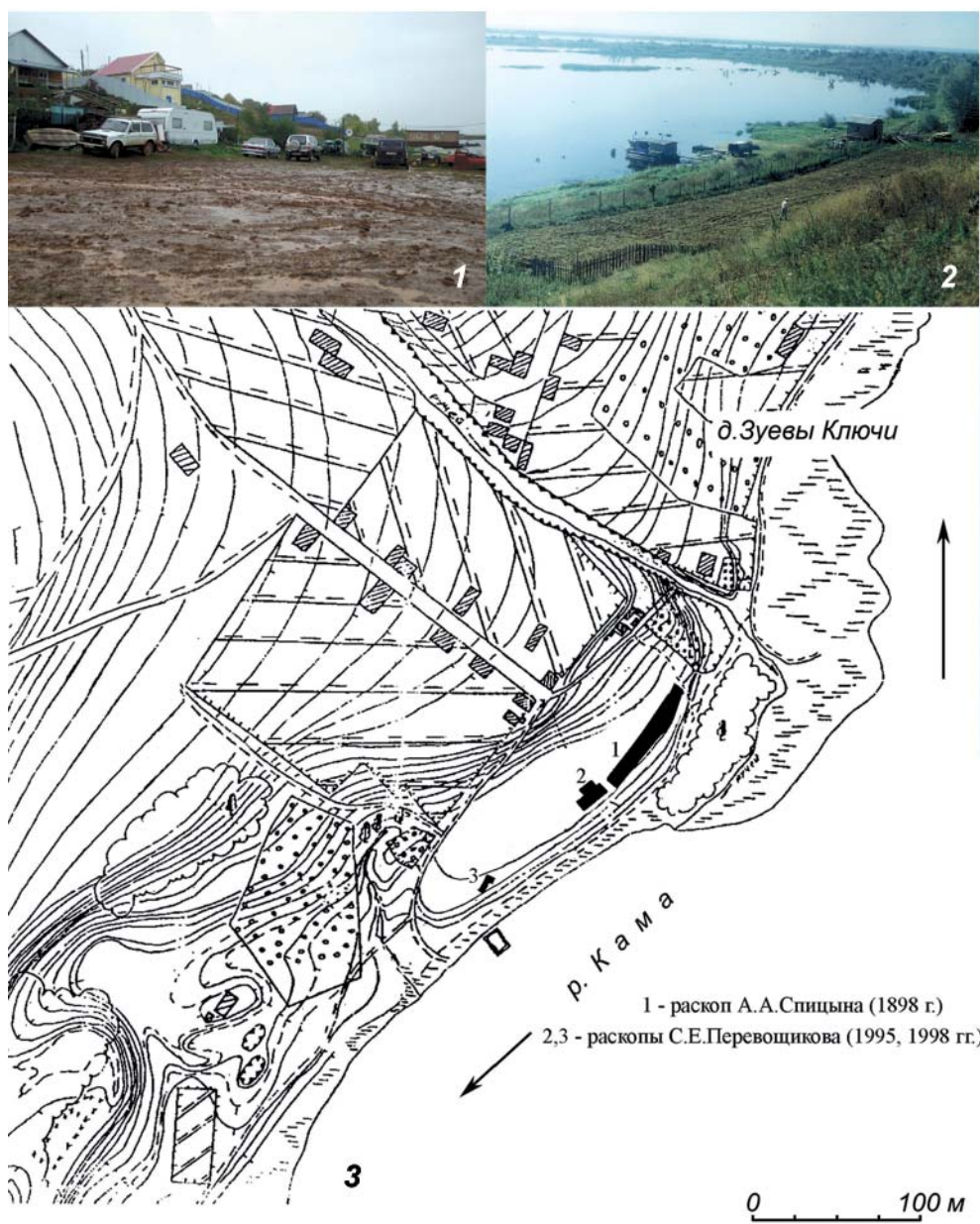

Рис. 1. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник: 1 – вид на местоположение могильника с ЮЮЗ (фото Е.М. Черных, 2011 г.); 2 – вид на площадку могильника с СЗ (фото 1995 г.); 3 – топографический план (ручная съемка Л.Д. Макарова, 1995 г.).

Fig. 1. Zuevsky (Zuevy Kliuchi I) burial ground: 1 – view of the site of the burial mound from SSW (photograph by E.M. Chernykh, 2011); 2 – view of the site of the burial mound from the NW (photograph of 1995); 3 – topographic plan (manual surveying by L.D. Makarov, 1995).

расхождения обусловлены методикой подсчетов, прежде всего, особенностями выборки. К.А. Смирновым подсчеты производились от общего количества погребений с оружием (к тому же, он учитывал только находки удила и псалиев), А.А. Чижевским – от всех погребений (были рассмотрены и другие категории материала – ворворки, бляшки, пронизки, налобники).

120 лет назад, в 1898 г., А.А. Спицыным был раскопан Зуевский могильник в Сарапульском уезде Вятской губернии; современная административно-территориальная принадлежность определяется его местоположением в черте д. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики (рис. 1: 1–3). В соответствии с принятыми в российской археологической науке требованиями могильник получил второе название – Зуевключевской I (Голдина, Черных, 2011, с. 86–87). Частичная публикация материалов раскопок увидела свет 85 лет назад, благодаря усилиям М.Г. Худякова (1933), но наиболее выразительные находки чуть раньше были опубликованы А.М. Тальгреном, поставившим этот могильник в один ряд с Ананьинским (1919, р. 38–45). До сих пор Зуевский могильник остается одним из наиболее крупных ананьинских некрополей Прикамья (218 погребений, раскопанных в 1898 г., были дополнены 10, изученными в конце 1990-х гг. С.Е. Перовощиковым (Перовощиков, Широбокова, 1996, с. 284–285; его же, 1997, с. 273–274; Черных, Перовощиков и др., 1999, с. 125–127). К сожалению, могильник сильно разрушен в последние годы дачной застройкой, а уполномоченный орган не находит

механизмов для обеспечения этому уникальному для Удмуртии памятнику должного уровня охраны. Актуальной остается и полная публикация материалов раскопок¹.

На основании уже введенных в научный оборот материалов памятник принято датировать VI–IV вв. до н. э. Но, очевидно также, что могильник раскопан далеко не полно, раскопки А.А. Спицына документированы неудовлетворительно, по сути, реконструкция погребальных комплексов вызывает много вопросов. Современные представления о периодизации и хронологии культурных образований раннего железного века Волго-Камья оправдывают новое обращение к коллекциям предметов из погребений Зуевского могильника, что предполагается сделать в формате отдельной коллективной работы.

В данной статье рассматривается одна из наиболее важных категорий погребального инвентаря, представленного в могильнике – детали конского убора, которые, по признанию специалистов в этой области материальной культуры, изменялись на протяжении железного века весьма динамично и потому часто используются для разработки хронологических схем и периодизации археологических памятников и культур.

В коллекциях Зуевского могильника предметы конского снаряжения представлены как функциональными, так и декоративными деталями сбруи – удила, псалии, распределители ремней, бляшки и пронизы узды, пряжка, ворворки). Они происходят из 17 погребений (5,9% от всех изученных погребений). Но есть в анализируемой коллекции и предметы, приобретенные у местных жителей.

Удила и псалии

Металлические удила, первоначально из бронзового сплава, вошли в экипировку ананьинских всадников еще в предскифское время (Чижевский, 2011, с. 43). Наряду с бронзовыми, а также роговыми, уже в раннеананьинское время появляются и их железные аналоги (Халиков, 1977, с. 222; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 122; Махортых, 2017, с. 189–191). Зуевские удила принадлежат к одному типу петельчатых. Они выполнены из кованых стержней, загнутых в петли с обеих сторон. Стержни-звенья имеют овально-округлое либо прямоугольное сечение петли, как правило, различный диаметр. У удила из погребений петли одного звена расположены в перпендикулярных плоскостях (рис. 2: 1), а у удила из числа покупок А.А. Спицына – в одной (рис. 2: 5). Величина ротовой части зуевских удила варьировала от 13,3 см (п. 107) до 19 см (п. 30).

Железные удила вошли в обиход скифских всадников в VII в. (Махортых, 2014, с. 178, 183) и существовали на протяжении всего скифского времени (Граков, 1971, с. 96–97; Вальчак, 2009, с. 33–34). В комплексах раннего этапа АКЮ железные удила появляются, согласно хронологическим разработкам А.А. Чижевского, не позднее середины VII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 122). Для уточнения даты удила важны находки фиксаторов – псалиев. Действительно, в обоих зуевских погребениях с удилами найдены псалии, также железные. Сильно фрагментированный обломок псалия происходит из комплекса п. 214. Кроме того, в коллекции имеются еще 4 псалия из разрушенных погребений (с участка раскопа 1996 г. и из

числа купленных А.А. Спицыным в 1898 г.).

Все псалии Зуевского могильника изготовлены из железа и принадлежат к двум группам уздечных комплектов, получивших распространение в степной зоне Евразии и предполагавших различный характер соединения удила и псалиев.

Двухпетельчатые псалии (п. 107) длиной 12 см, с изогнутым стержнем. На концах слегка сплюснутых стержней сохранились «шишечки» грибовидной формы. В монографии А.В. Збруевой форма этих псалиев еще неплохо атрибутируется (1952, табл. XII–4); до настоящего времени петли не сохранились (рис. 2: 2). Выразительные экземпляры двухпетельчатых псалиев представлены в раннеананьинских погребениях 563 и 900 Ст. Ахмыловского могильника (Халиков, 1977, рис. 82–7, 11). Двухпетельчатые железные псалии относят к переходному (по предположению Д.С. Гречко, тупиковой форме: 2017, с. 58) периоду в эволюции узды, принципиально изменившему систему взнуздывания лошадей и пришедшему, очевидно, на финал бытования раннескифского комплекса середины – второй половины VI в. (Махортых, 2017, с. 191).

Двудырчатые псалии представлены двумя типами: Г-образные и прямые стержневидные. Псалии Г-образной формы (3 экз.) имеют более или менее оформленное восьмерковидное расширение в центре. По оформлению концов выделены два варианта: *а* – стержень слегка изогнутый, округлый в сечении, с заостренными концами (н., рис. 2: 8); *б* – стержень овального сечения, один конец заострен, второй – тупо обрублен (п. 30; рис. 2: 4). Появившись в VI в.,

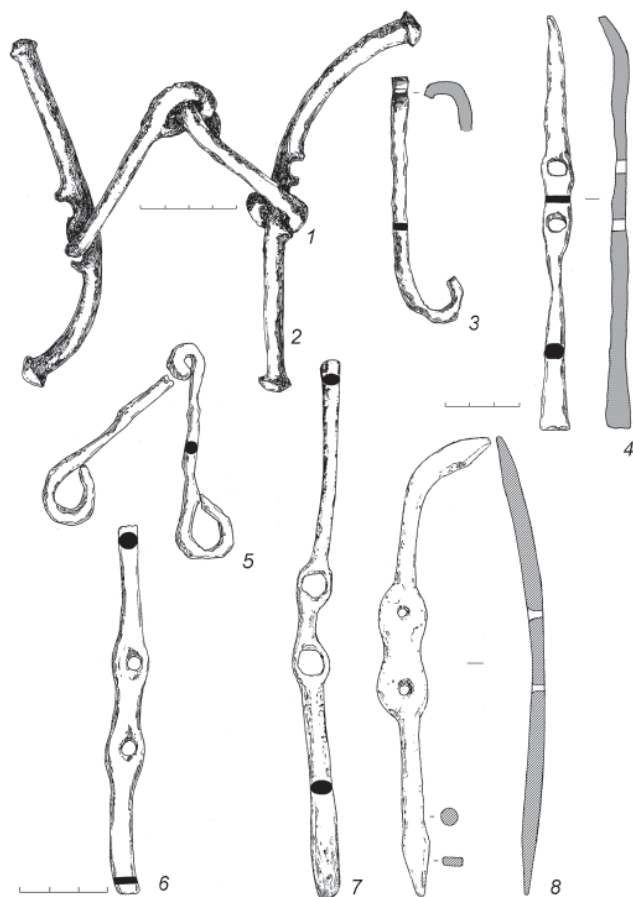

Рис. 2. Зуевский (Зуевско-ключевской I) могильник.

Удила и псалии: 1–2 – погр. 107; 3–4 – погр. 30; 5–7 – покупки А.А. Спицына в 1898 г.; 8 – находка с участка (раскопки С.Е. Перевошикова).

Fig. 2. Zuevsky (Zuevy Kliuchi I) burial ground. Bit and psalia: 1–2 – burial 107; 3–4 – burial 30; 5–7 – purchases by A.A. Spitsyn in 1898; 8 – finding from the site (excavations by S.E. Perevoshchikov).

такие псалии получают наибольшее распространение в следующем столетии (Смирнов, 1961, с. 83–84; Очир-Горяева, 2012, с. 186). По наблюдениям А.Д. Таирова, в уздечных наборах ранних кочевников Южного Зауралья такие псалии в целом маркируют комплексы второй половины VI – середины V в. до н. э. (2004, с. 3, рис. 6).

Псалии прямые стержневидные (2 экз.; из покупок). В отличие от «классических» псалиев скифской узды (тип IV, по К.Ф. Смирнову), зуевские не имеют утолщений на концах. Они различаются по форме сечения стержня и характеру расширения в центральной части. *Вариант а* – с уплощенным восьмерковидным расширением и двумя

круглыми отверстиями в центральной части, концы стержня имеют овальное сечение с одной стороны и прямоугольное – с другой (рис. 2: 6). *Вариант б* – расширение в центральной части практически отсутствует, оно выражено только периметром пробитых крупных отверстий, выступающих за пределы стержня (рис. 2: 7). Стержни овально-округлые в сечении различаются толщиной (0,6 и 0,8 см). Во всаднической культуре железные стержневидные псалии фиксируются с начала V в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 84; Савченко, 2009, с. 242). На Южном Урале они датированы в целом IV в. до н. э., хотя известны и в погребениях V в. (кург. 5 Ново-Кумакского могильника (Смир-

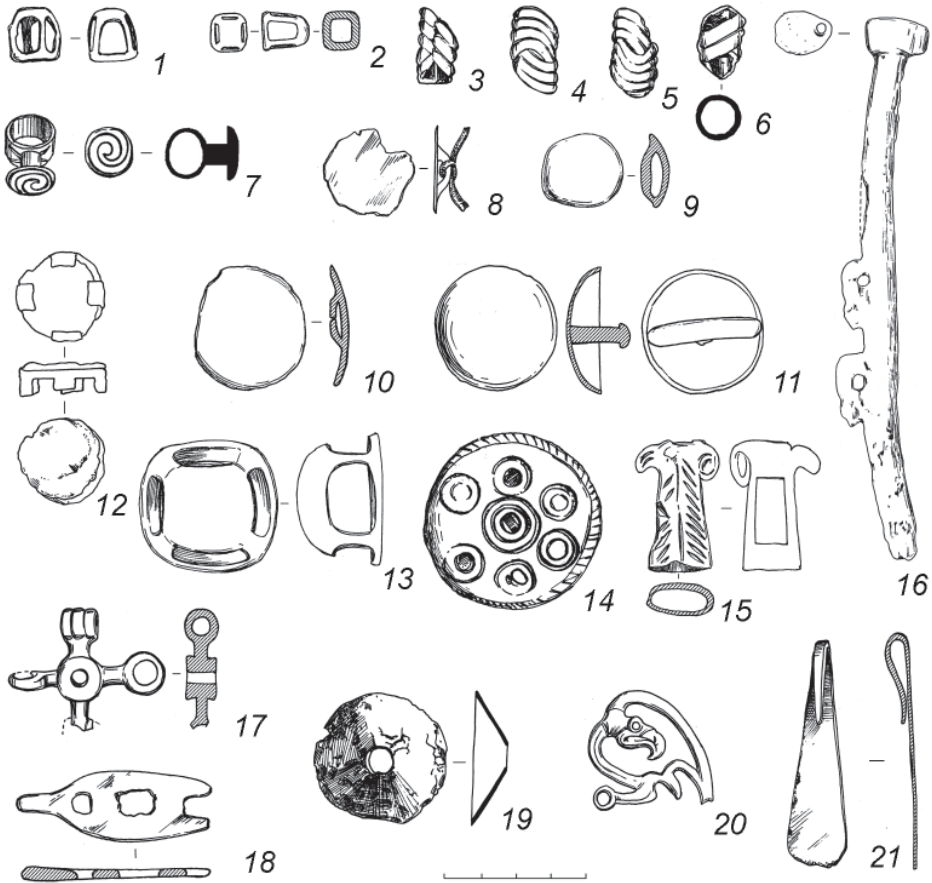

Рис. 3. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник: 1–п. 20; 2, 14 – п. 9; 3–6 – п. 59; 7 – п. 30; 8 – п. 41; 9 – п. 12; 10 – п. 8; 11 – п. 145; 12, 16 – п. 94; 13, 15, 20 – покупки 1898 г.; 17 – пп. 162–163; 18 – п. 29; 19 – п. 158; 21 – п. 199.

Fig. 3. Zuevsky (Zuevy Kliuchi I) burial ground: 1–b. 20; 2, 14–b. 9; 3–6–b. 59; 7–b. 30; 8–b. 41; 9–b. 12; 10–b. 8; 11–b. 145; 12, 16–b. 94; 13, 15, 20–purchases of 1898; 17–b. 162–163; 18–b. 29; 19–b. 158; 21–b. 199.

нов, 1977, с. 7–8)). В.Н. Васильев вообще рассматривает их в качестве хроноиндикатора уже раннесарматского прохоровского культурного комплекса (2004, с. 155).

Детали сбруи и уздечных ремней

Обстоятельный анализ с хронологической оценкой и реконструкцией уздечных наборов и сбруйной фурнитуры раннескифского времени на Алтае был выполнен П.И. Шульгой (2008). Близкую работу проделал Е.И. Савченко по

среднедонским курганам V–III вв. до н. э. (2009). Обширная сводка древней всаднической культуры степной Евразии составлена М.А. Очир-Горяевой (2012). Располагая, таким образом, массовыми аналогиями, мы можем с большей уверенностью дать атрибуцию целого ряда предметов из Зуевского могильника, назначение которых долгое время оставалось неясным. Детали конской сбруи и уздечек встречены в 14 погребениях (6,1% от

всех погребений), а также среди случайных находок.

Бляшки-застежки (7 экз.) служили для скрепления и украшения ремней оголовья. Все они литые бронзовые. Различаются размерами, способом крепления и оформлением.

Тип I – полусферические гладкие, крепились при помощи петли (3 экз., пп. 8, 12, 145; рис. 3: 9, 10, 11). Все бляхи довольно крупных размеров, от 2,5 до 3,5 см в диаметре.

Тип II (3 экз., п. 9, 20, 41; рис. 3: 8, 14) – с плоским округлым щитком и петлей на обороте. По оформлению щитка выделены два варианта: *a* – с гладким щитком и припаянной с тыльной стороны петлей; *b* – крупная бляха с уплощенной поверхностью, диаметром 5 см, оформленная семью круглыми прорезями и ободком по краю в виде насечек, имитирующих витье, с петлей на обороте. Крупные бляхи типа с различными вариантами солярных узоров были характерны для культур бронзового и раннего железного века Кавказа. В раннеананьинских могильниках они также хорошо известны. Особенно представительной является их выборка из Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984, с. 23–32). Бляха, почти идентичная зувейской, происходит из комплекса п. 57 Луговского могильника (Збруева, 1952, табл. II–12). В.С. Патрушев полагает, что их бытование на ананьинской территории имело узкие хронологические рамки – в пределах VII – середины VI в. до н. э. – и южные истоки (1984, с. 24, 30).

Бляхи обоих типов были широко распространены у ранних кочевников евразийских степей. Они маркировали статусные захоронения всадни-

ков, украшали ремни конского оголовья или входили в состав нагрудных ремней. Но бляхи «с запонкой» (типа происходящей из п. 145), как кажется, характерны только для их восточного фланга – Приаралье (Вишневецкая, 1973, с. 105; Итина, Яблонский, 1997, рис. 75), Восточный Казахстан и Алтай (Шульга, 2008, с. 97–98), в ареале памятников сако-майэмирского круга VII–VI вв. На Алтае было четко прослежено использование таких блях для скрепления подпружных ремней. Подобные бляхи найдены в Старшем Шиповском могильнике в Башкирском Приуралье (Савельев, Яблонский, 2014, рис. 3–10, 11), что также указывает на юго-восточный вектор связей прикамского населения.

Тип III. Бляшка с круглым колечком в основании и плоской шляпкой на ножке, декорированной вихревой розеткой (п. 30; рис. 3: 7). В снаряжении верхового коня на Алтае в VIII–V вв. такие бляшки использовались в качестве застежек подбородных и нагрудных ремней (Шульга, 2008, с. 82–83, рис. 58). В раннеананьинском Першинском могильнике Пермского Прикамья бляшки с кольцом на длинной ножке имели гладкую полусферическую шляпку. С.Н. Коренюк рассматривает их в числе хроноиндикаторов VII – первой половины VI в. (2000а, с. 78, рис. 3–6; 2000б, с. 34–35). Бляшки, близкие зувейской, известны в погребениях Старшего Ахмыловского могильника, где также датированы VII – серединой VI в. до н. э. (Патрушев, 1984, с. 30).

Распределители уздечных ремней **Группа 1 – цилиндрические**

Тип I. Низкоцилиндрическая обойма с выпуклым щитком и четырьмя сквозными отверстиями с

каждой стороны, очень крупных размеров, изготовлена из высококачественной бронзы (1 экз., случайная находка; рис. 3: 13). Диаметр 4,0 см, высота – 2,5 см. Такие обоймы имеют хорошие аналогии в материалах Уйгарака и Южного Тагискена VII–VI вв. до н. э. (Вишневецкая, 1973, с. 104; Итина, Яблонский, 1997, с. 58, рис. 36: 4, 5).

Тип II. Мелкие (диаметром 1–1,2 см) уплощенно-цилиндрические обоймы с выпуклым верхним и плоским нижним четырехугольным щитком, четыремя овальными отверстиями (3 экз., п. 9, 20, 94; рис. 3: 1, 2). Аналогичные образцы гладких обойм-пронизей представлены в раннеананьинских комплексах Тетюшского (п. 183), Ст. Ахмыловского (п. 104) и п. 3 Мурзахинского I (IV) и рассматриваются как иллюстрация тесных контактов населения Волго-Камья с раннескифскими группами Предкавказья и лесостепного Поднепровья (Махортых, 2017, с. 191). В ареале кобанской культуры такие обоймы бытовали в первой половине I тыс. до н. э. (Козенкова, 1982, с. 31; 2002, с. 97, рис. 17). В приаральских комплексах они немногочисленны (Вишневецкая, 1973, с. 104), а на Алтае бытуют на протяжении всего раннескифского времени (Шульга, 2008, с. 82). В курганах кочевников Южного Урала они имели более крупную форму и грубое исполнение (Мечет-Сай, кург. 2, Пятимары, кург. 8); рассматриваются как диагностический признак V в. (Очир-Горяева, 2012, с. 262–263), без его второй половины (Таиров, 2004, рис. 6).

Группа 2 – плоские. Оригинальная крупная круглая бляха с четыремя выступами на оборотной стороне (рис. 3: 12), изготовленная из железа, про-

исходит из комплекса п. 94. В дневнике А.А. Спицына упоминаются следы золочения на ее лицевой стороне (1933, с. 12). Почти идентичные бляхи известны в составе уздечного набора из кургана 7 могильника Сара на Южном Урале (Смирнов, 1961, с. 97, рис. 50: 1–3; Очир-Горяева, 2012, с. 309, илл. 343).

Еще один оригинальный образец, очевидно, распределителя происходит из пп. 162–163 (рис. 3: 17). Прямые аналогии мне не известны. Отдаленное сходство он обнаруживает с крестовидными пронизями из сакских могильников Приаралья, датированных VII–VI вв. до н. э. (Вишневецкая, 1973, табл. XVIII–33, XIX–7; Итина, Яблонский, 1997, с. 58, рис. 47: 14). Похожие распределители известны и на Алтае в раннескифское время (Шульга, 2008, рис. 57: 28).

Ворворки имели широкое хождение в ареале раннекочевнических культур. С их помощью фиксировались, а иногда и украшались перекрещивающиеся ремни узды. В Зуевском могильнике они обнаружены в двух погребениях (№№ 48 и 158). Еще один предмет происходит с участка раскопа 1996 г. Представляли собой полые конусы различного размера, изготовленные из меди и железа, усеченно- или удлиненно-конической формы, с отверстием в центре, диаметром основания 2,2–3,8 см, высотой 0,7–1,0–4,0 см (рис. 3: 19). Ворворки удлиненно-конической формы встречаются в савроматских памятниках Южного Приуралья (Смирнов 1964, рис. 48: 3в).

Пронизки использовались для украшения ремней сбруи. Принадлежат к типу щитковых:

Вариант I (4 экз., п. 59; рис. 3: 3–6) круглые в сечении, с орнаментиро-

ванным щитком на лицевой стороне. Похожие пронизы, но с овальной трубой, известны в комплексах VII–VI вв. до н. э. могильника Гилево-10 (Шульга, 2008, с. 88, 99, рис. 17, 19).

Вариант II (1 экз., п. 89) трапециевидные в сечении, с широкой петлей и фигурным щитком.

Возможно, к принадлежностям узды следует отнести еще один предмет из п. 89 – костыльковидную пронизь с овальным отверстием в центральной части. Подобная происходит из п. 523 Ст. Ахмыловского могильника.

К этой же категории предметов, очевидно, могут быть отнесены крупные кольцевидные бронзовые бусы-пронизки из ряда погребений.

Наносные подвески (2 экз.). Одна из подвесок плоская трапециевидная, с петлей для продевания ремешка оголовья (п. 199; рис. 3: 21), вторая (из числа покупок) – более выразительная, ажурная зооморфная, представляет собой профильное изображение хищной птицы (рис. 3: 20). Это почти канонизированный у саков образ сидящего с повернутой головой орла. Практически полная аналогия подвеске (только изготовленная из золота) известна среди находок в Восточном Казахстане («золотой» курган № 5 Чиликты), датированная рубежом VII–VI вв. до н. э. (Черников, 1964, с. 30–31). П.И. Шульга предложил свое видение развития образа «сакского орла» (2008, рис. 61). «Зуевский орел» в этой схеме занимает наиболее раннюю позицию. Предметный разбор прикамских находок, выполненных в стиливых традициях «сакского мира», содержится и в недавней работе Ю.Б. Полидовича (2013, с. 108–116). Новые материалы из курганных могил центрально-

азиатских и зауральских кочевников, дают дополнительные свидетельства о начале поступления сакских импортов в среду ананьинских племен Прикамья не позднее второй половины VII – середины VI в. до н. э. (Полидович, 2013, с. 113; Таиров, 2007, с. 131–136).

Подпругная пряжка (1 экз., п. 29; рис. 3: 18). Небольшая плоская пряжка без язычка предположительно отнесена к блоку уздечного повода. Пряжка отлита из бронзы, имеет овальную форму с «клювовидным» выступом с одной стороны и двумя выступами-«усами» – с другой, с двумя разновеликими отверстиями.

Со снаряжением всадника также могли быть связаны находки, атрибутируемые как **рукояти плетей**. В коллекции Зуевского могильника до последнего времени к таковым относился единственный предмет, купленный А.А. Спицыным у местных крестьян. Это небольшая бронзовая рукоять в виде уплощенного цилиндра, оформленного с тыльной стороны зооморфной головкой (грифон? хищная птица?), высотой 3,4 см и диаметром отверстия 1,5 см. Корпус декорирован узором в виде «елочки» (рис. 3: 15).

Недавно Н.Ю. Смирнов в докладе «Плети ананьинской культуры: хозяйственная традиция или идеологическая новация» (Доклад на III Ананьинской конференции, Болгар, 29 ноября, 2016 г.) высказался за вероятность атрибуции как рукояти плети еще одного предмета, хорошо известного специалистам – костяной палочки со скульптурными изображениями медведей из п. 94 (рис. 3: 16).

Таким образом, предметы конского снаряжения из Зуевского могильника при общей избирательности (и

фрагментированности) комплектов демонстрируют общие для раннеананьинских могильников черты как юго-западных (кавказско-днепровских), так и юго-восточных (южно-уральско-казахстано-алтайских) влияний. Присутствие в материалах

могильника предметов, характерных для раннескифского комплекса, позволяет высказать предположение о возможно более раннем начале функционирования Зуевского некрополя – с рубежа VII–VI вв. до н. э.

Примечания и благодарности:

1 Предметы из раскопок А.А. Спицына хранятся в Государственном Эрмитаже (№ кол. 609), материалы 1990-х гг. (раскопки С.Е. Перовщикова) – в Удмуртском госуниверситете (№ кол. 1979, 2076). Автор признательна хранителям коллекций Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Е.И. Оятевой и Е.А. Шаблавиной за возможность работы с материалами могильника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 291 с.
2. *Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
3. *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973. 160 с.
4. *Граков Б.Н.* Скифы. Научно-популярный очерк. М.: Изд-во МГУ, 1971. 168 с.
5. *Гречко Д.С.* Об эволюции конской узды на юге Восточной Европы в VI в. до н. э. // Древности 2017: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 15 / Ред. С.И. Посохов. Харьков: Национальный университет им. В.Н. Каразина, 2017. С. 53–70.
6. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.
7. *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
8. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 177 с.
9. *Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–78.
10. *Коренюк С.Н.* О находках изделий сакского типа в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории Урала и России. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.В. Шилов. Березники: Изд-во Пермского университета, 2000б. С. 33–35.
11. Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / Науч. ред. М.Б. Пиотровский. СПб: «Славия», 2012. 271 с.
12. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. № 3. 2014. С. 101–137.
13. *Марсадоллов Л.С.* О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 69–85.
14. *Махортых С.В.* Конское снаряжение всадников Предкавказья и украинской лесостепи в VII–VI вв. до н. э. // Всадники Великой степи: традиции и новации / Тру-

ды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV / Науч. ред. А. Онгар. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 174–187.

15. *Махортых С.В.* О скифо-кавказском направлении контактов населения ананьинской культуры в VII–VI вв. до н. э. // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 183–209.

16. *Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. М.: ТАУС, 2012. 470 с.

17. *Патрушев В.С.* Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 229 с.

18. *Перевозицков С.Е., Широбокова Н.Ф.* Исследования Зуево-Ключевских II поселения и могильника // АО 1995 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1996. С. 284–285.

19. *Перевозицков С.Е., Широбокова Н.Ф., Салангин Д.А.* Исследования Зуево-Ключевских могильников и стоянки // АО 1996 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1997. С. 273–274.

20. *Полидович Ю.Б.* О контактах населения Волго-Камья с сакским миром на примере изделий в «зверином стиле» // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск, 2013. С. 108–116.

21. *Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе ранне-сарматской культуры Южного Урала // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

22. *Савченко Е.И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–326.

23. *Смирнов К.А.* Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур // РА. 1998. № 3. С. 48–56.

24. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

25. *Смирнов К.Ф.* Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

26. *Смирнов К.Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1977. С. 3–51.

27. *Таиров А.Д.* Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 3–21.

28. *Таиров А.Д.* Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.

29. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

30. *Худяков М.Г.* Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С. 5–14.

31. *Черников С.С.* Золотой курган Чиликтинский долины (к вопросу о происхождении «скифского искусства») // Памятники Кавказа и Средней Азии / КСИА. Вып. 98 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1964. С. 29–32.

32. *Черных Е.М., Перевозицков С.Е., Лантева Т.А.* К 100-летию исследования Зуевского могильника: возобновление раскопок комплекса памятников у д. Зуевы Ключи // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 125–127.

33. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

34. Чижевский А.А. Начало раннего железного века в Волго-Камье // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Материалы Круглого стола в СПбГУ 23–24 июня 2011 года / Отв. ред. В.А. Алекшин, В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, 2011. С. 41–45.

35. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

36. Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA. T. XXXI).

Информация об авторе:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

ITEMS OF HORSE EQUIPMENT FROM ZUEVSKY BURIAL GROUND OF ANANYINO CULTURE OF CORD CERAMICS IN UDMURTIA

E.M. Chernykh

The paper has been prepared in connection with the 120th anniversary of the Zuevsky burial ground. Zuevsky (Zuevy Kliuchi I) burial ground is one of the few large Ananyino necropolises in the cis-Kama region, which items are used in cultural and chronological schemes of the early Iron Age antiquities. At the same time, there is still no complete publication of the monument. The author analyzes a collection of items used as the horse equipment. Details of horse harness during the I millennium BC got significant changes. Its comparative study in different regions allows to make conclusions of the horseman culture on the Kama river, time and directions of contacts with early nomade societies of Eurasia. The items of horse equipment take an important place in the dating and chronology of monuments. The selection of horse equipment in Zuevsky burial is not numerous, but it is represented by the most part of categories. Dating of ones fits into the framework of the middle period of the Ananyino culture (according to Sergey Kuzminykh and Andrew Chizhevsky) – 6th–5th BC. The items of horse equipment from the Zuevsky burials despite their fragmented nature demonstrate common features with other early Ananyino cemeteries. The presence in the materials of the burial ground of objects characteristic of the early Scythian complex allows the author to make an assumption about probably earlier beginning of the Zuevsky necropolis functioning.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino, Prikamye, Udmurtia, horse equipment, analogies, dating.

REFERENCES

1. Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Harness in the First Third of the 1st Millennium B.C. in the South of Eastern Europe)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).

2. Vasil'ev, V. N. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 5. 153–172 (in Russian).

3. Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: po materialam Uigaraka (Culture of the Saka Tribes of the Lower reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th cc. B.C.: Based on Materials from Uigarak)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

4. Grakov, B. N. 1971. *Skify. Nauchno-populiarnyi ocherk (The Scythians. Popular scientific essay)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

5. Grechko, D. S. 2017. In Posokhov, S. I. (ed.). *Drevnosti 2017: Khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik (Antiquities 2017: Kharkiv Historical & Archaeological Annual. 2017)* 15. Kharkiv: V.N. Karazin Kharkiv National University, 53–70 (in Russian).

6. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkhologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
7. Itina, M. A., Yablonskiy L. T. 1977. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Iuzhnyi Tagisken) (The Sakas of the Lower Syr Darya (Based on Materials from Yuzhny Tagisken Burial Ground))*. Moscow: "ROSSPEN" Publ. (in Russian).
8. Kozenkova, V. I. 1982. *Tipologiia i khronologicheskaia klassifikatsiia predmetov kobanskoii kul'tury. Vostochnyi variant (Typology and Chronological Classification of Koban Culture Items. The Eastern Variant)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Koreniuk, S. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 68–78 (in Russian).
10. Koreniuk, S. N. 2000. In Shilov, V. V. (ed.). *Permskoe Prikam'e v istorii Urala i Rossii. Materialy vs Rossiiskoi nauchnoi konferentsii (Perm Kama Region in the History of the Urals and Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference)*. Berezniki: Perm State University, 33–35 (in Russian).
11. In Piotrovsky, M. B. (ed.). 2012. *Kochevnikii Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki (The Nomad World. From the Archaeological Collections of the State Hermitage Museum. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviya" Publ. (in Russian).
12. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkhologiia (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
13. Marsadolov, L. S. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology)*. Krasnodar: Kuban State University, 69–85 (in Russian).
14. Makhortkykh, S. V. 2014. In Ongar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoi stepi: traditsii i novatsii (Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations)*. Series: Trudy filiala Instituta arkhologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (Proceedings of the Branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan in Astana) IV. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana. 174–187 (in Russian).
15. Makhortkykh, S. V. 1994. 2017. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 183–209 (in Russian).
16. Ochir-Goriaeva, M. A. 2012. *Drevnie vsadniki stepei Evrazii (Ancient horsemen of the Eurasian steppes)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
17. Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii krai VII–VI vv. do n.e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in 7th – 6th Centuries B.C. (Starshiy Akhmylovsky Burial Mound))*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
18. Perevoshchikov, S. E., Shirobokova, N. F. 1996. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1995 goda (Archaeological Discoveries of 1995)*. Moscow: "Nauka" Publ., 284–285 (in Russian).
19. Perevoshchikov, S. E., Shirobokova, N. F., Salangin, D. A. 1997. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1996 goda (Archaeological Discoveries of 1996)*. Moscow: "Nauka" Publ., 273–274 (in Russian).
20. Polidovich, Yu. B. 2013. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV Baderovskie chteniia): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Historical and cultural heritage—a resource for the formation of social and historical memory of civil society (15th Bader reading): Materials of the all-Russian scientific and practical conference)*. Izhevsk: Udmurt State University, 108–116 (in Russian).
21. Savel'ev, N. S., Yablonskiy, L. T. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevskii, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution,*

Relations, Historical Fate). Series: *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 478–504 (in Russian).

22. Savchenko, E. I. 2009. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg.* (Archaeology of the Middle Don Region in the Scythian Epoch: Proceedings of the Don Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2004–2008). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 221–326 (in Russian).

23. Smirnov, K. A. 1998. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (Russian Archaeology) (3), 48–56 (in Russian).

24. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov* (Armament of the Sauromatians). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies in Archaeology of the USSR) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

25. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniia istoriia i kul'tura sarmatov* (The Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

26. Smirnov, K. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala* (Studies on the Archaeology of the Southern Urals). Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

27. Tairov, A. D. 2004. In Raev, B. A. (ed.). *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noi khronologii* (Sarmatian Cultures of Eurasia: Issues of Regional Chronology). Krasnodar: Kuban State University, 3–21 (in Russian).

28. Tairov, A. D. 2007. *Kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepei v VII–VI vv. do n.e.* (The nomads of the Ural-Kazakhstan steppes in the 7th–6th centuries BC). Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

29. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e.* (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

30. Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g.* (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898). Series: Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography, 5–14 (in Russian).

31. Chernikov, S. S. 1964. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 98. Moscow: "Nauka" Publ., 29–32 (in Russian).

32. Chernykh, E. M., Perevoshchikov, S. E., Lapteva, T. A. 1999. In Grigor'ev, S. A. (ed.). *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* (14th Ural Archaeological Conference). Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 125–127 (in Russian).

33. Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh* (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) *Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)*. Series: *Archaeology of Eurasian Steppes*, 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

34. Chizhevsky, A. A. 2011. In Alekshin, V. A., Bochkarev, V. S. (eds.). *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii: Materialy Kruglogo stola v SPbGU 23–24 iunija 2011 goda* (Transition from the Bronze Age to the Iron Age in Northern Eurasia: Proceedings of the Round Table Head at Saint Petersburg State University on June 23–24, 2011). Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 41–45 (in Russian).

35. Shulga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I. Ranneskifskoe vremia* (Equipment of the Saddle Horse and Warrior Belts in Altai Part I. Early Scythian period). Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

36. Tallgren A.M. *Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale*. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA. T. XXXI).

About the Author:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru

Статья поступила в номер 11.02.2019 г.

УДК 903.5(470.51)(045)

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.150.163>

КЛАССИФИКАЦИЯ ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА НЫРГЫНДА II: ЗАСТЕЖКИ И СЪЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ

© 2019 г. **В.Ф. Генинг**, Г.Н. Журавлева

В статье представлены результаты классификации украшений и принадлежностей костюма погребенных на Нырғындинском II могильнике. Памятник был исследован А.А. Спицыным (1898 г.) и В.Ф. Генингом (1954, 1968 г.). Всего вскрыто 268 могил, отнесенных В.Ф. Генингом к пьяноборскому времени. Им же было сделано предварительное описание полученных артефактов. Украшения и принадлежности костюма разделены авторами на три категории. На основе характерных признаков выполнено четкое деление материала на типы, подтипы, варианты. При этом учитывались имеющиеся разработки исследователей, занимавшихся и занимающихся изучением подобных вопросов в настоящее время. По возможности сохранено описание материала, подготовленное еще В.Ф. Генингом. Поскольку полученный с могильника материал очень объемный, в данной статье представлены две первые категории украшений.

Ключевые слова: археология, Удмуртское Прикамье, пьяноборская общность, Нырғындинский II могильник, III в. до н. э. – II в. н. э., классификация, съемные личные украшения, застёжки.

Нырғындинский II могильник находится на юго-западной окраине дер. Нырғында Каракулинского района Удмуртской Республики. Площадь его занимает широкий подчетырехугольный мыс у края второй террасы. Сведения о памятнике в 1898 г. от местных жителей получил А.А. Спицын. В том же году «раскопке был подвергнут угол площадки..., в которой оказался один костяк. Без сомнения могильник еще не истощен, хотя вряд ли он значителен...». На могильнике было вскрыто 36 погребений. Материалы этих работ – таблицы и дневники А.А. Спицына – были обработаны и опубликованы через 35 лет М.Г. Худяковым (Худяков, 1933). В 1954 г. В.Ф. Генинг исследовал 34 могилы, а в 1968–1969 гг. Удмуртский отряд Нижне-Камской археологической экспедиции (В.Ф. Генинг и В.В. Одинцов) раскопал еще 198 погребений (Генинг, 1971, с. 91). Таким образом, всего было вскрыто 268 по-

гребений. Не раскопанной осталась лишь небольшая часть на северо-восточной окраине могильника, где в те годы находился сад и хозяйственные постройки. По мнению автора раскопок, данный могильник содержал не менее 330–350 погребений. По количеству могил и хронологии этот памятник близок Чегандинскому II (Генинг, 1970, ч. I) и Нырғындинскому I (Голдина, Красноперов, 2012) могильникам.

Подробную публикацию результатов раскопок могильника В.Ф. Генинг предполагал дать в одном из выпусков «Отчетов Нижне-Камской экспедиции Института Археологии АН СССР» (Генинг В.Ф., 1971, с. 19), но, в силу занятости, не успел. Хотя некоторые подготовительные работы им уже были проведены: в черновом варианте было сделано описание вещевого материала и составлены типологические таблицы. В конце 1980-х гг. В.Ф. Генинг передал мне все матери-

алы по могильнику: отчеты, черновики рукописей, типологические таблицы с пожеланием публикации. Началом такой работы явилась статья Г.Н. Журавлевой 2014 г., где были представлены предварительные результаты исследования Нырғындынского II могильника (Журавлева, 2014, с. 69–91).

Могильник Нырғында II выделяется количеством и разнообразием вещевого материала. 55,2% всех погребений некрополя содержат сопровождающий вещевой материал, основную массу которого составляют украшения и принадлежности костюма, изготовленные из бронзы и железа. В небольшом количестве на могильнике найдено оружие, удила и предметы быта (Журавлева, 2014, с. 74). Задача данной работы – представить типологию вещевого материала могильника, на основе которой в дальнейшем будет рассмотрена датировка и культурная принадлежность памятника.

Украшения и принадлежности костюма разделены на три категории: 1. Съёмные личные украшения: височные подвески, кокошники, гривны, шейные подвески, браслеты, перстни, бусы; 2. Застежки: принадлежности костюма, включающие в себя эполеообразные поясные застежки, застежки с неподвижным крючком, медные, железные и костяные пряжки, сюльгамы, фибулы; 3. Несъёмные украшения костюма: нашивные бляшки-накладки, нагрудные бляхи, бляхи с игольчатой застежкой, нагрудные и нарукавные подвески, пронизки и обоймы. Внутри категорий на основе формы, материала, отдельных деталей выделены типы, подтипы и варианты. Следует отметить, что В.Ф. Генинг классифицировал материал могиль-

ника по аналогии с материалом Чегандинского II могильника, поэтому описание во многом совпадало с тем, что представлено в работе «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху» при характеристике этого памятника (Генинг, 1970, с. 30–62). Однако в последующие годы появились новые работы, в которых типология, хронология пьяноборских памятников и даже название культуры были пересмотрены. Одним из первых классификацию погребального инвентаря 20 пьяноборских могильников с территории удмуртского и башкирского Прикамья выполнил Б.Б. Агеев, изменив хронологию пьяноборья (Агеев, 1992, гл. 3). В дальнейшем появились исследования, в которых рассматривались отдельные категории украшений, что и было учтено в настоящей работе.

Личные украшения включают вещи, употреблявшиеся для украшения головы (височные подвески и кокошники), шеи (гривны, шейные подвески и бусы) и рук (браслеты, перстни).

Височные подвески (204 экз., рис. 1) – наиболее распространенные женские украшения. В могильнике они обнаружены в 47 погребениях. Изготовлены подвески из бронзы, редко – из железа. Большинство изделий оформлено в виде знака вопроса с разомкнутым кольцом и опущенной вниз конической трубицей. Типы выделены по форме привесок, подтипы и варианты – по размерам кольца, трубицы и деталям декора.

Тип I. С отвисающей вниз конической спиральной трубицей (53 экз.).

Подтип а. Длинная спираль (рис. 1: 3–6).

Подтип б. Укороченная спираль.

Рис. 1. Нырғындынський II моги́льни́к. 1–22 – височні́ підвіски. 1–6, 8–22 – бронза; 7 – бронза, скло.

Fig. 1. Nyrgynda II burial ground. 1–22 – temporal suspensions. 1–6, 8–22 – bronze; 7 – bronze, glass.

Вариант 1. Сомкнутое кольцо (рис. 1: 1).

Вариант 2. Разомкнутое кольцо (рис. 1: 2).

Вариант 3. Большое разомкнутое кольцо с нанизанными бусинами (рис. 1: 7).

Тип II. С отвисающей вниз литой трубицей, коническая трубка или стержень отлита вместе с кольцом. Длина подвесок колеблется от 4 до 6,5 см, диаметр кольца – от 1,4 до 3,4 см (54 экз.).

Подтип а. Цельнолитые.

Вариант 1. С разомкнутым кольцом (рис. 1: 11).

Вариант 2. Трубица отлита вместе с кольцом (рис. 1: 13).

Подтип б. Литые полье.

Вариант 1. С большим кольцом (рис. 1: 10).

Вариант 2. С маленьким кольцом (рис. 1: 9).

Тип III. С отвисающей вниз трубицей из гофрированного тонкого бронзового листа (80 экз.). В коническую

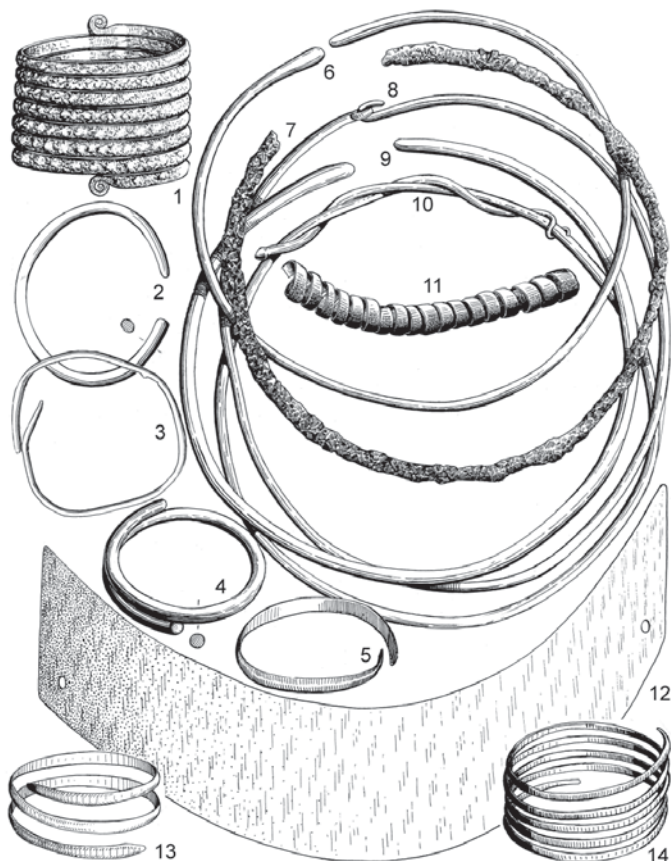

Рис. 2. Нырғындын II моги́льник. 1–5, 13, 14 – браслеты; 6–11 – гривны.
1, 7, 14 – железо; 2–6, 8–13 – бронза.

Fig. 2. Nyrgynda II burial ground. 1–5, 13, 14 – bracelets; 6–11 – hryvnia.
1, 7, 14 – iron; 2–6, 8–13 – bronze.

трубку из бронзовой гофрированной пластины вставлено сверху разомкнутое проволочное кольцо. Длина подвесок от 5,8 до 9 см.

Подтип а. С разомкнутым кольцом.

Вариант 1. Гофрирована вся поверхность трубки (рис. 1: 14, 15).

Вариант 2. Гофрировка занимает среднюю часть трубки (рис. 1: 16, 17).

Подтип б. С замкнутым кольцом. Подвески этого типа редки (п. 1, 7, 75).

Вариант 2. С полностью гофрированной поверхностью трубки (рис. 1: 12).

Тип IV. Листовидные, в виде длинного листочка, черенок которого приспособлен для крепления.

Подтип а. Крепление в виде крючка (рис. 1: 19, 20). У подвески под № 20 крепление обломано.

Подтип б. Крепление в виде трубочки с крючком (рис. 1: 21, 22).

В погребении 51 была найдена височная подвеска в виде знака вопроса, но трубка у нее заменена тонкой раскованной пластиной (рис. 1: 18). Височное колечко из тонкой медной проволоки было найдено в погребении 75 (рис. 1: 8). Подобные

кольца известны из погребения 30 (раскопки 1898 г.).

Кокошники (рис. 2: 12). Обнаружены в 5-ти погребениях: в трех – фрагменты, не подлежащие реконструкции, в двух – целые. Изготавливались из тонкой медной пластины длиной до 30 см и шириной до 6 см. Концы кокошника снабжены отверстиями для продевания ремешка или бечевки, которой кокошник крепился на голове. Подобные кокошники встречены и на могильнике Чеганда II (Генинг, 1970, с. 53, табл. VII–10). Пластинчатые кокошники в поздний период заменялись налобными повязками с прикрепленными к ним медными бляшками.

Гривны (19 экз., рис. 2) в основном изготовлены из бронзы и редко – из железа (2 экз.). Типы выделены по форме сечения, подтипы – по характеру крепления.

Тип I. Спиральновитые (рис. 2: 11), изготовлены из медной полоски со слегка выпуклой поверхностью. Гривна, видимо, нанизывалась на скрученный кожаный ремешок, остатки которого сохранились в погребении.

Тип II. Гладкие, изготовлены из дрота круглого сечения.

Подтип а. С утолщениями на концах.

Вариант 1. Бронзовые (рис. 2: 6, 9).

Вариант 2. Железные (рис. 2: 7).

Подтип б. С замком в виде двух крючков (3 экз., рис. 2: 8) на концах.

Подтип в. Концы сплетены друг с другом, один конец снабжен колбочкой (рис. 2: 10).

Шейные подвески (18 экз., рис. 7: 3–7). Довольно устойчивая форма в виде круглого щитка и ушком для крепления, отлитого вместе подвеской. Различия проявляются в оформлении щитка, на основании чего выделены подтипы (изделия на рис. 7 под

№№ 1, 2, 8, 15, 17, 18, 21 в данной работе не рассматриваются).

Тип I. В виде круглого щитка с ушком и украшениями в виде кружочков внизу.

Подтип а. Со сплошным щитком (рис. 7: 7).

Подтип б. С прорезными отверстиями в середине кружочков (рис. 7: 6).

Подтип в. С прорезными отверстиями на щитке и в середине кружочков (рис. 7: 5).

Подтип г. С прорезью на щитке в виде лунницы и двумя кружочками с отверстиями по краю (рис. 7: 4).

Тип II. В виде умбончика в центре и с семью полугорошинами по краям (рис. 7: 3).

Браслеты (18 экз., рис. 2) в основном изготавливались из бронзы (рис. 2: 4–5, 13, 14) и железа (рис. 2: 1). Типы выделены по форме сечения, подтипы и варианты – по количеству витков и декору.

Тип I. Из бронзового дрота, круглого в сечении.

Подтип а. Одновитковые.

Вариант 1. С несомкнутыми концами (рис. 2: 2).

Вариант 2. С заходящими друг за друга концами (рис. 2: 3, 4).

Тип II. Пластинчатые, со слегка выпуклой наружной гранью.

Подтип а. Одновитковые (рис. 2: 5).

Подтип б. Многовитковые.

Вариант 1. Бронзовые (рис. 2: 13, 14).

Вариант 2. Железные с завитками на концах (рис. 2: 1).

На могильнике найдены фрагменты оригинальных браслетов в виде кожаной полоски с нанизанными на нее медными обоймочками выпуклой формы, дважды обвивавшей запястье руки.

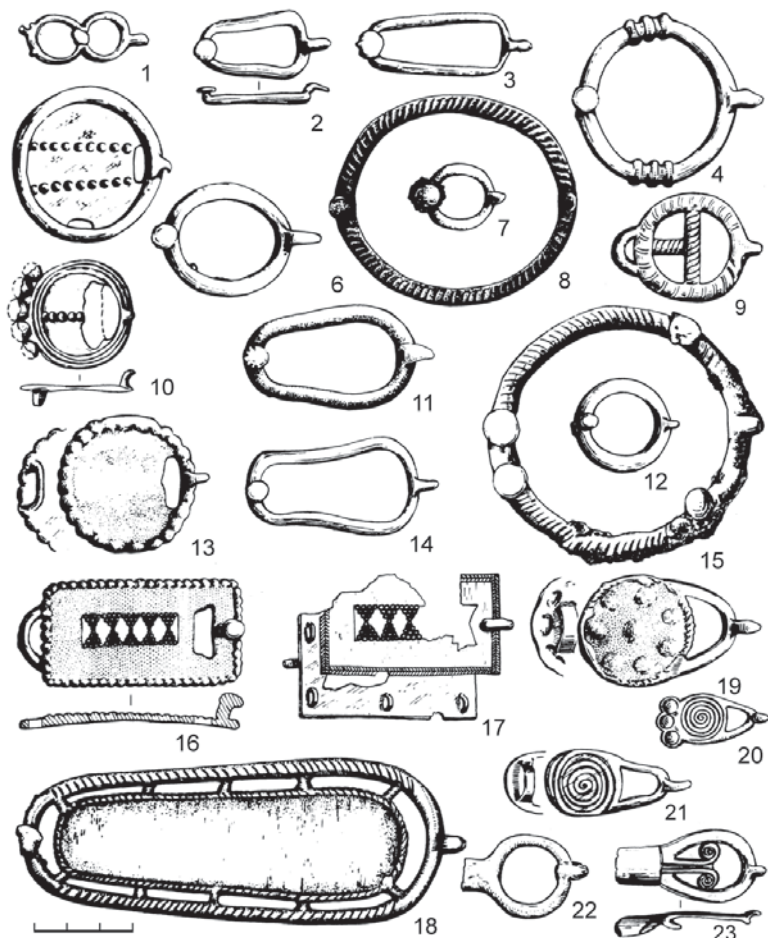

Рис. 3. Ныргындинский II могильник.
1–23 – застёжки с неподвижным крючком; бронза.

Fig. 3. Nyrgynda II burial ground. 1–23 – fasteners with a fixed hook; bronze.

Перстни (3 экз., рис. 7).

Тип I. Щитковые. Щиток состоит из полугорошин (рис. 7: 14).

Тип II. Бесщитковые.

Подтип а. Кольцевые многовитковые.

Вариант 1. Пластинчатые (рис. 7: 13).

Принадлежности костюма

Застёжки с неподвижным крючком (24 экз., рис. 3). Характерной особенностью этих застёжек является наличие небольшого крючка на конце, за который цеплялся ремешок и пугови,

обоймы или петли на противоположной стороне кольца, где второй конец ремешка крепился наглухо. Такие застёжки употреблялись для стягивания обувных ремешков на подъеме ноги, но часто использовались и в качестве поясных. Застёжки с неподвижным крючком имеют довольно широкий территориальный и хронологический ареал распространения, что показано еще М.Г. Мошковой (Мошкова, 1960, с. 307; 1963, с. 40). Подробное описание застёжек с неподвижным крючком приведено В.Ф. Генингом

в материалах могильника Чеганда II (Генинг, 1970, с. 44–48). Одна из последних публикаций, в которой дана интерпретация этой категории вещей, – статья Р.Д. Голдиной «Застежки с крючком Тарасовского могильника» (Голдина, 2018, с. 150–177). Автор предлагает называть данные застежки «застежками с крючком», опуская слово «неподвижным», делая при этом ссылку на А.А. Спицына (Голдина, 2018, с. 154). Действительно, среди первых пяти предметов, опубликованных А.А. Спицыным в «Отчете археологической комиссии за 1898 г.» указана застежка от обуви из погребения 26 (Древности Камы..., 1933, с. 15). Подобные застежки обнаружены им в трех погребениях, которые он называет то застежками «сибирского типа» (п. 18), то пряжками «сибирского типа» (п. 26) (Древности Камы..., 1933, с. 19). В погребении 7 им найдена двухжгутовая эполетообразная застежка, которая названа «застежкой с крючком» (Древности Камы..., 1933, с. 18). М.Г. Мошкова называет их «пряжки с неподвижным крючком» (Мошкова, 1960, с. 306), поэтому в данном случае остается название «застежка с неподвижным крючком», которое было использовано В.Ф. Генингом при характеристике могильника Чеганда II (Генинг, 1970, с. 44–48).

Застежки различаются по форме, декору, способу крепления и по размерам. По этим признакам практически все исследователи делят их на типы, подтипы и варианты. Самые маленькие застежки имеют диаметр кольца 2,0 см (рис. 3: 7), наиболее крупные – 7,4 см (рис. 3: 15).

Тип I. Восьмеркообразные (1 экз., рис. 3: 1). Застежка небольшого размера, ее название указывает на форму. Подобные застежки довольно

часто встречаются в комплексах прохоровской культуры (Мошкова, 1960, с. 307), сведения о них приводит Б.Б. Агеев (Агеев, 1992, табл. 11–1, 2) и С.Л. Воробьева (Воробьева, 2012, рис. 22).

Тип II. Рамчатые, кольцеобразные, круглые (5 экз.).

Подтип а. Без особенностей, кольцо с пуговкой и шпеньком.

Вариант 1. Кольцо не орнаментированное (рис. 3: 6, 7, 12).

Вариант 2. Кольцо украшено насечками (псевдовитое) (рис. 3: 8).

Вариант 3. Кольцо украшено насечками и четырьмя пуговками (рис. 3: 15).

Вариант 4. Кольцо украшено валиками (рис. 3: 4).

Подтип б. Во внутреннем поле кольца Т-образные перемычки, сзади петля для крепления (рис. 3: 9).

Тип III. Овально-рамчатые с пуговицей для крепления, обычно бронзовые, но иногда встречаются и железные экземпляры (7 экз.).

Подтип а. Рамка овальной формы, без особенностей (рис. 3: 3, 11).

Подтип б. Овальная, с прогибом в средней части (рис. 3: 2, 14).

Подтип в. Овальные с частичным заполнением поля внутри кольца (рис. 3: 18)

Тип IV. Пластинчатые, цельнолитые, с выпуклым ободком по краю и вырезом перед крючком для продевания ремешка (5 экз.).

Подтип а. Круглые.

Вариант 1. Пластина украшена двумя рядами выпуклин (рис. 3: 5).

Вариант 2. Пластина украшена одним рядом выпуклин и полушарными выпуклинами на ободке (рис. 3: 10).

Вариант 3. Ободок украшен выпуклинами (рис. 3: 13).

Подтип б. Прямоугольные.

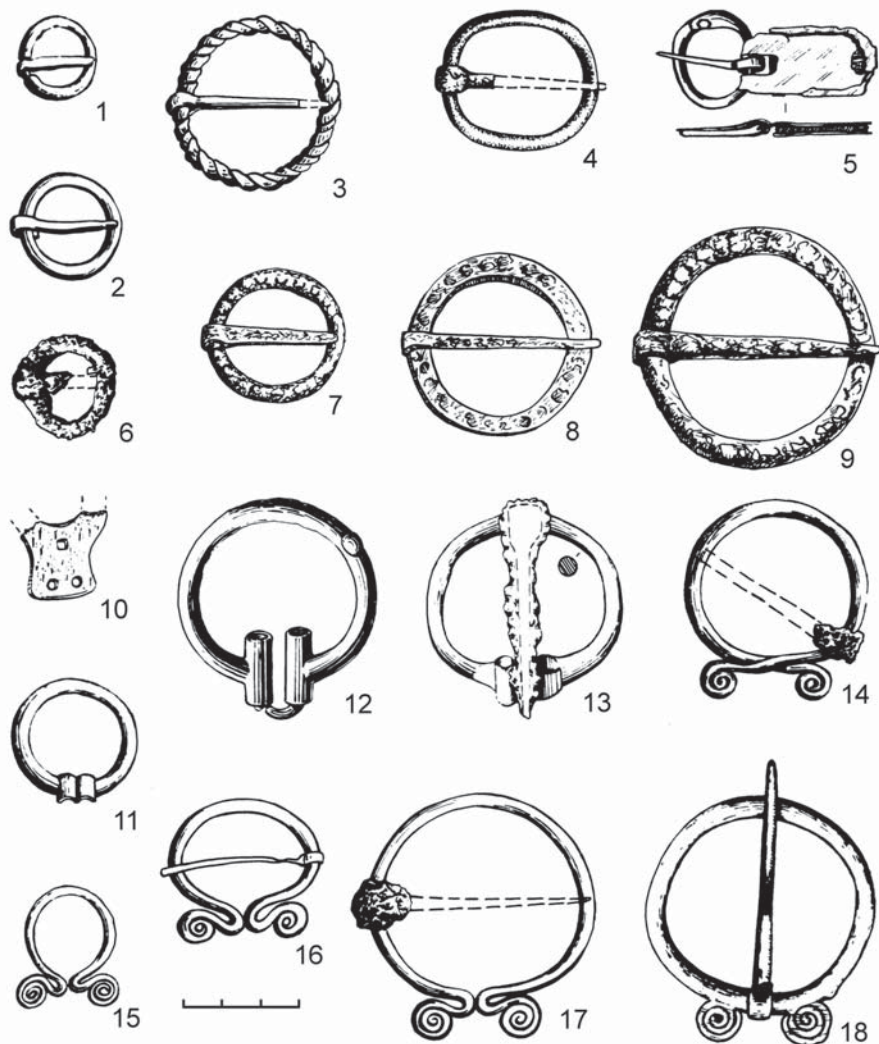

Рис. 4. Нырғындынський II моги́льник. 1–10 – пряжки; 12–18 – застєжки-сюльгамы. 6, 7, 9 – же́лєзо, 10 – кость, 13 – бронзова́я пряжка с же́лєзным язычком, 1–5, 8, 12–18 – бронза.

Fig. 4. Nyrgynda II burial ground. 1–10 – buckles; 12–18 – snap-syllables. 6, 7, 9 – iron, 10 – bone, 13 – bronze buckle with an iron tongue, 1–5, 8, 12–18 – bronze.

Вариант 1. Рамка по краю украшена выпуклыми умбончиками. В прямоугольный вырез внутреннего поля встроены треугольники, поставленные друг к другу вершинами и украшенные зернью (рис. 3: 16).

Вариант 2. Аналогичный варианту 1, но рамка по краю украшена насечкой в виде «косички», на обороте име-

ются 6 ушек для крепления к поясу (рис. 3: 17).

Тип V. С круглым щитком, выступающей дужкой и петлей на оборотной стороне (3 экз.).

Подтип а. Плоские.

Вариант 1. Небольшая пластина украшена спиралевидным орнаментом (рис. 3: 21).

Вариант 2. Такая же пластина с полугорошинами по краю (рис. 3: 20).

Вариант 3. Поле пластины украшено выпуклинами и насечками по ободку (рис. 3: 19).

Подтип б. Крупная умбоновидная пластина с орнаментом из полугорошин и канта «косичкой» по краю (рис. 7: 16).

Тип VI. Овально-круглые, с обоймицами для глухого крепления (2 экз.).

Вариант 1. Кольцо неорнаментированное (рис. 3: 22).

Вариант 2. Внутри кольца орнамент в виде волют (рис. 3: 23).

Пряжки (34 экз., рис. 4) для застегивания ремней, обнаруженные на могильнике, в основном железные, реже встречены медные. По форме же они практически одинаковые. Типы выделены по различиям в конструкции, подтипы – по сечению кольца.

Тип I. Двусоставные круглые, с прямым язычком.

Подтип а. Железные, рамка круглая в сечении.

Вариант 1. С прямым, круглым в сечении язычком (рис. 4: 6).

Вариант 2. С прямым, плоским в сечении язычком (рис. 4: 7, 9).

Подтип б. Бронзовые, рамка круглая в сечении (рис. 4: 1, 2).

Подтип в. Бронзовая, рамка из перевитой медной проволоки (рис. 4: 3).

Подтип г. Рамка прямоугольная в сечении.

Вариант 1. С прямым, плоским в сечении, язычком (рис. 4: 8).

Тип II. Двусоставные овальные с прямым язычком (рис. 4: 4).

Тип III. Трехсоставные круглые с прямоугольной задней пластиной (рис. 4: 5).

От костяной пряжки из погребения 9, как указано в рукописи В.Ф. Генинга,

сохранилась только задняя колодочка, снабженная тремя отверстиями для прикрепления к ремню. Кольцо пряжки сломано (рис. 4: 10).

Застежки-сольгамы (10 экз., рис. 4: 11–18) служили для скрепления одежды на груди, то есть по конструктивным особенностям они являются двусоставными пряжками. Различия наблюдаются в оформлении концов и форме сечения язычка.

Подтип а. Кольцо замкнутое.

Вариант 1. С петлей и двумя цилиндриками.

Подвариант. С пуговкой на кольце (рис. 4: 12).

Вариант 2. Со спиральными завитками возле крепления иглы (рис. 4: 18).

Подтип б. Кольцо разомкнутое.

Вариант 1. С полуцилиндриками на концах (рис. 4: 11).

Вариант 2. С двумя цилиндриками на концах.

Подвариант. С железным плоским язычком (рис. 4: 13).

Вариант 3. С перекрещивающимися спиральновитыми концами (рис. 4: 14).

Вариант 4. С соприкасающимися спиральновитыми концами (рис. 4: 15–17).

Эполетообразные застежки (13 экз., рис. 5, 6, 7) являются принадлежностью женского костюма Прикамья. Характерными чертами для формы застежек являются передняя пластина с крючком, соединенная жгутами с задней бляхой с костыльком на обороте. Задняя пластина, чаще всего, представляет собой выпуклый или умбоновидный круг, окруженный псевдошнуром и кольцом полушаровидных выпуклостей. Количество окружностей меняется в зависимости от размеров застежки.

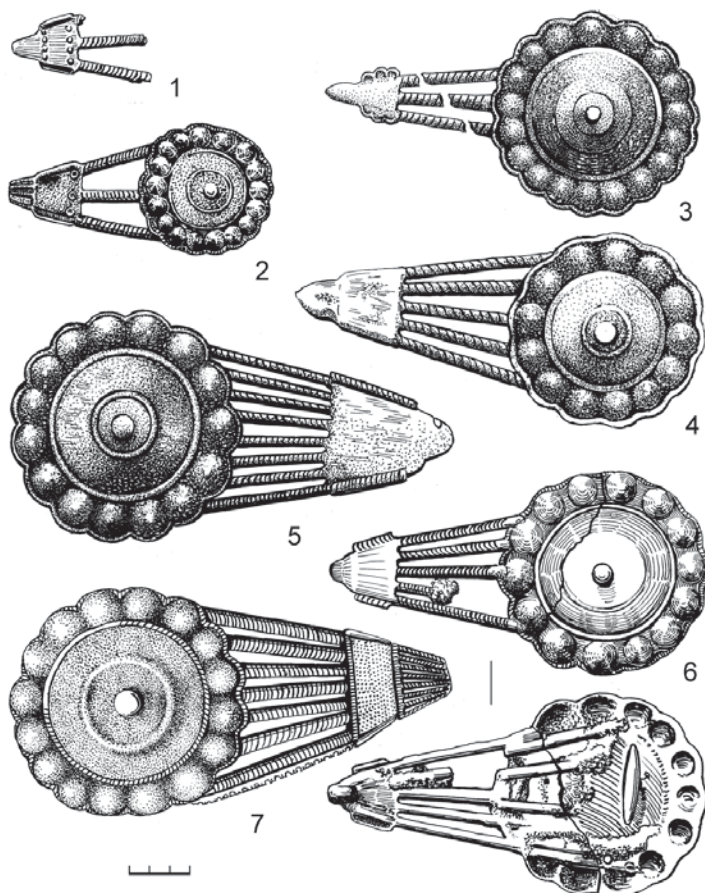

Рис. 5. Ныргындинский II могильник.

1–7 – эполетообразные застежки; бронза, железо.

Fig. 5. Nyrgynda II burial ground. 1–7 – epaulette-shaped fasteners; bronze, iron.

Для выявления наиболее общих хронологически-территориальных закономерностей в развитии эполетообразных застежек Т.А. Лаптевой были проанализированы 173 такие застежки из 39 могильников и поселений с территории Среднего и Нижнего Прикамья (Лаптева, 1995, с. 128). За основу ею была взята классификация В.Ф. Генинга для эполетообразных застежек с Чегандинского II могильника и внесены некоторые изменения и дополнения. В данной работе используется классификация, предложенная Т.А. Лаптевой.

Все эполетообразные застежки могильника имеют круглую умбоновидную заднюю пластину, украшенную по краям полугорошинами, а в центре – высокосидящую пуговицу; передняя пластина может быть треугольной или трапециевидной формы. Различия проявляются в размерах, количестве соединительных жгутов, в технике и сложности исполнения.

Тип I. С одним–двумя жгутами.

Подтип а. Задняя бляха – малая умбоновидная бляшка с насечками по краю (рис. 7: 19).

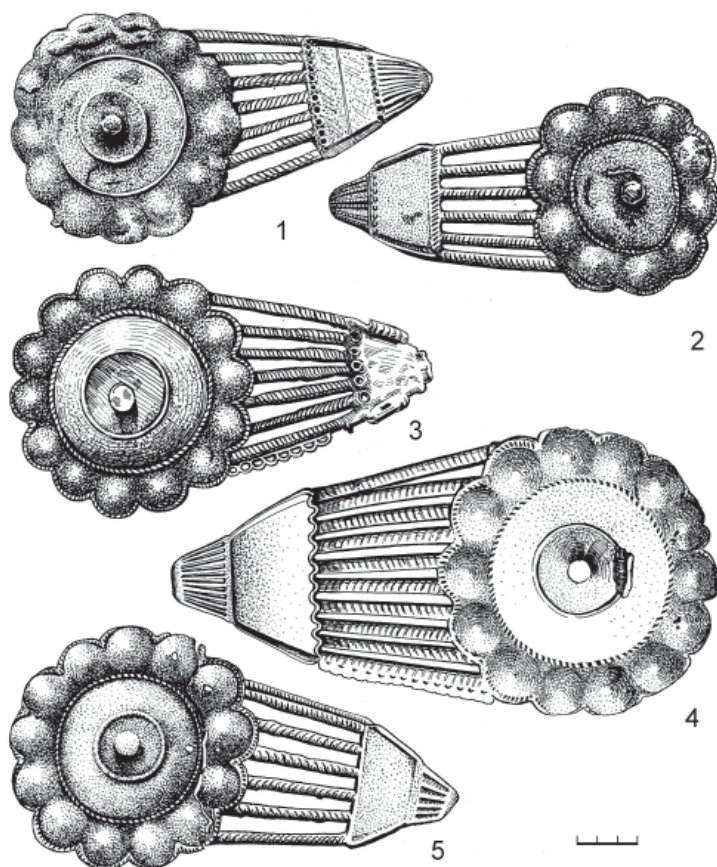

Рис. 6. Ныргындинский II могильник.

1–5 – эполетообразные застежки; бронза, железо.

Fig. 6. Nyrgynda II burial ground. 1–5 – epaulette-shaped fasteners; bronze, iron.

Подтип б. Слегка овальная задняя бляха с крестовидным перекрытием средней части (рис. 7: 20). Застежка составляет в длину всего 5,5 см, единственный экземпляр обнаружен в погребении 82. По мнению В.Ф. Геннинга, такие застежки представляют простейший тип.

Тип II. Передняя пластина треугольной формы.

Подтип а. С тремя соединительными жгутами (рис. 5: 1–3) (от застежки из погр. II сохранились только передняя пластина и фрагменты жгутов, рис. 5: 1). Эта форма задней бляхи появилась

у трехжгутовых застежек и не изменилась до конца пьяноборской эпохи.

Подтип б. Количество соединительных жгутов 5 и более.

Вариант 1. Пластина без украшений (рис. 5: 4).

Вариант 1. Края пластины украшены «псевдошнуром» (рис. 5: 5, 6).

Вариант 2. Пластина украшена по боковым краям полосками, вдоль основания трапеции и нижнего жгута – колечками (рис. 6: 3).

Тип III. Передняя пластина трапециевидной формы, усложняется декоративная сторона. Увеличиваются

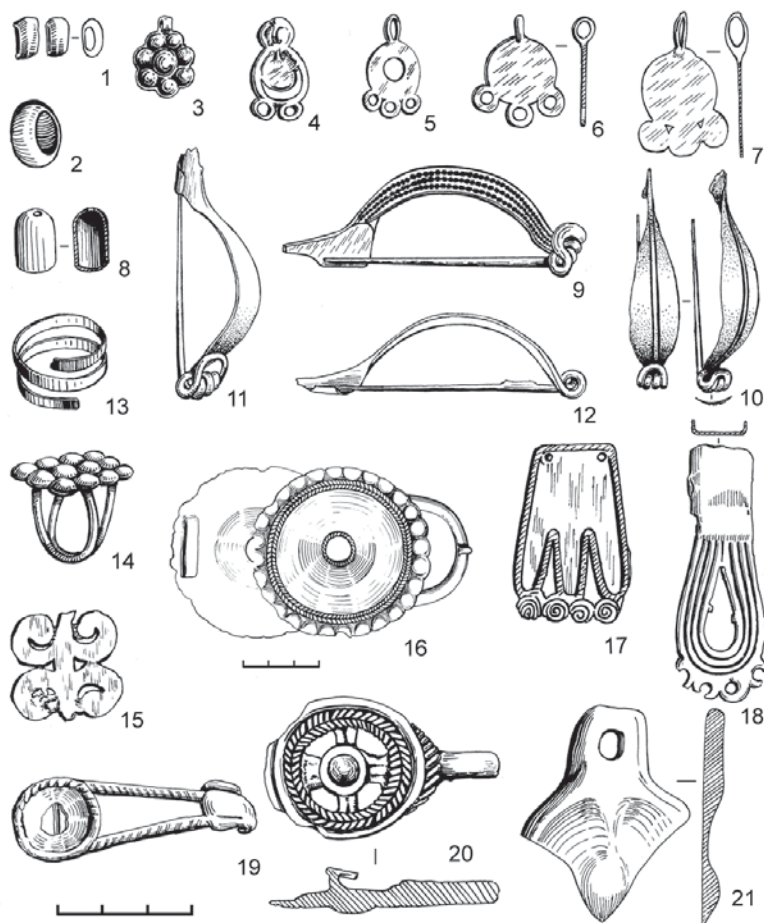

Рис. 7. Нырғындынський II моги́льник. 3–7 – шейніе підвески; 9–12 – фібулы; 13–14 – перстні; 16 – застібка з неподвижним крючком; 19–20 – еполетообразні застібки.

Fig. 7. The Nyrgynda II burial ground. 3–7 – cervical suspensions; 9–12 – fibulae; 13–14 – rings; 16 – clasp with a fixed crochet; 19–20 – epaulette-shaped fasteners.

размеры застібек: общая длина достигает 17–20 см.

Подтип а. Количество соединительных жгутов более 5.

Вариант 1. Трапеция окантована «псевдошнуром», вдоль нижнего жгута – полоска с колечками (рис. 5: 7).

Вариант 2. Трапеция украшена по краям насечками и колечками (рис. 6: 1, 2).

Вариант 3. Основание трапеции украшено волнистым орнаментом, вдоль нижнего жгута полоска как ва-

риант 1 (рис. 6: 4). Наиболее крупный экземпляр такой застібки (из п. 146) имеет длину 31 см, 10 соединительных жгутов и 14 полушарий.

Вариант 4. Трапеция без украшений (рис. 6: 5).

По мнению В.Ф. Генинга эполеетообразные застібки в их классическом виде являются специфической формой поясных застібек исключительно чегандинских племен (Генинг, 1970, с. 42).

Фібулы (4 экз., рис. 7: 9–12).

Тип I. Пружинные с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника.

Подтип а. Спинка подпрямоугольная.

Вариант 1. Гладкая, без декора (рис. 7: 11,12).

Вариант 2. Декорирована насечками (рис. 7: 9).

Подтип б. Листовидной формы (рис. 7: 10).

Поскольку полученный с могильника материал очень объемный, в данной статье представлены две первые категории украшений. Остальные украшения, оружие, предметы вооружения и удила предполагается рассмотреть в последующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Т. I, II. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012. 291, 138 с.
3. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) Ч. I. // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.
4. Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
5. Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 150–177.
6. Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
7. Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Нырғындынского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. № 1(7). С. 69–91.
8. Липтева Т.А. Эполетообразные застежки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. С. 128–155.
9. Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // Древности Нижнего Поволжья. Т. II / Материалы и исследования по археологии СССР. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. 293–307 с.
10. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1963. 55 с.
11. Худяков М.Г. Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: Типография «Печатный Двор», 1933. С. 15–19. Табл. IX–XI.

Информация об авторах:

Генинг Владимир Федорович (1924–1993), доктор исторических наук, профессор.
Журавлева Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); gal003@yandex.ru

CLASSIFICATION OF THE BURIAL COMPLEX OF BURIAL GROUND NYRYNDA II: CLASPS AND REMOVABLE DECORATIONS

V.F. Gening, G.N. Zhuravleva

Classification results of the adornment and suit accessories from the Nyrynda II burial ground are represented in the paper. The burial ground was investigated by A.A. Spitsyn (1898) and V.F. Gening (1954, 1968). In total, 268 excavated graves were classified by V.F. Gening as burial complexes of the Piany Bor era. He also made a preliminary description of the resulting artefacts. The adornment and suit accessories have been divided into three

categories by the authors. Based on the characteristic features, a clear division of the categories into types, subtypes, and variants was made. At the same time, scientific developments of researchers engaged in and dealing with such issues available today have been taken into account. This article presents only the first two adornment categories because the analyzed material of the burials has a large volume.

Keywords: archaeology, Udmurt Kama area, Pyany Bor community, Nyrgynda II burial ground, the 3rd century BC – 2nd century AD, classification, removable personal decorations, clasps.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Vorobeva, S. L. 2012. *Tipologiia elementov ubranstva kostiума kara-abyzskoi kul'tury epokhi rannego zheleza (Typology of the Wear Design Elements in the Early Iron Age Kara-Abyz Culture)*. Vol. I, II. PhD Diss. Ufa (in Russian).
3. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
4. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoii kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 150–177 (in Russian).
6. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoii arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
7. Zhuravleva, G. N. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 7 (1), 69–91 (in Russian).
8. Lapteva, T. A. 1995. In Goldina, R. D. (ed.). *Tipologiia i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt State University, 128–155 (in Russian).
9. Moshkova, M. G. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in Archaeology USSR)* 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 293–307 (in Russian).
10. Moshkova, M. G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)*. Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* D1-10. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
11. Khudiakov, M. G. 1933. In *Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spitsyna v 1898 g. (Antiquities of the Kama Area on the A. A. Spitsyn's Excavations in 1898)*. Series: *Proceedings of the State Academy for the History of Material Culture* 2. Leningrad: "Pechatnyi Dvor" Typography, 15–19, tabl. IX–XI (in Russian).

About the Authors:

Gening Vladimir F. (1924–1993), Doctor of Historical Sciences, Professor.

Zhuravleva Galina N. Candidate of Historical Sciences, docent. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; gal003@yandex.ru

Статья поступила в номер 13.01.2019 г.

УДК 572.08; 903'1; 314

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.164.179>**К ПАЛЕОДЕМОГРАФИИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹**

© 2019 г. В.В. Куфтерин, С.Л. Воробьева

В работе представлены данные к реконструкции палеодемографических особенностей населения пьяноборской культуры. Обсуждаются материалы из трех памятников (Ново-Сасыкульского, Ошкинского и ныргындинских погребений Тарасовского могильников), включающие в общей сложности останки 465 индивидов. Делается вывод, что серии из пьяноборских могильников характеризуются незначительной представленностью детских скелетов, малым количеством индивидов пожилого возраста и численным преобладанием женщин. Первое обстоятельство не позволяет адекватно оценивать уровень и структуру детской смертности. Наибольшее количество умерших среди пьяноборского населения приходится на возрастные интервалы 15–19 и 20–29 лет, что можно связать с периодом активной репродукции у женщин и временем наибольшей социальной активности у мужчин. Пьяноборские могильники, по всей видимости, были оставлены родовыми группами, состоявшими из больших семей, характеризовавшихся незначительной вероятностью роста численности. Такие особенности как слабая представленность детской выборки и небольшой процент дожития до финального возрастного интервала обуславливают специфику положения пьяноборских серий на фоне сравнительных материалов по эпохе раннего железа. Пьяноборские группы, оставившие обсуждаемые памятники, в целом характеризуются умеренно неблагоприятной демографической ситуацией, что находит подтверждение в занижении на фоне «эпохальных» тенденций ряда демографических параметров.

Ключевые слова: археология, антропология, палеодемография, ранний железный век, пьяноборская культура.

Первая попытка социо-демографических реконструкций жизни населения, оставившего памятники пьяноборской культуры², была предпринята В.Ф. Генингом в 1970 г. Приведя в пример исследования антрополога М.С. Акимовой на удмуртском языческом кладбище XVII в. у д. Аксакшур (Удмуртская АССР), где из 101 захоронения более 60 принадлежало детям в возрасте до 7 лет, он предположил, что «в пьяноборскую эпоху детская смертность была, вероятно, близка к приведенным примерам, составляя около 50% всех умерших» (Генинг, 1970, с. 117). Исходя

из того, что исследуемый им могильник Чеганда II функционировал пять столетий, общее число людей в роде, умерших за все это время могло составлять 800 человек. Расчет площади городищ позволил автору сделать вывод о том, что на одном городище площадью от 5 до 15 тыс. кв. м находилось от 6–10 до 20–25 одновременных жилищ. По его реконструкции, одна патриархальная семья, численностью 20–25 человек, была расселена минимум в двух жилищах. Общая численность родовой общины, при этом, могла составлять 40–50 человек (Генинг, 1970).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника)»).

Б.Б. Агеев утверждал, что могильники пьяноборской культуры оставлены крупными объединениями – родами; группы погребений, выделяемых на них можно отнести к большим семьям. Численность большой семьи, которую он рассчитал по формуле В.Ф. Генинга, составляла 20–25 человек (Агеев, 1992, с. 95). Отметим, что в работах В.Ф. Генинга и Б.Б. Агеева антропологические определения обсуждаемого материала отсутствуют.

Следующим этапом в развитии палеодемографических исследований пьяноборской культуры стала диссертационная работа Г.Н. Журавлевой (Журавлева, 1995, 2002). Автор на основе изучения метрических книг и исповедных росписей Удмуртии конца XVIII–XIX вв. и позднеудмуртских могильников XVI–XVIII вв. предложила демографическую модель первобытного общества, которая была экстраполирована на могильники пьяноборской культуры. Численность каждой общины, по мнению автора, составляла 21–30 человек. Один могильник мог быть местом захоронения членов одной большой семьи, но не рода (Журавлева, 1995, с. 20–21; 2002, с. 153–154).

В последующих работах Г.Н. Журавлевой уже на основе антропологических данных осуществлена половозрастная характеристика Тарасовского могильника (Журавлева, Пешкина, 2007; Журавлева, 2008). Исследователь приводит сведения о продолжительности жизни населения, его распределении по возрастным группам, определяет уровень детской смертности, подчеркивая, что в пьяноборских могильниках обнаружено малое количество погребений детей. Последний тезис подтверждает точку

зрения В.Ф. Генинга о существовании для этой возрастной группы особого обряда захоронения (Генинг, 1970, с. 115–116; Журавлева, Пешкина, 2007, с. 85).

Таким образом, к настоящему времени демографические реконструкции для пьяноборского населения базировались в основном на материале письменных и вещественных источников. Единственным исключением являлись данные по Тарасовскому могильнику в Среднем Прикамье. В настоящей работе представляются материалы к палеодемографической характеристике пьяноборского населения с опорой на антропологический источник. Отметим, что, несмотря на скептическое отношение ряда авторов к самой возможности осуществления палеодемографического анализа (Vocquet-Appel, Masset, 1982), палеодемографический подход, с известными ограничениями, предоставляет ценные сведения о степени адаптивности населения к средовым условиям, а его правомерность подтверждается прямым сравнением данных о смертности, полученных при изучении материалов погребений, и сведений метрических записей (Piontek, 2001).

Материалы и методы

В основу исследования положены материалы трех могильников пьяноборской культуры: Ново-Сасыкульского в Нижнем Прикамье, I–III вв. н. э. (Бакалинский район Республики Башкортостан) (Васюткин, Калинин, 1986), Ошкинского в бассейне р. Вятки, конец I–III вв. н. э. (Уржумский район Кировской области) (Лещинская, 2014) и погребения ныргындинской стадии (I–II вв. н. э.) Тарасовского могильника в Среднем Прикамье (Сарапульский район Удмуртской

Республики) (Голдина, 2004; Голдина, Бернц, 2016). В общей сложности учтены останки 465 погребенных (131 на Ново-Сасыкульском, 28 – на Ошкинском и 306³ – на Тарасовском могильниках). Половозрастные определения для серии из Ново-Сасыкульского могильника выполнены В.В. Куфтериным (Куфтерин, в печати), для Ошкинского и Тарасовского могильников – Г.В. Рыкушиной (Голдина, 2004; Лещинская, 2014). В анализе использованы лишь те материалы, для которых произведено надежное установление половозрастной принадлежности для взрослых и возрастной – для детских скелетов.

Исследовательские процедуры включали расчет основных палеодемографических параметров: среднего возраста смерти (A), среднего возраста умерших без учета детей (AA), процента детской смертности (PCD), процента индивидов старше 50 лет (C50+), процентного соотношения полов (PSR), а также вычисление показателей таблиц смертности (дожития). В последнем случае использованы классические принципы и методики расчетов параметров со строгим разбиением по пятилетним возрастным интервалам и последующим выравниванием методом скользящей средней (Алексеева и др., 2003, с. 21; Acsadi, Nemeskeri, 1970; Weiss, 1973). Демографические кривые построены с использованием пакета MS Excel. При выполнении ряда расчетов применялась компьютерная программа Д.В. Богатенкова.

С целью оценки меры приспособленности группы к средовым факторам для серии из Ново-Сасыкульского могильника дополнительно рассчитаны показатели нормы репродуктив-

ности (R_0) и индекса биологического состояния (I_{bs}) (Henneberg, 1976).

При межгрупповом сопоставлении использовано шесть палеодемографических характеристик: средний возраст смерти мужского и женского населения (AAm и AAf), процент детской смертности (PCD), процентное соотношение полов (PSR, в данном случае представительность мужской выборки – PSRm), процент мужчин и женщин в финальной возрастной когорте (C50+m и C50+f). В качестве сравнительных данных, помимо пьяноборских серий (Ново-Сасыкульский, Ошкинский могильники, ныргындинские погребения Тарасовского могильника), использованы следующие материалы: ранние и средние сарматы Нижнего Поволжья (могильники Первомайский, Калиновка, Бережновка, Аксай, Старица, Авиловский II, Перегрузное I) (Балабанова, 2009); средние и поздние сарматы Кобяковского могильника в Нижнем Подонье (Батиева, 2006); данные по Исаковскому I и Абатскому 3 могильникам, а также сборным сериям саргатской общности (Матвеева, 1999; Ражев, 2009); суммарная серия тагарской культуры (Гришкин Лог, Туран I–III) (Козинцев, 1971); данные по могильникам Лебеди III (меотский круг памятников) (Романова, 1986) и Николаевка-Казацкое (поздние скифы) (Кондукторова, 1979), а также джетыасарская серия из могильника Косасар 2 (Медникова, Бужилова, 1993). В ряде случаев была произведена корректировка данных при построении таблиц смертности с учетом открытого финального интервала 50+. Межгрупповой анализ проводился с использованием факторного (по методу главных компонент) и канониче-

Таблица 1

Основные палеодемографические характеристики погребенных на могильниках пьяноборской культуры*

Признак	Ново-Сасыкульский			Ошкинский			Тарасовский (ныргындинская стадия)		
	Суммарно	♂	♀	Суммарно	♂	♀	Суммарно	♂	♀
N	131,0	53,0	60,0	28,0	10,0	11,0	306,0	84,0	170,0
A	27,3	-	-	26,7	-	-	24,3	-	-
AA	30,5	32,1	29,1	32,9	36,3	29,8	27,8	28,7	27,3
PCD	13,7	-	-	25,0	-	-	17,0	-	-
C50+	3,4	3,4	4,3	7,1	20,0	0,0	2,6	3,9	2,8
PSR	-	46,9	53,1	-	47,6	52,4	-	33,1	66,9

* Источники данных: Ново-Сасыкульский – данные В.В. Куфтерина (Куфтерин, 2018); Ошкинский – Лещинская, 2014, с. 39–40, табл. IV (расчеты В.В. Куфтерина); Тарасовский – Голдина, 2004 (расчеты В.В. Куфтерина).

ского дискриминантного анализ в пакете программ STATISTICA.

Результаты и обсуждение

Основные палеодемографические параметры для серий пьяноборской культуры представлены в табл. 1. Обращает на себя внимание общее сходство демографического профиля рассматриваемых групп, заключающееся в слабой представленности детских скелетов (и, соответственно, низком реконструируемом уровне детской смертности), незначительном проценте людей, доживших до финального возрастного интервала и численном преобладании женских скелетов (особенно явно для серии из Тарасовского могильника). Показатели AA, PCD и C50+ заметно отличаются от «эпохальных» для раннего железного века значений в сторону существенного уменьшения параметров (Богатенков, 2003, с. 83). В то же время величина среднего возраста смерти, за исключением такового в Тарасовском могильнике, заметных отклонений от «эпохальных» тенденций не демонстрирует. Отметим, что демографические параметры ныргындинских погребений Тарасовского могильника близки к таковым для этого памятника в целом, несколько отличаясь в сторо-

ну уменьшения величин показателей (Журавлева, 2008).

Анализ таблиц смертности (табл. 2), а также рассмотрение графического отображения процентного соотношения умерших (рис. 1) и кривой вероятности смерти (рис. 2) для пьяноборских могильников позволяют сделать следующие заключения. Процентное распределение смертных случаев (dx) демонстрирует, что наибольшее количество умерших в Ново-Сасыкульском и Ошкинском могильниках приходится на интервал 25–29 лет. В ныргындинских погребениях Тарасовского могильника ситуация иная – пик смертности наблюдается в когорте 15–19 лет. Для женского населения в качестве основного фактора смертности логичнее всего рассматривать высокую репродуктивную нагрузку. Для мужского в качестве такового могло выступать участие в боевых действиях, что косвенно подтверждается характером распределения черепных травм в серии из Ново-Сасыкульского могильника (Куфтерин, 2018). Смещение количества смертных случаев к более раннему интервалу в Тарасовской серии, с одной стороны, может свидетельствовать о практике более раннего

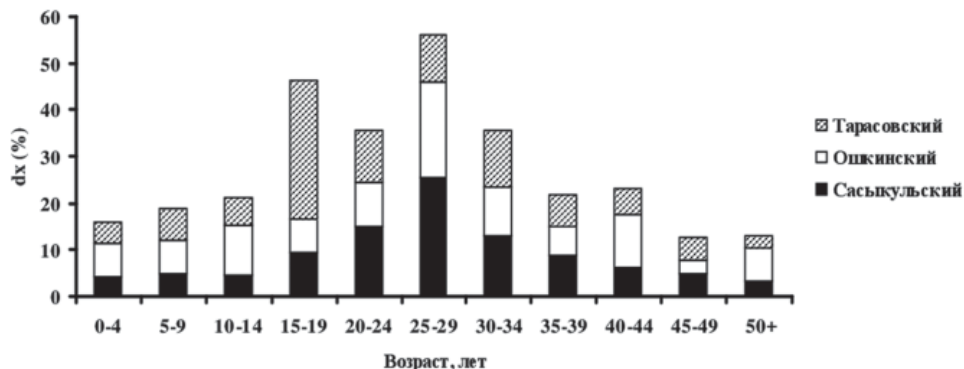

Рис. 1. Процентное распределение смертных случаев (dx) в сериях из могильников пьяноборской культуры.

Fig. 1. Number of dead (dx) for Pyany Bor culture cemeteries (combined sexes).

вступления в брачный возраст, но с другой, рациональнее объяснять этот факт значительным численным преобладанием женщин в этой группе, что не могло не повлиять на «поведение» общих демографических показателей. Все три выборки характеризуются незначительной представленностью детских погребений и малым числом индивидов, доживших до финального возрастного интервала. Кривые

вероятности смерти (qx) подтверждают приведенные наблюдения – Тарасовская серия характеризуется пиком в интервале 15–19 лет, Ошкинская и Ново-Сасыкульская – в 25–29 лет. В дальнейшем вероятность смерти в Тарасовской и Ново-Сасыкульской сериях довольно равномерно повышается с возрастом, а наличие пика в интервале 40–44 года и «спадов» в предшествующем и последующем ин-

Таблица 2

Показатели таблиц смертности погребенных на могильниках пьяноборской культуры*

Возраст	Ново-Сасыкульский			Ошкинский			Тарасовский (ныргындинская стадия)		
	lx	qx	Ex	lx	qx	Ex	lx	qx	Ex
0–4	100,0	0,04	27,36	100,0	0,07	26,69	100,0	0,05	24,40
5–9	95,80	0,05	23,45	92,86	0,08	23,56	95,26	0,07	20,50
10–14	90,84	0,05	19,59	85,72	0,12	20,31	88,40	0,07	16,89
15–19	86,26	0,11	15,50	75,01	0,09	17,86	85,52	0,35	12,38
20–24	76,72	0,19	12,12	67,87	0,14	14,47	52,85	0,21	13,48
25–29	61,83	0,41	9,44	58,33	0,35	11,43	41,84	0,24	11,37
30–34	36,26	0,36	9,33	38,08	0,27	11,18	31,71	0,38	9,21
35–39	23,28	0,38	8,14	27,69	0,23	9,44	19,65	0,35	8,32
40–44	14,50	0,42	6,55	21,44	0,54	6,46	12,85	0,42	6,40
45–49	8,39	0,60	4,49	9,83	0,27	6,14	7,46	0,66	4,22
50+	3,35	1,00	2,50	7,15	1,00	2,50	2,56	1,00	2,50

* Источники данных: Ново-Сасыкульский – данные В.В. Куфтерина; Ошкинский – Лещинская, 2014, с. 39–40, табл. IV (расчеты В.В. Куфтерина); Тарасовский – Голдина, 2004 (расчеты В.В. Куфтерина).

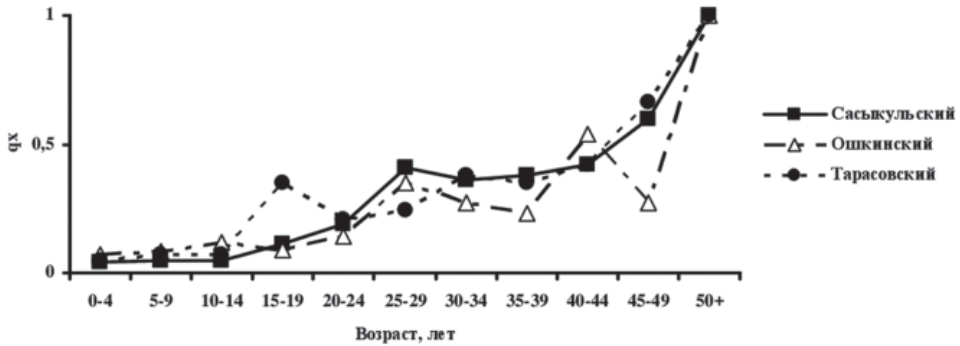

Рис. 2. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) в сериях из могильников пьяноборской культуры.

Fig. 2. Probability of dying (qx) for Pyany Bor culture cemeteries (combined sexes).

тервалах в Ошкинской серии, вероятно, является артефактом, обусловленным малочисленностью этой группы. Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения E_{15} во всех трех могильниках значительно ниже «эпохальных» значений (Богатенков, 2003, с. 83). Показатели E_0 и E_{15} для ныргындинских погребений Тарасовского могильника несколько ниже таковых для общей серии из этого памятника (Журавлева, 2008, с. 450).

Важным вопросом представляется определение численности групп, единовременно (ежегодно) составлявших общины, оставившие обсуждаемые могильники. Г.Н. Журавлевой (1995, с. 19) для этих целей был опробован способ, базирующийся на формуле:

$$L_p = \frac{L_x \times n_x}{t}, \text{ где}$$

L_x – среднее число людей, живущих в данном возрастном интервале; n_x – общее число захороненных на могильнике; t – количество лет функционирования могильника.

На основании этой формулы была произведена следующая реконструкция численности общин по пьянобор-

ским (чегандинским) могильникам: Чеганда II – 21,03 человек, Ныргында I – 24,5, Ныргында II – 21,8, Афоново – 30,1 (Журавлева, 1995, с. 20). На основании данных реконструкций автор постулирует тезис о том, что социально-экономической основой пьяноборского общества выступала большая патриархальная семья (см. выше). Для Тарасовского могильника аналогичный показатель составил величину 155 человек (Журавлева, 2008, с. 449). Отметим, что первоначально исследователем было предложено деление на возрастные группы, существенно отличающиеся от принятого в классической демографии строгого разбиения по пятилетним интервалам (Журавлева, 1995, с. 11–12, 20). Аналогичные расчеты, проведенные нами для серии из Ново-Сасыкульского могильника дали величину L_p 21,98 человек.

Подчеркнем, что такие цифры представляются не вполне убедительными, с учетом того, что даже реконструируемая численность групп, например раннебронзового века Ставрополя (ямная культура), фиксировалась в пределах 33–41 человека, чего

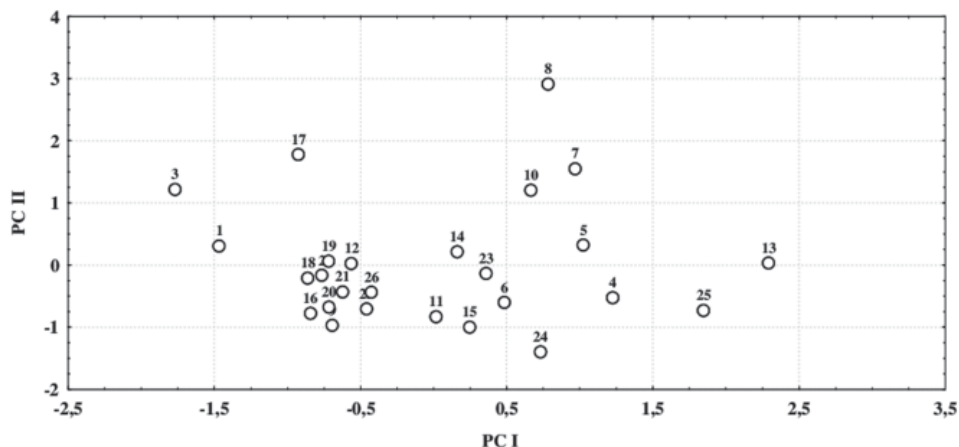

Рис. 3. Распределение сравниваемых серий в пространстве I (PC I) и II (PC II) главных компонент, рассчитанных на основе шести палеодемографических характеристик (ротация Varimax normalized). Обозначения могильников и групп: 1 – Ново-Сасыкульский; 2 – Ошкинский; 3 – Тарасовский (ныргындинская стадия); 4 – Первомайский (раннесарматская группа); 5 – Первомайский (среднесарматская группа); 6 – Калиновка (раннесарматская группа); 7 – Калиновка (среднесарматская группа); 8 – Бережновка (раннесарматская группа); 9 – Бережновка (среднесарматская группа); 10 – Аксай (раннесарматская группа); 11 – Аксай (среднесарматская группа); 12 – Старица (раннесарматская группа); 13 – Старица (среднесарматская группа); 14 – Авиловский II (раннесарматская группа); 15 – Перегрузное I (раннесарматская группа); 16 – Перегрузное I (среднесарматская группа); 17 – Кобяковский (средне- и позднесарматская группы); 18 – Исаковка 1; 19 – Абатский 3; 20 – раннесаргатские могильники (суммарно); 21 – средне- и позднесаргатские могильники (суммарно); 22 – саргатская культура (суммарно); 23 – тагарская культура (Гришкин Лог, Туран I–III); 24 – Лебеди III; 25 – Николаевка-Казачкое; 26 – Косасар 2. Источники данных: 1 – данные авторов; 2 – Лещинская, 2014 (расчеты В.В. Куфтерина); 3 – Голдина, 2004 (расчеты В.В. Куфтерина); 4–16 – Балабанова, 2009; 17 – Багиева, 2006; 18–21 – Матвеева, 1999; 22 – Ражев, 2009; 23 – Козинцев, 1971; 24 – Романова, 1986; 25 – Кондукторова, 1979; 26 – Медникова, Бужилова, 1993.

Fig. 3. Distribution of compared samples in the space of principal components I and II, based on the six paleodemographic parameters (Varimax normalized rotation). Notation: 1 – Novo-Sasykul; 2 – Oshki; 3 – Tarasovo (Nyrgynda stage); 4 – Pervomaisky (Early Sarmatians); 5 – Pervomaisky (Middle Sarmatians); 6 – Kalinovka (Early Sarmatians); 7 – Kalinovka (Middle Sarmatians); 8 – Berezhnovka (Early Sarmatians); 9 – Berezhnovka (Middle Sarmatians); 10 – Aksay (Early Sarmatians); 11 – Aksay (Middle Sarmatians); 12 – Staritsa (Early Sarmatians); 13 – Staritsa (Middle Sarmatians); 14 – Avilovsky II (Early Sarmatians); 15 – Peregruznoe I (Early Sarmatians); 16 – Peregruznoe I (Middle Sarmatians); 17 – Kobyakovo (Middle and Late Sarmatians); 18 – Isakovka 1; 19 – Abatsky 3; 20 – Early Sargatka cemeteries; 21 – Middle and Late Sargat cemeteries; 22 – Sargat culture (in total); 23 – Tagar culture (Grishkin Log, Turan I–III); 24 – Lebedi III; 25 – Nikolayevka-Kazatskoye; 26 – Kosasar 2. Sources: 1 – unpublished author's data; 2 – Leshchinskaya, 2014 (calculations by V.V. Kufterin); 3 – Goldina, 2004 (calculations by V.V. Kufterin); 4–16 – Balabanova, 2009; 17 – Batiyeva, 2006; 18–21 – Matveeva, 1999; 22 – Razhev, 2009; 23 – Kozintsev, 1971; 24 – Romanova, 1986; 25 – Konduktorova, 1979; 26 – Mednikova, Buzhilova, 1993.

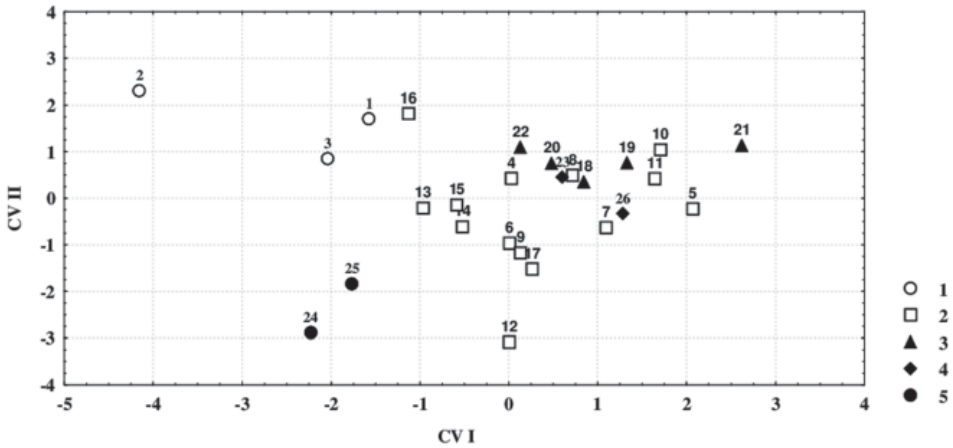

Рис. 4. Распределение сравниваемых серий по культурным группам в пространстве I (CV I) и II (CV II) канонических векторов: 1 – пьяноборская культура; 2 – сарматская культура; 3 – саргатская культура; 4 – тагарская и джетыясарская культуры; 5 – скифские и меотские могильники. Обозначения групп те же, что на рис. 3.

Fig. 4. Distribution of cultural groups in the space of canonical vectors I and II: 1 – Pyany Bor culture; 2 – Sarmatian culture; 3 – Sargat culture; 4 – Tagar and Jetyasar cultures; 5 – Scythian and Meotian cemeteries. The numbers of samples are the same as in Fig. 3.

было явно недостаточно для замкнутого воспроизводства населения (Романова, 1989, с. 74, 76).

В связи с изложенным, для определения средней ежегодной численности группы более обоснованным представляется способ Д. Ачади и Я. Немешкери, основанный на взаимозависимости данного параметра с общим числом погребений на могильнике, временем его функционирования и величиной ожидаемой продолжительности жизни новорожденных. Формула расчета следующая:

$$P = k + \frac{D \times E_0}{t}, \text{ где}$$

D – общее число погребений; E_0 – ожидаемая продолжительность жизни новорожденных; t – время функционирования могильника; k – поправочный коэффициент, принимаемый за величину 10% от t (Acscadi, Nemeskeri, 1970, p. 65–66). Расчеты по способу

Ачади–Немешкери дали следующие ежегодные численности групп, оставшихся обсуждаемые могильники: Ново-Сасыкульский – 68,1 (при величине E_0 равной 27,36) и 57,1 (при E_0 равной 19,46 – с поправкой на 30%-й уровень младенческой смертности); Ошкинский – 32,5; Тарасовский (ныргындинская стадия) – 57,3. Подобные величины представляются более обоснованными с учетом данных, полученных В.Ф. Генингом с опорой на археологические источники (Генинг, 1970).

Рассмотрение табл. 3 позволяет заключить, что пьяноборские группы (по меньшей мере, Ново-Сасыкульская), обладали незначительным ростовым потенциалом и могли увеличивать свою численность при условии полного семейного размера (U_c) не менее 9–10 человек. Отметим, что в данном случае, ввиду слабой представленности детских и младенческих

Таблица 3

Значения показателей R_0 и I_{bs} для некоторых групп эпохи раннего железа

Серия, датировка	R_0 при величине U_c			d_{0-14}	R_{pot}	I_{bs}
	7	8	10			
Ново-Сасыкульский, I–III вв. н.э.*	0,81	0,92	1,16	0,34*	0,68	0,45
Интерциза, Бригедиио (Паннония), I–IV вв. н.э.**	1,50	1,72	2,15	0,36	0,68	0,43
Валахи, IV в. н.э.**	1,40	1,60	2,00	0,29	0,56	0,40
Кестхей, Добого, позднеримское время**	2,10	2,40	3,00	0,28	0,83	0,60

* Вычислено с учетом 30%-го уровня младенческой смертности (PBD).

** Данные взяты из работы М. Henneberg (1976, p. 45).

погребений в материалах этого могильника, при расчетах использована поправка на 30%-й уровень младенческой смертности (с учетом изменчивости общемировых межгрупповых показателей) (Романова, 1989, с. 70; Weiss, 1973). Величина индекса биологического состояния (I_{bs}), впрочем, как и другие показатели, за исключением R_0 , близки к таковым групп первых веков нашей эры с территории Венгрии и Румынии и свидетельствуют об умеренно неблагоприятной демографической ситуации.

Коэффициенты корреляции основных палеодемографических характеристик для сравниваемых серий эпохи раннего железа (табл. 4) демонстрируют ожидаемую связь количества пожилых мужчин и женщин со средним возрастом смерти (за исключением связи между средним возрастом смерти женщин и процентом мужчин в финальной возрастной когорте). Положительная достоверная корреляция фиксируется между количеством пожилых мужчин и женщин. Процент детской смертности положительно связан со средним возрастом смерти мужчин и женщин: при увеличении количества детских погребений в могильнике, увеличивается средний возраст смерти взрослого населения. Последний факт косвенно может свидетельствовать об удлинении репро-

дуктивного периода. Процентное соотношение полов не зависит от всех остальных признаков. Следует отметить, что сходное распределение коэффициентов корреляции было получено А.В. Громовым с соавторами при анализе демографической структуры меотских могильников (Громов и др., 2015, с. 162).

В результате анализа главных компонент (ГК) выделены две ГК с собственным числом больше единицы, которые подверглись ротации методом нормализованного варимакса (табл. 5). Первая ГК, описывающая половину изменчивости, характеризуется высокими положительными нагрузками на признаки AAm, AAf и C50+f (нагрузки на признаки PCd и C50+m также значительны). Вторая ГК (около 19% изменчивости) определяется высокой отрицательной нагрузкой на показатель PSRm. В графическом пространстве ГК (рис. 3), серии из Ново-Сасыкульского и Тарасовского могильников занимают крайнее положение на отрицательном полюсе по ГК I, характеризуясь низкими величинами средней продолжительности жизни взрослого населения, малым количеством пожилых людей и слабой представленностью детских погребений. Серия из Ошкинского могильника по ГК I сближается с рядом сарматских и

Таблица 4

Коэффициенты корреляции основных палеодемографических характеристик для сравниваемых серий эпохи раннего железа*

Признак	AAm	Aaf	PCD	PSRm	C50+m
Aam	-	-	-	-	-
Aaf	0,70	-	-	-	-
PCD	0,47	0,48	-	-	-
PSRm	-0,14	-0,13	0,13	-	-
C50+m	0,50	0,34	0,17	0,17	-
C50+f	0,59	0,78	0,29	-0,04	0,60

* Курсивом выделены статистически значимые величины коэффициентов корреляции при $p < 0,05$.

саргатских групп, отличаясь от двух других пьяноборских выборок некоторым повышением величин признаков с наибольшими нагрузками. По ГК II полярные положения занимают серия ранних сармат из Бережновки и меотская серия из могильника Лебеди III – первая характеризуется очень малым, а вторая – большим количеством погребенных мужчин.

Канонический дискриминантный анализ, проведенный с учетом культурной атрибуции сравниваемых серий («пьяноборцы», сарматы, «саргатцы», «другие группы») – тагарская и джетыасарская культуры, скифы и меоты) показал, что первый канонический вектор (КВ) наиболее скоррелирован со средним возрастом смерти женщин, количеством мужчин в

погребениях и, с обратным знаком, с количеством пожилых людей и процентом детской смертности (49,8% изменчивости) (табл. 6). Второй КВ (31,9% изменчивости) отрицательно связан с показателем C50+f. Третий КВ, впрочем, описывающий лишь около 15% изменчивости, положительно связан со средним возрастом смерти женщин и отрицательно – с возрастом смерти мужчин, а также их представленностью в погребениях. Сопоставление серий по культурным группам, очевидно, выявляет несколько другие закономерности варьирования признаков, чем при анализе отдельных памятников без учета культурной принадлежности. В графическом пространстве КВ I и II (рис. 4) к пьяноборским группам

Таблица 5

Элементы главных компонент для сравниваемых серий эпохи раннего железа по шести основным палеодемографическим характеристикам (ротация Varimax normalized)*

Признак	ГК I	ГК II
Aam	0,855	0,134
Aaf	0,879	0,185
PCD	0,580	0,169
PSRm	-0,042	-0,957
C50+m	0,656	-0,364
C50+f	0,864	0,015
Собственные числа	3,02	1,13
Доля в общей дисперсии (%)	50,35	18,85

* Курсивом выделены величины наибольших нагрузок.

Таблица 6

Элементы первых трех канонических векторов для сравниваемых серий эпохи раннего железа по шести основным палеодемографическим характеристикам

Признак	КВ I	КВ II	КВ III
Aam	0,564	-0,344	-0,911
Aaf	1,406	0,087	1,047
PCD	-0,693	-0,295	-0,286
PSRm	0,918	-0,217	-0,677
C50+m	-0,752	-0,271	0,291
C50+f	-0,849	-0,609	-0,139
Доля в общей дисперсии (%)	49,82	31,89	15,17

примкнула серия средних сарматов из могильника Перегрузное I, выделяющаяся малой представленностью детских скелетов и низким процентом индивидов в финальных возрастных когортах. Специфика пьяноборских групп, тяготеющих к левой верхней части графика, на фоне сравниваемых серий, заключается в незначительном количестве останков индивидов пожилого возраста и детей. Серия из Ошкинского могильника и здесь занимает своеобразное положение, что, не в последнюю очередь, может быть связано с ее малочисленностью.

Заключение

Полученные результаты позволяют предложить следующие реконструкции палеодемографической ситуации для памятников пьяноборской культуры:

1. Материалы из пьяноборских могильников характеризуются незначительной представленностью детских скелетов, что, очевидно, не позволяет проводить прямую оценку уровня и структуры детской смертности (для части этой возрастной группы, по видимому, действительно существовал особый обряд захоронения).

2. Взрослые выборки пьяноборской культуры выделяются незначительным количеством индивидов в финальных возрастных интервалах, низкими значениями ожидаемой про-

должительности жизни и численным преобладанием женского населения в скелетных сериях из могильников.

3. Пики смертности среди пьяноборского населения приходятся на возрастные интервалы 15–19 и 20–29 лет, что можно связать с периодом активной репродукции (и соответствующими нагрузками) у женщин и временем наибольшей социальной активности (участие в боевых столкновениях?) у мужчин.

4. Пьяноборские могильники, по видимому, были оставлены большими родовыми группами, состоявшими из больших семей, обладавших незначительной вероятностью роста численности. Данный тезис в значительной степени корреспондирует с выводами В.Ф. Генинга и Б.Б. Агеева, полученными с опорой на анализ археологических источников.

5. В плане межгруппового сопоставления специфика пьяноборских групп заключается в отмеченных выше тенденциях – слабой представленности детей и индивидов пожилого возраста, что обуславливает их довольно обособленное положение на фоне других серий эпохи раннего железа.

Результаты демографического анализа дают возможность заключить, что пьяноборские группы характеризуются умеренно неблагоприят-

ной демографической ситуацией и, по-видимому, находились под воздействием определенного генерализованного стресса. Последнее проявляется в занижении на фоне «эпохальных» значений целого ряда демографических параметров. Данный вывод, безусловно, нуждается в подкреплении палеопатологическими данными.

Примечания:

² Под «пьяноборской культурой» в данной работе понимается «совокупность памятников рубежа нашей эры, локализующихся на территории Удмуртского Прикамья, нижнего течения р. Белой и бассейна р. Ик» (Бугров, 2000, с. 116). Хронологические рамки пьяноборской культуры определены II в. до н.э. – III в. н.э. (Зубов, 2009, с. 255).

³ В отличие от исследований Г.Н. Журавлевой (Журавлева, Пешкина, 2007; Журавлева, 2008), в данной работе рассматривается группа только ранних погребений Тарасовского могильника, датировемых I–II вв. н. э. (ныргиндинская стадия по Р.Д. Голдиной) (Голдина, Бернц, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 132 с.
3. Балабанова М.А. Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История. 2009. № 1 (15). С. 5–12.
4. Батиева Е.Ф. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии / OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5 / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2006. С. 53–72.
5. Богатенков Д.В. Палеодемография некрополя Мистихали // Glasnik Anthropologskog Drustva Jugoslavije. 2002. Sv. 37. S. 71–95.
6. Бугров Д.Г. Памятники пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья: итоги и перспективы изучения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2000. С. 116–119.
7. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
8. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) Ч. I. // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.
9. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
10. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
11. Громов А.В., Казарницкий А.А., Лунёв М.Ю. Меотские могильники: палеодемография и краниология // Записки ИИМК РАН. Вып. 12 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 156–175.
12. Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 22 с.
13. Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Социально-исторические и методо-

логические проблемы древней истории Прикамья / Отв. ред. В.И. Бацекало. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. С. 131–156.

14. Журавлева Г.Н. Тарасовский могильник как источник для изучения демографических процессов и структуры населения Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2008. С. 446–452.

15. Журавлева Г.Н., Пешкина В.А. Половозрастные характеристики населения Среднего Прикамья по материалам Тарасовского могильника I–V вв. н.э. // Пермские финны: археологические культуры и этносы / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 82–87.

16. Зубов С.Э. Пьяноборская культура (II в. до н.э. – пер. пол. III в. н.э.) // История башкирского народа в 7-и томах / Гл. ред. М.М. Кулышарипов. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 255–267.

17. Козинцев А.Г. Демография тагарских могильников // СЭ. 1971. № 6. С. 148–152.

18. Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.: Наука, 1979. 127 с.

19. Куфтерин В.В. К палеодемографии Ново-Сасыкульского могильника // Этнос. Общество. Цивилизация: Пятое Кузеевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 27–28 сентября 2018 г.) / Гл. ред. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал. Уфа: Диалог, 2018. С. 373–380.

20. Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.

21. Матвеева Н.П. Материалы к палеодемографической характеристике саргатской общности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 87–97.

22. Медникова М.Б., Бужилова А.П. Палеодемографический анализ по материалам могильника Косасар 2 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Ч. 2. Могильники Томпакасар и Косасар / Отв. ред. С.А. Трудновская. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 267–276.

23. Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

24. Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа / Отв. ред. И.С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 195–203.

25. Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // ВА. 1989. Вып. 82. С. 67–77.

26. Acsadi Gy., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. 346 p.

27. Bocquet-Appel J.-P., Masset C. Farewell to paleodemography // Journal of Human Evolution. 1982. No. 11. P. 321–333.

28. Henneberg M. Reproductive possibilities and estimations of the biological dynamics of earlier human populations // Journal of Human Evolution. 1976. No. 5. P. 41–48.

29. Piontek J. Paleodemography and taphonomy // Archaeologia Polona. 2001. Vol. 39. P. 55–74.

30. Weiss K.M. Demographic models for anthropology // American Antiquity. 1973. Vol. 38. P. 1–186.

Информация об авторах:

Куфтерин Владимир Владимирович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); научный сотрудник временного творческого коллектива, Башкир-

ский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); vladimirkufterin@mail.ru

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); научный сотрудник временного творческого коллектива, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

ON THE PALEODEMOGRAPHY OF PYANY BOR CULTURE

V.V. Kufterin, S.L. Vorobyeva

The paper outlines data for the reconstruction of paleodemographic structure of the Pyany Bor culture. Totally three samples (Novo-Sasykul, Oshki cemeteries and Nyrgynda stage burials of Tarasovo burial ground), including skeletal remains of 465 individuals, are discussed. The conclusion is that the Pyany Bor samples are characterized by a low number of subadult skeletons and elderly individuals, as well as the numerical predominance of females. The first circumstance does not allow to adequately assess the level and structure of child mortality. The highest mortality rate among the Pyany Bor population is at the age of 15–19 and 20–29 years, which may be related to the period of active reproduction in females and the period of high social activity in males. Pyany Bor cemeteries, apparently, were left by generic groups, consisting of large families, characterized by a low reproductive potential. Such parameters as the weak representativeness of subadults and a low percentage of elderly individuals determine the specifics of the Pyany Bor samples against the background of comparative materials on the Early Iron Age. The Pyany Bor groups are generally characterized by a moderately unfavorable demographic situation, which is confirmed by an underestimation, against a background of “epochal” tendencies, of some demographic parameters.

Keywords: archaeology, physical anthropology, paleodemography, Early Iron Age, Pyany Bor culture.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaia, G. V. 2003. *Vlaxhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolia Mistikhali) (The Vlaxhs. Anthropological - Ecological Research (on Materials from the Medieval Necropolis of Mistikhaly))*. Moscow: “Nauchnyi mir” Publ. (in Russian).
3. Balabanova, M. A. 2009. In *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriiia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 1 (15), 5–12 (in Russian).
4. Batiava, E. F. 2006. In Mednikova, M. B. (ed.). Artificial deformation of human head in Eurasian past. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology)* 5. Moscow: Institute of Archaeology RAS (5), 53–72 (in Russian).
5. Bogatenkov, D. V. 2003. In *Glasnik Antropoloskog Društva Jugoslavije* (37), 71–95 (in Russian).
6. Bugrov, D. G. 2000. In Goldina, R. D. (ed.). *Rossiiskaia arkheologiia: dostizheniia XX i perspektivy XXI vv. (Russian Archaeology: Achievements of the the 20th and Prospects of the 21st Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University, 2000. S. 116–119 (in Russian).
7. Vasiutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1986. In Pshenichniuk, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v nizov'iax Beloi (Archaeological Investigations on the Lower Belaya)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 95–122 (in Russian).

The present project was funded by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 18-39-00113 “Ethnocultural attribution of the population of the Lower Kama region during the Early Iron Age (on materials of the Novo-Sasykul burial ground)”).

8. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
9. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of the 1st – 5th centuries on the Middle Kama)*. Vol. 1. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
10. Goldina, R. D., Bernits, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).
11. Gromov, A. V., Kazarnitsky, A. A., Lunev, M. Yu. 2015. In Nosov, E. N. (ed.). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* (12). Saint Petersburg: «Dmitry Bulanin» Publ., 156–175 (in Russian).
12. Zhuravleva, G. N. 1995. *Narodonaselenie Srednego Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (opyt paleodemograficheskikh rekonstruktsii) (Population of the Middle Kama Region in the Pyany Bor Period (Attempted Paleodemographic Reconstructions))*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
13. Zhuravleva, G. N. 2002. In Batsekalo, V. I. (ed.). *Sotsial'no-istoricheskie i metodologicheskie problemy drevnei istorii Prikam'ia (Socio-Historical and Methodological Issues of the Ancient History of the Kama Region)*. Izhevsk: Udmurt State University, 131–156 (in Russian).
14. Zhuravleva, G. N. 2008. In Shapran, I. G. (ed.). *Arkheologicheskaiia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo nasledii Evrazii (Archaeological Expedition: Latest Achievements in the Study of the Historical and Cultural Heritage of Eurasia)*. Izhevsk: Izhevsk Republican Printing House, 446–452 (in Russian).
15. Zhuravleva, G. N., Peshkina, V. A. 2007. In Savelieva, E. A. (ed.). *Permskie finny: arkheologicheskie kul'tury i etnosy (The Permian Finns: archaeological cultures and nations)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 82–87 (in Russian).
16. Zubov, S. E. 2009. Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 1. Moscow: “Nauka” Publ., 255–267 (in Russian).
17. Kozintsev, A. G. 1971. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography)* (6), 148–152 (in Russian).
18. Konduktorova, T. S. 1979. *Fizicheskii tip liudei Nizhnego Pridneprov'ia na rubezhe nashej ery (po materialam mogil'nika Nikolaevka-Kazatskoe) (Physical Anthropology of the Population of the Lower Dnieper Region at the Turn of Our Historical Period (Materials from Nikolayevka-Kazatskoye Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
19. Kufferin, V. V. 2018. In Mukhametzyanova-Duggal, R. M. (ed.). *Etnos. Obshchestvo. Tsvilizatsiia: Piatye Kuzeevskie chteniia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ufa, 27–28 sentiabria 2018 g.) (All-Russian Scientific and Practical conference “Ethnos. Society. Civilization: 5th Kuzeev's reading”, Ufa, September 27–28, 2018)*. Ufa: Dialog” Publ., 373–380 (in Russian).
20. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
21. Matveeva, N. P. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 87–97 (in Russian).
22. Mednikova, M. B., Buzhilova, A. P. 1993. In Trudnovskaya, S. A. (ed.). *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vyp. III. Dzhetysarskaia kul'tura. Ch. 2. Mogil'niki Tompakasar i Kosasar (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity. Iss. 3. Jetyasar culture. Pt. 2. Tompakasar and Kosasar burial grounds)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 267–276 (in Russian).
23. Razhev, D. I. 2009. *Bioantropologiya naseleniia sargatskoi obshchnosti (Bio-Anthropology of the Sargatka community population)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

24. Romanova, G. P. 1986. In Kamenetskii, I. S. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh. Вып. 1: Drevnosti Severnogo Kavkaza (Archaeological Discoveries at New Building Sites. Iss. 1. Antiquities of the North Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 195–203 (in Russian).
25. Romanova, G. P. 1989. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (82), 67–77 (in Russian).
26. Acsadi, Gy., Nemeskeri, J. 1970. *History of human life span and mortality*. Budapest: Akademiai Kiado.
27. Bocquet-Appel, J.-P., Masset, C. 1982. Farewell to paleodemography. *Journal of Human Evolution* 11, 321–333.
28. Henneberg, M. 1976. Reproductive possibilities and estimations of the biological dynamics of earlier human populations. *Journal of Human Evolution* 5, 41–48.
29. Piontek, J. 2001. Paleodemography and taphonomy. *Archaeologia Polona* 39, 55–74.
30. Weiss, K.M. 1973. Demographic models for anthropology. *American Antiquity* 38, 1–186.

About the Authors:

Kufterin Vladimir V. Candidate of Biological Sciences. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninski pr., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation; the M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. October revolution str. 3a, Ufa, 450008, Russian Federation; vladimirkufterin@mail.ru

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; the M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. October revolution str. 3a, Ufa, 450008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

Статья поступила в номер 11.01.2019 г.

УДК 903.25; 902.01; 669-1

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.180.193>

СОСТАВ МЕТАЛЛА ФИБУЛ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ УДГУ)

© 2019 г. Т.М. Сабирова

В статье представлены результаты неразрушающего РФА анализа группы фибул из могильников Камско-Вятского междуречья. Из-за плохой сохранности удалось установить состав металлического сплава у 67 из 262 застёжек. Большая их часть (56) изготовлена из латуней (сплав меди с цинком, имеющий хорошие литейные характеристики). Это преобладание объясняется повсеместной практикой использования лома для переплавки и повторного использования. Сравнение типов сплавов и датировок фибул показало тенденцию увеличения количества бронзовых изделий (сплав меди со свинцом и/или оловом) на рубеже IV–V вв. Автор предполагает, что, скорее всего, сырьё для таких изделий могло попадать в Прикамье в виде слитков – своеобразного аналога денег. Состав некоторых из них, найденных в Тарасовском могильнике, имеет классическую рецептуру свинцово-оловянистой бронзы.

Ключевые слова: археология, фибулы, импорт, Среднее Прикамье, пьяноборье, мазунино, состав металла, рентгенофлуоресцентный анализ, металлические сплавы.

Фибулы – распространенные застёжки одежды населения Прикамья первой половины I тыс. н. э. Появившись в регионе в качестве привозных украшений, они трансформировались в один из самых узнаваемых элементов мазунинского костюмного комплекса и оставались популярными на протяжении нескольких столетий. Заимствование чужой инородной формы и постепенное превращение импортных вещей в один из археологических маркеров целой группы населения – очень интересный феномен, позволяющий прояснить множество вопросов о региональных и торговых связях, о хронологических этапах существования общности, об уровне развития металлообрабатывающего производства. Целью работы является определение состава цветного металла, который использовался при создании фибул.

Объектом данного исследования является группа из 262 фибул, проис-

ходящих из материалов 13 памятников и хранящихся в фондах УдГУ. Численный состав коллекций разный и зависит как от характера памятника (могильник, городище), так и от степени его изученности (полностью вскрытые площадки могильников либо случайные находки с еще не раскопанных памятников). Выборка очень объемна и представительна: стоит отметить, что общее количество учтенных в этом регионе фибул составляет около 500 экземпляров (Сабирова, 2013). Часть из них уже введена в научный оборот в ходе публикаций источников: в частности, опубликованы фибулы Тарасовского могильника I–V вв. (Голдина, Бернц, 2010), некоторых других памятников Камско-Вятского междуречья (Голдина, Красноперов, 2012, Лещинская, 2000).

Исследование состава металла фибул возможно благодаря использованию неразрушающего метода, основанного на анализе отраженного от

поверхности образца спектра, в котором зашифрованы данные об элементах, составляющих тело изделия.

Отечественная археология уже достаточно давно использует методику проведения рентгенофлуоресцентного анализа, которая достаточно единообразна, что обусловлено физикой процесса. Процедура предполагает очистку поверхности образца от патины и прочих оксидных загрязнений, проведение трех проб с поверхности на площади около 1 кв. см со временем накопления спектра в минуту и усреднение полученных значений для получения среднестатистического значения представленности элементов в металлическом сплаве.

Соответственно, отбор изделий для определения состава металла предполагает получение выборки фибул хорошей сохранности. Однако особенностью этой категории инвентаря в Прикамье является уникальный внешний вид застежек и необычное сочетание материалов для их изготовления. Чаще всего основой местных фибул являются тонкие (0,5–2 мм) пластинки цветного металла, которые в процессе нахождения под землей практически целиком переродились в слой оксидов. Поверхности, свободной от воздействия окислительных процессов, просто не сохранилось. Также еще одной особенностью, препятствующей проведению РФА-метода, является распространение биметаллизма при производстве фибул: декор, основа или конструктивно обусловленные элементы крепления могли быть сделаны из железа, которое оказывает крайне отрицательное воздействие на сохранность составных частей из сплавов цветных металлов.

Из-за этих объективных противопоказаний количество пригодных для

анализа застежек составило только пятую часть от общего массива доступных для исследования изделий. Чтобы увеличить потенциальную базу исследования, было принято решение несколько отступить от стандартной процедуры, апробированной автором на материалах широкого хронологического диапазона (Первошиков, Сабилова, 2014; Казанцева, Первошиков, Сабилова, 2015). В одной из последних работ (Русских, Сабилова, 2017) удалось доказать, что даже следы металла на неметаллических поверхностях способны улавливаться при проведении рентгенофлуоресцентного облучения образца. Таким образом, даже загрязненный оксидами образец будет пригоден для определения элементного состава сплава, пусть даже и с искаженными процентными показателями. Тем не менее, такой результат даст возможность отнести сплав как минимум к конкретной группе бронз или латуней.

Исходя из этого допущения, к процедуре РФА были подготовлены даже те образцы, состояние поверхности которых является неудовлетворительным и металл значительно изъеден патиной, что не дает возможным получить чистую поверхность даже при использовании методов механической очистки. Для того, чтобы фиксировать всплески изменений процентного распределения данных в этих результатах, они имеют особую отметку в графе «Состояние образца»: патина – если вся анализируемая поверхность загрязнена оксидами, металл+патина – если загрязнение незначительно. Тем не менее, даже несмотря на эти послабления в методике процедуры, многие фибулы не удалось подвергнуть анализу. Так, крупная коллекция Тураевского I могильника из-за

неудовлетворительной сохранности биметаллических фибул оказалась целиком недоступна.

Из всего массива застежек пригодными для исследования оказались только 67 единиц (табл. 1). Тем не менее, получившаяся выборка является довольно представительной и в достаточной степени отражает характеристику массива, поскольку отбор образцов проходил по естественным основаниям, не зависящим от субъективного мнения исследователя (рис. 1).

Измерения были выполнены на портативном рентгенофлуоресцентном спектрометре S1 Turbo SD LE, что позволило в индивидуальном порядке определять место взятия пробы в каждом конкретном случае: предпочтение отдавалось внешней лицевой поверхности фибул, однако при плохом состоянии поверхности анализ мог проводиться на другой стороне или на конструктивных деталях застежки.

Аналитическая база настоящего исследования включает в себя 71 анализ, сделанный на поверхности 67 фибул. Данные об элементном составе сведены в итоговую таблицу (табл. 2), в которой присутствуют паспортная привязка находки; процентное соотношение элементов; тип сплава, определенный исходя из присутствия основных компонентов. Эти элементы традиционно считаются сплавобразующими, однако археологически фиксируемые сплавы содержат также большое количество других металлов, часть которых входила в состав руды, часть перешла в изделие в виде окислов, образовавшихся за время нахождения вещей под землей под воздействием атмосферных процессов и соседних вещей (особенно от железных изделий).

Чтобы не перегружать итоговую таблицу, в ней, из 24 элементов, чье содержание зафиксировано в пробах, оставлены только те, которые представлены в количестве от 0,01%. В публикации опущены микроконцентрации условно рудных металлов, которые обычно присутствуют в сложных окисленных производных железа и меди. Из группы условно петрогенных (или пороодообразующих) металлов исключены результаты по содержанию марганца и циркония. Данные по наличию железа и алюминия оставлены, поскольку при плохой очистке образца они могли превышать допустимые пределы и значительно превосходить стандартные показатели в десятые доли процента.

В целом состав металла древних изделий зависит от доступности его источников и возможности вторичного использования сломанных или бракованных изделий для последующей переплавки. Помимо доступности, литейщик обязательно принимал во внимание технические свойства различных сплавов, интуитивно оперируя такими современными понятиями как жидкотекучесть и легкоплавкость. Кроме того, потребительские качества украшений и элементов костюма во многом определялись цветом, который при добавлении к металлу-основе компаньонов мог быть и серебристым, и практически красным, и золотым (Кузубаевский клад..., 2011, с. 115).

Древние металлы невозможно унифицировать согласно современным типовым классификациям. Этому препятствуют неустойчивая рецептура сплавов и использование лома в новых изделиях (особенно в регионах, где отсутствовали производственные горно-металлургические центры).

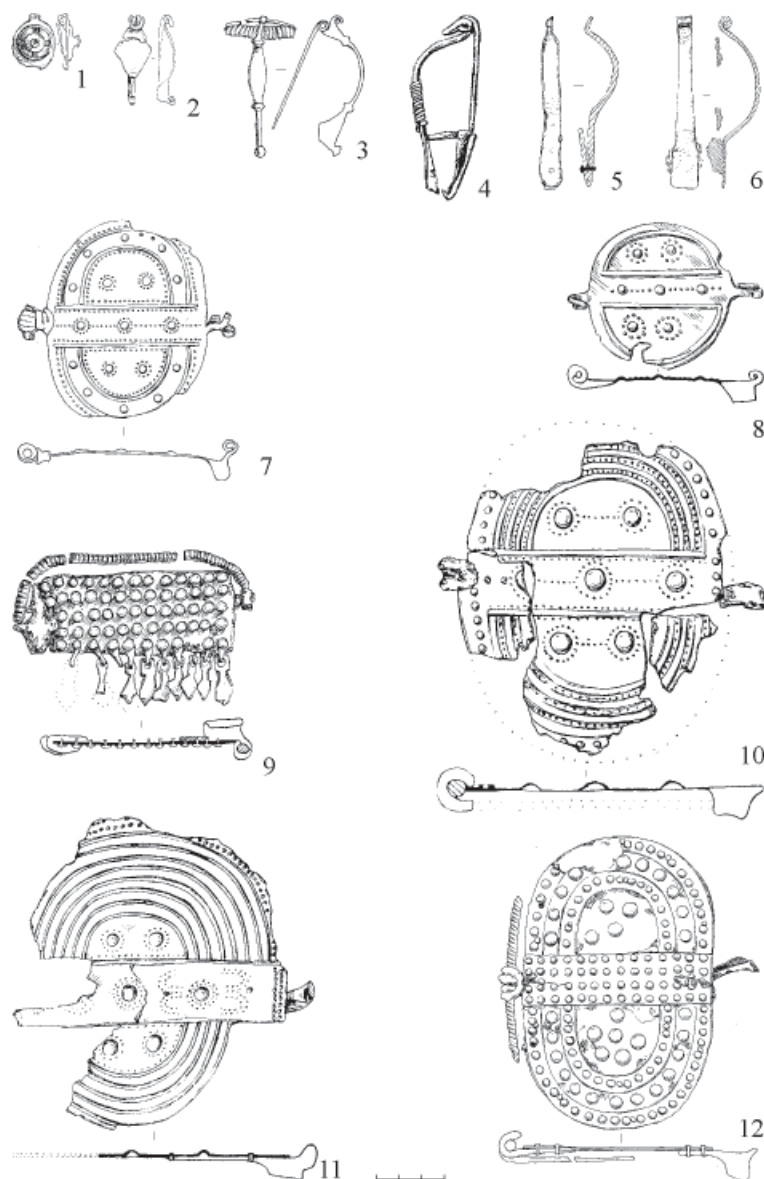

Рис. 1. Основные типы фибул, отобранных для РФА исследования. 1 – погр. 497 Тарасовского мог-ка; 2 – погр. 312 Тарасовского мог-ка; 3 – погр. 316 Нырғындинского I мог-ка; 4 – погр. 1 Ошкинского мог-ка; 5 – погр. 1848в Тарасовского мог-ка; 6 – погр. 1783 Тарасовского мог-ка; 7 – погр. 134 Боярского «Арай» мог-ка; 8 – погр. 451 Тарасовского мог-ка; 9 – погр. 1675 Тарасовского мог-ка; 10 – погр. 999 Тарасовского мог-ка; 11 – погр. 1691 Тарасовского мог-ка; 12 – погр. 168 Боярского «Арай» мог-ка.

Fig. 1. The main types of fibulae selected for XRF analysis. 1 – grave 497 of Tarasovo cemetery; 2 – grave 312 of Tarasovo cemetery; 3 – grave 312 of Nyrgynda I cemetery; 4 – grave 312 of Oshki cemetery; 5 – grave 1848c of Tarasovo cemetery; 6 – grave 1783 of Tarasovo cemetery; 7 – grave 134 of Boyarsky Aray cemetery; 8 – grave 451 of Tarasovo cemetery; 9 – grave 1675 of Tarasovo cemetery; 10 – grave 999 of Tarasovo cemetery; 11 – grave 1691 of Tarasovo cemetery; 12 – grave 168 of Boyarsky Aray cemetery

Таблица 1

Археологические памятники, содержащие в своем материале фибулы

Аргыжское городище	Раскопки Черных Е.М. (1988-1989), Черных Е.М. и Ванчикова В.В. (1991).	1	0
Бобья-Учинский могильник	Разведка Вязникова А.М. (2009).	1	1
Боярский «Арай» могильник	Раскопки Черных Е.М. (2002-2005, 2007-2009).	12	9
Дубровский могильник	Раскопки Бернц В.А. (2009-2011), Черных Е.М. (2012-2013).	8	6
Заборьинский могильник	Раскопки Решетникова Н.Л. (1983), Бернц В.А. (1998, 2002).	10	6
Зуевключевское I городище	Раскопки Ключевой (Журавлевой) Г.Н. (1977), Генинга В.Ф., Голдиной Р.Д., Ашихминой Л.И. (1970-1972, 1975), Пастушенко И.Ю. (1992), Черных Е.М. (1997-2005).	2	0
Красноярский могильник	Раскопки Казанцевой О.А. (1986-1989).	1	1
Кудашевский могильник	Раскопки Казанцевой О.А. (1989-1991, 1993-1994, 1999, 2004-2011), Бернц В.А. (2003).	2	0
Нырғындынский I могильник	Раскопки Голдиной Р.Д. (1969-1971), Ашихминой Л.И. (1975), Ключевой (Журавлевой) Г.Н. (1979).	2	2
Ошкинский могильник	Раскопки Лещинской Н.А. (1986-1987).	3	3
Тарасовский могильник	Раскопки Голдиной Р.Д. (1979-1997).	147	39
Тураевский I могильник	Раскопки Водолага Н.В. (1986-1990).	55	0
Худяковский могильник	Раскопки Ключевой (Журавлевой) Г.Н. (1975), Макарова Л.Д. (1976-1978); Голдиной Р.Д. (1980).	2	0
Всего		262	67

Однако практически всегда специалист может отнести сплав к одной из устойчивых групп, где в качестве основы, и легирующих компонентов выступают медь, цинк, свинец, олово. В работе применяется классификация, разработанная для средневековых археологических находок (Цветные и драгоценные металлы..., 2008, с. 121–132).

После технической и статистической обработки выборки было выделено три группы металлических сплавов, из которых изготовлены прикамские фибулы. Самые большие группы – бронзы и латуни с различным соотношением компонентов внутри сплава, отдельно вынесены находки из чистой меди.

Медь как металл для изготовления украшений, обладает весьма по-

лезными качествами – она пластична и хорошо поддается ковке, имеет приятный золотисто-красный цвет. Вместе с тем находки из чистой меди относительно редки в эпоху РЖВ и средневековья, поскольку она быстро покрывается пленкой оксидов и теряет презентабельный внешний вид. Компенсировать этот недостаток можно при добавлении к ней незначительного количества одного из металлов (свинец, олово, цинк). К фибулам этой группы относятся находки из п. 584 Тарасовского, п. 14 Ошкинского и п. 42 Боярского, а также сбор с Красноярского могильников.

Бронзы традиционно считаются самым распространенным сплавом у народов Восточной Европы I тыс. н. э. Деление их на оловянные (оловяни-

Таблица 2

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа фибул

№ анализа	Могильник и № погребения	Тип фибулы	Состояние	Al	Fe	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Sn	Sb	Pb
ЧИСТАЯ МЕДЬ:													
405	Тарасовский: №584	Амброз: 13-1	металл/ пatina		1,76	95,75*	0,77	0,12		0,35	0,55		0,31
318	Ошкнский: №14	Амброз: 15	металл		0,32	98,34	0,09	0,03		0,10	0,52		0,03
392	Боярский: №42	Останина: 1-3	металл		0,52	98,73		0,02		0,26	0,32		
623	Красноярский: сбор	Амброз: 15	металл		0,73	99,00				0,23			
ОЛОВЯННАЯ БРОНЗА													
387	Боярский: №7	Останина: 1-5	пatina		2,15	91,95		0,01	0,03	0,34	5,26	0,08	0,17
617	Дубровский: №14	Останина: 1-2	металл		0,38	90,43	0,53		0,10	0,36	6,99	0,05	0,96
ОЛОВЯННО-СВИНЦОВАЯ БРОНЗА:													
420	Тарасовский: №505	Останина: 1-5	пatina		2,73	72,35				0,62	22,90		1,41
379	Тарасовский: №1718	Останина: 26	металл/ пatina		12,37	72,40			0,04	0,37	5,16		1,45
4216	Тарасовский: №1762	Останина: 1-5	пatina		0,61	93,90					2,69		2,52
361	Бобья-Учинский: сбор	Останина: 36	металл		0,41	70,58	0,25	0,46		0,20	1,59	0,10	15,89
619	Дубровский: №98в	Останина: 1-5	металл		6,53	76,13		0,01	0,19	0,43	13,50	0,03	1,17
ЛАТУНЬ ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ:													
408	Тарасовский: №312	Амброз: 13-2	металл/ пatina		0,76	84,60	12,80	0,71		0,31		0,06	0,37
423	Тарасовский: №6806	Останина: 1-2	пatina		0,39	93,65	4,37	0,20		0,32	0,59		0,28
3966	Тарасовский: №750	-	пatina		1,09	87,65	8,76	0,51	0,04	0,42	0,99		0,28
383	Тарасовский: №829	Останина: 1-2	металл		0,28	80,70	18,00	0,09		0,28	0,27		0,03
293	Тарасовский: №835	Останина: 1-2	металл		0,31	77,27	18,97	0,13		0,16	0,56	0,09	0,41
357	Тарасовский: №955	Останина: 1-2	металл		0,40	88,14	7,97	0,40		0,31	0,92	0,16	
378	Тарасовский: №1848в	Амброз: 16-2	металл		2,15	83,65	8,69	0,11		0,08	0,17	0,02	0,44
266а	Ошкнский: №1	Амброз: 15	металл		1,75	85,05	10,92	0,23		0,11	0,41	0,06	
266б	Ошкнский: №1	-	металл		2,64	79,74	16,10	0,53		0,09	0,40	0,08	
266в	Ошкнский: №1	-	металл		2,05	79,43	17,04	0,46		0,06	0,43	0,07	

289	Ошкиский: №31	Амброз: 15	металл	7,12	0,26	81,96	7,33	0,21		0,11	0,11	0,05								
401	Боярский: №115г	Останина: 1-2	пагина		0,56	78,25	20,00			0,31	0,39								0,26	
399	Заборынский: №24	Останина: 1-2	пагина		1,04	83,60	14,60	0,03		0,29	0,15								0,04	
413	Заборынский: №26	Останина: 1-1	пагина		0,40	84,35	13,85	0,65		0,31									0,11	
412	Заборынский: №27	Останина: 1-1	пагина		0,47	77,25	21,30	0,28		0,28									0,20	
145	Ныргында I: №211	Амброз: 11	металл		0,27	88,60	10,50			0,28								0,08	0,05	
620	Дубровский: №5	Останина: 1-2	пагина		1,06	85,57	12,37	0,01		0,31	0,12								0,28	
618	Дубровский: №66	-	металл		0,29	83,50	14,87	0,13		0,35	0,43								0,05	
ЛАТУНЬ ОЛОВЯННАЯ:																				
409	Тарасовский: №616	Амброз: 13-3	металл		0,90	81,80	13,87	1,04		0,35	1,43	0,05							0,38	
373	Тарасовский: №650	-	металл		0,13	81,08	14,90	0,55		0,09	1,11	0,06							0,06	
395	Тарасовский: №682б	Останина: 1-2	металл/ пагина		0,35	71,90	24,43	0,18	0,04	0,30	1,24								0,66	
390	Тарасовский: №719	Амброз: 13-1	металл/ пагина		1,11	89,00	6,06	0,18		0,36	2,34								0,82	
415	Тарасовский: №1028	Останина: 1-5	пагина		4,81	81,05	10,09		0,02	0,35	1,47								0,95	
376	Тарасовский: №1691	Останина: 1-4	металл		1,31	87,95	2,18	0,40		0,18	4,54	0,10							0,56	
372	Тарасовский: №1848б	Останина: 3б	металл		1,31	83,84	7,40	0,37		0,14	2,74	0,10							0,70	
411	Боярский: №102	Останина: 1-2	пагина		0,78	88,20	8,21			0,32	1,59								0,71	
124	Боярский: №134	Останина: 1-2	металл		0,15	80,12	16,20	0,09		0,06	1,22	0,04							0,12	
398	Боярский: №168	Останина: 1-5	пагина		1,17	81,35	12,50			0,42	3,87								0,52	
394	Заборынский: №13	Останина: 1-2	металл		0,35	84,40	12,83	0,02		0,29	1,42								0,40	
400	Заборынский: №24	Останина: 1-2	пагина		1,72	83,35	6,56		0,09	0,39	7,35	0,11							0,30	
152	Ныргында I: №316	Амброз: 11	металл		0,37	87,20	7,35	0,24		0,32	3,90								0,16	
№ ана-лиза	Могильник и № погребения	Тип фибулы	Состояние	Al	Fe	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Sn	Sb	Pb							
ЛАТУНЬ СВИНЦОВАЯ:																				
407	Тарасовский: №306а	Амброз: 13-1	пагина		0,74	75,55	6,16			0,33	0,82								16,15	
МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ ЛАТУНЬ:																				
389	Тарасовский: №212	Останина: 1-2	металл		0,56	78,57	10,97	0,44	0,08	0,53	6,14								2,30	
419	Тарасовский: №232	Останина: 1-5	пагина		1,94	73,15	11,30			0,51	4,30								8,81	

416	Тарасовский: №245	Останина: 1-5	паatina				6,90	81,75	4,01				0,48	2,58		4,20
388	Тарасовский: №305	Останина: 1-1	металл/ паatina				0,97	82,13	7,67	0,58	0,07		0,36	4,48		3,43
406	Тарасовский: №306а	Амброз: 13-1	паatina				2,29	87,80	6,84	0,02			0,40	1,38		1,06
294	Тарасовский: №307	Амброз: 13-1.	металл				0,06	70,69	9,49	0,25			0,05	1,17	0,06	1,87
288	Тарасовский: №307	Амброз: 8	металл				0,16	75,36	14,45	0,34			0,31	7,14	0,22	1,38
418	Тарасовский: №451	Останина: 1-1	металл				0,62	89,87	3,08				0,42	4,34		1,54
404	Тарасовский: №497	Амброз: 8	паatina				4,17	38,55*	3,55		0,21		0,73	11,52	2,65	38,00
402	Тарасовский: №631	Останина: 1-2	паatina				0,98	72,10	13,20		0,18		0,48	10,75	0,06	2,21
382	Тарасовский: №638	Останина: 1-2	паatina				0,79	79,30	12,85				0,39	1,07		5,43
391	Тарасовский: №681	Останина: 1-2	металл				0,49	76,00	13,97				0,01	0,36	2,98	5,81
403	Тарасовский: №7366	Амброз: 13-1	паatina				1,17	77,75	10,90				0,13	0,37	4,84	4,54
396а	Тарасовский: №750	-	паatina				2,29	69,40	4,31	0,16	0,25		0,71	13,10		9,69
417	Тарасовский: №1675	Останина: 2в	металл				0,82	76,23	1,26	0,23	0,09		0,65	5,59		14,97
421а	Тарасовский: №1762	Останина: 1-5	паatina				1,57	86,90	3,44				0,50	3,49	0,06	3,99
374	Тарасовский: №1783	Останина: 3а	металл				0,16	91,51	1,03	0,35			0,17	3,76	0,13	2,46
377	Тарасовский: №1848а	Останина: 3а	металл				0,19	86,39	1,13	0,38			0,12	8,86	0,12	2,31
375	Тарасовский: №993	Амброз: 13-1	металл				0,22	77,90	15,04	0,42			0,13	1,11	0,07	2,70
385	Тарасовский: №999	Останина: 1-3	металл				0,65	85,33	7,79	0,17			0,34	3,12	0,05	2,36
621	Дубровский: №68	Останина: 2в	металл				3,02	85,63	1,35		0,01		0,62	3,70	0,02	2,94
622	Дубровский: №85	Останина: 2в	металл				3,88	80,87	3,74	0,21	0,16		0,41	8,44		2,11
386	Тарасовский: №1010	Останина: 1-5	металл				0,52	82,10	9,77				0,33	3,62		3,54
380	Тарасовский: №1743	-	металл				0,58	84,97	8,91	1,39	0,01		0,46	1,81		1,51
384	Боярский: №89	Останина: 1-5	металл				2,29	83,97	8,23	0,39			0,62	1,83		1,41
410	Боярский: №132	Амброз: 13-1	металл				2,06	85,70	6,65	0,06	0,01		0,33	3,04		2,01
393	Боярский: №141	Останина: 1-5	металл				2,79	83,23	8,00				0,41	3,25		2,23
414	Заборьинский: №30	-	металл				0,30	85,20	9,53				0,30	2,16		2,39

* - процент содержания в сплаве меди (Cu) меньше ожидаемого для этой группы из-за пагинизированной поверхности образца

стые) и оловянно-свинцовые определяется наличием дополнительных компонентов в сплаве помимо меди.

Оловянная бронза – один из классических сплавов. Его использование свидетельствует о том, что изделие отливалось из полуфабриката-заготовки или же (что менее вероятно) из переплавленного изделия аналогичного состава. Эта разновидность бронз оказалась наименее популярной при изготовлении фибул – из нее изготовлены только накладки застежек из п. 7 Боярского и п. 14 Дубровского некрополей.

Оловянисто-свинцовые бронзы в целом более характерны для Волго-Камского региона. Замещение части олова свинцом дает прекрасные результаты: улучшаются литейные качества сплава, уменьшается количество брака при производстве. Также такие сплавы (многокомпонентные) часто получаются при многочисленных переплавках старых сломанных изделий, а также металлургического брака. Из такой бронзы изготовлено всего пять застежек в выборке – это фибулы из прикамских могильников (Тарасовский: 505, 1718, 1762; Дубровский: 98в, Бобья-Учинский: сбор).

Латуни, то есть сплав меди и цинка, являются отдельной большой разновидностью цветных сплавов. За счет того, что месторождения цинка крайне немногочисленны и имеют четкую географическую и культурную привязку, исследователи могут ориентировочно предполагать пути поступления импорта украшений и полуфабрикатов. Так, классическая латунь, содержащая 10% олова, в течение всей первой половины I тыс. н. э. активно использовалась на территории Римской империи, в том числе в ее восточных пределах, достигаю-

щих северного побережья Черного моря. При содержании цинка менее 10%, сплав называется томпак: он имеет повышенную пластичность и отлично подходит для литья маленьких украшений со сложным рельефом (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000, с. 100–102). Двухкомпонентная латунь представлена в выборке 17 находками (табл. 2). В основном это импортные типы фибул Тарасовского, Ошкинского, Ныргындинского I некрополей, а также ранние местные формы застежек Тарасовского, Заборьинского, Дубровского могильников.

Латунный сплав с добавлением в рецептуру олова зафиксирован в семи тарасовских, трех боярских, одной ныргындинской фибулах. Как и предыдущие находки, они имеют преимущественно импортное происхождение и коррелируются с классификацией А.К. Амброза. Еще одна привозная фибула из п. 306а Тарасовского могильника сделана не из оловянной латуни, а из свинцовой. Однако, что не удивительно, самым распространенным типом сплавов в этой серии анализов стала многокомпонентная латунь. К этой группе отнесено 28 образцов преимущественно местных типов, происходящих из тарасовских погребений.

В общей сложности 5/6 всей выборки фибул изготовлены из латуней с различным соотношением компонентов. Латунные застежки представлены в погребениях шести могильников (Боярский, Заборьинский, Дубровский, Ныргындинский I, Ошкинский, Тарасовский), в то время как только чуть менее 10% фибул изготовлены из бронз, а 5,6% – из технически чистой меди с незначительными примесями других компонентов (табл. 3).

Процентное распределение типов сплавов по памятникам

	Тарасовский	Боярский	Заборьинский	Ошкнинский	Ныргындинский I	Дубровский	Красноярский	Бобья-Учинский
"Чистая" медь (Cu)	1,47	1,47		1,47			1,47	
Бронзы (CuSn, CuSnPb)	4,41	1,47				2,94		1,47
Латуни (CuZn, CuZnSn, CuZnPb, CuZnPbSn)	52,94	10,29	8,82	2,94	2,94	5,88		

Важной частью исследования является сопоставление данных о составе металла с датировками отдельных находок фибул. Благодаря исследованиям последних лет, базирующимся на классических работах А.К. Амброза и Т.И. Останиной (Амброз, 1966; Останина, 1997), удалось уточнить даты бытования отдельных типов местных и импортных фибул. Работы, затрагивающие вопросы хронологии фибул, являются актуальным направлением прикамской археологии, поскольку этот тип застежек, появившись в качестве импортных украшений, стал популярен у населения, что спровоцировало изготовление подобных украшений уже местными мастерами (Сабилова, 2015). Новые данные по датировке фибул были обобщены и уточнены в серии статей в рамках разработки хронологии Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016, 2017 и др.).

Среди изученной выборки 19 фибул с полной уверенностью можно считать импортными: они имеют полные аналоги в классификации А.К. Амброза (табл. 4). Состав их металла также подтверждает импортное происхождение: 16 фибул латунных и три застежки медные, в то время как более характерным сплавом для Кам-

ско-Вятского региона в это время является бронза. Увеличение количества бронзовых фибул отчетливо отмечается с конца IV в., что соотносится с временем активного функционирования местных типов этих застежек, сделанных в стилистике мазунинского костюмного комплекса.

Распространенность сплавов с широким набором легирующих элементов (медь с цинком, оловом и свинцом, то есть многокомпонентных латуней) может свидетельствовать об активном использовании старых сломанных украшений и обрезков/брака с производства для изготовления новых украшений (Сапрыкина, 2006). Косвенно это предположение можно подтвердить и набором ювелира VII в., найденным близ д. Кузубаево: помимо набора инструментов и незаконченных украшений клад содержит огромное количество отходов цветной металлообработки, включая не только обрезь и пластины, но и даже металлическую стружку, и украшения из захоронений более раннего времени (Кузубаевский клад..., 2011, с. 9).

Е.Н. Черных отмечал, что месторождения полезных ископаемых (а именно металлов) на территории, заключенной между рр. Вятка, Кама и Белая, отсутствуют, за исключением

Таблица 4

Распределение фибул по датированным группам
(по классификации А.К. Амброза и Т.И. Останиной) и типам сплавов

Типы фибул	Датировка	Медь	Бронзы	Латунь двухкомпонентная	Латуни другие
Амброз-11 (рис. 1-3)	вторая половина II в. - начало III в.			Н:211.	Н:316.
Амброз-15 (рис. 1-4)	первая половина III в.	О:14; К:сбор.		О:1,31.	
Амброз-8 (рис. 1-1)	середина III в.				Т: 307,497.
Амброз-13 (рис. 1-2)	середина - конец III в.	Т:584.		Т:312.	Б: 132; Т:306а (2 шт.), 307, 616, 719, 736б, 993.
Останина-1-1 (рис. 1-8)	конец III - начало IV в.			3:26,27.	Т:305,451.
Останина-1-2 (рис. 1-2)	IV в.		Д:14.	Б:115г; 3:24; Д:5; Т:680б, 829, 835, 955.	Б:102, 134; 3:13, 24; Т:631, 638, 681, 682б.
Останина-1-3 (рис. 1-10)	конец IV - начало V в.	Б:42			Т:212, 999.
Останина-1-4 (рис. 1-11)	V в.			Т:1691.	
Останина-1-5 (рис. 1-12)	IV - V вв.		Б:7; Д:98в; Т:505, 1762.		Б:89, 141, 168; Т:232, 245, 1010, 1028, 1762.
Амброз-16 (рис. 1-5)	конец IV - начало V в.			Т:1848в.	
Останина-2 (рис. 1-9)	V в., единично - с IV в.		Т:1718.		Д: 68, 85; Т: 1675.
Останина-3 (рис. 1-6)	V в.		БУ:сбор.		Т:1783, 1848а, 1848б.
?	?			Д:66; Т:750.	З: 30; Т:650, 750, 1743.

Б – Боярский «Арай», БУ – Бобья-Учинский, Д – Дубровский, К – Красноярский, Н – Ныргиндинский I, О – Ошкинский, Т – Тарасовский.

выходов медистого песчаника (Черных, 1966, карта 1). Выделение металла из насыщенного им песчаника могло происходить и в древности, но все прочие компоненты бронз и латуней – цинк, свинец, олово – должны были завозиться в Камско-Вятское междуречье извне. Наиболее простым способом импорта металлов является поступление в регион готовых изделий – украшений и предметов быта, которые в будущем могли идти на переплавку.

Однако есть и другой способ поступления металла – импорт готовых полуфабрикатов в виде дровов или слитков. Такие заготовки и формы для их отливки встречаются на территории Восточной Европы в погребальных комплексах и составах кладов. Из ближайших по времени и территории следует указать слитки из Покровско-

го (5 шт.), Красноярского (1 шт.), Тарасовского (4 шт.), Тураевского I (2 шт.) могильников. Слитки Тарасовского могильника представляют особый интерес, поскольку три из них имеют данные по составу металла: классическая свинцово-оловянистая бронза, двухкомпонентная латунь и латунь с добавлением свинца (Перевошиков, Сабирова, 2014). Все находки концентрируются на северной площадке памятника в зоне конца IV–V вв., где сконцентрированы глубокие и насыщенные инвентарем воинские погребения (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 49).

Анализ сопровождающего слитки инвентаря показывает, что заготовки металла наряду с импортным оружием могли быть добычей военного отряда или платой за его работу (Перевошиков, Сабирова, 2014, с. 75–76).

Анализ элементного состава металла фибул Прикамья позволил говорить о преимущественном использовании многокомпонентной латуни для их производства. Источником металла могли стать полуфабрикаты-слитки,

но чаще всего результаты анализов заставляют предполагать использование лома цветного металла (старые украшения, отходы) для переплавки и последующего изготовления застёжек-фибул.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* Фибулы Юга Европейской части СССР III в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.
2. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
3. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.
4. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // *Материалы и исследования КВАЭ*. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
5. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // *Поволжская археология*. 2017. № 2(20). С. 47–72.
6. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // *Поволжская археология*. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
7. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
8. *Голдина Р.Д., Сабирова Т.П., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.
9. *Енисосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Латуни средневекового Новгорода // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 14 / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород, 2000. С. 99–111.
10. *Казанцева О.А., Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М.* Состав изделий из цветного металла Красноярского I могильника // *Известия Коми научного центра Уро РАН*. Вып. 4(24). 2015. С. 100–107.
11. *Лещинская Н.А.* Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке / *Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции»*. Вып. 2. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет, 2000. 55 с.
12. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УДНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.
13. *Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.* Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник: Монография. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.
14. *Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М.* Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.
15. *Равич И.Г.* Химико-технологическое изучение зеркал из курганных могильников сарматской эпохи Оренбургской области // *Естественно-научные методы в изучении Филлиповского I могильника* / МИАР. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский М.: Таус, 2011. С. 104–111.
16. *Равич И.Г., Бер Л.Б., Мухина Т.А.* Особенности состава благородной черной патины на миниатюрных зеркалах сарматского времени, найденных на Северном Кавказе // *Исследования и консервация культурного наследия. Материалы научно-прак-*

тической конференции / Науч. ред. А.В. Трезвов, Л.И. Лифшиц. М.: Индрик, 2005. С. 27–44.

17. Русских Е.Л., Сабирова Т.М. Цветной металл Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: рентгенофлуоресцентный анализ изделий и литейного оборудования средней и внешней площадок памятника // Ежегодник финно-угорских исследований. № 3 (11). 2017. С. 90–105.

18. Сабирова Т.М. Изучение прикамских фибул в отечественной археологии // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2013. Вып. I. С. 113–118.

19. Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 23 с.

20. Сапрыкина И.А. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2006. 26 с.

Информация об авторе:

Сабирова Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия); lemelon@inbox.ru

COMPOSITION OF METAL FIBULAE FROM THE MIDDLE KAMA REGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE UDMURT STATE UNIVERSITY COLLECTION)

T.M. Sabirova

The paper presents the results of the non-destructive X-ray fluorescence analysis of a group of fibulae from the burial grounds of the Kama-Vyatka region. Because of bad condition, it was possible to establish the composition of a metal alloy for 67 of 262 artifacts. Most of them (56) were made of brass (alloy of copper and zinc). This fact is due to the practice of using broken metal things for re-melting and re-use. Comparison of the types of alloys and dates of fibulae showed a tendency to increase bronze products (alloy of copper with lead or tin) at the turn of the 4th–5th centuries AD. The author supposes that most likely raw materials for such products could fall into the Kama region in the form of ingots, which is a kind of prototype of money. The composition of some of them, found in the Tarasovo burial ground, has a classic lead-tin bronze recipe.

Keywords: archaeology, fibulae, import, Middle Kama region, the Pyany Bor community, the Mazunino culture, metal composition, X-ray fluorescence analysis, metal alloys.

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly Iuga Evropeiskoi chastii SSSR. III v. do n.e. – IV v. n.e. (The Fibulae from South of the USSR European part)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of the 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region) II*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
3. Goldina, R. D. 2004. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of the 1st–5th centuries in the Middle Kama Region)*. Vol. 1. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
4. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast')* (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans). Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
5. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 44–72 (in Russian).

6. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).
7. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd – 3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
8. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Burial Rite in the Tarasovo Burial Ground from 1st – 5th Centuries in the Middle Kama Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
9. Eniosova, N. V., Mitoian, R. A., Saracheva, T. G. 2000. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaya zemlia istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 14. Veliky Novgorod, 99–111 (in Russian).
10. Kazantseva, O. A., Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T.M. 2015. In *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. (Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)* 4(24). 100–107 (in Russian).
11. Leshchinskaia, N. A. 2000. *Oshkinskii mogil'nik – pamiatnik p'ianoborskoi epokhi na Viatke (Oshki Burial Ground, a Site of the Pyany Bor Culture on the Vyatka River Bank)*. Izhevsk: Udmurt University Press (in Russian).
12. Ostanina Vol. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
13. Ostanina, T. I., Kanunnikova, O. M., Stepanov, V. P., Nikitin, A. B. 2011. *Kuzebaevskii klad iuvelira VII v. kak istoricheskii istochnik (Kuzebayev Jeweler's Hoard of 7th Century as a Historical Source)*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
14. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 24 (1), 71–82 (in Russian).
15. Ravich, I. G. 2011. In Yablonskii, L. T. (ed.). *Estestvenno-nauchnye metody v izuchenii Filippovskogo I mogil'nika (Natural-scientific methods in the study of Filippovsky I burial ground)*. Series: Materials and Studies in the Russian Archaeology. 13. Moscow: “Taus” Publ., 104–111 (in Russian).
16. Ravich, I. G., Ber, L. B., Mukhina, T. A. 2005. In Trezvov, A. V., Lifshits, L. I. (eds.). *Issledovaniia i konservatsiia kul'turnogo nasledii. Materialy nauchno–prakticheskoi konferentsii (Studies in conservation of cultural heritage. Materials of scientific and practical conference)*. Moscow: “Indrik” Publ., 27–44 (in Russian).
17. Russkikh, E. L., Sabirova, T. M. 2017. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniia (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* 11 (3), 90–105 (in Russian).
18. Sabirova, T. M. 2013. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 113–118 (in Russian).
19. Sabirova, T. M. 2015. *Fibuly Srednego Prikam'ia v pervoi polovine I tys. n.e. (Fibulae of the Middle Kama Area in the First Half of I Millennium AD)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
20. Saprykina, I. A. 2006. *Iuvelirnye ukrasheniia d'iakovskoi kul'tury po materialam pamiatnikov basseina Mosky-reki (Jewelry of the Dyakovo culture based on the materials of monuments of the Moscow river basin)*. PhD Tesis. Moscow (in Russian).

About the Author:

Sabirova Tatiana M. Candidate of Historical Sciences. Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Tatiy Baramzinoi str., 34, Izhevsk. 426067, Russian Federation; lemelon@inbox.ru

Статья поступила в номер 11.01.2019 г.

УДК 902.03; 904; 908

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.194.207>

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ Г. ЧИСТОПОЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

© 2019 г. Н.Г. Набиуллин

В статье приводятся предварительные результаты историко-археологического изучения памятников, расположенных на территории и в ближайших окрестностях г. Чистополь. Автором выявлено несколько групп исторически связанных памятников. Естественно-географические условия играли ведущую роль в локализации археологических памятников на изучаемой территории. Автор делает вывод о том, что естественно-географический фактор обусловил фактическую преемственность в выборе населением территорий с благоприятными условиями для проживания и ведения хозяйственной деятельности на протяжении нескольких историко-культурных периодов. Значительное внимание в статье уделено данным по исторической географии изучаемого района. Представлены результаты изучения картографических архивных материалов XVIII–XIX вв. Автором также рассмотрены некоторые проблемы сохранения объектов археологического наследия и вопросы организации будущих научных исследований.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Улус Джучи, X–XV вв., Новое время, XVII–XVIII вв., Республика Татарстан, Чистополь, Джукетау.

Первые упоминания объектов археологии, которые ныне локализуются на территории г. Чистополь и его ближайших окрестностях (рис. 1), связаны с городом Джукетау, который занимает особое место в истории чистопольского микрорегиона (Хлебникова, 1975; Набиуллин, 2011). К XIX в. относятся описания памятников Змеевского I и II городищ, Змеевского, Кубасского, Березовского кладбищ с надмогильными камнями (Мельников, 1855; он же, 1862; Невоструев, 1871; Шпилевский, 1877; Толмачев, 1884; Пономарев, 1892; Вознесенский, 1894). Что касается «чистопольских» собраний, названия некоторых из них могли сложиться по месту их формирования, хранения, приобретения (например, «чистопольский клад» монет из с. Малый Толкиш (Федоров-Давыдов, 1960, № 151, с. 159–160). В 1885 г. «близ города» был найден клад монет (915–994 гг.) (Лихачев, 1888,

с. 33–62; Марков, 1910, с. 9, 10). Известно о коллекции медных (золотоордынских?) монет, обнаруженных «в окрестностях города» (Федоров-Давыдов, 1963, с. 202).

В советские годы в г. Чистополь проводится краеведческая деятельность, создается музей, в организации которого, в том числе сборе археологического материала, значительна роль А.К. Булича. В 1952 г. в связи с работами Куйбышевской археологической экспедиции Н.Д. Мец провела археологические разведки в пределах северо-восточной части региона от устья р. Шешма до устья р. Шентала. Первая целенаправленная и сплошная археологическая разведка по прибрежным камским районам региона была осуществлена в 1960 г. Т.А. Хлебниковой в составе Татарской археологической экспедиции КФАН. Кроме Джукетау, разведочно исследовались Змеевское городище I,

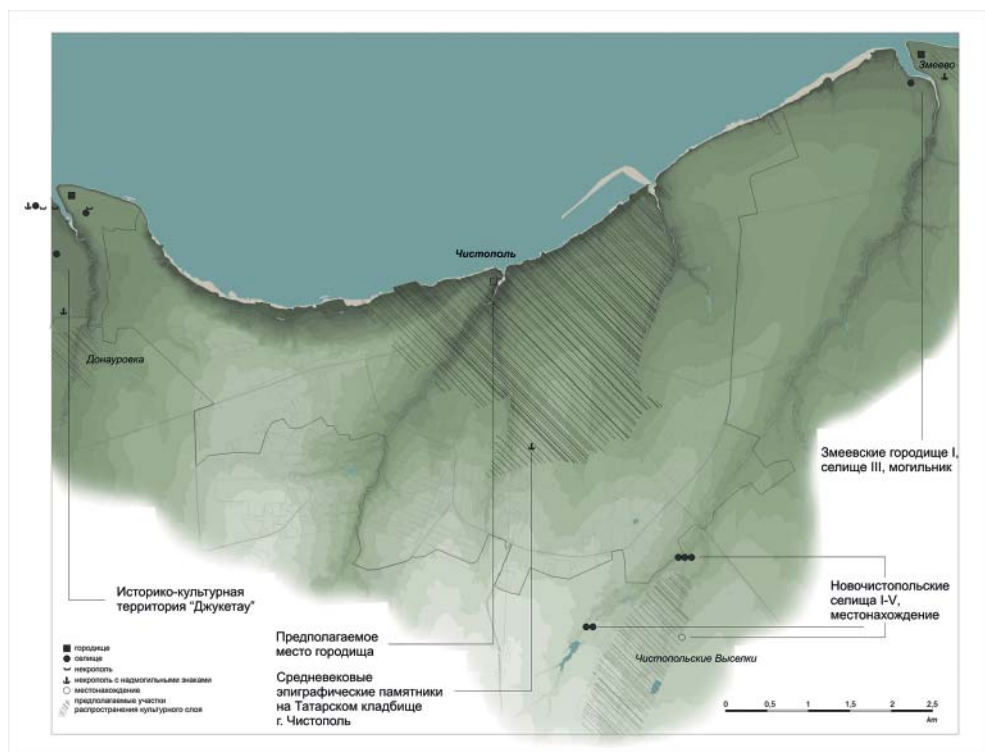

Рис. 1. Территория г. Чистополь и его окрестности с условным обозначением памятников археологии.

Fig. 1. The city of Chistopol territory and its neighbouring area with indication of archeological sites.

Змеевское городище II; открыты новые памятники у Чистопольских выселок – Новочистопольские селища I–V и местонахождение, а также Змеевские селища I и II, Галактионовские местонахождения I и II. Г.В. Юсупов исследовал булгаро-татарские эпитафические памятники в регионе, в том числе территорию Змеевского кладбища (Юсупов, 1960; он же, 1972). В 1980-е гг. в рамках составления археологической карты Р.С. Габяшевым, В.Н. Марковым и др. разведочно исследовалась левобережная часть бассейна р. Шешма; открыты Змеевское селище III, Змеевские поселения I–V, Змеевский могильник, Галактионовское селище, Галактионовский могильник, Данауровское местонахож-

дение. В 1980-е гг. М.И. Ахметзянов, Р.М. Амирханов, Ф.С. Хакимзянов научно зафиксировали надмогильные камни XIV в. на Старотатарском кладбище г. Чистополь (Хакимзянов, 1985, с. 76–87; он же, 1987, с. 94–95, 156–157, 176–177). В 2000-е гг. здесь удалось обнаружить и исследовать и новые надмогильные памятники; тогда же было обращено внимание на небольшие и отрывочные средневековые материалы подъемного характера, происходящие непосредственно с территории исторической части г. Чистополь (Лыков, 2007, с. 8–10; Гариф и др., 2009, с. 346–357).

Природно-географические условия территории, на которой ныне расположен г. Чистополь, как и в целом

Рис. 2. а – городище Джукетау, б – городище Змеево, в – местность «Пикановка» на территории г. Чистополь.

Fig. 2. а – Juketau hillfort, б – Zmeevo hillfort, в – the “Pikanovka” area in the territory of Chistopol.

Рис. 3. Змеевское городище. Общий вид с запада.

Fig. 3. Zmeevo hillfort. General view from the west.

Закамско-Чистопольский остепенно-равнинный район (Физико-географическое районирование Среднего Поволжья, 1964), были благоприятны для жизнедеятельности человека. Это стало одной из основных причин ее относительно раннего и интенсивного освоения и, как следствие, насыщенности памятниками археологии. По камскому побережью, особенно в окрестностях современных населенных пунктов Галактионово, Змеево, наблюдается концентрация археологических объектов, которые представлены памятниками практически всех исторических эпох и периодов, что свидетельствует о традиционной заселенности рассматриваемой территории. Время начала ее заселения исследователи относят ко времени неолита – бронзового века (Донауровское, Галактионовское местонахождения; Змеевский могильник); бронзовый век представлен памятниками срубной культурно-исторической общности, приказанской культуры (Змеевские поселения I–V); раннее средневековье – памятниками именьковской культуры (Галактионовское

местонахождение I, группа Новочи-стопольских селищ I, II, IV, V).

В болгарский период основным экономическим и культурным центром региона становится город Джукетау (рис. 2: а), археологические остатки которого расположены на западной окраине современного г. Чистополь. Важную роль в истории и развития Джукетау сыграло его выгоднейшее расположение, в том числе возможность контролировать переправы на участке Камского торгового пути. Змеевское городище I (рис. 2: б; 3–5), расположенное на мысу с крутыми склонами между р. Ерыкла и Кама (Прость) у самой восточной границы Чистополя, имеет посадки; это дает основание предполагать, что его функция также не ограничивалась только оборонительной.

Существование средневекового городища на территории г. Чистополь прогнозировалось давно (Халитов, 1991); существует мнение, что это летописный Тухчин (Лыков, 2007, с. 8–10). Сегодня есть еще больше оснований предполагать, что здесь, между Джукетау и Змеево, на почти

Рис. 4. Змеевское городище. Вид запада.

Fig. 4. Zmeevo hillfort. View from the west.

одинаковом расстоянии от обоих, существовало городище, однако вопрос о его локализации пока не решен. Интересен участок между рч. Берняжкой и ныне засыпанной рч. Чистполкой между современными ул. К. Маркса и В. Ленина (рис. 8), а еще более – местность «Пикановка», мыс на левом берегу рч. Берняжка при впадении ее в р. Кама (Прость) (рис. 2в).

Выше по рч. Берняжка и ее притоку М. Берняжка (Студеный ключ), судя по имеющемуся подъемному материалу в виде фрагментов болгарской посуды, располагалось селище (селища). Территория и интенсивность распространения, хронология культурных остатков пока не определены. Во всяком случае, пока можно сказать, что кроме территорий, непосредственно примыкающих к рч. Берняжка и М. Берняжка (нижний парк, ул. М. Вахитова и др.), подъемный материал фиксируется на глубину не менее 400 м восточнее рч. М. Берняжка (кварталы между ул. А. Бебеля – Л. Толстого почти до ул. К. Маркса).

Совсем недавно появилась возможность провести наблюдения локальных участков городского культурного

слоя. Средневековые напластования пока не выделены. В общем керамическом комплексе (302 ед.) шурфа по ул. А. Бебеля, 138 фрагменты средневековой болгаро-татарской посуды немногочисленны (Беляев, 2017). Два мелких фрагмента глиняной неполивной мелкопесочной общеболгарской (по классификации Т.А. Хлебниковой) посуды выявлены на уровне пластов 4 и 5, оба фрагмента красного цвета, имеют хороший обжиг, лощение. Четыре фрагмента крупнопесочной посуды «джукетау» – переотложенный материал (выборка пласта 1). Фрагменты лепной посуды с примесью в тесте толченой раковины и шамота (12 ед.), среди которых по крайней мере два, имеющие характерный орнамент, могут быть сопоставимы с группами VII или VIII по классификации Т.А. Хлебниковой или одной из форм «постпетрогромско-болгарской», «гибридной» посуды по Е.П. Казакову (Хлебникова, 1984, с. 106–116, 157, 158–162, 191–194, 223–225; Васильева, 1993, с. 65–69, 97–98, 114–115, 134, 181–182; Кокорина, 2002, с. 22–29, 81, 85, 86, 88–91; Казаков, 2007, с. 52, 53, 58). Пока создается впечатление, что

Рис. 5. Змеевское городище.

Fig. 5. Zmeevo hillfort.

этот немногочисленный материал имеет домонгольский облик, что соотносится и с имеющимся подъемным материалом.

Наряду с памятниками, которые пока удается датировать лишь в целом болгарской эпохой (Галактионовское селище, Новочистопольское местонахождение и др.), некоторые памятники датируются точнее. В домонгольское время возникают памятники комплекса Джукетау, Новочистопольское селище I, Галактионовское местонахождение II и др. (см. также «Чистопольский» клад монет 915–994 гг.). По сравнению с Джукетау другие синхронные памятники изучены пока меньше. Видимо, только к домонгольскому времени относятся Змеевские городища I и II. Змеевские селища I–III предположительно имеют более широкую датировку.

Можно предполагать, что, находясь в структуре близлежащих друг к другу административно-территориальных единиц и их объединений, эти поселения и их локальные группы были связаны между собой определенными экономическими, культурными и прочими взаимоотношениями. Оставаясь

на данном этапе исторического развития в значительной степени автономными, самодостаточными и не составляя связанного территориального комплекса, они стали той основой, на которой в последующее время, вероятно, происходит их объединение – в первую очередь экономическое – вокруг Джукетау.

Памятники золотоордынского периода в основном соотносятся с комплексом Джукетау, либо территориально тяготеют к нему. Джукетау превращается в город «открытого типа» и практически теряет уловимые границы своей территории, «растекаясь» вглубь террасы и особенно по берегу р. Кама на несколько километров. Границы города маркируются некрополями, в том числе с эпитафическими памятниками («Донауровское» кладбище, «Жукотинское надгробие»). По аналогии можно было бы предположить, что эпитафические памятники XIV в. на современном Татарском кладбище города маркируют рост территории поселения вдоль рч. М. Берняжка в южном направлении (что было отмечено нами ранее), однако для такого заключения все же

Рис. 6. Утраченные надмогильные камни Змеевского некрополя. Типографические эстампажи болгарских эпиграфических памятников (XIII–XIV вв.) с. Змеево Чистопольского района Татарской АССР. Архив Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 69.

Fig. 6. Lost gravestones of Zmeevo necropolis. Typographic estampage of Bolgar epigraphic monuments (13th – 14th cc.) in Zmeevo village of the Chistopolsky District of the Tatar ASSR. Archive of the Center for Written and Musical Heritage of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences. F. 8, Inv. 1, Item 69.

пока недостаточно данных; не исключено, что это разные памятники.

Змеевское городище I, как и городище Джукетау, видимо, перестает использоваться; однако неукрепленные поселения и некрополь (Змеевское кладбище) функционируют (рис. 6). Расположенные на юго-восточной окраине современного города болгарские памятники, по всей видимости, продолжают существовать и в золотоордынское время (Новочистопольские селище III, местонахождение).

В золотоордынский период происходит трансформация системы организации пространства городских

центров (вплоть до «переноса территорий»), которая выразилась, в частности, в окончании функционирования городищ и некоторых поселений, формировании городов «открытого типа»; вхождении локальных групп памятников в общее экономическое и, вероятно, политическое (политико-административное) пространство с центром в Джукетау.

В целом постзолотоордынская и последующая история закамских территорий пока остается в значительной степени дискуссионной и требующей исследований, в том числе в области вопросов, связанных с изучением

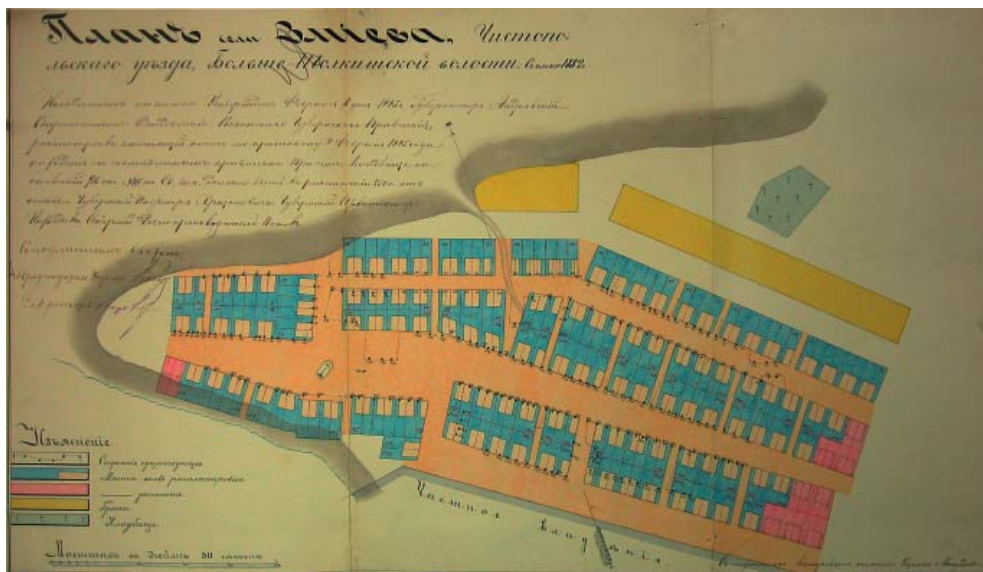

Рис. 7. План села Змиева Чистопольского уезда Больше-Толкишской волости. Списки домохозяев к планам деревень Больше-Толкишской волости Чистопольского уезда на 1879 г. Национальный архив РТ, ф. 81, оп. 2, ед. хр. 1066.

Fig. 7. Plan of the Zmievo village in the Bolshe-Tolkishskaya volost of the Chistopolsky District. Lists of householders for village plans of the Bolshe-Tolkishskaya volost of Chistopolsky District for 1879 National Archive of the Republic of Tatarstan, F. 81, Inv. 2, Item 1066.

преимущества памятников средневековья – исторических поселений нового времени. Средневековые памятники в определенной степени задали вектор развития чистопольского микрорегиона в последующие периоды его развития.

Доминирование роли естественно-географического фактора обусловило фактическую преимущество в выборе в разные историко-культурные периоды и эпохи территорий с благоприятными условиями для проживания и ведения хозяйственной деятельности. Для Чистополя, ставшего в последующее время крупным уездным городом, одним из главных центров хлебной торговли в Казанской губернии – это развитая гидрографическая сеть, в том числе как средство коммуникации, «ногайская» дорога, равнинные селитебные площадки с

малыми перепадами высот, плодородные почвы и т. д. Примечательно, что с. Жукотино – одно из первых документально зафиксированных здесь поселений нового времени – расположено именно на бывшей территории Джукетау (на его западной окраине, недалеко от переправы через Каму, в районе локализации торгового места золотоордынского города). В период первоначальной колонизации в раннерусское время прослеживается преимущество планировки, обусловленная естественно-топографическими причинами, использованием и приспособлением старой застройки, непосредственно объектов. Так, село Змеево (Змеево Городище, Воскресенское), основанное во второй половине XVII в., расположилось на территории Змеевского археологического комплекса (рис. 7). Основные

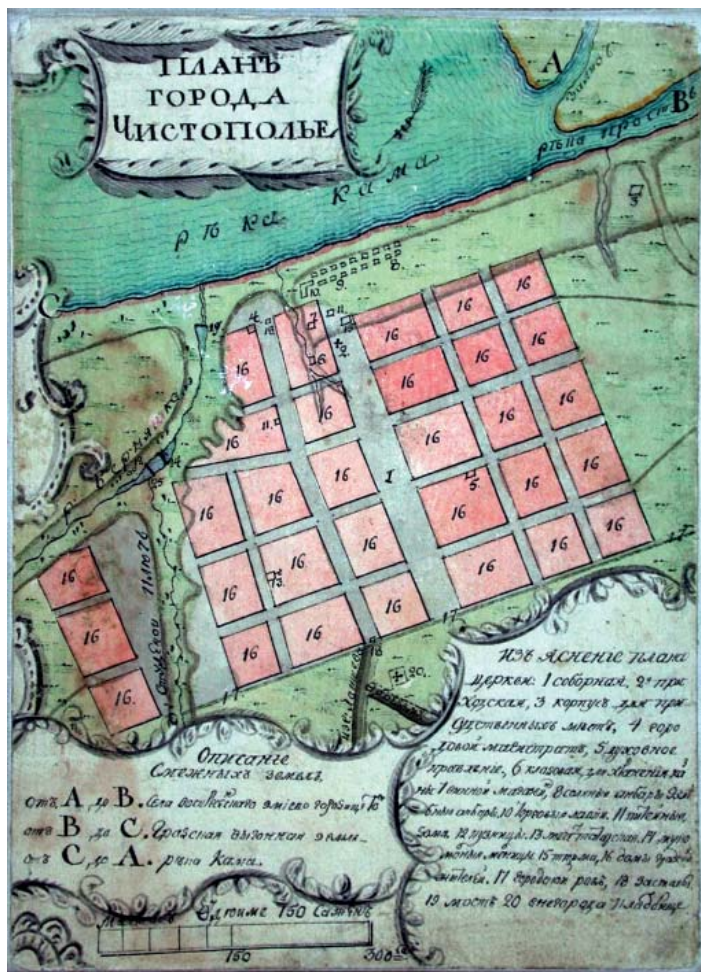

Рис. 8. Фрагмент Геометрической карты Казанской губернии. 1796 г. Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ (ОРРК НБ КФУ). Д4477.

Fig. 8. Fragment of the Geometric Map of Kazan Province. 1796 Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. Dossier 4477.

сельские улицы здесь сложились, видимо, по линии улиц Змеевского городища I, а также по линии остатков оборонительных валов городища; Воскресенская церковь (1742 г.) выстроена на высоком месте по линии оборонительных валов. В этом плане интерес представляет исследование сохранившихся участков дорегулярной застройки в северной части территории г. Чистополь. Временная и территориальная взаимосвязь участ-

ков археологического культурного слоя пока остается неясной.

Потенциальными объектами историко-культурного наследия и предметом научного изучения являются не только древние и средневековые памятники. Принципиальным является подход к культурному слою и объектам нового и отчасти новейшего времени (остатки мастерских, мельниц, объектов благоустройства типа дренажных систем и т. д.) как археоло-

гическому наследию, которое требует исследования и сохранения.

Проблемы сохранения и вопросы организации исследований. Приказом Министерства культуры РФ, Министерства регионального развития РФ от 29.07.2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» г. Чистополь является одним из исторических поселений. Постановление Кабинета Министров РТ от 12.11.2013 № 869 «Об отнесении к объектам культурного наследия регионального (республиканского) значения достопримечательного места «Исторический центр Чистополя» и включении его в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» фактически не регулирует режимы использования объектов археологического наследия на этой территории.

Одной из задач и условий сохранения памятников археологии является их максимально точная локализация. В условиях современного города они остаются под поздними застройками, теряют свои топографические привязки. Все это не позволяет провести полноценного анализа общей исторической картины в разные эпохи, в том числе и оценки территориального размещения памятников, а также полноценно использовать картографирование и т. д. Типичными проблемами организации работ являются труднодоступность материалов инженерно-геологических изысканий, невозможность проведения натурных исследований на перспективных участках без разрешения собственников земельных участков (по ул. Корнилова и др.).

По предварительному картографированию известных памятников древности, средневековья, нового времени на территории г. Чистополь и его близлежащих окрестностях выявлено несколько их групп, выстроенные ниже с точки зрения расположения относительно географического (исторического) центра и городской черты.

1. Средневековые материалы вдоль рч. Берняжка; некрополь XIV в. (действующее на Татарском городском кладбище); культурный слой г. Чистополь (до 1918 г.).

2. Памятники Джукетау; местонахождения каменного, бронзового века, именьковской культуры (н. п. Крутая гора, Донауровка, Галактионово); культурный слой с. Галактионово (бывш. Жукотино), дер. Донауровка.

3. Памятники на территории и в окрестностях Чистопольских Выселок: памятники именьковской культуры, домонгольско-булгарское время, золотоордынское время; культурный слой Чистопольских Выселок.

4. Памятники на территории и в окрестностях с. Змеево: памятники срубного, приказанского времени; булгарские городища, селища, золотоордынское кладбище и др.; культурный слой с. Змеево;

5. Прочие памятники, места нахождения которых точно не установлены, но предположительно они связываются с объектами на территории непосредственно г. Чистополь или его окрестностей.

Предварительное картографирование памятников позволяет обнаружить их неравномерную распределенность. Большинство объектов выявлено в зоне Куйбышевского водохранилища, а также по периметру за-

стройки современного города. Первое объясняется не только естественным тяготением мест проживания человека к воде, но и субъективными причинами: исследования данной территории производились неравномерно, охранные работы были сосредоточены главным образом в зоне водохранилища, где культурный слой легче выявляется в обнажениях, связанных с воздействием воды, и т. д. Второе – тем, что проведение исследований в районе городской застройки затруд-

нено. Некоторая часть прибрежной территории представляет собой промзону и в значительной степени осталась недоступной для исследований: часть ее отгорожена под различные предприятия; в некоторых местах берега Камы укреплены от размыва. Натурные работы показали присутствие участков культурного слоя мощностью не менее 4 м, мощного балласта, что делает неперспективными шурфовки и требует исследований широкими площадями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев А.В.* Отчет об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Исторический центр Чистополя» в г. Чистополь Республики Татарстан в 2017 г. Казань, 2017. // Архив ИА АН РТ. 201 л.
2. *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 195 с.
3. *Вознесенский П.* Надгробные камни в Жукотинском округе по левую сторону Камы. Субычи горы на Каме // ИОАИЭ. Т. XII. Вып. 1. Казань, 1894. С. 75–78.
4. *Гариф Н.Г., Исмагилов Н.Ф., Набиуллин Н.Г.* Итоги археологических работ в окрестностях Джукетау (по материалам полученным в ходе археологических изысканий, проведенных летом 2007 года в городе Чистополе) // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 346–357.
5. Геометрическая карта Казанской губернии 1796 г. / Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки КФУ. Д4477.
6. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
7. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
8. *Лихачев А.Ф.* Чистопольский клад из куфических монет второй половины X в., открытый в 1885 г. // ЗВОРАО. Т. II. Вып. 1–2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. С. 33–63.
9. *Лыков Г.И.* Краткие очерки по истории Чистополя. Чистополь: Новая типография, 2007. 24 с.
10. *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 149 с.
11. *Мельников С.* Село Змиево в Чистопольском уезде и его окрестностях // КГВ. 1855. № 21.
12. *Мельников С.* От Чистополя до села Богородского Тетюшского уезда // КГВ. 1862. № 85.
13. *Насыров Р.Г.* Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI–начало XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 240 с.

14. *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического Съезда в Москве. Т. 2. М., 1871. С. 539, 540.

15. *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. Т. X, вып. 5. Казань, 1892. С. 467–486.

16. Списки домохозяев к планам деревень Большетолкишской волости Чистопольского уезда на 1879 г. // Национальный архив РТ. Ф. 81, оп. 2, ед. хр. 1066.

17. Типографические эстампажи болгарских эпиграфических памятников (XIII–XIV вв.) с. Змеево Чистопольского района Татарской АССР // Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 69.

18. *Толмачев Н.А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда. Т. I. отд. 1. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1884. С. 69–109.

19. *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 94–192.

20. *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV / Под ред. Д.Б. Шелова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 165–221.

21. Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Отв. ред. А.В. Ступишин. Казань: Изд-во Казанского университета, 1964. 198 с.

22. *Хакимзянов Ф.С.* О языке межэтнического общения о Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР: 1985. С. 76–90.

23. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 191 с.

24. *Халитов Н.Х.* Сколько лет Чистополу? // Казанские ведомости, 1991, 16 ноября.

25. *Хлебникова Т.А.* К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С. 234–251.

26. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

27. *Хлебникова Т.А.* Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

28. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

29. *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: АН СССР, 1960. 322 с.

30. *Юсупов Г.В.* Итоги полевых эпиграфических исследований 1961–1963 гг. в Татарской АССР // Эпиграфика Востока. 1972. Вып. XXI. С. 48–55.

Информация об авторе:

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL SITES OF CHISTOPOL: ISSUES OF STUDYING AND PRESERVATION

N.G. Nabiullin

The paper features the preliminary results of historical and archaeological study of sites located in the territory and on the outskirts city of Chistopol. The author identified several groups of historically related sites. The natural and geographical factors played a crucial role in the localization of archaeological sites in the studied area. The author concludes that over several historical and cultural periods, the predominance of the natural geographic factor has determined the actual continuity in the selection by the population of these territories with

favorable conditions for living and economic activity. Considerable attention is paid in the article to the information on the historical geography of the study area. The article presents the results of a study of cartographic archival materials of the 18th – 19th centuries. The author also considers some problems of preservation of objects of archaeological heritage and questions of arrangement of future studies.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Ulus of Jochi, 10th – 15th cc., Modern Era, 17th – 18th cc. the Republic of Tatarstan, Chistopol, Juketau.

REFERENCES

1. Beliaev, A. V. 2017. *Otchet ob arkhelogicheskikh issledovaniakh na territorii ob'ekta kul'turnogo nasledii regional'nogo znachenii «Dostoprimechatel'noe mesto «Istoricheskii tsestr Chistopolia» v g. Chistopol' Respubliki Tatarstan v 2017 g. (Report on Archaeological Studies in the Territory of the Cultural Heritage Site of Regional Significance “The Historical Center of Chistopol” in Chistopol, Republic of Tatarstan, in 2017). Scientific Archive of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).*
2. Vasil'eva, I. N. 1993. *Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. (Pottery of Volga Bulgaria in the 10th – 14th cc.).* Ekaterinburg: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Voznesenskiy, P. 1894. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 12 (1). Kazan, 75–78 (in Russian).
4. Garif, N. G., Ismagilov, N. F., Nabiullin, N. G. 2009. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaiia i sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.)». 17 marta 2009 g (Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th – 15th cc.).” March 17, 2009.)* 1. Kazan: “Fan” Publ., 346–357 (in Russian).
5. *Geometricheskaiia karta Kazanskoi gubernii 1796 g. (Geometric map of Kazan province).* Kazan: Rare Manuscript Department of the Scientific Library of Kazan (Volga Region) State University. Dossier 4477 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeistviia (The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Issues of Interaction).* Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
7. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bolgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures)).* Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
8. Likhachev, A. F. 1888. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. II (1–2). Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 33–63 (in Russian).
9. Lykov, G. I. 2007. *Kratkie ocherki po istorii Chistopolia (Brief essays on the history of Chistopol).* Chistopol: “Novaia tipografiia” Publ. (in Russian).
10. Markov, A. K. 1910. *Topografiia kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh) (Topography of Hoards of Oriental (Sassanid and Kufic) Coins).* Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).
11. Mel'nikov, S. 1855. In *Kazanskie Gubernskie Vedomosti (Kazan Provincial Bulletin)* 21 (in Russian).
12. Mel'nikov, S. 1862. In *Kazanskie Gubernskie Vedomosti (Kazan Provincial Bulletin)* 85 (in Russian).
13. Nasyrov, R. G. 2007. *Sel'skoe rasselenie v Zapadnom Zakam'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XVIII vv.) (Rural Resettlement in the Western Trans-Kama Region (second half of 16th – early 18th cc.)).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

14. Nevostruev, K. I. 1871. In *Trudy I Arkheologicheskogo S"ezda v Moskve (Proceedings of 1st Archaeological Meeting in Moscow)* 2. Moscow, 539, 540 (in Russian).
15. Ponomarev, P. A. 1892. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* X (5). Kazan, 467–486 (in Russian).
16. *Spiski domokhoziaev k planam dereven' Bol'shetolkishskoi volosti Chistopol'skogo uезда na 1879 g. (Lists of householders for village plans of the Bolshe-Tolkishskaya volost of Chistopolsky District for 1879)* National Archive of the Republic of Tatarstan, fund 81, inv. 1, dossier 1066 (in Russian).
17. *Tipograficheskie estampazhi bulgarskikh epigraficheskikh pamiatnikov (XIII–XIV vv.) s. Zmeevo Chistopol'skogo raiona Tatarskoi ASSR (Typographic estampage of Bolgar epigraphic monuments (13th – 14th cc.) in Zmeevo village of the Chistopolsky District of the Tatar ASSR)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History, fund 8, inv. 1, dossier 69 (in Russian).
18. Tolmachev, N. A. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* I. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University, 69–109 (in Russian).
19. Fyodorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 94–192 (in Russian).
20. Fyodorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* IV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 9165–221 (in Russian).
21. Stupishin, A. V. (ed.). 1964. *Fiziko-geograficheskoe raionirovanie Srednego Povolzh'ia (Physical and Geographical Regionalization of the Middle Volga Region)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
22. Khakimzyanov, F. S. 1985. *K formirovaniyu yazyka tatar Povolzh'ya i Priural'ya (Establishment of the Language of the Tatars in the Volga and Ural Regions)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 76–90 (in Russian).
23. Khakimzyanov, F. S. 1987. *Epigraficheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ikh yazyk (Epigraphic Monuments of Volga Bulgaria and their Language)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Khalitov, N. Kh. 1991. In *Kazanskije vedomosti (Kazanskije Vedomosti)* 16 november (in Russian).
25. Khlebnikova, T. A. 1975. In *Sovetskaja Arkheologija (Soviet Archaeology)* (1), 234–251 (in Russian).
26. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar: Oчерki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).
28. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).
29. Yusupov, G. V. 1960. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu epigrafiku (Introduction to the Bolgar-Tatar Epigraphy)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
30. Yusupov, G. V. 1972. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXI, 48–55 (in Russian)..

About the Author:

Nabiullin Nail G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Статья поступила в номер 11.01.2019 г.

Хроника

УДК 903.2 /094 «04/14»

<https://doi.org/10.24852/pa2019.1.27.208.228>

ОБ ОСНОВНЫХ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА В 2018 ГОДУ

© 2019 г. С.Г. Бочаров, Г.Ш. Асылгараева

Статья знакомит заинтересованного читателя с основными итогами научной деятельности Обособленного подразделения «Институт археологии им А.Х. Халикова» Академии наук Республики Татарстан – академической организации, которая продолжает традиции отечественной науки в области историко-археологических исследований обобщающего фундаментального характера. Институт археологии имени А.Х. Халикова является одним из трёх ведущих археологических академических институтов на территории Европейской части Российской Федерации и единственным институтом на территории Поволжья. Основная профильная деятельность сотрудников Института археологии имени А.Х. Халикова – это организация археологических, археографических, археометрических исследований и спасательных полевых работ. Итогом его ежегодной работы является не только получение новых уникальных научных знаний, но и сбор и хранение архивных материалов и документов, а также камеральная обработка и аналитические исследования древних артефактов отражающих культурное наследие народов, проживающих на территории Республики Татарстан. В Институте археологии им. А.Х. Халикова постоянно ведется работа по подготовке научных кадров высшей квалификации, в том числе через аспирантуру, докторантуру и соискательство ученой степени, обеспечивается работа специализированных советов по присуждению ученых степеней. Огромное значение имеет учреждение Институте научных изданий: осуществляется издательская деятельность, выпускаются журналы, сборники статей, методические материалы, тезисы докладов международных, всероссийских и республиканских конференций.

Ключевые слова: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, археология, фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, охрана археологического наследия, археометрия, музей археологии РТ, выставочная деятельность.

В 2018 г. научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан осуществлялась согласно Государственному заданию и «Стратегии развития Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на 2016–2020 гг.».

Сотрудники Института проводили исследования по 77 темам, археоло-

гические и историко-культурные изыскания были проведены на 56 памятниках в Республике Татарстан и за ее пределами (Волго-Уральский регион, Санкт-Петербург, Северный Кавказ, Республика Крым, Западная Сибирь, Алтайский край, Монголия).

В отчетный период качественно увеличилось количество научных публикаций сотрудников Института в изданиях самого высокого уровня

Рис. 1. Общее фото участников VIII Международной научной конференции посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве». Прасковья, Ставропольский край, 25 сентября 2018 г.

Fig. 1. Photograph of the participants of the 8th International Scientific Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov “Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space”. Praskoveya, Stavropol Krai, September 25, 2018.

индексируемых SCOPUS и РИНЦ по сравнению с предыдущим годом опубликовано 19 монографий, научных сборников и каталогов, а также 162 научные статьи. Повысилась научная продуктивность сотрудников: по статистике базы данных РИНЦ в 2018 г. средний показатель цитируемости по Институту составил – 447. Этот показатель по отношению к 2017 г. вырос на 68 пунктов.

В 2018 г. Институтом было проведено 12 научных конференций, семинаров и школ, из которых 8 международных, 4 всероссийских. Институтом заключено 65 договоров о сотрудничестве. Большой научный и общественный резонанс получили: III Международная научно-практическая конференция «Археологический костюм: исследования, реставрация, реконструкция», Международный Круглый стол «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника», Международная молодежная научно-практическая конференция «Междисциплинарные

исследования в археологии: достижения и вызовы», VIII Международная научная конференция, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве» (рис. 1), IV Международный Мадыарский симпозиум (рис. 2), где Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ выступил как главный организатор форумов.

Крупным научным событием 2018 г. стало издание двухтомной академической монографии «Болгарский историко-археологический комплекс. Управление объектами всемирного культурного и природного наследия». Казань: Главдизайн, Том 1. 400 стр. (43,57 п.л.), Том 2. 508 стр. (63,5 п.л.). Обоснование выдающейся универсальной ценности этого памятника подготовлено коллективом ученых Фонда «Возрождение», Ресурсного центра КФУ «Всемирное культурное наследие», Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Министерства культуры РТ, ряда других орга-

Рис. 2. Общее фото участников IV Международного Мадьярского симпозиума. Казань, Республика Татарстан. 16 октября 2018 г.

Fig. 2. Photograph of the participants of the 4th International Magyar Symposium. Kazan, Republic of Tatarstan. October 16, 2018

низаций республики и страны и получило самую высокую оценку (Валеев, Ситдииков, Хайрутдинов, 2016; Валеев, Ситдииков, Хайрутдинов и др., 2016а).

Не менее важным явлением в научной жизни Российской Федерации и Республики Татарстан было основание в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ серии «Мирас – Наследие» призванной осуществлять издание источников по материальному и культурному наследию татарского народа (рис. 3). Первой в этой серии была издана трехтомная

коллективная монография под редакцией А.Г. Ситдиикова и С.Г. Бочарова «Мирас – Наследие. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах». Казань: Астер плюс. Том 1. 580 стр. (94,25 п.л.), Том 2. 572 стр. (92,95 п.л.), Том 3. 720 стр. (117 п.л.). В этой фундаментальной научной монографии впервые в научный оборот введен свод материалов экспедиции по изучению культурного наследия татарского народа времени Волжской Болгарии (X–XIII вв.), Золотой Орды (XIII–XV вв.) и татарских

Рис. 3. Обложка книги «МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым».

Fig. 3. Cover of the book “MIRAS – HERITAGE. Tatarstan – Crimea”.

Рис. 4. Обложка книги «Музей Болгарской цивилизации / Древний Болгар: жизнь города. Каталог». Т. 1.

Fig. 4. Cover of the book “Museum of Bolgar Civilization / Ancient Bolgar: Life of the Town. Catalog”. Vol. 1.

государств (XVI–XVII вв.), собранный в 1923–1929 гг. (Мирас – Наследие, 2016; Мирас – Наследие, 2016а; Мирас – Наследие, 2017).

Особо необходимо выделить издание В.С. Барановым, Д.Г. Бугровым и А.Г. Ситдиковым трехтомного каталога «Музей Болгарской Цивилизации» Казань: Главдизайн, Том 1. 216 стр. (31,5 п.л.), Том 2. 254 стр. (32,5 п.л.), Том 3. 275 стр. (34,6 п.л.). Каталог экспозиции Музея Болгарской цивилизации представляет материалы исследований архитектурно-археологического объекта Болгарское городище X–XV вв. Богатейшая коллекция получена за более чем полуторавековой период его изучения. Памятник связан с г. Болгар – одним из крупнейших политических, экономических, культурных и религиозных центров Урало-Поволжья в эпоху средневековья (рис. 4). Его уникальная неповторимость подтверждена включением в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (Музей Болгарской Цивилизации, 2018).

Фундаментальным направлением научно-исследовательской деятельности Института, всех его структурных подразделений и научных сотрудников является создание семитомной академической «Археологии Волго-Уральского региона».

В 2018 г. были продолжены полевые археологические исследования на территории Болгарского городища и в его округе (12 раскопов) (рис. 5), Билярского городища (1 раскоп) (рис. 6) и на острове Свяжск и в его округе (10 раскопов) (рис. 7). Проведенные работы являются важной составляющей формирования целостной системы сохранения историко-культурного наследия и его эффективного использования, включения уникаль-

Рис. 5. Археологические исследования на Болгарском городище в 2018 г.

Fig. 5. Archaeological studies at Bolgar fortified settlement in 2018.

ных памятников и исторических территорий в программы российского и международного туризма (Бездудный, Волков, Марчук, Ситдилов, 2018; Бочаров, 2018, с. 253; Khuzin, Valiulina, Shakirov, 2017, с. 8–10).

Актуальным направлением деятельности Института является организация и проведение комплексных охранно-спасательных археологических исследований. В 2018 г. были обследованы значительные площади территории Республики Татарстан на наличие объектов культурного наследия (120 га). Всего в рамках проведения археологических исследова-

Рис. 6. Археологические исследования средневекового города Биляр в 2018 г.

Fig. 6. Archaeological studies of the medieval town of Bilyar in 2018.

Рис. 7. Археологический раскоп на территории острова-града Свияжск.

Fig. 7. Archaeological excavation in the territory of the island-fort of Sviyazhsk.

ний Институтом археологии АН РТ в Министерстве культуры РФ было получено 15 открытых листов (разрешений) на проведение археологических спасательных работ. Проведены исследования в виде археологических раскопок на 45 объектах археологического наследия (Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Татарстан, Ставропольский край, Саратовская область, Тюменская область, Ульяновская область) общей площадью 1443 кв. м. Исследований в виде археологических наблюдений на объектах культурного наследия – площадью 2789 кв. м (Бочаров, 2018 г, с. 71–72; Бочаров, Ситдииков, Бездудный, 2017, с. 127–130).

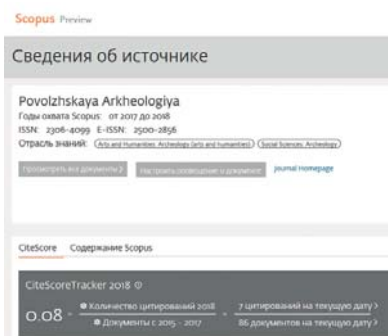
Важным моментом в текущем календарном году стало решение правительства Республики Татарстан о продлении исследований в рамках государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2019 годы)» п. 1.16. Проведение историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюрко-татарских городов за пределами Республики Татарстан: Укек (Саратовская область),

Искер (Тюменская область), Красноярское городище (Астраханская область), Красносундюковское городище (Ульяновская область), Касимов (Рязанская область), Курмыш (Нижегородская область), Мошаик (Астраханская область), Маджар (Ставропольский край), городище Башанта (Республика Калмыкия), Республика Крым. В результате этих изысканий вводятся в научный оборот ценные данные по истории татарского народа и его предков в контексте изучения Евразийской цивилизации в целом (Бочаров, Обухов, Ситдииков, 2018, с. 404–405; Бочаров, Обухов, Ситдииков, 2018а, с. 33–37; Обухов, Бочаров, 2018, с. 128–130).

Ключевым направлением научно-исследовательской деятельности Института является издание журнала «Поволжская археология», на страницах которого нашли отражение многоаспектные исследования в области изучения евразийских древностей в самом широком временном и территориальном диапазоне. Одним из главных достижений работы периоди-

Рис. 8. Информация о включении журнала «Поволжская археология» в библиографическую и реферативную базу данных SCOPUS.

Fig. 8. Information on the inclusion of the journal «The Volga River Region Archaeology» in the SCOPUS bibliographic and abstract database.

ческого издания последних лет было включение его в базу данных Scopus. В отчетном году было издано 4 номера журнала, в котором опубликовано 92 статьи, общим объемом 128,8 а.л., из них 29 статей сотрудников Института (рис. 8).

Международный научный журнал – Археология евразийских степей (АЕС), издание которого является одним из научных приоритетов Института (рис. 9). Задачами издания являются публикации результатов археологических исследований, в числе которых комплекс археологических и естественнонаучных, а также актуальных историографических материалов. Журнал отражает точки зрения специалистов по узловым проблемам археологии степной Евразии различных эпох и смежных исторических дисциплин, способствует продуктивному обсуждению актуальных проблем археологии. В редакционный совет журнала вошли 17 ученых, представляющие 15 научных центров Испании, Франции, Германии, Финляндии, Румынии, Болгарии, России. В отчетном году издано 6 номеров журнала в котором опубликовано 136 статей,

Рис. 9. Обложка журнала “Археология евразийских степей”

Fig. 9. Cover of the journal “Archaeology of the Eurasian Steppes”.

общим объемом 156,3 а.л., в том числе 30 статей сотрудников Института (Ситдилов, 2018, с. 6–7).

Актуальным направлением научно-исследовательской деятельности Института является создание геоинформационной системы «Археологическое изучение Татарстана». По состоянию на конец 2018 г. учтено 12 234 памятника археологии, 2 287 объектов культурного наследия, 810 археологических исследований, 60 артефактов, 826 радиоуглеродных датировок, 317 отчетов об археологических исследованиях, 144 монографий, 1033 статей, 883 исследователей-археологов. Применение современных методов мониторинга позволяют оценить влияние различных факторов воздействия, риск разрушения и ущерб, наносимый памятникам археологии с течением времени (Сайфутдинова, 2018; Сайфутдинова, 2018а).

Основными темами прикладных исследований в 2018 г. стали комплектование, систематизация, учет, хранение музейных предметов и музейных коллекций фонда археологии и научного фонда документов.

Динамика пополнения музейного собрания Института имеет положительную тенденцию. В 2018 г. объемы новых поступлений с памятников Татарстана и г. Казань в музейные фонды составили 22 археологические коллекции, полученные в результате исследований научных экспедиций Института археологии в количестве 20 985 предметов музейной, научной, историко-культурной значимости. Этот показатель в 2 раза превышает цифры по 2017 г. Необходимо отметить, что такого количества поступлений уникальных артефактов археологического и историко-культурного наследия не отмечено в других музеях

Рис. 10. Временная выставка музея археологии Республики Татарстан ИА АН.

Fig. 10. Temporary exhibition of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan under the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences.

Татарстана и не представлено в таком масштабе в их экспозициях. Поступления в Научный фонд составили 121 единицу хранения документов научного наследия по археологии, которые составят дополнение к Путеводителю по научному фонду Музея археологии РТ (Садриев, 2017, с. 202–204).

Результатом деятельности по обозначенному направлению стало формирование полного, научно-информативного, нормативно закрепленного, исторически и культурно значимого собрания археологического и научного фондов. Комплектование научного фонда способствует наиболее полной концентрации документов, отражающих исследовательскую и научно-организационную деятельность в области археологии Республики Татарстан (Абдуллин, Беляев, Сайфутдинова, 2018, с. 12–15).

В 2018 г. прошли научную систематизацию, атрибуцию и изучение археологические материалы дофондового хранения из полевых исследований 1960–1970 гг., состоящие из 2 археологических коллекций и включающие 7 166 предметов. На сегодняшний день за период выполнения Госзадания 2016–2018 гг. систематизацию и научную обработку прошли 64 466 предметов археологии, находящихся на дофондовом хранении в Му-

зее археологии РТ, что составляет 13 процентов от общего предварительного количества предметов дофондового хранения (400000 предметов). Эта деятельность является важной составляющей по подготовке археологического фонда Музея археологии РТ для включения в Государственный музейный фонд РФ, обеспечивающая юридическую и физическую сохранность коллекций. В отчетном году общее количество находок, прошедших камеральную и научно-техническую обработку в Институте, составляет 67 409 предметов археологии. Из них 31 891 предмет прошли обработку для последующего включения в Музей археологии РТ, еще 35 518 предметов переданы на постоянное хранение в крупнейшие музеи-заповедники РТ для последующего включения в Музейный фонд РФ (Бахматова, Храменкова, Ситдилов, 2017, с. 126–130).

2018 г. стал годом активной экспозиционно-выставочной деятельности Института (рис. 10), главная цель которой – презентация археологического наследия Татарстана: разработан и представлен в Музее Н.И. Лобачевского К(П)ФУ выставочный проект «От первобытности к цивилизации. По материалам новых поступлений в Музей археологии»; в Елабужском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике

Рис. 11. Посещение Президентом Республики Татарстан Р.Н. Миннихановым временной выставки Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Fig. 11. President of the Tatarstan Republic R.N. Minnikhanov visiting a temporary exhibition of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarsan Academy of Sciences.

выставка «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника», в Национальном музее РТ совместный выставочный проект «Угро-мадьяры в Волго-уральском регионе. Наследие прошлого». Открытие выставок сопровождалось освещением в средствах массовой информации, ТВ и сети Интернет (рис. 11). Эффективная работа по данному направлению открывает возможности для начала новых исследований и формирования системы управляемых баз данных в археологическом вещеведении и источниковедении, научной каталогизации фондов и коллекций.

Археометрические исследования, проведенные в 2018 г., внесли существенный вклад в научный оборот по аналитическим характеристикам археологических находок и объектов культурного наследия (ОКН) Респу-

блики Татарстан (рис. 12). Всего было изучено более 200 археологических находок и иных ОКН. Проведенные работы позволили сохранить большое количество памятников культурного наследия РТ. Приобретен значительный опыт по реставрации, применены новые реставрационные методики (реставрация современного металла в работе над печатным Кораном из Болгара), составлению реставрационной документации, проведению реставрационных советов, участием реставраторов в научно-исследовательской деятельности. Подготовлена экспозиция для уникального «Музея дерева» который был торжественно открыт в Свияжске 5 сентября 2018 г. Проведено значительное количество естественнонаучных анализов с археологическими изделиями из металла. Заложены основы для будущих публикаций и диссертаций. Про-

Рис. 12. Трехмерная модель соборной мечети Болгарского городища.

Fig. 12. Three-dimensional model of the Cathedral Mosque of Bolgar fortified settlement.

должается научное сотрудничество с ведущими организациями в области сохранения историко-культурного наследия, ведущими ВУЗами и научными учреждениями Татарстана, России и Европы (Шайхутдинова, Храменкова, Бакиров, 2018, с. 245–248; Шайхутдинова, Храменкова, Беляев, 2018, с. 250–252).

Следует отметить продолжающуюся в 2018 г. положительную тенденцию к интеграции сотрудников Института в международное археологическое сообщество путем публикации статей на английском языке в реферируемых журналах, участия с

докладами и постерами на английском языке в зарубежных конференциях (Bocharov, Maslovskiy, Sitdikov, 2018, p. 87–90; Chernova, Vafina, Chernova, Starovoytov, 2018, pp. 281–287).

В аспирантуре Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проходят обучение 5 человек. Аспиранты выполнили индивидуальные планы, аттестованы и переведены на следующий год обучения (Kaplan, Ionescu, Khramchenkova, Gál, Sitdikov, 2018, p.74). Темы диссертационных работ аспирантов соответствуют общим направлениям научно-исследовательской деятельности Института.

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА

МОНОГРАФИИ

1. *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей болгарской цивилизации / Открытие древнего Болгара. Каталог. Т. 3. Казань: Главдизайн, 2016б. 254 с.
2. *Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации / История тюрко-болгарской цивилизации. Каталог. Т. 2. Казань: Главдизайн, 2016а. 254 с.
3. *Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации / Древний Болгар: жизнь города. Каталог. Т. 1. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.
4. *Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В.* Малый городок Великого Болгара: исследования 1981–1983 и 2011–2015 годов / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, В.Ю. Коваль. Москва-Казань: ИА РАН, ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018. 136 с., илл.
5. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым: в 3 томах / Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах. Т. 1 / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016. 580 с.
6. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым: в 3 томах / Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах. Т. 2 / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2016а. 572 с.
7. МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Татарстан – Крым: в 3 томах / Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах. Т. 3 / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков. Казань: ООО «Астер Плюс», 2017. 720 с.
8. Историко-культурный атлас Елабужского района Республики Татарстан / Под общ. ред. И.Р. Кузьминой. Сост.: А.Г. Ситдииков, Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов и др. Казань: Оранж Кей, 2018. 247 с.
9. Историко-культурный атлас Тетюшского района Республики Татарстан. / Под общ. ред. И.Р. Кузьминой. Сост.: А.Г. Ситдииков, Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов и др. Казань: Оранж Кей, 2018. 156 с.
10. *Коваль В.Ю., Русаков П.Е.* Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. 2 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Л.А. Беляев. Москва-Казань: ИА РАН, ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018. 160 с., илл.

11. Международная археологическая школа: сборник материалов итоговой конференции / Отв. ред. А.Г. Ситдилов. Казань, Болгар: Orange Key, 2018. 212 с.

12. *Никитина Т.Б.* Русенихинский могильник / Археология евразийских степей. 2018. № 3. С. 6–241 (монография в журнале).

13. *Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья / Археология евразийских степей. 2018. № 2. С. 7–288 (монография в журнале).

14. *Савенко С.Н.* Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э. / Археология евразийских степей. Вып. 24. Пятигорск, Казань: Изд-во «Казанская недвижимость», 2017. 384 с.

15. *Сайфутдинова Г.М.* Система управления базами данных MySQL: Методические указания для практических работ по дисциплине «Базы данных и системы управления базами данных» (методические указания). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 34 с. (https://repository.kpfu.ru/?p_id=176734).

16. *Сайфутдинова Г.М.* Электронно-образовательный ресурс «Базы данных и системы управления базами данных». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018a (<https://edu.kpfu.ru/course/view.php?id=2451>).

17. *Ситдилов А.Г., Измайлов И.Л.* Музейный парк. Путеводитель по музейному парку БГИАМЗ. Казань: ГЛАВДИЗАЙН, 2018. 112 с.

18. *Халикова Е.А., Халиков А.Х.* Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с.

19. *Хамидуллин Б.Л.* «...Окаянная дочь Златой орды...». Казань: Тат. кн. изд-во, 2018. 295 с.

СТАТЬИ

1. *Абдуллин Х.М., Беляев А.В., Сайфутдинова Г.М.* Комплексные исследования средневекового мусульманского кладбища «Биш-Балта» Адмиралтейской слободы в 2017 году // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: материалы Всероссийской научной конференции (г. Казань, 25–26 октября 2018 г.) / Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 10 / Отв. ред. И.З. Файзрахманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 12–22.

2. *Абдуллин Х.М., Ситдилов А.Г., Сайфутдинова Г.М.* Исторический объект по данным историографии и картографическим источникам (на примере мусульманского кладбища «Биш-Балта» города Казани) // Геодезия и картография. 2018. Т. 79. № 8. С. 20–27. DOI: 10.22389/0016-7126-2018-938-8-20-27.

3. *Айнутдинова Л.М., Хамидуллин Б.Л.* Современное положение татарской деревни на страницах энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» // Населенные пункты Республики Татарстан: социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие / Отв. ред. И.А. Гилязов. Казань: Изд-во АН РТ, 2018. С. 4–9.

4. *Асылгараева Г.Ш., Чижевский А.А.* К юбилею Мадины Шакировны Галимовой // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 355–359. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.355.359>

5. *Ахметгалин Ф.А., Красильников П.В., Петрова Д.А.* Археологические разведки в восточных районах Республики Татарстан // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 300–301.

6. *Бахматова В.Н.* Аналитические исследования домонгольской керамики Болгара: вопросы интерпретации // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 93–100.

7. *Бахматова В.Н.* Опыт изучения сырьевой базы гончарного производства городища Джукетау в домонгольское время // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с между-

народным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018а. С. 262–263.

8. *Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г.* Технологическое изучение «прикамско-приуральской» керамики из домонгольских комплексов Джукетау // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 253–274. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.1.23.253.274>

9. *Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г.* Исследования керамики и источников глинистого сырья в керамическом производстве Среднего Поволжья XIII–XIV вв. // Поволжская археология. 2017. № 4. стр. 126–146.

10. *Бахматова В.Н., Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш.* Предварительные итоги технологического изучения неполивной керамики Билярского городища: особенности приспособительных навыков (по материалам раскопа 44 2015-2016 гг.) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 264–265.

11. *Бездудный В.Г., Волков И.В., Марчук В.Н., Ситдиков А.Г.* Комплексные геофизические исследования Болгарского городища 2014–2017 гг. // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 107–113.

12. *Бездудный В.Г., Марчук В.Н., Ситдиков А.Г.* Комплексные геофизические исследования Болгарского городища в 2016 году // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 319–325. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.319.325>

13. *Бездудный В.Г., Обухов Ю.Д., Ситдиков А.Г.* Комплексные исследования средневекового памятника на Северном Кавказе «Городище Маджары» 2016–2017 годов // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 10–17.

14. *Бездудный В.Г., Шакиров З.Г., Ситдиков А.Г.* Комплексные геофизические исследования 2015–2017 гг. на Билярском городище // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 18–24.

15. *Богатова Л.Ф., Еналеев И.Р., Валиев Р.Р.* Находка клубочка XV в. на территории Казанского кремля // Материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию со дня рождения профессора Г.П. Дементьева «Орнитология: история, традиции, проблемы и перспективы» (Звенигородская биологическая станция МГУ, 27 сентября – 1 октября 2018 г.) / Отв. ред. В.М. Гаврилов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. С. 49–53.

16. *Бочаров С.Г.* Археология Венецианской Газарии XIII–XV вв. Определение термина и научное содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 233–249.

17. *Бочаров С.Г.* О причине конфликта между иерархами Херсонской, Сугдейско-Фульской и Готской митрополий за приходы Южного берега Крыма (вторая половина XIV в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017а. Т. 22, № 5. С. 46–55.

18. *Бочаров С.Г.* Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове // Поволжская археология. Казань. 2017б. № 4. С. 81–98.

19. *Бочаров С.Г.* Феодосия // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. Москва: Научное издательство «БРЭ». 2017в. Уланд – Хватцев. С. 266–267.

20. *Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г., Бездудный В.Г.* Поиски загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай. Археологические и геофизические исследования // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири / Отв. ред. А.С. Вдовин, Н.П. Макаров. Красноярск. 2017. С. 127–134.

21. *Бочаров С.Г.* Археологические исследования горнов на Болгарском городище в 2016 году (Раскоп ССХVI) // Поволжская археология. Казань. 2018. № 2. С. 253–269.

22. *Бочаров С.Г.* Археология Генуэзской Газарии XIII–XV вв. Определение термина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 15 (264). Вып. 43. Март. 2018а. С. 64–79.

23. *Бочаров С.Г.* Город Каффа – западное завершение Великого шёлкового пути в последней четверти XIII–XIV вв. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения–2018 Духовная модернизация и археологическое наследие» / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы, Актобе: Изд. ЖК С. Т. Жанәділов, 2018б С. 392–397.

24. *Бочаров С.Г.* Датирующие возможности поливной керамики, произведённой в городах Юго-Восточного Крыма в конце XIII–XV веках, для территорий Северо-Восточной Европы // Человек и Север: Антропология, археология, экология / Отв. ред. А.Н. Багашев. Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН. 2018в. С. 30–33.

25. *Бочаров С.Г.* Нововьявленное селение XIII–XV вв. Керченского полуострова (предварительное сообщение по материалам исследований 2018 г.) // Поволжская археология. 2018. № 4. С. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.4.26.71.83>

26. *Бочаров С.Г., Мейтумеров Ш.С.* Бахчисарай – введение в историческую топографию столицы Крымского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 21–30.

27. *Бочаров С.Г., Неделькин Е.В.* Селения Чембальского консульства в XIV–XV вв. Материалы к археологической карте // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 16–41.

28. *Бочаров С.Г., Обухов Д.Ю., Ситдииков А.Г.* Золотоордынский город Маджар в системе культурных связей Евразии. По материалам археологических исследований (2015–2017 гг.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 404–407.

29. *Бочаров С.Г., Обухов Д.Ю., Ситдииков А.Г.* Три года археологических исследований золотоордынского города Маджар (2015–2017). Итоги и перспективы // Археология евразийских степей. 2018а. № 5. С. 31–37.

30. *Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г.* Изучение памятников Золотой Орды в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Материалы Международной научно-практической конференции Девятые Большаковские чтения / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 134–137.

31. *Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г.* Исторические связи Ширвана и Золотой Орды в XIII – XIV вв. на примере распространения поливной посуды // Azerbaijan Archaeology. 2018а. Vol. 21. Num. 2. P. 84–93.

32. *Бочаров С.Г., Яворская Л.В.* Юбилей Ю.Д. Обухова // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 236–237.

33. *Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш.* Использование животных в погребальном обряде Гулюковского могильника позднесарматского времени // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 197–199.

34. *Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдииков А.Г.* Предисловие // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 6–8.

35. *Бугров Д.Г., Мясников Н.С.* Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 314–335. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.314.335>

36. *Валиев Р.Р.* Новый памятник «коминтерновского типа» именьевской культуры // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.

37. *Валиев Р.Р., Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г.* «Старокуйбышевское VII селище»: историко-археологические исследования // Поволжская археология. 2018. № 2(24). С. 100–110. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.100.110>
38. *Валиев Р.Р., Бадеев Д.Ю.* Результаты археологических исследований на Болгарском городище в 2010 г. (раскоп СLIII) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 137–143.
39. *Валиев Р.Р., Вязов Л.А., Серых Д.В., Степанов Р.А., Ситдииков А.Г.* Археологические исследования Старокуйбышевской группы памятников // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 304–306.
40. *Валулина С.И., Пятаев А.В., Воронина Е.В., Нуретдинова А.Р., Кадикова А.Х.* Чугун Торецкого городского поселения XV века // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 280–282.
41. *Вафина Г.Х., Овечкина Л.В.* Реконструкция деревянных сооружений XVII–XVIII веков в программе Autodesk 3ds Max // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII рос. (с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / Отв. ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпекко. Омск: издатель-полиграфист, 2018. С. 151–153.
42. *Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., Садриев Н.Р., Старков А.С.* О некоторых подходах к построению трехмерных моделей сооружения // Поволжская археология. 2018. № 4. С. 193–202. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.4.26.193.202>
43. *Вафина Г.Х., Яранцева Н.С., Овечкина Л.В.* О преимуществах современных методов фиксации погребений на приере мусульманского кладбища Кырк-Азизлер / Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии / Материалы Международной научной конференции молодых ученых (г. Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.) / Отв. редакторы А. А. Бессуднов, Е. С. Ткач. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. С. 19–22.
44. *Введенский В.И., Вязов Л.А., Каравашкина Е.А., Макарова Е.М., Панин А.В., Петрова Д.А., Пономаренко Д.С., Харченко В.Л.* Исследования в Ульяновском Предволжье в 2016 году // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 297–299.
45. *Визгалова М.Ю.* Коллекция из археологического дерева и древесных материалов (береста, лыко, кора): атрибуция и условия хранения. Значение природного и культурного наследия в современном обществе / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина» / Отв. ред. Р.М. Еркинова. Горно-Алтайск, 2018. С. 150–154.
46. *Волкова Е.В.* Антропология могильника Старый Чекмак (пьяноборская культура) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 200–201.
47. *Волкова Е.В., Кирягин К.В., Газимзянов И.Р.* Мавзолеи средневекового Болгара: палеопатологический аспект // Актуальные вопросы судебной медицины и права. Вып. 9 / Отв. ред. Казань, 2018. С. 138–148.
48. *Гайнуллин И.И., Усманов Б.М., Хомяков П.В.* Оценка природных и антропогенных рисков на основе комплексного изучения г. Болгар и округи // Археология евразийских степей. Казань, 5, 2018. № 5. С. 167–174.
49. *Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю.* Кремневый и палеофаунистический комплексы стоянки Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 года)

// XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 22–24.

50. *Галимова М.Ш., Березина Н.С., Березин А.Ю.* Стоянка финального палеолита Беганчик в устье Камы (результаты исследований 2013 года) // Поволжская археология. 2018а. № 3 (25). С. 8–29. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.8.29>

51. *Гладнев Н.С., Тихонова В.Р.* Использование инструментов ГИС для определения расселения Среднего Поволжья с I тысячелетия до нашей эры // Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «География в современном мире: вековой прогресс и новые приоритеты» / Отв. ред. А.И. Краснов. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 540–543.

52. *Голубева Е.Н.* Каменные орудия труда из энеолитического жилища раскопа № 2 на Игимской стоянке (по результатам трасологического исследования) // Поволжская археология. 2018. № 3(25). С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.156.168>

53. *Голубева Е.Н.* Каменные скребки стоянки Игим (Нижнее Прикамье) эпохи неолита – раннего металла: соотношение формы и функций // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018а. С. 25–27.

54. *Губайдуллин А.М.* Археологические исследования на Болгарском городище в районе «Черной палаты» // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 306–307.

55. *Губайдуллин А.М.* О некоторых закономерностях развития военного зодчества в эпоху средневековья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 274–278. <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3896>

56. *Губайдуллин А.М.* О болгарской фортификации X–XI вв. на территории Закамья // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 174–177.

57. *Губайдуллин А.М.* Типы средневековых дерево-земляных оборонительных сооружений и способы их возведения // Поволжская археология. 2018а. № 2(24). С. 297–306. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.297.306>

58. *Губайдуллина А.В.* Коллекции с Болгарского городища в археологическом собрании Национального музея РТ // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 177–180.

59. *Дроздова Г.И.* Описание архива П.Н. Старостина // Археология евразийских степей. 2018. № 1 С. 227–256.

60. *Ермаков В.В., Набиуллин Н.Г., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т.* К вопросу о локализации исторически известных объектов нового времени (на примере «Чалнинского Городка») // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 99–111.

61. *Зеленев Ю.А., Ситдинов А.Г., Асылгараева Г.Ш., Байтанаев Б.А.* 50 лет Е.М. Пигарёву // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 355–359. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.1.23.355.359>

62. *Зоря Р.С.* находка литейной формы из раскопа СХСІХ Болгарского городища // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 290–296. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.290.296>

63. *Измайлов И.Л.* Татарский мир и Московское государство: вместе и врозь [Рец. На книгу: Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. СПб.: Евразия, 2016. 396 с. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 202–208.

64. *Измайлов И.Л.* «Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018. С. 23–46.

65. Карпов Э.И., Макиевский Е.В. Открытие Идряс-Теникеевского селища в Апастовском муниципальном районе // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 307–308.

66. Карпов Э.И., Пугарев Е.М. Спасательные раскопки в центральной части Казани // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 308–310.

67. Коваль В.Ю., Баранов В.С., Елкина И.И., Глазунова О.Н., Григорян С.Б. Беляев Л.А. и археология Поволжья // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 342–347. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.342.347>

68. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Предисловие // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 6–10.

69. Куклина А.А. Неполившая керамика Болгара с раскопов в южной части городища (по материалам раскопов ССХVI, ССХХI, ССХХIII 2016 г.) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 186–189.

70. Ломов С.П., Чижевский А.А., Вязов Л.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова И.Н. Комплексные исследования почв и отложений Маклашеевского II городища (культурный слой раннего средневековья) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Естественные науки. Т. 42. 2018. № 3. С. 332–345.

71. Лопан О.В., Волков И.В., Ситдииков А.Г. Раскопки на южной окраине Болгарского городища в 2016 году (раскоп ССХVII) // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 237–252. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.237.252>

72. Лыганов А.В. Луговская культура позднего бронзового века на территории Волго-Камья // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе [Текст]: сборник научных статей / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 282–287.

73. Лыганов А.В. Андронидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 128–130.

74. Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность Прикамья и севера Среднего Поволжья. Современное состояние проблемы. // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018а. С. 126–128.

75. Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш. Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на р. Свяга // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 242–257. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.242.257>

76. Макарова Е.М., Лейбова Н.А., Пежемский Д.В. Санитарное захоронение XIV века в Болгаре (предварительные данные) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 205–223.

77. Макласов В.Ю., Макласова Л.Э., Кравцова С.Л. «Золотоордынские шлема из коллекции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве» // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 113–119.

78. Макласова Л.Э. «Конструкция монгольского головного убора «гу-гу» в династии Юань» // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 120–125.

79. Макласова Л.Э., Макласов В.Ю. «Преемственность форм берестяных каркасов бок» // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 300–305.

80. Макласова Л.Э., Обухов Ю.Д. Навершие монгольских головных уборов - неотъемлемая часть костюма XIII–XIV вв. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного

Кавказа». Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 472–474.

81. *Мухаметшин Д.Г.* О древнем Болгарском городище, о кладях и любви к профессии // «Солдаты России». 2018. № 7 (101). С. 88–93.

82. *Мухаметшин Д.Г.* Общий обзор коллекции монет раскопа CLXXIX с Болгарского городища Республики Татарстан // Археология евразийских степей. 2018а. № 5. С. 224–231.

83. *Мухаметшин Д.Г., Газимзянов И.Р.* Нумизматический материал из раскопа СХХХII // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 69–78.

84. *Напольских В.В.* «Этнические интерпретации» в археологии как терминологический кунштштук // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 384–386.

85. *Напольских В.В.* К истории понятий ‘соль’ и ‘солёный’ в финно-угорских языках // *Linguistica uralica*. 2018. Т. 54, № 3. С. 161–168.

86. *Напольских В.В.* К проблемам исследования древнейшей предыстории Северной Евразии (ностратическая макросемья языков) // Этнография. 2018а. № 1. С. 119–142.

87. *Напольских В.В.* Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // Вопросы ономастики. Т. 15. 2018б. № 1. С. 7–29.

88. *Недашковский Л.Ф., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш.* Памяти А.Г. Мухамедиева (1933–2018) // Поволжская археология. 2018. № 2. С. 348–353. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.348.353>

89. *Нуретдинова А.Р.* Сфероконические сосуды Болгара (по материалам XIX века – 2009 г.) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 236–238.

90. *Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г.* Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // Поволжская археология. Казань. 2018. № 2. С. 125–133.

91. *Оруджов Э.И.* Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 89–104.

92. *Оруджов Э.И.* Особенности материальной культуры ананьинской культуры шнуровой керамики бассейнов рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 288–298. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.288.298>

93. *Оруджов Э.И.* Сравнительно-типологическая характеристика керамического комплекса вятских городищ АКГШК АКЮ // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018а. С. 234–235.

94. *Очир-Горяева М.А.* Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья // Стратум Плюс. 2018. № 3. С. 57–87.

95. *Пашина Е.В.* К вопросу о Смутном времени в крепости Тетюши и ее округе. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 9. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 149–152.

96. *Пашина Е.В.* Письменные источники по истории города-крепости Тетюши XVII века (по материалам фондов РГАДА) // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народов России и Кавказа. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной архивной службы России и 25-летию Государственного архива Республики Ингушетия / Отв. ред. М.М. Картоев. Магас, 2018а. С. 306–311.

97. Пашина Е.В. Состав и численность детей боярских крепости Тетюши и уезда по материалам переписных книг середины XVII века // Народы Волго-Уралья в зеркале российской истории. Сборник научных статей, посвященный юбилею доктора исторических наук И.К. Загидуллина / Под общ. ред. Р.Р. Аминова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018б. С. 144–153.

98. Садриев Н.Р. Основные типы жилых построек периода Казанского ханства (по материалам археологических исследований на территории Казанского Кремля // GLOBAL-Turk, 2017. № 1–2. С. 202–211.

99. Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х. Трехмерное представление намогильных камней и территории кладбища Биш-Балта // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): материалы Международного форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 года / Государственный Эрмитаж / Отв. ред. Д.Ю. Гук. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 199–204.

100. Салова Ю.А., Сивицкий М.В., Вязов Л.А. Разведочные работы на территории с. Тарлаши Лаишевского района Республики Татарстан // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 310–312.

101. Ситдинов А.Г. О монографии Т.Б. Никитиной «Русенихинский могильник» // Археология евразийских степей. 2018. № 3. С. 6–7.

102. Ситдинов А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году // Поволжская археология. 2018а. № 1. С. 342–354. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.1.23.342.354>

103. Ситдинов А.Г., Садриев Н.Р., Старков А.С., Хасанов Д.Р. Исследование Казанского Богородицкого монастыря в г. Казани // АО-2016 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 312–313.

104. Усманов Б.М., Гайнуллин И.И., Хомяков П.В. Комплексная оценка современного состояния территории Болгарского городища (Татарстан, Россия) // Поволжская археология. 2018. 2(24). С. 326–341. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.326.341>

105. Усманов Б.М., Сафиуллина К.Г., Хомяков П.В. Оценка рисков разрушения памятников археологии на примере Чуру-Барышевского городища (Республика Татарстан) // VII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы геодезии и информационных систем». Тезисы и доклады. Казань, 2018. С. 98–105;

106. Утягулова Р.Р., Шакиров З.Г. Поливная керамика Билярского городища (предварительный анализ материалов раскопа 44) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред.: Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 113–117.

107. Хамидуллин Б.Л. «Борьба с пятью казанскими народами»: значение взятия Казани 1552 г. и Казанская (Первая Черемисская) война 1552–1557 гг. в трактовке С.М. Соловьева // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 114–125.

108. Хамидуллин Б.Л. «История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.)» (Казань: ИИ АН РТ, 2017. 960 с., илл.): рецензия // Tatarica. 2018а. № 1(10). С. 188–195.

109. Хамидуллин Б.Л. В.Д. Димитриев о чувашах периода Казанского ханства // Тюркологические исследования. 2018б. Т. 1. № 1. С.

110. Хамидуллин Б.Л. Шигабутдин Марджани: от среднеазиатских «университетов» к идеологии татарской нации «Нового времени» // Tatarica. 2018в. № 1(10). С. 157–163.

111. Храмченкова Р.Х., Бахматова В.Н., Сивицкий М.В. Археометрические исследования сфероконических сосудов из раскопа СС Болгарского городища // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 241–242.

112. Хузин Ф.Ш. Основатель казанской школы археологии (к 130-летию со дня рождения Н.Ф. Калинина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2018. № 8. Т. 1. С. 200–210.

113. Хузин Ф.Ш. От научного редактора // Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Центр инновационных технологий, 2017. С. 3–7.

114. Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Археологические исследования на Билярском городище // АО-2015 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2017. С. 326–328.

115. Хуснутдинов Э.А., Шайхулахметов А.А. Пластинчатые бронзовые гривны финала эпохи бронзы – начала раннего железного века // Поволжская археология. 2018. № 3 (25) С. 279–287. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.279.287>

116. Хуснутдинов Э.А., Шайхулахметов А.А. Результаты разведочных исследований в Мензелинском и Нижнекамском районах РТ в 2016 году. // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. С. 253-254.

117. Чижевский А.А. Сорочьегорское городище // Татар энциклопедиясе. Т. 5. Казань, 2016. С. 135. (на тат. языке).

118. Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

119. Чижевский А.А., Кузьминых С.В. In memoriam: светлой памяти ушедших друзей и коллег // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 11–21.

120. Чижевский А.А., Кузьминых С.В. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология евразийских степей. 2017а. № 3. С. 22–36.

121. Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекция раннего железного века из собрания Археологического Музея Казанского (Приволжского) федерального университета // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 68–87. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.68.87>

122. Чижевский А.А., Кузьминых С.В. Ананьинская «вуаль» в Восточной Европе: о книге А.В. Новикова // Археология евразийских степей. 2018. № 2. С. 9–11.

123. Чижевский А.А., Ломов С. П., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова И.Н. Почвенно-археологические исследования Маклашеевского II городища. (Культурный слой раннего железного века) // Археология евразийских степей. 2018. № 2. С. 290–309.

124. Чижевский А.А., Ломов С.П., Спиридонова И.Н. Почвы поселений в окрестностях городища Маклашеевка II лесостепной зоны Среднего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Науки о Земле. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 88–96.

125. Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А. Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ Волго-Камья раннего железного века – раннего средневековья // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 107–136. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.1.23.107.136>

126. Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Тихогорские I и II городища, комплексные исследования оборонительных сооружений // Археология евразийских степей. 2018. № 2. С. 310–336.

127. Чижевский А.А., Шитлов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 80–84.

128. Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Бакиров Б.А. Сравнительный анализ результатов исследования химического состава средневековых серебряных монет методами СЭМ, РФА и ОЭС // Археология евразийских степей 2018. № 5. С. 243–248.

129. Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Беляев А.В. Структура и химический состав чугунной посуды золотоордынских городов на территории Нижней Волги // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 249–255.

130. Шакиров З.Г., Храмченкова Р.Х., Каплан П.Ю. Исследование поливной монохромной керамики из раскопа XLIV Билярского городища // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 60–67.

131. Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш. Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.85.99>

132. Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М. Укрепления города Биляра и городища его округа как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 133–143.

133. Шипилов А.В. Материалы эпох поздней бронзы и раннего железа Игимской стоянки (в Нижнем Прикамье) // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 111–118.

134. Шипилов А.В. Характеристика каменного инструментария позднего энеолита в Икско-Бельском междуречье // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 258–278. DOI: <https://doi.org/10.24852/2018.3.25.258.278>

135. Экмайер Э., Очир-Горяева М.А., Ситдииков А.Г. Особенности маньчжских степей Калмыкии и их влияние на заселение территории в преисторическое время и в эпоху средневековья // Степи северной Евразии. Материалы VIII международного симпозиума / Науч. ред. А.А. Чибилёв. Оренбург: ИС УрО РАН, 2018. С. 1152–1157.

136. Abdullin Kh. Tatars in the Russian army // The History of the Tatars since Ancient Times. In Seven Volumes. Vol. 7. Tatars and Tatarstan in the 20th – Beginning of the 21st Centuries. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, 2017. P. 187–191;

137. Bocharov S. Ancient Economic and Social concept in the Genoese Gazaria Region // European Research Studies Journal. 2017. V. 20. № 5. P. 199–207.

138. Bocharov S. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th–15th Centuries. Definition of Terms and Scientific Sources // *Studia mediaevalia Europaea et orientalia : miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata* / Ed.: Bilavski G., Aparaschivei D. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 439–454.

139. Bocharov S., Maslovskiy A. Pottery decorated with splashes of brown (manganese) color in Bizantium, Northern Black Sea Region and Eastern Europe in 13th – 14th centuries // 12th Congress On Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Abstracts. 2018. Athens. Ed.: National Center of Scientific Research. P. 24–25.

140. Bocharov S., Maslovskiy A., Sittikov A. Ceramic Decor in the European Part of the Golden Horde // 11th Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings. Ankara: Dumat Offset, 2018. P. 87–90.

141. Chernova I., Vafina G., Chernova O., Starovoytov A. Model of the Aral Sea Sedimentary Cycles // 18th International Multidisciplinary Scientific Geoconference Sgem 2018 (2 - 8.07.2018, Albena, Bulgaria), Vol. 18, pp. 281–287;

142. Fahrutdinov R.R., Sadriev N.R. Wooden Buildings of Kazan Khanate (Based on Materials from Excavation LIII in the Territory of Kazan Kremlin) // European Research Studies Journal, 2017. Vol. XX, Issue 4C, Special Issue. Pp. 3–9.

143. Fedan P., Khramchenkova R., Shaykhtudinova E. Features of the internal structure of coins and metal matrixes of the Samanid dynasty's dirhams / Conference Programme and Abstract Book ISA, 2018 May 20-26, 2018 Merida, Yucatan Mexico. Abs. 54, p.76

144. Gainullin I.I. Study of medieval fortified settlements destruction under natural and anthropogenic factors using remote sensing data / I.I. Gainullin, P.V. Khomyakov, B.M. Usmanov // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018. Vol. 107, Is.1. Art. № 012006 (Scopus).

145. Golubeva E.N., Galimova M.Sh., Nedashkovsky L.F., Complex of Stone Tools of the Chalcolithic Igim Settlement // HELIX. 2018. Vol. 8, Is. 1. P. 2284–2288.

146. Khuzin F., Şakirov Z., Karagoz S. Bilyar Arkeolojik Keşiflerinin 50. Yılı Dönümü: Büyük Şehrin Araştırma Sonuçları ve Sorunları // Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi / Journal of Turkish History Researches, Yıl/Vol. 3, Sayı/No. 1. 123–153.

147. Kaplan P., Ionescu C., Khranchenkova R., Gál Á., Sitdikov A., Portable XRF and statistical analysis in the study of fresco paints // 42nd International Symposium on Archaeometry. Conference Programme and Abstract Book ISA 2018 May 20-26, 2018 Merida, Yucatan Mexico. Abs.50, p.74

148. Khranchenkova R., Gubaidullin A., Degryse P., Bicktagirova I, Nuzhdin E. History of an enameled glass vessel fragment from the Bolgar excavation (Russia) // Conference Programme and Abstract Book ISA 2018 May 20-26, 2018 Merida, Yucatan Mexico. Abs.55, p.75

149. Khranchenkova R., Mukhametshin D., Degryse P., Sitdikov A. Copper coins of the Golden Horde from the Bolgar settlement (Russia): possibilities of archaeometry in determining their place and time of release // Conference Programme and Abstract Book ISA 2018 May 20-26, 2018 Merida, Yucatan Mexico. Abs.83, p.109

150. Khranchenkova R., Safina I., Drobyshev S., Batasheva S., Nuzhdin E, Fakhrollin R. Advanced Microscopy Techniques for Nanoscale Diagnostic of Cultural Heritage: Scanning Electron Microscopy for Investigation of Medieval Coins and Frescos from the Republic of Tatarstan. In Nanotechnologies and Nanomaterials for Diagnostic, Conservation and Restoration of Cultural Heritage. Advanced Nanomaterials. Ed. Giuseppe Lazzara and Rawil Fakhrollin, Elsevier Science, 2018, pp. 1–23. <https://doi.org/10.1016/C2017-0-00296-3>

151. Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. 50th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition: results and issues of great town investigation // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 8–27. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.24.8.27>

152. Makarova E. The significance of late anthropological collections // European Research Studies Journal, 2017. 20, pp. 333–342. (не вошла в отчет прошлого года)

153. Ochir-Goryaeva, M. Gender in family, tribal and social hierarchy of Scythians // International Workshop “Gender transformation in prehistoric and archaic societies”. Kiel 8-10 March 2018/ CRC 1266 Scales of Transformation. P. 19–20.

154. Khranchenkova R.Kh., Bakhmatova V.N. Methods of Studying the Raw Material Base of the Pottery Industry in Volga Bulgaria (on the Basis of Experimental Research) // ERSJ, Vol. XX, Special Issue, 2017.

155. Shakirov Z.G., Bagautdinov A.R. To the question of urbanization in the territory of the Pre-Mongol Volga Bulgaria // Revista Publicando, 4 No 13 (2). 2017. P. 992–1000.

156. Sitdikov A.G., Khranchenkova R.Kh., Kaplan P.Yu., Sadriev N.R. Capabilities of dating of glazed ceramics with monochrome glaze // European Research Studies Journal, 2017. Volume XX, Issue 4C, Special Issue. Pp. 177–189.

157. Sitdikov A.G., Khaziev A.I. Classification of Non-Poured Ceramics from Kazan Kremlin European Research Studies Journal, 2017. Vol. XX, Issue 4 C, Special Issue. Pp. 394–401.

158. Sitdikov A.G., Khaziev A.I. Non-Pourable Ceramics of Medieval Kazan // European Research Studies Journal, 2017. Vol. XX, Issue 4 C, Special Issue. Pp. 155–163.

159. Sitdikov A.G., Shaykhutdinova E.F., Kasimov A.V., Kugurakova V.V. A Practical Approach to an Automated Accounting System Development of the Study Results of Historical and Architectural Sites of the Island of Sviyazhsk // HELIX. 2018. Vol.8, Is.1. P. 2301–2306.

160. Sitdikov A., Khranchenkova R., Bakhmatova V. Experimental Study of Changes in the Composition of Unglazed Ceramics Depending on Craft Technologies (on the Example of Ceramic Production of Volga Bulgaria) // ERSJ, Vol. XX, Special Issue, 2017.

161. Sitdikov A., Karpov E. Methodological Schemes of Typology: The Case of the Middle Volga Region // European Research Studies Journal, 2017. Vol. XX, Issue 4c, Special Issue. pp. 224–233.

162. Usmanov B, Nicu I.C., Gainullin I. Monitoring and assessing the destruction of archaeological sites from Kuibyshev reservoir coastline, Tatarstan Republic, Russian Federation. A case study // Journal of Coastal Conservation. 2018. Vol. 22, Is.2. pp. 417–429.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

ON THE MAIN RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2018

S.G. Bocharov, G.Sh. Asylgaraeva

The paper features the main results of the scientific activity of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov” of the Tatarstan Academy of Sciences – an academic organization which continues the traditions of national science in the field of historical and archaeological summarizing fundamental research. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov is one of the three leading archaeological academic institutions in the European part of the Russian Federation and the only institution in the Volga region. The primary activity of the specialists of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov is the arrangement of archaeological, archaeographic, archaeometric and rescue field work. The result of his annual work is not only the acquisition of new unique scientific knowledge, but also the collection and storage of archival materials and documents, laboratory processing and analytical studies of ancient artifacts reflecting the cultural heritage of peoples living in the Republic of Tatarstan. The specialists of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov are constantly working on the training of highly qualified scientific specialists, including students of postgraduate studies, doctoral studies and applicants for academic degrees, arranging the activity of specialized academic degree councils. Of great importance is the establishment of scientific publications by the Institute: publishing, issuing of journals, article collections, educational materials, abstracts of reports of International, All-Russian and Republican conferences.

Keywords: Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, archaeology, basic scientific research, applied scientific research, protection of the archaeological heritage, archaeometry, Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, exhibition activities.

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; docent, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья поступила в номер 18.01.2019 г.

ВАЛЕНТИНУ ЛАВРЕНТЬЕВИЧУ ЯНИНУ – 90 ЛЕТ!

© 2019 г. А.Р. Канторович

Статья посвящена юбилею Валентина Лаврентьевича Янина – крупнейшего российского археолога и историка Руси, академика РАН, лауреата государственных и академических премий, руководителя Новгородской археологической экспедиции (начиная с 1962 года), многолетнего заведующего кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1978–2016 гг.), автора более 20 монографий, члена Редакционного совета журнала «Поволжская археология».

Ключевые слова: археология, история, источниковедение, средневековье, Новгород, берестяные грамоты, нумизматика, сфрагистика, генеалогия, историческая топография.

6 февраля 2019 г. исполнилось 90 лет Валентину Лаврентьевичу Янину – выдающемуся археологу и историку, академику РАН, многолетнему заведующему кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1978–2016), члену Редакционного совета журнала «Поволжская археология».

Вся жизнь Валентина Лаврентьевича связана с историческим факультетом Московского университета. В 1946 г. он поступил на Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и окончил его с отличием в 1951 г. Специализировался по кафедре

археологии у ее основателя профессора А.В. Арциховского. Дипломная работа была посвящена денежно-весовым системам домонгольской Руси.

В 1951–1954 гг. В.Л. Янин – аспирант кафедры археологии Исторического факультета МГУ. В 1954 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Денежно-весовые системы домонгольской Руси». На основе данного исследования в 1956 г. вышла в свет монография «Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период».

В 1963 г. за фундаментальную монографию «Новгородские посад-

ники» В.Л. Янину была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

С 1954 г. Валентин Лаврентьевич Янин работает на кафедре археологии исторического факультета: младшим научным сотрудником (1954–1958), старшим научным сотрудником (1958–1964), профессором (1964–1978), заведующим кафедрой археологии (1978–2016), главным научным сотрудником (2016 – по настоящее время).

В 1966 г. В.Л. Янин был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1990 г. – академиком АН СССР (РАН).

С 1991 по 2001 гг. В.Л. Янин был членом Президиума РАН, с 2001 г. – советник Президиума РАН. В 1996 г. он был назначен председателем РГНФ.

С 1962 г. по настоящее время В.Л. Янин возглавляет знаменитую Новгородскую экспедицию кафедры археологии исторического факультета МГУ.

Обширны и разнообразны основные направления научной деятельности В.Л. Янина – история, археология, источниковедение средневекового Новгорода, изучение берестяных грамот, нумизматика, сфрагистика, генеалогия, метрология, эпиграфика, историческая топография, топонимика, монументальное и прикладное искусство, библиография, музыковедение.

Огромен вклад В.Л. Янина в изучение средневекового Новгорода. Им разработаны методические приемы комплексного источниковедения, опирающегося на анализ разнородных источников. В.Л. Яниным впервые в отечественной науке были выявлены процессы формирования древнерусской денежно-весовой системы, раз-

работаны проблемы происхождения и существования новгородской государственности, образования и развития республиканских институтов власти, принципы формирования феодальной вотчины, авторство фресок церкви Спаса на Нередице.

В.Л. Янин ведет большую преподавательскую деятельность в МГУ. В разные годы он читал общий курс «Основы археологии», спецкурсы «Средневековая русская нумизматика», «Русская сфрагистика», «Источниковедение средневекового Новгорода». С 1979 г. В.Л. Янин руководит работой Новгородского научно-учебного семинара, одного из проблемных семинаров кафедры археологии, объединяющего профессуру, научных сотрудников, студентов, аспирантов и сотрудников не только Московского университета, но и Института археологии РАН, Государственного исторического музея, государственных музеев Кремля и других научных учреждений.

Под руководством В.Л. Янина окончили кафедру археологии (специалитет) более 60 человек. В числе его учеников 25 кандидатов наук, 8 докторов и 1 член-корреспондент РАН.

Под редакцией В.Л. Янина коллективом преподавателей кафедры археологии был написан новый базовый учебник «Археология», вышедший из печати в 2006 г. (2-е издание – 2011, 2012 гг.) и допущенный Министерством образования и науки РФ в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «История». В учебнике отражено современное состояние археологии как особой отрасли исторической науки, раскрыта ее специфическая методика, учтены важнейшие археологические от-

крытия последних лет, новые методы изучения и датировки находок.

В.Л. Янин – лауреат премии им. М.В. Ломоносова I степени (1966), Государственной премии СССР (1970), Государственной премии РФ (1996), Ленинской премии (1984), Демидовской премии (1993), премии «Триумф» (2002), международной премии имени Андрея Первозванного «За Веру и Верность» (2008). Он удостоен высоких правительственных наград: ордена Дружбы народов (1975), ордена Трудового Красного Знамени (1980), ордена Ленина (1990), медали «Ветеран труда» (1984), медали «В память 850-летия Москвы» (1997). По линии Российской академии наук В.Л. Янин награжден золотой медалью им. С.М. Соловьева (1999), а также Большой золотой медалью имени М.В. Ломоносова – высшей наградой РАН (1999). Академия российской словесности наградила его в 2003 г. медалью «Ревнителю просвещения». 16 июня 2009 г. Указом Президента Российской Федерации за большой вклад в развитие отечественной науки и многолетнюю плодотворную деятельность Валентин Лаврентьевич Янин награжден орденом «За заслуги перед Отечеством».

В.Л. Янин – почетный гражданин Великого Новгорода (с 1983 г.), почетный член Новгородского общества любителей древностей.

Многогранна общественно-научная деятельность В.Л. Янина: он член Президиума ЦС Всероссийского общества охраны памятников (1967–1991), член Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР (1968–1974), председатель Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы при Отделении истории АН

СССР (1970–1976), научный консультант Новгородского сектора ЛОИИ АН СССР (1979 – по настоящее время), член Бюро отделения истории АН СССР (1980–1991), РАН (1996 – по настоящее время), член правления Советского фонда культуры (1986–1991), председатель музейного совета и член Президиума Российского фонда культуры (1991–1996), член Государственной комиссии по реституции культурных ценностей (с 1992), член Государственного экспертного совета при Президенте РФ по особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации (с 1993), председатель экспертного совета по истории РГНФ (1995–1996).

В.Л. Янин – член редколлегий журналов: «Знание – сила» (1967–1993), «Вестник Московского университета. Серия 8: История» (1978 – по настоящее время), «Наше наследие» (1987–1991), «Вопросы истории» (с 1989), «Советская археология» (1989–1991), «Российская археология» (1992 – по настоящее время). В.Л. Янин – член Редакционного совета журнала «Поволжская археология»

В.Л. Янин – ответственный редактор научных и научно-популярных изданий: «Русский город» (1976–1990), «Города Подмосковья» (1979–1981), «Новгородский исторический сборник» (1982–2014), энциклопедии «Отечественная история», собрания сочинений В.О. Ключевского.

Велика роль В.Л. Янина в деле популяризации исторических и археологических знаний. Десятки его работ изданы в различных журналах и газетах. В научно-популярных работах историка живое изложение материала прекрасно сочетается со строгой научной логикой. В.Л. Янин стал инициатором охраны культурного слоя

Новгорода и других древнерусских городов как важнейшего потенциального источника истории Руси. Великий вклад В.Л. Янина в дело сохранения памятников отечественной истории и культуры.

Научно-популярная книга В.Л. Янина «Я послал тебе бересту» переведена на венгерский, чешский и японский языки, а его статьи об археологических открытиях в Новгороде и истории этого города публикуются во многих странах (США, Великобритания, Бельгия, Германия, Дания, Франция, Швеция, Япония и др.).

В.Л. Янин — автор более 1000 печатных работ, в числе которых около 30 научных и научно-популярных книг.

Полный список публикаций В.Л. Янина см. в изданиях: Янин Валентин Лаврентьевич / Сост. П.Г. Гайдуков. Вступ. ст. П.Г. Гайдукова, Н.А. Макарова. М., 2004 (Материалы к биобиблиографии ученых. Ист. науки. Вып. 25); Список основных трудов В.Л. Янина за 2004–2008 гг. / Сост. П.Г. Гайдуков // Великий Новгород и Средневековая Русь. М., 2009, с. 9–14.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ В.Л. ЯНИНА.

1. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956;
2. Новгородские посадники. М., 1962; 2-е изд. М., 2003.
3. Я послал тебе бересту. М., 1965; 2-е изд. М., 1975; 3-е изд. М., 1998.
4. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1–2. М., 1970; Т. 3. М., 1998 (совм. с П.Г. Гайдуковым).
5. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61 (совм. с М.Х. Алешковским).
6. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестник Академии наук СССР. 1973. № 8. С. 65–75.
7. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.
8. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978 (совм. с А.В. Арциховским).
9. Берестяная почта столетий. М., 1979.
10. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981 (совм. с Б.А. Колчиным и А.С. Хорошевым).
11. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
12. Археологии Новгорода 50 лет (совм. с Б.А. Колчиным) // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М., 1982.
13. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х гг. XV в. // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 189–214.
14. «Память, как торговали доселе новгородцы»: К вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л., 1985. С. 98–114.
15. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977–1983 гг. М., 1986 (совм. с А.А. Зализняком).
16. Княжеский домен в Новгородской земле // Феодализм в России. М., 1987. С. 119–134.
17. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.
18. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
19. Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 37–65.

20. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993 (совм. с А.А. Зализняком).
21. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998.
22. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв. М., 1999.
23. Раскопки в Новгороде // Исторические записки. Т. 2 (120). М., 1999. С. 222–266.
24. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1990–1996 гг. М., 2000 (совм. с А.А. Зализняком).
25. «Зияющие высоты» академика Фоменко // История и антиистория: Критика «Новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2000. С. 310–320.
26. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25 (совм. с А.А. Зализняком).
27. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
28. Каталог вокальных записей Российского отделения компании «Граммфон». М., 2002.
29. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004 (совм. с А.А. Зализняком, А.А. Гишпиусом);
30. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.
31. 70 лет новгородской археологии: Итоги и перспективы // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород, 2004. С. 10–13.
32. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
33. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

Информация об авторе:

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); kantorovich@mail.ru

90TH ANNIVERSARY OF VALENTIN LAVRENTIEVICH YANIN

A.R. Kantorovich

The article is dedicated to the anniversary of Valentin Lavrentievich Yanin – most prominent archaeologist and historian of Ancient Rus, academician of the Russian Academy of Sciences, laureate of state and academic awards, founder and permanent Head of the Novgorod archaeological expedition, long-term Head of the Department of Archaeology of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University (1978–2016), the author of more than 20 monographs, a member of the Editorial Board of the journal *The Volga River Region Archaeology*.

Keywords: archaeology, history, source studies, Middle Ages, Novgorod, birchbark letters, numismatics, sphragistics, genealogy, historical topography.

About the Author:

Kantorovich Anatoliy R. Doctor of Historical Sciences, Head of the Department. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect, 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; kantorovich@mail.ru

Статья поступила в номер 11.02.2019 г.

УДК 902; 903.5

<https://doi.org/10.24852/2019.1.27.234.238>**К ЮБИЛЕЮ РИЗЫ САЛИХОВИЧА БАГАУТДИНОВА**

© 2019 г. В.Н. Мышкин

Статья написана в связи с 70-летним юбилеем известного археолога, кандидата исторических наук, доцента кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Р.С. Багаутдинова. Он внес значительный вклад в исследование эпохи бронзы и средневековья Среднего Поволжья, является автором монографии и многих научных статей. Под его руководством и при его непосредственном участии осуществлены раскопки большого количества древних курганов и поселений в Самарской и Ульяновской областях, Краснодарском крае, Республике Калмыкия. Р.С. Багаутдинов – исследователь широко известного Шиловского курганного могильника, давшего уникальные материалы, ставшие важным источником для изучения средневековой истории народов Поволжья.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, раскопки, эпоха бронзы, раннее средневековье, Волжская Болгария, археологические памятники, Шиловский могильник.

5 декабря 2018 г. исполнилось 70 лет Ризе Салиховичу Багаутдинову, кандидату исторических наук, доценту кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Риза Салихович Багаутдинов родился в Германии, в Берлине. Вскоре

семья вернулась в Советский Союз, и детство мальчика прошло в Оренбургской области. Уже в школе у него проявился интерес к древностям и собиранию предметов старины. После окончания школы в г. Бугуруслане Р.С. Багаутдинов был призван в ряды Советской Армии и два года отслужил в артиллерийской части на Дальнем

Востоке. После увольнения в запас Риза Салихович поступил на рабфак, а по его окончании, в 1970 г. – на исторический факультет Куйбышевского государственного университета, который окончил в 1975 г.

С первых же дней учебы в университете Р.С. Багаутдинов сразу определился с научным выбором, отдав предпочтение археологии, как направлению своей научной специализации. И уже осенью 1970 г. он, первокурсник, приобрел первый опыт полевого исследования, приняв участие в экспедиции под руководством Отто Николаевича Бадера. Эта экспедиция обследовала территорию Самарской Луки в районе г. Жигулевска в поисках памятников каменного века.

Во время учебы на историческом факультете Риза Салихович принимал самое активное участие в деятельности студенческого археологического кружка, созданного Галиной Ивановной Матвеевой. Каждое лето Р.С. Багаутдинов «пропадал» в археологических экспедициях. Это были, в основном, отряды, которые исследовали Муромский городок – так сейчас называется археологический памятник, бывший когда-то одним из крупнейших городов Волжской Болгарии. В этих экспедициях сформировалась сфера научных интересов Ризы Салиховича в студенческие годы – черная металлургия и металлообработка Волжской Болгарии. Результатом стала дипломная работа, посвященная исследованию железоделательного производства у волжских болгар, и подготовленная по собранным в процессе исследования Муромского городка материалам.

После окончания университета Риза Салихович начал свою работу в должности научного сотрудника на-

учно-исследовательской группы 7 (НИГ-7) Куйбышевского государственного (ныне Самарского национального исследовательского) университета, которая выполняла археологические научно-исследовательские работы на хоздоговорной основе.

На протяжении пяти лет Р.С. Багаутдинов являлся начальником Южного отряда Средневожской археологической экспедиции КГУ, который работал в южных степных районах Куйбышевской области. Выполненные Южным отрядом полевые исследования практически всегда были результативными и очень часто весьма значительными по своим масштабам. К числу таких наиболее масштабных полевых работ относятся раскопки Кировского I поселения срубной культуры в Красноармейском районе Куйбышевской области. В этот период Р.С. Багаутдиновым были также раскопаны курганные могильники Александровка I, IV и Преполовенка I в Безенчукском районе, Кировский I, III, Соляниха I, II в Красноармейском районе Куйбышевской области. Среди изученных памятников в количественном отношении абсолютно преобладали курганные могильники и поселения эпохи бронзы. В результате была получена обширная источниковая база данных для изучения древних обществ этого времени. Именно это обстоятельство и предопределило изменение сферы научных интересов Р.С. Багаутдинова, обратившегося к изучению древностей бронзового века.

В 1980 г. Р.С. Багаутдинов поступил на очное отделение аспирантуры Института археологии АН СССР в Москве. Его научным руководителем стал Валентин Павлович Шилов. Во

время работы над диссертацией Риза Салихович стал активным участником нескольких экспедиций под руководством В.П. Шилова, целью которых было исследование курганных могильников в Калмыцкой АССР. В 1984 г. Р.С. Багаутдинов защитил в Институте археологии АН СССР (г. Москва) диссертацию на тему «Погребения с сожжениями среднего и позднего бронзового века в Поволжье».

После окончания аспирантуры Риза Салихович вернулся в г. Куйбышев и продолжил работу в НИГ-7 Куйбышевского государственного университета. Долгое время основным направлением его деятельности являлось выполнение хозяйственных разведочных и раскопчных работ в зонах новостроек. Под его руководством или при его участии были раскопаны курганные могильники у с. Канадей, Дмитриево-Помряскино, курганные могильники Урень I–III, селище Новая Беденьга I в Ульяновской области, селище Ош-Пандо-Нерь, поселение у с. Подгоры, курганные могильники Новоберезовский I, Верхнесъезженский I, Просвет I, Полудни I и целый ряд других памятников археологии в Самарской области.

Особое место в профессиональной биографии Р.С. Багаутдинова занимают раскопки в 1992 г. Шиловского курганного могильника в Ульяновской области. В результате исследования этого неординарного памятника были получены уникальные материалы, ставшие важным источником для изучения средневековой истории народов Поволжья и получившие широкую известность у специалистов-археологов. Раскопанные захоронения представителей социальной элиты праболгар второй половины VII в. содержали оружие, керамическую посу-

ду, золотые монеты, серьги. Наиболее интересными и яркими находками являются обкладки передней луки седла, украшенные вырезанными изображениями крылатых драконов, схватки человека и медведя, сражений людей в легкой одежде, вооруженных луками (возможно, степняков), с пешими и конными воинами в доспехах и вооруженных копьями, осады крепости, которую защищают тяжеловооруженные воины.

Риза Салихович Багаутдинов был и остается археологом-«полевиком», что называется, «от Бога», талантливым, умелым и удачливым. Он, безусловно, обладает харизмой, которая позволяет успешно организовать жизнь и работу в экспедиции.

С 1991 г. Риза Салихович Багаутдинов трудится доцентом кафедры дореволюционной отечественной истории Самарского университета (ранее – Куйбышевского, ныне – Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева). Все студенты-историки, учившиеся у Ризы Салиховича, отмечают его требовательность к подготовке и сдаче зачетов, экзаменов или дипломных исследований. При этом каждый вспоминает свою археологическую практику под руководством Р.С. Багаутдинова как счастливое время, которое они провели в экспедициях. Риза Салихович остается любимым преподавателем для студентов исторического факультета, является для них образцом профессиональной преданности.

Р.С. Багаутдинов являлся организатором археологического кружка в татарской школе «Яктылык», где долгое время проводил занятия и читал популярные лекции по археологии, организовывал детские археологиче-

ские экспедиции. Он также постоянно занимался популяризацией археологических знаний среди учителей истории.

Р.С. Багаутдинов внес значимый вклад в развитие археологии эпохи бронзы и раннего средневековья, являясь автором десятков научных

публикаций по археологии бронзового века и раннего средневековья. Сферой научных интересов Р.С. Багаутдинова остается история и культура волжских болгар, что нашло отражение в книге «Праболгары на Средней Волге», соавтором которой он является.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Р.С. БАГАУТДИНОВА

1. Сравнительный анализ срубной и федоровской керамики из погребений с трупожжениями // Проблемы изучения археологической керамики: межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГУ, 1988. С. 92–102.
2. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский государственный университет, 1995. С. 85–94.
3. Погребения энеолита – ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. С. 160–178. (в соавторстве с В.П. Шиловым).
4. Военный комплекс шиловских костяных пластин // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2–5 сентября 1998 г. / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 253–256. (в соавторстве с С.Э. Зубовым).
5. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья) / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара, 1998. 288 с. (в соавт. с А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым).
6. Потомки хана Кубрата // Материалы к археологической выставке / Администрация Самарской области; Самарский губернский фонд поддержки общественных инициатив; Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 2001. 32 с (в соавт. с А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым, Д.А. Сташенковым).
7. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. С. 400–410. (в соавторстве с А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым).
8. Ранние болгары на Средней Волге // История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь / Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: РухИЛ, 2006. С. 116–123 (в соавт.с Хузиным Ф.Ш.).
9. О некоторых аспектах исследования степных курганных могильников по данным дистанционного зондирования Земли // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3. 2015. С. 281–286 (в соавт.с Н.П. Антимоновым, В.Н. Мышкиным, С.А. Трибунским).
10. Исследование возможности использования космических снимков для выявления археологических объектов // Компьютерная оптика. Т. 39, № 3. 2015. С. 439–444 (в соавт.с В.Н. Копенковым, В.Н. Мышкиным, В.В. Сергеевым, С.А. Трибунским).

Информация об авторе:

Мышкин Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); vnm59@bk.ru

TO THE ANNIVERSARY OF RIZA SALIKHOVICH BAGAUTDINOV

V.N. Myshkin

The article is dedicated to the 70th anniversary of Riza Salikhovich Bagautdinov, a renowned archaeologist, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History at Samara National Research University named after academician S.P. Korolev. He is made a significant contribution to the study of the Bronze and Middle Ages of the Middle Volga Region, the author of one monograph and numerous scientific articles. He supervised and directly participated in excavations of a large number of ancient burial mounds and settlements in the Samara and Ulyanovsk Regions, Krasnodar Krai and the Republic of Kalmykia. R.S. Bagautdinov is a researcher of the renowned Shilovka barrows which has provided unique materials representing an important source of information for studying the medieval history of the peoples of the Volga Region.

Keywords: archaeology, Middle Volga Region, excavations, Bronze Age, Early Middle Ages, Volga Bulgaria, archaeological sites, Shilovka burial mound.

About the Author:

Myshkin Vladimir N. Candidate of History, Samara State University of Social Sciences and Education. Maxim Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vnm59@bk.ru

Статья поступила в номер 11.02.2019 г.

НАИЛЮ ГАТИАТУЛЛОВИЧУ НАБИУЛЛИНУ – 50 ЛЕТ**© 2019 г. Ф.Ш. Хузин, З.Г. Шакиров**

Статья написана в связи с 50-летним юбилеем известного археолога, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института археологии Академии наук РТ Наилы Гатиатулловича Набиуллина. Основные работы ученого посвящены археологии города Джукетау X–XIV вв. и средневековых памятников его округа. На территории Казанского кремля Н.Г. Набиуллин исследовал руины белокаменного здания в комплексе Ханского двора второй половины XVI в., Тайницкую и Пятигранную башни и другие объекты.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Улус Джучи, Казанское ханство, раннее Новое время, город Джукетау, Казанский кремль.

Наилю Гатиатулловичу Набиуллину, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, лауреату Государственной премии РТ в области науки и техники, исполнилось 50 лет.

Н.Г. Набиуллин родился 12 декабря 1968 г. в Казани. В 1986 г. после окончания средней школы поступает на исторический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Однако, как шутит сам юбиляр, совершенно осознанный выбор профессии состо-

ялся на удивление очень рано. Свободно читающий еще до поступления в школу ученик уже давно был знаком с археологическими экспедициями «заочно» – по книгам. Целеустремленный и настойчивый школьник искал разные пути оказаться в экспедиции. В седьмом классе они привели его в археологический кружок при Доме пионеров Московского района и вскоре состоялись его первые экспедиции, в которых он принимает участие практически каждый полевой сезон.

Участие в экспедициях было продолжено в археологическом кружке университета, в отрядах казанских ар-

хеологов – в Биляре, Болгаре, Суваре, Чаллы и др. И, конечно же, на Джукетау – известном болгаро-татарском городе X–XIV вв., выбранным студентом в качестве его дипломной работы.

Параллельно с учебной работая на военной кафедре охранником, инструктором по туризму, Н.Г. Набиуллин закончил университет в 1993 г. (учеба была прервана двухгодичной службой в рядах Советской Армии) и был принят на должность младшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН РТ. Следует отметить, что в этом году Н.Г. Набиуллин отмечает еще одну «круглую дату» – 25 лет работы в Академии наук РТ.

Одновременно Н.Г. Набиуллин поступает в аспирантуру указанного учреждения; темой кандидатской диссертации, по предложению его научного руководителя Ф.Ш. Хузина, стала археология Джукетау. Новые раскопки Н.Г. Набиуллина, предпринятые после исследований Т.А. Хлебниковой в начале 1970-х и Ф.Ш. Хузина в начале 1990-х гг., оказались весьма успешными как в плане уточнения историко-социальной топографии Джукетау, так и выявления специфики материальной культуры населения города. За относительно короткое время молодому исследователю удалось заложить раскопы как на городище-крепости, так и в посадской части города. Достаточно полно была изучена фортификационная система городища, характер его культурного слоя, а на посаде исследовались ремесленная слобода и некрополи города. Характерными чертами его научных исследований является скрупулезность, тщательная проработка деталей, максимальная аккуратность

при исторической интерпретации археологических данных и т. д.

В 2000 г. в Диссертационном совете Удмуртского государственного университета успешно прошла защита кандидатской диссертации на тему «Город Джукетау в X–XIV вв. по археологическим исследованиям».

Еще ранее, в середине 1990-х гг., в связи с началом широкомасштабных раскопок в Казанском кремле и исторической части города Н.Г. Набиуллин активно включился в состав исследователей Казанского Кремля и Казани. Здесь он руководил раскопками в районе Тайницкой и Пятигранной башен, ремесленной слободы у Воскресенской башни и др. Особо следует отметить выявленные и археологически изученные руины белокаменного здания в комплексе Ханского двора первой половины XVI в., которые ныне являются одной из ярких достопримечательностей, расположенной у башни Сююмбеке и резиденции Президента Республики Татарстан.

Н.Г. Набиуллин продолжает исследовать памятники округа Джукетау и Центрального Закамья, среди которых Старо-Ромашкинский комплекс, Краснокадкинское городище и др. Значимые результаты научных исследований были получены на территории г. Чистополя, где были обнаружены фрагменты посуды домонгольско-булгарского времени, а в древнейшей части современного татарского кладбища обследованы надмогильные камни XIV в. (см. публикацию в настоящем журнале). В последнее время Наиль Гатиатуллович проявляет интерес к памятникам раннего Нового времени, где им были локализованы некоторые исторически известные объекты – Чалнинский городок, Шильнинский

медеплавильный завод на территории г. Набережные Челны и др.

Одновременно исследователь принимал активное участие в разработке проектов охранных зон ряда памятников, организации историко-культурных заповедных территорий «Джукетау», «Чаллы» и т. д. Следует отметить, что Н.Г. Набиуллин в 2016 г. получил второе высшее образование, с отличием окончив юридический факультет Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (квалификационная работа «Правовое регулирование отношений в области государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного (археологического) наследия»).

Является членом Совета Татарстанского отделения Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), аттестованным экспертом Министерства культуры РФ по проведению государственной историко-культурной экспертизы.

За большой вклад в дело изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия Республики Татарстан Н.Г. Набиуллин удостоен звания лауреата Государственной премии РТ в области науки и техники (2008), награжден медалью «В память 1000-летия Казани» (2008), Почетной грамотой и нагрудным знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры РТ (2007; 2016), Почетной грамотой и медалью «За заслуги в сохранении наследия Отечества» Президиума Центрального совета ВООПИиК (2016) и др.

Наиль Гатиатуллович – искренний, открытый, доброжелательный и очень скромный человек, пользуется уважением среди коллег, студентов. Сегодня он находится в расцвете творческих сил. Впереди еще много неразрешенных научных проблем, не меньше их в области сохранения историко-культурного наследия. Желаем ему крепкого здоровья, счастья, новых интересных открытий и скорейшего завершения докторской диссертации.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ:

1. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 42 с. (соавт.: Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Ситдилов А.Г.).
2. Оборонительные сооружения Джукетау // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. С. 219–223.
3. Каменная архитектура Казанского кремля (по материалам охранно-спасательных раскопов XLVII и XLVIII) // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин, И.К. Загидуллин). Казань: ИИ АН РТ, 2006. С. 58–65.
4. Джукетау – город болгар на Каме. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 143 с.
5. Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса города Джукетау X–XIV вв. // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 232–235 (соавт.: Бахматова В.Н.).
6. Итоги и перспективы исследований Джукетау // Труды IV (XX) археологического съезда. 20–25 октября 2014 г. Т. III / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Казань: Отечество, 2014. С. 444–446 (соавт.: Асылгараева Г.Ш., Бахматова В.Н. и др.).

7. Interdisciplinary research of iron casting technologies in the town of Juketaw during the golden horde period // Acta IMEKO. 2017. Vol. 6, Is. 3. P. 87–93 (соавт.: E. Shaykhutdinova, R. Khranchenkova et al.).

8. Чугунная посуда Джукетау: результаты междисциплинарных исследований // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 42–58 (соавт.: Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М.).

9. К вопросу о локализации исторически известных объектов Нового времени (на примере «Чалнинского Городка») // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 99–111 (соавт.: Ермаков В.В., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т.).

10. Технологическое изучение «прикамско-приуральской» керамики из домонгольских комплексов Джукетау // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 253–274 (соавт.: Бахматова В.Н.).

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

50TH ANNIVERSARY OF NAIL GATIATULLOVICH NABIULLIN

F.Sh. Khuzin, Z.G. Shakirov

The article is dedicated to the 50th anniversary of a renowned archaeologist, Candidate of Historical Sciences and senior research associate of the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences Nail Gatiatullovič Nabiullin. The main works by the scientist are dedicated to the archaeology of the 10th – 14th century town of Juketaw and the medieval sites located in the area. N.G. Nabiullin explored the ruins of a white stone building within the complex of the Khan's yard dated the second half of the 16th century, Taynitskaya and Pyatigrannaya towers and other sites located in the territory of Kazan Kremlin.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Ulus of Jochi, Kazan Khanate, Early Modern Period, Juketaw, Kazan Kremlin.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

Статья поступила в номер 11.02.2019 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Атхарваведа
 АЕС – Археология Евразийских степей. Казань
 АКГШК – Ананьинская культура гребенчато–шнуровой керамики
 АКИО – Ананьинская культурно–историческая область
 АКУ – Археологические коллекции Казанского государственного университета
 АКШК – Ананьинская культура шнуровой керамики
 АМУ – Археологический музей университета
 АН СССР – Академия наук СССР
 АО – Археологические открытия
 ВА – Вопросы антропологии
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ЕИАХМЗ – Елабужский государственный историко–архитектурный и художественный музей–заповедник
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
 ИА АН РТ – Институт Археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья. Ижевск
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
 ИУ – Иркутский университет
 ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 КГВ – Казанские губернские ведомости
 КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
 КРС – крупный рогатый скот
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.–Л.
 МА К(П)ФУ – Музей археологии Казанского (Поволжского) федерального университета
 МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого «Кунсткамера» РАН
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России

- МРС – мелкий рогатый скот
н. э. – наша (новая) эра
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОЕ – Общество естествоиспытателей при Казанском университете
ПГУ – Пермский государственный университет
ПЗООКазанУ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань
ПМК – Постмаклашеевская культура
ПФУ – Приволжский федеральный университет. Казань
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РВ – Ригведа
РФА – рентгенофлуоресцентный анализ
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СамНЦ РАН (СНЦ РАН) – Самарский научный центр РАН
СГПИ – Самарский государственный педагогический институт
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ – Самарский государственный университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
СРОО ИЭКА – Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»
СУ – Самарский университет
СЭ – Советская этнография
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.
- Пермь
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЧГКМ – Челябинский государственный краеведческий музей
RAS – Russian Academy of Sciences
RFBR – Russian Foundation for Basic Research
TAS – Tatarstan Academy of Sciences

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–30 тысяч знаков (с пробелами), включая список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8 иллюстраций или таблиц.

ДИСКУССИИ. 5–15 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 5 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстрации.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах **.doc* и **.rtf*. (формат **.docx* не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. *Образец оформления статьи*):

– **УДК**;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

- **Список литературы (библиография)**
- **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;
- **Название статьи** на английском языке;
- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;
- **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;
- **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;
- **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);
- **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологии», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126. М.: Наука, 1966. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразий-

ских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Шаманаев. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blonde_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындынского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 "04/14"

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия);
airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)**About the Author:**

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

*Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям,
к изданию в журнале не принимаются!*

**Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале
и на сайте журнала.**

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Технический редактор Хамидуллин Б.Л.

Подписано в печать 25.03.2019 г. Формат 70×108 1/16

Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.

Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Цена свободная

Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20

16+